

Сибирский филиал Российского института культурологии
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

**КУЛЬТУРА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ВЛАСТЬ, БИЗНЕС И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СОХРАНЕНИИ И ПРИУМНОЖЕНИИ
КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Омск, 12–13 ноября 2013 года)*

Омск
2013

УДК 316.334.52
ББК 60.546.21
П78

*Симпозиум проведен при финансовой поддержке РГНФ,
издание подготовлено в рамках проекта РГНФ № 12-01-14007г*
«IX Всероссийский научный симпозиум “Проблемы культуры городов
России: теория, методология, историография,
исследовательские модели и практики”»

Редакционная коллегия:

чл.-кор. АГН, д-р ист. наук Д. А. Алисов (отв. ред.); академик АГН,
РАЕН, РАСН, проф., д-р ист. наук Н. А. Томилов (отв. ред.); проф.,
д-р ист. наук Ю. М. Гончаров; канд. ист. наук Ю. Р. Горелова (зам.
отв. ред.); канд. ист. наук Т. Н. Золотова; чл.-кор. РАН, д-р ист. наук
В. А. Ламин; проф., д-р ист. наук В. Г. Рыженко; проф., д-р ист.
наук В.А. Скубневский

П78 **Культура городского пространства:** власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2013 года) / отв. ред. Д. А. Алисов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2013. – 400 с.

ISBN 978-5-98806-157-1

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников Всероссийской научно-практической конференции «Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России» и предназначен для исследователей и специалистов, студентов, аспирантов и преподавателей, а также для тех, кто интересуется историей России.

УДК 316.334.52
ББК 60.546.21

ISBN 978-5-98806-157-1

© Сибирский филиал Российского
института культурологии, 2012

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Д. А. АЛИСОВ

*Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (ОПЫТ НАУЧНОГО ПОИСКА)

В современной мировой цивилизации не только в формировании и развитии культуры, но и во всех иных процессах ключевую роль играет «городская цивилизация». Поэтому никакой научный анализ как общих мировых, так и региональных (в том числе «сибирских») исторических процессов невозможен без обращения к этому феномену.

Современная «городская» цивилизация стремительно преобразует окружающую среду, социальные институты, бытовой уклад. Особый интерес в этом отношении представляют города – инновационные центры, которые предопределяют развитие не только прилегающих территорий, но и целых регионов страны. М. Кастельс отмечает, что в мире наличествует «пространственная концентрация» многих видов деятельности (в том числе и социально-культурной) в «немногих узловых центрах» и такая концентрация соответствует «иерархии городских центров, в которой функции высшего уровня, в смысле власти и квалификации» сосредоточивались в некоторых (немногих) крупных городах¹. В России подобными центрами являлись главные административные центры, где были сосредоточены не только властные функции, но и подавляющая часть культурного потенциала страны. В Европейской России подобную роль сыграли Москва, Санкт-Петербург, Киев, в Сибири – Тобольск, Омск, Томск, Иркутск и др.

Следует отметить, что многие ученые в качестве одной из основных теорий формирования и развития мировой цивилизации используют теорию модернизации. Несмотря на некоторые рас-

хождения во взглядах, российские ученые сходятся в том, что во второй половине XIX – начале XX вв. Россия вступила в раннеиндустриальную стадию модернизации. По мнению А.С. Сеньявского, в середине третьей четверти XIX в. был дан толчок тому процессу, который можно назвать «урбанизационным переходом» или переходом к городскому обществу, т. е. переходом общества «в новое качество, где город играет определяющую и доминирующую роль»² в современной цивилизации.

Сложность исследования города как системы (или метасистемы) заключается в качественных различиях природной и социальной сфер (или систем), объединенных в данном историческом феномене. В научной литературе отмечается, что различие между природными и социальными качествами «есть различие особого порядка». В процессе исторической деятельности человек переносит свои социальные качества на окружающий его мир. Это приводит к своеобразному «удвоению» качеств. В результате этого мы имеем городское население как продукт природы, с одной стороны, а с другой – как социокультурную общность. Городская среда «выходит» за рамки природы и приобретает «человеческие» (социально-культурные) характеристики. Вся социально-культурная сфера городской жизни оказывается пронизана подобной двойственностью.

Сложный синтетический характер изучаемого объекта (т. е. культура города) не поддается достаточно полному описанию и исследованию с позиций какой-либо отдельно взятой науки, теории или концепции. Поэтому многие исследователи используют междисциплинарный подход. Культурология и история и другие гуманитарные науки, занимаясь изучением динамических характеристик культуры города, вынуждены использовать наработки не только смежных наук, но и естественных, и технических. Например, в последние десятилетия среди историков получил широкое применение **средовый подход**, который первоначально возник в «недрах» истории архитектуры.

Понятие «*городская культурная среда*» разрабатывается в исследованиях Л. Б. Когана, Э. А. Орловой и др.³ Под культурной средой они понимают «совокупности культурных объектов – вещей, идей, образцов; образцов деятельности, взаимодействия, отношений, поведения; критериев оценок, непосредственно исполь-

зуемых людьми в профессиональной области и обыденной жизни⁴. В исследовательской литературе существуют различные классификации составляющих ее элементов. Американский ученый К. Линч предложил выделять пять основных типов элементов, составляющих городскую среду: дороги (улицы, железные дороги и др.), районы – секции города, узлы или ядра (стратегические пункты города, его напряженные фокусы сосредоточия большого количества людей, какой-либо деятельности), ориентиры – пункты, внешние по отношению к наблюдателю, находящегося внутри города, и служащие ориентирами (здания, башни, купола), края или границы – «швы», по которым соединяются границы районов, выходящие на обширные участки природного ландшафта⁵. Примером весьма удачного применения данного методологического подхода является монография О. Г. Агеевой, исследовавшей городскую среду столичного Санкт-Петербурга XVIII в.⁶

Исследуя проблемы отношений таких понятий, как «культура» и «общество», М. С. Каган пришел к выводу о том, что «общественные отношения являются содержательным наполнением всех социальных институтов, культура же – оформлением этого содержания в процессе созидательной и целенаправленной деятельности людей». По его мнению, «обычно организационная сторона общественного бытия не расценивается как культурный феномен, ее относят к миру социальных, а не культурных форм. Между тем применительно ко всем организациям, институционализирующим совместную деятельность людей, неправомерна альтернативная постановка вопроса – являются ли они формами общества или культуры, ибо тут общество и культура объединяют свои усилия, образуя культурные способы опредмечивания общественных отношений... отсюда становится понятным получившее в последние годы широкое распространение понятие *«социокультурное»*, обозначающее связь и различие этих двух сторон человеческого бытия»⁷. В целом, соглашаясь с данным определением, добавим от себя, что категория социально-культурное развитие определяет «связь» не только отмеченных явлений (общество и культура), но и более широкий класс взаимоотношений человека и природы, в том числе человека и города (как «второй природы»).

Главными факторами, определявшими развитие сибирских городов, являлись географический и торгово-транспортный, а не производственно-экономический. Стремительный рост численности населения Омска, Томска и Тобольска первоначально был вызван не столько развитием фабрично-заводской промышленности, сколько тем, что эти города, благодаря своему географическому положению, стали отпускными пунктами сырья и товарораспределительными центрами для тяготеющих к ним густо населенных и производительных районов. Значительное улучшение системы сухопутных и речных коммуникаций в 1870–1914 гг. привело и к ускорению транспортных потоков в Западной Сибири, и к расширению экономических и культурных связей городов Сибири не только между собой, но и с европейской частью России, с ближним и дальним зарубежьем.

Анализ материальных предпосылок подводит нас к понятию особой природы и значения городов-центров – провинциальных (региональных) столиц в истории современной цивилизации. Относительное отставание Западной Сибири в социально-экономическом развитии от Европейской России и иные географические условия, громадность территории предопределили их особую роль. Тобольск, Омск и Томск стали центрами сосредоточения людей и материальных ценностей. Процесс формирования и развития культуры в западносибирском регионе в результате этого принял ярко выраженный «очаговый» характер.

Модернизационные процессы конца XIX – начала XX вв. в России вызвали серьезные изменения городской среды и облика городов. Все «главные» города Сибири (Омск, Томск, Иркутск) начинают соперничать друг с другом в деле обновления городской инфраструктуры: строятся водопроводы, улицы городов начинают моститься камнем и озеленяться по «европейской» моде, появляется электрическое освещение, разрабатываются планы по созданию трамвая, канализации и т. п. Однако ограниченность финансовых средств и нежелание Центра поступиться хотя бы частью своей власти в пользу города сильно сдерживают инновационные процессы в российской провинции.

Несмотря на значительную роль государства в создании сети учреждений образования, просвещения и культуры, все большее значение в эти годы приобретает деятельность складывающе-

гося гражданского общества, которое в лице городской интеллигенции и передовых слоев торгово-предпринимательских кругов все чаще и активнее берет на себя создание и развитие отдельных элементов инфраструктуры культуры в продвижении европейской цивилизации далеко на Восток.

Модернизационные процессы в России вызвали серьезный рост культурных потребностей населения городского населения – основы современной цивилизации. В результате активной социально-культурной политики обновляется и видоизменяется инфраструктура городской культуры, активизируется городская общественность, о чем свидетельствует стремительное увеличение числа и активности разного рода культурно-просветительных и научных обществ. Формирование развитой инфраструктуры светской культуры, пробуждение творческой активности инновационных слоев городского населения привело к сокращению роли церкви в культурной жизни города.

Усложнение внутренней структуры городского культурного пространства Иркутска, Омска, Томска в конечном итоге привело к нарастанию его многослойности. С одной стороны, здесь шло довольно интенсивное, особенно в конце XIX – начале XX вв., развитие элементов новой индустриальной культуры, которые начинают складываться в относительно самостоятельные системы, а с другой стороны, продолжали бытовать элементы традиционной городской культуры, иногда имеющие весьма давнее историческое прошлое. Постепенное нарастание социокультурной дифференциации и многослойности городской культуры привели к «общественному» кризису и последующей серии реформ и революций (реформы 1870 и 1892 гг., революции 1905–1907 и 1917 гг.).

Современная цивилизация складывалась на протяжении многих столетий под непосредственным взаимовлиянием разновеликих взаимодействующих факторов. В становлении и развитии современной цивилизации в России можно выделить три основных цикла.

В первом цикле развития формируются предпосылки (артефакты, организационные формы и субъекты) становления «новой культуры» урбанизированного общества. В рамках данного цикла господствующей (и ведущей) формой организации культуры являлось «село», культура села. Деревня, сельское население

преобладала количественно и качественно над городом. Городские центры являлись центрами организации взаимодействия региональных составляющих сельской культуры и историческими ядрами формирования нового типа культуры. Традиционная городская культура (доурбанистического типа) опиралась на сельскохозяйственный календарь. Преобладающим типом городского поселения являлись малые города (с населением менее 5 тыс. чел.). Менталитет горожан малых старинных городов мало чем отличался от менталитета жителей вчерашних сел. Однако, как хорошо показал Б. Н. Миронов, основным содержанием социокультурных процессов этого периода являлась утрата городом аграрных функций и устойчивый рост промышленной и торгово-распределительной функций. К середине XIX столетия этот процесс был в основном завершен.

Второй цикл начинается в середине XIX в. и характеризуется переходом от преимущественно традиционных (доиндустриальных) к преимущественно урбанистическим (индустриальным) формам развития культуры. Основным содержанием этого цикла является постепенный переход от традиционной «сельской» формы организации культуры к преимущественному распространению «городской» формы ее организации. Внешними признаками проявления этого процесса служит резкое увеличение численности городов и городского населения (урбанизация в традиционном понимании), революционная смена в результате «промышленной» революции технических, технологических и технико-организационных основ общества, переход от преимущественно ручного индивидуального к машинному коллективному способу организации труда и жизнедеятельности (индустриализация). Этот цикл завершается во второй половине 1950-х гг.

В рамках данного цикла можно выделить три основных этапа. Первый (середина XIX в. – 1905 г.) – это начало формирования урбанистического типа культуры. В этот период цикла город сохранял, как и прежде, многие черты сельского быта: домашний скот, огороды, сады. Деревня численно преобладала, как и прежде, над городом. Однако в эти годы, как в целом в стране, так и Сибири формируются крупные инновационные центры формирования урбанистической культуры (Омск, Томск, Иркутск), которые становятся лидерами в оформлении новых эле-

ментов культуры. Быстро растущая сеть народного просвещения и рост общественной самодеятельности приводят к расширению слоя инноваторов и субъектов социокультурной деятельности.

Второй (1905–1925 гг.) период «ломки» предшествующей системы, период «смуты». В рамках второго периода происходила революционная ломка предшествующих системообразующих и несущих элементов предшествующей культуры и создание новых. В начале XX в. во всех крупных административных центрах Сибири появляются электрическое освещение, водопровод. Формируется широкая сеть демократических (всесословных, общедоступных) учреждений культуры. Скачкообразный рост элементов и организационных форм «новой цивилизации» в России, их конфликт с элементами и формами предшествующего социокультурного развития приводит к целой серии экономических и политических реформ и революций. Как справедливо заметил, кажется, П. Сорокин, революция – это болезнь городов.

Третий период (середина 1920-х – конец 1950-х гг.) характеризуется завершением оформления урбанистического типа культуры и является одновременно периодом «оформления» предпосылок будущего типа социокультурного развития. Он характеризуется накоплением «нового» количества. В конце данного периода городское население численно преобладает над сельским. Меняется система расселения. Урбанистические процессы оказывают подавляющее воздействие на село, разрушая остатки традиционной аграрной культуры.

В конце 1950-х гг. Россия вступила в третий цикл своего развития, основным содержанием которого является переход от урбанистической к постурбанистической форме организации современной культуры. Этот цикл согласно экспертной оценке автора, завершится в 2030–2040-х гг.

---

¹ Капелько М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 357.

² Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М., 2003. – С. 52–54.

³ Орлова Э. А. Проблемы модернизации в России: культурные аспекты // Теоретические основания культурной политики. – М., 1993. С. 5–24; Коган Л. Б. Быть горожанами. – М., 1990.

⁴ Орлова Э. А. Указ. соч. С. 21.

⁵ Линч К. Образ города. – М., 1982.

⁶ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). – СПб., 1999.

⁷ Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. – С. 96.

В. А. СКУБНЕВСКИЙ

Барнаул, Алтайский государственный университет

КАМЕНЬ: ОТ СЕЛА К ГОРОДУ

Город Камень-на-Оби Алтайского края городской статус получил в 1915 г. Датой основания населенного пункта является 1751 г. К этому году относится первое упоминание деревни Камень Малышевской слободы, тогда в ней было пять дворов приписных (к заводам) крестьян с 23 душами мужского и 12 женского пола¹.

Камень относился до революции и ныне относится к группе малых городов. Но был период в конце XIX – начале XX вв., когда с. Камень Барнаульского уезда Томской губернии стало стремительно расти и некоторые современники предрекали ему перспективу большого города. Вот этот период, с нашей точки зрения, является одним из самых интересных в истории данного населенного пункта и достоин специального рассмотрения.

Как известно, урбанизационные процессы заключаются не только в росте городов, но и в распространении городского образа жизни на деревню. История с. Камень рубежа XIX–XX вв. – яркий тому пример.

К истории дореволюционного Камня мы уже обращались², но введение в оборот новых источников, как архивных, так и опубликованных, позволяет расширить представление о целом ряде вопросов городской истории. В числе вновь вводимых в оборот источников для данной темы, в частности, большой интерес представляют опубликованные мемуары приказчика П. Ф. Кочнева, который жил в Камне с 1884 г.³ В этих мемуарах он отразил изменения, которые претерпевало село из года в год. Так как он вращался в деловых кругах, то его внимание, естественно, привлекали фигуры предпринимателей, особенно купцов.

Алтайский горный округ (с 1896 г. – Алтайский округ) Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. относился к числу слабо урбанизированных регионов Сибири. Во второй половине XIX в. здесь было только четыре официальных города (Барнаул, Бийск, Колывань и Кузнецк) с населением 61,4 тыс. чел., в 1916 г. – семь городов с населением 243,3 тыс. чел. Новыми городами стали Новониколаевск (в 1916 г. – 86,5 тыс. чел.), Камень (21,2 тыс. чел.), Славгород (11,5 тыс. чел.). Административный центр округа Барнаул с населением 71,3 тыс. чел. уже отставал от Новониколаевска, который в то время был даже безуездным городом⁴.

Если возникновение и развитие Новониколаевска, а также группы новых городов, в числе которых – Татарск, Барабинск, Боготол, Зима и другие, было связано с постройкой и пуском Сибирской железной дороги, то появление новых городов на Алтае – Камня и Славгорода – стало следствием бурного развития сельского хозяйства и сопутствующего развитием торговли, прежде всего сельскохозяйственными продуктами, и перерабатывающей промышленности. Камень – наиболее показательный пример в этом отношении.

Само географическое положение села (по словам местных купцов – «самая лучшая пристань на р. Оби») способствовало на рубеже веков его росту. В прошении уполномоченных от владельцев торговых и промышленных фирм Камня на имя министра внутренних дел от 30 августа 1910 г. говорилось: «Самая лучшая пристань на р. Оби (постоянно глубокое русло, удобный для подвоза и разгрузки товаров берег), весьма благоприятное для Камня его географическое положение служат лучшей порукой его блестящего будущего. Здесь, где стоит Камень, р. Обь врезывается в самую хлебородную часть уезда, и в Камень, как в центр, радиусами направляются пути, по которым движутся обозы хлеба, масла, кож и других продуктов местного сельского хозяйства...»⁵.

Именно хлебная, в меньшей мере соляная, масляная, торговля дали толчок экономическому развитию села. П. Ф. Кочнев в мемуарах отметил вехи развития этой торговли. В 1884 г. он увидел «большую перемену», в частности, как он пишет, соляное дело Тюфина перешло к Королеву, который сразу поставил его на широкую ногу, построив для соли амбары на 200 тыс. пудов⁶. Отметим, что соль добывали на алтайских озерах, а вывозили пре-

имущественно водным путем на Север, в том числе и на рыбные промыслы. Начало хлебной торговли Кочнев датирует 1887 г. Он писал: «С этого года в Камне начала развиваться хлебная торговля. Приехали с Урала спекулянты закупать хлеб в Камне... Камень рос не по дням, а по часам. В этом же году, по инициативе Владимира Алексеевича Горохова и по подписке всех торговых фирм, в Камне открылись почта и телеграф, что значительно оживило жизнь в Камне»⁷.

В село приезжали не только «спекулянты с Урала» – по терминологии П. Ф. Кочнева, но и купцы соседних городов и богатые крестьяне, часть из которых оседала в Камне и становились гильдейскими купцами. В этом ряду самый яркий пример – бывший крестьянин с. Тюменцево Барнаульского уезда Адриан Ильич Винокуров, переселившийся в Камень и ставший купцом 1-й гильдии. По оборотам коммерческих предприятий торговый дом Винокуровых накануне Первой мировой войны (более 5 млн р.) относился на Алтае к самым крупным.

Один из документов фонда Главного управления Алтайского округа дает информацию о времени покупки участков земли в Камне предпринимателями: в 1887 г. – барнаульский купец А. С. Хомутов, в 1888 г. – потомственный почетный гражданин Е. А. Жернаков, в 1889 г. – барнаульский купец Г.В. Грязнов, в 1891 г. – томский купец (так в документе) П. Ф. Кочнев, в 1892 г. – крестьянин с. Тюменцево А. И. Винокуров, в 1893 г. – томский купец Ф.А. Чайгин, в этом списке и тобольская купчиха Ф. В. Корнилова, правда, без указания даты⁸.

По отправке хлебных грузов каменная пристань на Алтае прочно заняла вторую позицию после барнаульской. Средние показатели отправки хлебных грузов за 1906–1910 гг. составляли более 2 млн пуд., максимальный показатель был зафиксирован в 1909 г. – 3 070 тыс. пуд. Общий грузооборот пристани вырос с 1 млн пуд. в 1904 г. до 4,8 млн в 1910 г.⁹ Но в прошении представителей деловых кругов о преобразовании села в город даются более значительные показатели вывозной хлебной торговли: в 1907 г. – 2 млн, в 1908 г. – 3 млн, в 1909 г. – 4,5 млн пуд., а кроме того, муки – от 250 тыс. до 750 тыс. пуд., а также сливочного масла – от 200 до 350 тыс. пуд. В ввозе наиболее значительные показатели были по сельскохозяйственным орудиям: от 600 тыс. пуд.

в 1907 г. до 1 600 тыс. пуд. в 1909 г., мануфактуре, галантерейным, скобяным, кожевенным и прочим промышленным товарам – от 750 тыс. пуд. до 1 500 тыс. пуд. в 1909 г.¹⁰

В 1912 г. промысловым налогом в Камне было обложено 89 предприятий 1-го – 3-го разрядов, с оборотами в 7 350 тыс. р. и по этому показателю село в Томской губернии вышло на четвертую позицию после Томска, Барнаула и Новониколаевска, опережая все прочие города, включая Бийск, который, как известно, был центром внешней торговли¹¹.

Наряду с многочисленными амбарами, складами и лаками, в селе строятся кирпичные двухэтажные магазины городского типа, в их числе фирмы «А. Ф. Второв с сыновьями», Винокуровых, купца Зорина.

Одновременно в селе стали возникать промышленные предприятия, крупными, т. е. фабричного типа, из них были три паровые мельницы – Винокуровых, Фальковых и Каменского торгово-промышленного товарищества. Наиболее крупной была мельница Винокуровых, пущенная в эксплуатацию в 1907 г. (как и мельница Фальковых). Она была паровой, электрифицированной, рассчитана на перемол 800 тыс. пуд. зерна в год, на мельнице трудилось 50 чел., в 1916 г. – 70. Среди прочих промышленных предприятий были лесопильный, пивоваренный, два кожевенных, три мыловаренных заводика, колбасная и кондитерские мастерские, но все они были небольшими предприятиями. А вот число торговых заведений впечатляет: по сведениям Томского губернского статистического комитета, в 1911 г. в селе насчитывалось 10 торговых магазинов, 160 лавок, 10 складов земледельческих орудий, восемь контор скупки сливочного масла, две аптеки, три транспортные конторы, здесь проходили 2 ярмарки, было открыто отделение Сибирского торгового банка¹².

В отличие от торговой и промышленной функций культурная развивалась с отставанием. Но все же к 1911 г. в Камне уже имелись смешанная гимназия на правах среднего учебного заведения, 2-классное Министерства народного просвещения училище, церковно-приходская школа, школа грамоты¹³. Благодаря зятю А. И. Винокурова Всеволоду Петкевичу в 1910-е гг. был устроен синематограф.

В 1902 г. в Камне была построена большая каменная церковь Богоявления, значительные средства на ее сооружение внес купец А. И. Винокуров, в 1915 г. построили вторую церковь.

Население села в 1911 г. достигло 15 тыс. чел. Значительное число жителей и коммерческая значимость села позволили поставить вопрос о его преобразовании в город. Дело не только в значительном количестве жителей, но и в том, что аграрные занятия для них не играли главной роли. Значительная часть жителей была занята в торговле, промышленности, извозе, сдавала участки земли и квартиры в аренду. В прошении о преобразовании села в город уполномоченные фирм отмечали: «Население Камня, колеблясь между 18 и 20 тысячами, в преобладающей массе состоит из разночинцев, проживающих здесь на усадьбах, приобретаемых во владение у приписанных к Камню крестьян. Крестьяне эти, составляя по количеству незначительную часть населения, являются хозяевами села; в их руках сосредоточено все хозяйственное управление. Некультурное сельское общество Камня стоит тормозом на пути к скорейшему развитию Камня в торговом и промышленном отношении»¹⁴.

Министерство внутренних дел вошло в Совет министров с представлением о преобразовании с. Камень в город. Совет министров его одобрил, император 10 мая 1915 г. утвердил, 25 июня 1915 г. был издан Указ императора о преобразовании села Камень в город с введением городского общественного управления в упрощенной форме¹⁵.

По данным Всероссийской переписи населения 1917 г., в Камне было 243 квартала, 2 569 жилых построек, 2 214 – нежилых, 2 951 хозяйство, население – 14 481 чел., хозяйств с посевом – 1 407, т. е. около половины, у них десятин посева – 9 606, или на хозяйство – 6,8 дес., лошадей и коров – по 4345¹⁶. Совпадение цифр количества лошадей и коров может свидетельствовать об опечатке в источнике. Но в целом приведенные показатели свидетельствуют, что аграрные занятия играли значительную роль для части (половины) жителей города. Это было характерно и для других малых городов аграрных регионов.

Относительно бурное развитие Камня было приостановлено пуском в 1915 г. Алтайской железной дороги (Семипалатинск – Барнаул – Новониколаевск, с веткой Алтайская – Бийск). Камень

оказался в стороне от железной дороги, а значительная часть грузов шла теперь не водным, а железнодорожным путем. Схожим было развитие на Алтае и Усть-Чарышской Пристаней Бийского уезда. Она была также значительным центром скупки зерна, быстро росла, и был проект преобразования ее в г. Александровск, но он остался нереализованным. Камень и Усть-Чарышская Пристань на Алтае были, по сути, торговыми селами. Сначала торговая, а потом и промышленная функции преопределили урбанизационные процессы в них. Аналогичные примеры можно найти и в других аграрных регионах страны, например, с. Армавир на Северном Кавказе¹⁷.

---

¹ Камень-на-Оби: прошлое и настоящее. – Барнаул, 2005. – С. 9.

² Скубневский В. А. 1) Камень-на-Оби в конце XIX – начале XX вв. // Алтайский сборник. – Барнаул, 1995. – Вып. 16. – С. 54–66; 2) Камень // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск, 2012. – Т.1. – С. 290–291.

³ Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. – Новосибирск, 2006. – С. 242.

⁴ Скубневский В. А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. : избр. статьи. – Барнаул, 2010. – С. 182.

⁵ Камень-на-Оби: прошлое и настоящее. – С.71.

⁶ Кочнев П. Ф. Указ. соч. – С. 261.

⁷ Там же. С. 276.

⁸ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Оп. 1. Д. 2186. Л. 39 об. – 42, 46 об. – 47.

⁹ Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей, издаваемые под ред. В.В. Никольского. Отд. 2. Волго-Сибирский путь : Транспорт. – СПб., 1912. – Т. 1 – С. 268, 276, 277.

¹⁰ Камень-на-Оби: прошлое и настоящее. – С. 72.

¹¹ Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный промышленный налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий за 1912 г. – Пг., 1915. – С. 100–101, 184–185.

¹² Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. – Томск, 1911. – С. 184–185.

¹³ Там же.

¹⁴ Камень-на-Оби: прошлое и настоящее. – С. 73.

¹⁵ Там же. – С. 88, 89.

¹⁶ Нагнибеда В. Я. Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири. – Томск, 1917. – С. 24.

¹⁷ Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. – М., 1981. – С. 89–90.

В. Г. РЫЖЕНКО

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

КОМПЛЕКСНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА «ОМСК-90» И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Современная познавательная ситуация отличается свободой выбора исследователем своей темы и инструментария для ее разработки. В социогуманитарных науках это связывается с влиянием череды так называемых «познавательных поворотов», среди которых для историка-культуролога, изучающего город как феномен культуры, особое значение имеет пространственный поворот. Именно он актуализировал проблематику образов города и союз исторической науки с гуманитарной географией. Дополнительным стимулом становится обособление внутри исторической науки самостоятельных направлений, в частности новой локальной истории. В ее методологическом арсенале не только возвращается статус полноценности локального метода для исторического исследования, но и внедряется принцип соотнесения масштабов измерения изучаемых явлений.

Необходимо сделать пояснение о причине возникновения заявленной темы и предполагаемой специфике ее раскрытия. Экспертиза, о которой будет идти речь, оказалась своеобразной переломной вехой в моем становлении в качестве историка-культуролога, выбиравшего свою исследовательскую «территорию», в то же время город как объект моего интереса уже был на ней обозначен. Отсюда обращение к сюжету об экспертизе следует воспринимать, скорее, как рефлексивные заметки участника, которые могут в дальнейшем стать историографическим источником. Вторая часть темы – это размышления о тех изменениях в культурном пространстве Омска, которые в известной степени были спровоцированы экспертизой. И в этом случае опорой становятся результаты достаточно длительного «включенного наблюдения»: во многих приращениях культурного пространства города с самого начала 1990-х гг. и в 2000-е гг. автору посчастливилось принимать посильное участие. Особо постараюсь выделить два элемента формировавшейся в те годы новой инфраструктуры этого про-

странства: городской музей «Искусство Омска» (идея родилась у В. Ф. Чиркова во время экспертизы) и созданный при активном участии представителей власти (Н. М. Генова) исследовательский центр – Сибирский филиал Российского института культурологии. В структуре филиала изначально среди приоритетных направлений оказалось изучение города, его культуры, а также динамики локальных культурно-исторических процессов. Символично, что обе институции возникли друг за другом и активно действовали два десятилетия. Итак, в предлагаемом ниже тексте обозначились две основные линии.

Линия первая – об экспертизе и ее контексте. Рубеж конца 1980-х – начала 1990-х гг. привлекает внимание преимущественно накалом политических событий, масштабами гражданской общественно-политической активности. Интерпретации происшедшего в те годы в настоящее время весьма отличаются друг от друга: от рассмотрения «России на изломе тысячелетий как двух историй одной страны» (Р. Пихоя, 2006) до современных комментариев А. Фурсова в интернет-ресурсах: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=6DxQDVic3g8 (дата обращения: 19.10.2013).

Разумеется, необходимо учитывать тот политический контекст, который оказал мощное влияние на культурные процессы в стране в целом и привнес в них локальную специфику. Частично эту специфику описывают научно-справочные региональные энциклопедии, появившиеся сравнительно недавно, в том числе выпущенные и в Омске.

Однако в наслоениях событий тех лет не все упомянуто. К забытым «местным» событиям относится информация о Комплексной общественной экспертизе «Омск-90», которая проходила в р. п. Красноярка в октябре – ноябре 1990 г. По некоторым данным ее материалы в настоящее время в полном объеме не сохранены (либо остались только в личных архивах). Автор доклада, как участник экспертизы располагает фрагментарными черновыми записями. Тем не менее они могут оказаться полезными как источник информации по целому комплексу проблем, связанных с трансформациями культурного пространства Омска, а также с опытом их осмысления с использованием методологии и методики ОДИ (организационно-деятельностных игр).

В этом случае нельзя не упомянуть Г. П. Щедровицкого (1929–1994). С его наследием можно ознакомиться на сайте Некоммерческого института развития «Научный Фонд им. Г. П. Щедровицкого» – <http://fondgp.ru/> (дата обращения: 16.10.2013) Подчеркну, что с 1979 г. Георгий Петрович начинает исследования по теме «Анализ техники решения сложных проблем и задач в условиях неполной информации и коллективного действия». На их основе им была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, направленная на решение сложных междисциплинарных, производственных, научно-технических и оргуправленческих проблем, которая получила название организационно-деятельностной игры (ОДИ). За период 1979–1991 гг. Щедровицкий провел свыше 90 ОД-игр.

В Омск идеи и методика ОДИ были привнесены командой под руководством С. В. Попова – ученика Г. П. Щедровицкого. В 1990 г. общая ситуация в городе отражала стремление властных структур и горожан к переменам. Видимо, это и оказалось причиной интереса Я. Л. Коняева (бывшего в ту пору руководителем планово-экономического управления горисполкома) к предложению «активных граждан» В. А. Зубакина и С. Н. Ганчарука, познакомивших его с С. В. Поповым, провести комплексную экспертизу социально-экономического развития Омска. Еще до начала экспертизы 7–9 июля С. В. Попов прочел несколько лекций по методологическим проблемам управления большим городом. Идеи системного подхода к сложным объектам уже не были особым открытием, поскольку в 1980-е гг. философы и историки культуры активно обсуждали возможности изучения культуры как системы. Привлекала мысль С. В. Попова относительно необходимости восстановления культуры профессиональной работы во всех отраслях, поскольку «культурный человек живет и движется вопреки обстоятельствам жизни, их реорганизует и меняет, а человек некультурный приспособляется и адаптируется».

Экспертиза началась 22 октября 1990 г. с установочного доклада С. В. Попова, в котором цель игры была сформулирована в виде вопросов: «Кто мы такие? Где мы находимся? Что мы можем?». Поиск ответов должен был привести к оценке ситуации в Омске и регионе, а также к констатации того, что каждый из

участников может делать и в какой области. Приведу цитаты из стенограммы доклада: «Мы не будем здесь разрабатывать программу всеобщего благоденствия, мы будем заниматься собой. Что каждый из нас может сделать и в мыслительном плане, и в теоретическом, и в практическом»; «Никто никому советов и программ с этого момента и до окончания игры больше не дает. <...> Вот это все там, в другой жизни. А здесь придется отвечать за собственную компетентность и собственную самосознательность». От организаторов было предложено разделение на группы («структуры власти», «инфраструктуры региона», «промышленность города», «сельское хозяйство», «конверсия», «проектирование города», «разработка концепции развития города» и т. д.). По заявке от участников была включена группа «культура, архитектура, дизайн» (по ходу работы группа разделилась на две: одна была более ориентирована на анализ материальной среды городской культуры, вторая на духовную сферу, но обе сходились в понимании культуры как целостности). Любопытно, что среди участников игры оказались представители Новосибирска, которые предложили создать группу «Человек в крупном городе».

Помимо работы в группах (обсуждения, выступления, подготовка докладов от групп по темам «Возможности изменения ситуации в Омске и регионе», «Проекты и программы изменения ситуации в Омске и регионе», «Анализ и критика проектов программ изменения ситуации в Омске и регионе») проходили общие заседания и дискуссии. Со 2-го по 6-е ноября шли экспертные слушания, в том числе 3 ноября состоялись слушания на тему «О социализации культуры и об изменении культурной ситуации в Омске». В конечном итоге участники группы «Культура» сформулировали тезисы к предконцепции «Восстановление культуры в Омске». Исходной посылкой стало убеждение в том, что культура – это безусловная ценность, она не зависит от политики и социальных процессов, а даже противостоит им, ее содержание не должно подменяться строительством культурных объектов.

Выделю еще один тезис, характеризующий позицию группы: «Для возрождения культуры в городе необходимо создание независимого института экспертов, профессиональных сообществ и объединений, которые позволяли бы постоянно воспроизводить

интеллектуальный ресурс носителей культуры». В развитии этого тезиса и для «защиты культурной среды» указывалось на необходимость возвращения к широким гуманитарным исследованиям, к их отечественным традициям, к устройению образования на принципе приоритета безусловных ценностей. По мнению участников группы, со стороны власти необходимо содействие процессу длительного возвращивания новых ростков культуры в интересах будущих омичей.

В ходе работы группы «Культура» особо активно обсуждались проблемы условий реализации личностью ее творческого потенциала, поиска облика и души города, расхождений между массовыми представлениями об облике Омска как крупного культурного центра и культурносообразностью реального пространства города. Одним из важнейших результатов, который признали практически участники всех групп, стал вывод о потребности в культуре для проектирования социально-экономического развития Омска и в возрождении утраченных духовных традиций. Это проявилось в составлении Манифеста о спасении и воскрешении культуры в Омске (идея и текст А. Лизунова). Приведу слова В. Ф. Чиркова на экспертных слушаниях 6 ноября по итогам игры: «стоило поехать, чтобы посмотреть, *кто* думает и *как* думает, <...> проявился потенциал, на который может опереться город». Тогда же он подчеркнул важность наличия городского музея искусства для культурного пространства Омска. С. В. Попов на заключительных слушаниях заметил, что главное условие возникновения «духа города» возникает только тогда, когда находятся люди, способные профессионально и компетентно мыслить. Серьезность отношения власти к происходившему выразил Я. Л. Коняев: «сумели переоценить многое, будем искать пути решения острейших проблем с большим взаимопониманием».

Линия вторая – последствия экспертизы для культурного пространства города. Они начали проявляться почти сразу. Напомню, что помимо нарастания политической напряженности следующий, 1991-й для Омска имел особый смысл – год 275-летия города. В ноябре состоялась конференция по развитию города, которую открывал председатель горисполкома Г. А. Павлов и объявил, что помимо 115 участников приехали гости из пяти

республик и 28 городов. В выступлении Я. Л. Коняева было подчеркнуто, что крупные города могут стать становым хребтом государства, а управление ими должно представлять набор системных мер, соединяющихся с действиями граждан. Однако, по его мнению, необходимо привлекать науку для изучения городских проблем, проблем местного самоуправления, поэтому следует в решения конференции записать предложение о создании Института сибирского города под эгидой Российской академии наук и Ассоциации сибирских и дальневосточных городов. Непривычно, на первый взгляд, прозвучал итоговый вывод руководителя городского планово-экономического управления: «Функционирование городских структур должно быть отделено от политики». В этом можно увидеть влияние прошедшей комплексной игры-экспертизы.

Непосредственно к результатам экспертизы «Омск-90» на конференции обратился С. В. Попов. Среди наиболее существенных вопросов, важных для понимания, что такое «город», можно ли им управлять, он подчеркнул, что мы должны рассматривать город как историческое образование и управленческое действие сопоставлять с историческим масштабом, с традициями поколений горожан. Особо он выделил понимание города как культурного образования, центра скопления образцов культуры: «Настоящие города возникали на пересечении культур; город должен формировать избыточность культур».

Тема создания института города с включением культурологического направления исследований поднималась Чирковым. Он вновь указал на необходимость считать культуру фактором, определяющим властно-хозяйственные функции, и охарактеризовал создающийся музей «Искусство омска» как первый шаг к отделу изучения культуры в Институте города. Добавлю, что решение Городского совета на этот счет уже было принято в феврале 1991 г. (<http://docs.cntd.ru/document/943006920>, дата обращения 19.10.2013).

Символично прозвучала оценка конференции в заключительном слове Я. Л. Коняева – «итог годичного самообразования и самопознания». Таким образом, экспертиза стала рубежной вехой и для власти. После конференции был создан Клуб любителей

экспертизы» – неформальная институция в культурном пространстве Омска. На первом его заседании тема культуры оказалась ведущей («культура живет лишь в историческом пространстве и до тех пор, пока существуют ее носители»). Из выступления В. Ф. Чиркова: «Не могу до сих пор объяснить, что там (на экспертизе – В. Р.) было, видимо, духовный акт, нужно плодить эти Красноярки». Завершающая деталь в дискуссиях – это идея возрождения Общественного собрания или создания культурно-гражданского клуба «Омич».

И. Г. МАЛКОВА

Миасс, филиал Южно-Уральского государственного университета

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА (1990–2010 ГОДЫ)

В современном мире происходят глобальные изменения в социальной и культурной среде. Местом концентрации социокультурных трансформаций и выразителем этого процесса становится город как особая организация пространства, как особый социум, объединяющий различные сообщества и субкультуры. Причем любой город – крупный, средний или малый – представляет собой особое культурное пространство со своими символами, традициями, ритмами жизни, образцами поведения, коммуникациями. Само понятие «культурное пространство города», так же как и понятия «город», «пространство», «культура», в качестве объекта исследования поддается определению с большим трудом. В настоящее время существует несколько рабочих определений этого феномена¹. Каждое из них имеет свои достоинства, отражает сущностные черты объективной реальности.

Для нашего случая, с учетом имеющихся в литературе определений, культурное пространство города целесообразно охарактеризовать как многоуровневую и целостную систему, которая включает в себя *объекты культуры; субъекты культурных процессов; события культурной жизни*. В свою очередь их можно рассматривать и в узком, и в широком смысле. В первом случае

внимание акцентируется на процессе производства и потребления продуктов художественного, эстетического творчества во всем его историческом и видовом разнообразии (изобразительное искусство, литература, театр, музыка, кинематограф и т. д.); на сфере деятельности государственных и общественных институтов, а также отдельных людей и социальных групп. Во втором случае, при интерпретации культурной жизни в широком смысле, – система включает и культуру повседневных отношений горожан, и культуру предметной среды города, и культуру труда, быта, общения, т. е. самых разных сторон жизни населения.

В рамках рассматриваемого периода (1990–2010) на Урале, как и по всей России, проходят не только радикальные социально-экономические, но и культурные преобразования. Переход к рыночной экономике, гражданскому обществу, демократии, многопартийности сопровождался глубокими изменениями в сфере культуры. Трансформации подверглись финансово-экономические, правовые, административно-управленческие условия функционирования институтов культуры.

С конца 1980-х гг. актуализировалась потребность не просто корректировать цели и задачи культурного развития, но и формулировать их заново. С середины 1990-х гг. регионы переходят на новую стратегию культурной политики, находящую выражение в региональных программах социокультурного развития².

Активно идет процесс теоретического осмысления принципиально новых основ социокультурного развития общества. Прежде всего, это переориентация социальной и культурной политики на децентрализацию, на опережающее развитие горизонтальных общественных структур, на повышение самостоятельности отдельных социальных групп, трудовых коллективов и т. п. Главной задачей во всех региональных программах было акцентировано обеспечение формирования единого социокультурного пространства, т. е. создание условий для функционирования и развития города как целостной социальной системы.

Необходимым условием создания единой культурной среды является формирование интегрирующей системы ценностей. Формирование городского патриотизма, по мнению авторов Концепции социально-культурной политики Челябинска³, может

стать одним из условий поддержки общезначимой системы ценностей и целостной социокультурной среды.

Необходимость точного понимания истоков и адекватной оценки сложившейся социокультурной ситуации вызвала обращение к истории городов. Перспективы дальнейшего развития города в значительной степени связывались с осмыслением, сохранением и включением в культурный оборот лучшего из накопленного. Первая проблема, с которой столкнулись даже областные центры, – недостаток научных исследований, только частично компенсированный выходом краеведческих изданий, посвященных отдельным городам. 1990-е гг. отмечены подъемом краеведческого движения. По инициативе «снизу», часто совместно с администрацией районов и городов, начинается массовый выпуск местных изданий о «малой» родине в разных формах. Первый в России опыт создания регионального энциклопедического словаря на серьезной источниковой базе был осуществлен в Златоусте.

Наиболее интенсивно процесс «осмысления себя» идет в Екатеринбурге и Перми⁴. Особого внимания заслуживает «Концепция развития культурного пространства города Перми на среднесрочную (2008–2010 гг.) и долгосрочную (до 2015 г.) перспективу»⁵ (далее – Концепция), которая была разработана по заказу Комитета по культуре Перми группой экспертов под руководством А. М. Гор и С. В. Борисова. Концепция была разработана с учетом результатов исследовательской программы, реализованной Экспертным центром «Мера» по общей теме «Культурное пространство Перми глазами жителей города».

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что самые заметные изменения произошли в той части культурного пространства города, которое мы обозначили как «культурные события». Важная тенденция, в значительной мере определяющая содержание современных культурных процессов, – возрождение интереса к национальным культурам, этничности в целом и исторической самобытности своих территорий и поселений. Кроме того, за 1990–2010-е гг. города Урала стали площадкой для проведения не только городских, региональных, но и всероссийских и международных фестивалей, научных конференций, спортивных соревнований, массовых действий и т. д. Естественно, что

ведущие позиции занимают областные центры, но и вторые-пятые города областей так же активно участвуют в этом процессе. Знаковым событием можно считать проведение в 2008 г. в Миассе (четвертый город Челябинской области) Международной научно-практической конференции «Проблемы устойчивого развития городов», которая прошла при поддержке Комитета по вопросам местного самоуправления Государственной Думы РФ и Комиссии по вопросам регионального развития Общественной палаты РФ.

Культурное пространство Миасса развивается динамично и многопланово. За данный период расширилось число субъектов культурной деятельности (в широком смысле), они стали разнообразнее. Появились новые средства массовой информации, гражданские организации, инициативы и группы, образовательные институты и хозяйствующие субъекты, практикующие социально или эстетически значимый бизнес (туризм, реклама, фитнес). При этом города испытывают острую нехватку арт-менеджеров, продюсеров, антрепренеров, промоутеров и организаций арт-бизнеса.

Самое серьезное недовольство горожан вызывает состояние предметной среды города и неудовлетворительный внешний облик. Для городов промышленного Урала характерны: разорванность пространства, большое количество ветхого деревянного жилого фонда, отсутствие ярких современных построек, отсутствие пешеходных улиц и достаточного количества благоустроенных рекреационных зон, единого стиля оформления города (малые архитектурные формы, урны и т. п.). Особенно острую критику вызывает замусоренность города, хотя с формальной точки зрения уборка относится к числу полномочий коммунальных служб. Тем не менее горожане считают недостаток чистоты изъяном именно культурного пространства. Усиливает недовольство горожан и растущая год от года перегруженность городского пространства разностильным рекламным продуктом.

В России процесс социального реформирования и модернизации оказал существенное воздействие на состояние и перспективы развития культурного пространства городов. Одни сферы распались, другие лишились государственной поддержки и должны были «выживать» самостоятельно, третьи приобрели

новый статус и приоритет. Пока еще трудно предсказать, какими будут последствия этих перемен, их влияние на ценностные ориентации людей, особенно молодежи. Культура вышла из-под жесткого идеологического контроля, но попала в тиски финансовой зависимости. Перед городами Урала стоят действительно сложные задачи, решение которых возможно лишь через консолидацию общества, раскрытие ресурса социальной активности, развитие институтов местного самоуправления, социально-частного и социально-государственного партнерства.

---

¹ О различных подходах к пониманию культурного пространства города см., например: *Круглый стол по проблеме Пространства России*// Отечественные записки. – 2002. – № 6. – URL: www.strana-oz.ru; Быстрова А. Н. Проблема культурного пространства (опыт философского анализа). – Новосибирск, 2004; Ляпкина Т. Ф. Методология изучения культурного пространства региона. – URL: http://www.riku.ru/confs/vrem_cul/LyapkT.htm; Иконникова С. Н. Культурное пространство России: многомерность и динамизм // *Культура на пороге III тысячелетия. Материалы III Международного семинара в Санкт-Петербурге 6–7 мая 1996 г.* – СПб., 1996. – С.146–151; Рыженко В. Г. *Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект* : монография. – Омск, 2010; Мастеница Е. Н. *Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход* // *Петербургские исследования* : сб. науч. ст. – СПб. : Изд. СПбГУ, 2011. – Вып. 3. – С. 128–147.; Постников С. П. *Социокультурное пространство города в историческом измерении* // *Уральский исторический вестник*. – 2008. – № 1(18). – С.4–7.

² Об этом подробнее см.: Малкова И. Г. *Преодоление стереотипов (социокультурное развитие промышленно развитых областей Урала в 1980–1990-е гг.)*. – Екатеринбург ; Челябинск, 2004.

³ *Концепция социально-культурной политики г. Челябинска*. – Челябинск, 1999. – С. 24–27.

⁴ Например, Анимациа Е. Г., Елохов А. М., Сухих В. А. *Качество жизни населения крупнейшего города*. – Екатеринбург, 2000; Анимациа Е. Г. *Иваницкий В. П., Пешина Э. В. В поисках новой парадигмы регионального развития*. Екатеринбург, 2005; *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты*. – М., 2004; *Город > Пермь. Смысловые структуры и культурные практики*. – Пермь, 2009; *Городские миры. Опыт гуманитарного исследования*. – Пермь, 2006; *Река и Гора: локальные дискурсы* : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Пермь, 2009; *Уральский город XVIII – начало XX вв.: история повседневности* : [Сб. ст.]. – Екатеринбург, 2001.

⁵ *Концепция развития культурного пространства города Перми на среднесрочную и долгосрочную перспективу*. – URL: <http://www.mera-expert.ru/archive/projects/?doc=2&id=117>

Л. И. РЫЖЕНКО

Омск, Институт системного проектирования

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ 1990–2013 ГОДОВ

Нельзя говорить о культуре современного города вообще, не вникая в процессы субкультурной дифференциации и их влияния на социодинамику. В докладе изложены результаты изучения такой социодинамики в русском городе в последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI вв. в зависимости от внутренних экономических и миграционных, а также внешних политических процессов.

В работе автора¹ исследованы такие внутренние вызовы России, как демографические проблемы, деформация национальной идентичности и утечка человеческого капитала, причем все они рассматриваются как взаимосвязанные явления, представляющие собой проявления глобальных процессов, имеющих объективную основу. Первая внутренняя проблема из этого ряда – демографическая. Российское село перестало быть источником демографических ресурсов. Миграционные процессы направлены из более мелких поселений в более крупные и из более восточных населенных пунктов в более западные. Восточные регионы России стремительно теряют свое население². Вторая не менее важная проблема (проявляющаяся и в странах Запада) – деформация национальной идентичности. Русское население практически все урбанизировано, а национальные меньшинства, даже мигрируя внутри государства, сохраняют элементы традиционного образа жизни и традиционные связи. Третья проблема – это утечка человеческого капитала. Ускоренное развитие крупных городов, вне зависимости от общественной атмосферы в этих городах, объективно обеспечивает миграцию в них человеческого капитала из поселений меньшего размера. Открытость современного мира приводит к дальнейшей миграции человеческого капитала за границу в страны, где общественная атмосфера для него более благоприятна.

Еще в одной работе автора³ исследована специфика демографических проблем, вытекающих из размера поселения и гос-

подствующих в нем хозяйственных укладов. Статистика отражает устойчивый антропоток из меньших поселений в большие. Например, катастрофически быстро пустеют села Большеуковско-го района Омской области: за 20 лет после перехода к «рыночным реформам» ликвидировано около 80 % населенных пунктов этого района. При этом все население концентрируется в районном центре. Аналогичное отношение между областным центром – Омском и районами Омской области. Население Омска, несмотря на давно пройденный «демографический крест», характеризующий превышение смертности над рождаемостью, а также отток населения в столичные регионы России, колеблется около фиксированного уровня за счет усиленной миграции из районов.

Основное отличие между традиционным селом и городом, олицетворяющим модернизацию, большинство исследователей видят в том, что на селе семья (а следовательно, и население) воспроизводится вместе с хозяйством, а в городе воспроизводство населения определяется в решающей степени уровнем развития социальной инфраструктуры. Концентрация демографического ресурса в крупных городах и запустение русского села вплоть до формирования обширных антропопустынь объясняется разрушением традиционного хозяйственного уклада, который все же сохранялся вплоть до последних дней социализма, а в современных экономических условиях России перестал воспроизводиться. Действительно, существовавшие до крушения СССР крупные социалистические хозяйства играли роль доноров по отношению к домохозяйствам (личным подсобным хозяйствам), что обеспечивало воспроизводство последних и рост населения деревни. С переходом к рыночным реформам домохозяйства, лишившись этой подпитки, рухнули.

Одно из следствий этой социальной катастрофы – деградация сибирской деревни, проявляющаяся в росте пьянства и преступности, разрушении семьи и моральных устоев. Эти процессы вместе с демографическим потоком из села транслируются в города, способствуя формированию субкультур.

Во всех странах городские хозяйственные уклады и образ жизни содействуют использованию трудовых ресурсов для создания ценностей и формирования человеческого капитала, но, как показано в работе⁴, эти процессы идут параллельно с разрушени-

ем культурных образцов и стандартов. Кроме этого, налицо деформация национальной идентичности в связи с массовой миграцией из национальных провинций.

«Городской котел» не всегда успевает «переварить» потоки мигрантов⁵. Процессы формирования городских субкультур действуют в двух направлениях: с одной стороны – «переваривают» субстраты с «провинциальной» ментальностью, и с другой – формируют новые субкультуры, в том числе маргинальные. При этом процессы на селе приводят к «разрыхлению» культурно-ценностного монолита, а город расслаивается на субкультуры, в том числе маргинального характера. В среде этих субкультур в городе формируются новые субъекты, которые влияют на общественную атмосферу. Самое главное, что эти субъекты представлены в разной степени на тех или иных территориях городского пространства.

Что касается динамики создания ценностей и движения человеческого капитала, этот вопрос нами уже исследовался⁶. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что большой город (до 500 тыс. жителей) – источник воспроизводства человеческого капитала, и разрушают миф о том, что таковым является крупный город (более 500 тыс. жителей). В основе исходной информации для расчетов использовано то, что село обеспечивает воспроизводство населения, а город – воспроизводство человеческого капитала, причем чем выше размер поселения, тем ниже уровень воспроизводства населения. При этом с увеличением размера поселения улучшаются условия для получения образования и ухудшаются – для физического и духовного здоровья. Неблагоприятные условия для физического и духовного здоровья в крупных городах и агломерациях, связанные с их кризисом (транспортная проблема, эпидемии, другие угрозы), тормозят воспроизводство человеческого капитала. Его рост в поселениях этой категории осуществляется в основном за счет миграций из поселений меньшего размера.

В Сибири исторический процесс становления укладов, так же как и в остальной России, идет неравномерно по территории, более того, предыдущие формы хозяйственной деятельности продолжают сосуществовать наряду с новыми. Итоги исторического развития России, в том числе в ее советский период, таковы, что в

городах до сих пор представлены различные формы социальной организации и субкультуры, вытекающие из ее огромного территориального и исторического многообразия (то, что Н. А. Бердяев называл «совмещением нескольких исторических и культурных возрастов»⁷). Россия характеризуется уникальным «симбиозом» между хозяйственными укладами. На этот же феномен, принявший при социализме специфическую форму, указывал академик Ю. В. Яременко⁸. Согласно этим взглядам, советская экономика напоминала трехъярусную пирамиду. Ее нижний ярус включал низкотехнологичные, в том числе доиндустриальные уклады. Примерами неселенных пунктов этой категории были сельские поселения и малые города Сибири. Их население находилось вне системы социальных гарантий.

Среднему ярусу этой пирамиды соответствовали отрасли добывающего и перерабатывающего комплексов, в которые вкладывались государственные инвестиции, а слои населения, обслуживавшие эти отрасли, имели определенные социальные гарантии. Примерами городов этого типа служат большинство индустриальных центров: Кемерово, Красноярск, Омск и др. Верхушку составлял высокотехнологичный военно-промышленный комплекс (космос, связь, атомная энергетика и др.), которому обеспечивался максимальный уровень инвестиций в городскую среду и человека. В качестве примеров можно привести Северск в Томской области, Новосибирский Академгородок и др.

В современном обществе эта иерархия упразднена, но «стартовые условия», заданные уровнем развития города, остались. Многоукладность экономики РФ постепенно «размывает» функциональную ориентацию поселений. Традиционный (сельский) уклад, принявший в России во второй половине XX в. форму приусадебного домохозяйства (и частично дачного хозяйства), адаптировался к индустриальному путем теневого присвоения части обращающихся в ней ресурсов.

В каждом современном городе Сибири при господстве индустриального уклада определенную роль играет и традиционный (домохозяйства частного сектора и дачи). Ранний индустриальный уклад проявляется в некоторых секторах малого бизнеса, а постиндустриальный – представлен в разной степени учреждениями науки, образования, предприятиями, использующими новые пост-

индустриальные технологии, а также виртуальной сферой. Каждый из укладов в городе завоевывает свое положение и, самое главное, – осваивает свои территории. Между ними сложился и симбиоз, и конкуренция за ограниченные ресурсы. Только учитывая данные процессы, можно делать выводы относительно того, какая конфигурация культурных образцов представлена на том или ином участке городского пространства.

---

¹ Рыженко Л. И. Внутренние вызовы России в контексте взаимодействия «город – село» // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2010. – Вып. 1. – С. 33–38.

² Государство. Антропоток. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. – Нижний Новгород – Москва, 2002. – URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/dok/dok01.htm>

³ Рыженко Л. И. Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве // Вестник Омского университета. – 2009. – № 4. – С. 21–29.

⁴ Дусь Ю. П., Разумов В. И., Рыженко Л. И. Влияние особенностей и трендов российской социодинамики на экономику // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2011. – № 2. – С. 31–41.

⁵ Рыженко Л. И. Русские уходят? // Библиотечка курьера. – Омск, 1998. – № 1.

⁶ Дусь Ю. П., Разумов В. И., Рыженко Л. И. К формированию модели движения человеческого капитала в современном обществе // Вестник УГТУ-УПИ. Сер. Экономика и управление. – 2010. – № 2. – С. 11–23.

⁷ Бердяев Н. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. // Русская идея. – М. ; СПб., 2005. – С. 80.

⁸ Яременко Ю. В. Экономические беседы. Запись С. А. Белановского. – М., 1999.

Г. В. ГОРНОВА

Омск, Омский государственный педагогический университет

МОДУСЫ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ ГОРОДА

Парадигма города – это онтологическое основание урбанистических процессов, условие воспроизводства родовой сущности города. Парадигма отражает целостность города, находящуюся в совокупности отдельных вещей, процессов, связей, отношений и взаимодействий. Парадигма города задает основной способ

существования города и основной способ существования человека в городе, смысл существования данного человека в данном городе. Парадигма города представлена двумя основными формами: витальной и экзистенциальной парадигмами города.

Витальная парадигма города – это совокупность сосуществующих в городе материальных объектов, многообразие связей и отношений между ними, количественные и качественные пространственные характеристики города, условия жизнедеятельности, необходимые для обеспечения повседневного взаимодействия людей, проявления различных форм активности, деятельности, воспроизводства социальных процессов. Витальная парадигма предоставляет возможность для практического и теоретического освоения города, экзистенциальная парадигма служит основанием духовного освоения города.

Экзистенциальная парадигма города содержит совокупность переживаний человека, порожденных его бытием в городе. Экзистенциальная парадигма – это объективация идеальной стороны городского бытия, проявляющаяся в переживаниях личности и выступающая формой согласования представлений людей о городе. Экзистенциальная парадигма города включает в себя коллективную и индивидуальную память горожан и их коллективные представления о будущем города.

Специфика экзистенциальной парадигмы города может быть раскрыта посредством категории времени. Длительность существования города влияет на его экзистенциальную парадигму: чем старше город, тем больше возможностей разнообразия есть у его экзистенциальной парадигмы. Чем разнообразнее витальная парадигма города, тем насыщеннее его экзистенциальная парадигма. Витальная парадигма города влияет на восприятие времени в модальности настоящего времени. Для экзистенциальной парадигмы основными являются модусы прошлого и будущего (воспоминания и ожидания).

Имя города выступает важным элементом экзистенциальной парадигмы, оно запускает ассоциативный ряд образов города, пробуждает воспоминания. Ю. М. Лотман выделял при рассмотрении города две семантические плоскости – «город как пространство» и «город как имя»¹, в нашем случае первое фиксируется ви-

тальной парадигмой, второе – экзистенциальной. Имя города ове­ществляет образ города.

Х. Л. Борхес называл имя города его крепостной стеной. Буэнос-Айрес был для него больше, чем просто городом, и когда семейный наследственный недуг – слепота – поразил и его, то в снах своих он видел Буэнос-Айрес: «Наяву я всегда тону в смутном светящемся облаке серой или голубоватой окраски, а во сне вижу все отчетливо и разговариваю с мертвыми, причем не удивляюсь ни тому, ни другому. Мне никогда не снится настоящее – это всегда Буэнос-Айрес давних времен, с галереями и слуховыми окнами Национальной библиотеки на улице Мехико. Неужели я, наперекор воле и сознанию, непостижимо и неизбежно остаюсь тем же портеньо?»². Х. Ортега-и-Гассет тоже был тронут магией имени этого города: «Стоит сказать “пампа”, “Буэнос-Айрес”, как прямо из сердца взмывает в бескрайний простор стая смутных надежд и порывов, разрыва­вая, словно темные крылья аэропланов, синеву»³.

История знает много примеров переименования городов и еще больше примеров переименования частей города: улиц, райо­нов, скверов. Как изменялся город, будучи Санкт-Петербургом – Петроградом – Ленинградом – Петербургом, Данцигом – Гдань­ском, Кенигсбергом – Калининградом, Екатеринодаром – Красно­даром, Новониколаевском – Новосибирском? Власть имени не распространяется напрямую на витальную парадигму, не отража­ется зримо в пространстве города, но оказывает влияние на его экзистенциальную парадигму. Описывая предысторию жизни своей героини, чешский писатель М. Кундера пишет: «Улица, на которой родилась Тамина, именовалась Шверинова. Это было в годы войны, когда Прага была оккупирована немцами. Ее отец родился на Чернокостелецком проспекте. Это было во времена Австро-Венгерской империи. Когда мать Тамини вышла замуж за ее отца и переехала к нему, этот проспект уже носил имя Маршала Фоша. Это было после Первой мировой войны. Детство свое Тамина провела на проспекте Сталина, а муж увез ее в новый дом уже с улицы Виноградской. Но между тем это была одна и та же улица, только постоянно меняли ее название, промывали мозги, чтобы она окончательно очумела. По улицам, не знаящим своего названия, бродят призраки поверженных памятников»⁴.

Имя города много значит для жителей, покинувших его. Дж. Джойс, добровольный изгнанник из Дублина, на вопрос, как сочетается его космополитизм с тем, что все им написанное посвящено Дублину и дублинцам, ответил: одна английская королева когда-то сказала, что когда будет умирать, унесет на тот свет в своем сердце слово «Кале», а он унесет слово «Дублин»⁵.

Оппозиционную пару в аспекте экзистенциальной парадигмы составляют старые и молодые или исторические и новые города. Если представлять город как диалог времен – прошлого с настоящим и будущим, то у исторического города в этом диалоге полифония будет выражена значительно ярче и история будет выполнять роль третьего в диалоге города и горожанина. У такого города не прерванная, а сохранившаяся «связь времен». Идеалы, мифы, нормы и ценности городской культуры прошедших эпох не только оставляют свой след в теле города, в его витальной парадигме, но и «вплавляются» в образ города, фиксируются его витальной парадигмой, способствуют формированию городской идентичности жителей, у которых появляется возможность соотносить себя с той или иной исторической эпохой. Экзистенциальная парадигма города содержит в себе коллективную и индивидуальную память горожан. Чем богаче культурно-историческое прошлое города, чем жизнеспособнее его витальная парадигма в настоящем, тем полнее его духовное измерение.

Содержание экзистенциальной парадигмы нового города значительно беднее. Нетрудно заметить, что создание новых городов происходит в русле утопического дискурса, в котором явно и одновременно неявно актуализируются представления об идеальном городе. Это можно отчетливо видеть на примере молодых городов советской эпохи: Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре, Новокузнецка и других. Иллюстрацией этому тезису может послужить анализ Н. Ю. Костюриной влияния истории основания Комсомольска-на-Амуре на его дальнейшее существование. Культуролог приходит к выводу, что Комсомольск-на-Амуре не генератор культуры, а только проекция культуры, слепок с нее. Город, не имеющий прошлого, подменяет историю мифологией, он не противостоит времени, а воплощает его. В Комсомольске-на-Амуре ценностной маркировкой обладало, прежде всего, будущее время, что не удивительно, так как этот новый город пред-

ставлял собой модель советской культуры, для которой была характерна ориентация главным образом на будущее время и «синдром отложенного настоящего». Город создавался в практически лабораторных, наиболее благоприятных условиях, где все инородные влияния, в том числе и влияние прошлого, истории, были сведены к минимуму. Настоящее время жителей Комсомольска-на-Амуре проходило в тяжелом труде и жизни в не очень комфортных условиях, поэтому только уверенность в том, что будущее прекрасно, могла оправдать трудности настоящего⁶.

И. Пригожин в структуре города выделял взаимосвязанные и сосуществующие временные элементы, которые соответствуют определенному внутреннему возрасту города. Примером нормативности ему служил Рим, а иллюстрацией к исключениям из правил были города Бразилиа и Помпеи, первый город не имел прошлого, второй – будущего⁷.

Отсутствие одного из трех временных структурных элементов городской культуры существенным образом влияет на экзистенциальную парадигму. Специфика времени нового города состоит в разном «удельном весе» его темпоральных модальностей с преобладанием модальности настоящего и основной ценностной маркировкой будущего времени.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что насыщенность экзистенциальной парадигмы города зависит, во-первых, от согласования трех темпоральных модальностей города: его прошлого, настоящего и будущего, и, во-вторых, от степени его включенности в мировые культурные процессы.

---

¹ Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Таллин, 1993. – Т. 1. – С. 453.

² Борхес Х. Л. Из поздних книг и посмертных изданий // Иностранная литература. – 2005. – № 10. – С. 240.

³ Ортега-и-Гассет Х. Эссе об Испании // Иностранная литература. – 1993. – № 4. – С. 214.

⁴ Кундера М. Книга смеха и забвения. – СПб., 2003. – С. 228.

⁵ Джойс, каким мы его знали / сост. У. О'Коннор // Иностранная литература. – 2005. – № 10. – С. 225.

⁶ Костюрина Н. Ю. Новый город как модель советской культуры : дисс. ... д-ра культурологии. – СПб., 2006. – С. 216, 223.

⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986. – С. 340.

Л. Г. СКУЛЬМОВСКАЯ

*Тюмень, Тюменская государственная академия культуры,
искусств и социальных технологий*

УРОВЕНЬ СФОРМИРОВАННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Необходимость серьезного внимания к развитию сферы культуры со стороны государства, выступающего главным социокультурным институтом, в современных условиях значительно актуализируется. Становится очевидным, что только страна, выдвигающая в качестве приоритета заботу о культуре, достигает экономического роста и процветания.

Проблема центра и регионов четко просматривается в современной культурной политике России, в которой наблюдается концептуальное смещение акцента с централизованного управления на региональный уровень. Концепция развития культурной среды и культуры региона направлена на стратегические (моделирующие) цели, учитывающие культурные запросы населения, с последующей разработкой тактических (реальных) целей культурного развития – удовлетворения и оптимизация их культурных потребностей.

Регион включает представления определенной социально-территориальной группы о его взаимоотношениях с центром, другими территориальными образованиями; формируемую на их основе определенную модель жизни; ценностные ориентации и поведение. Для изучения регионов необходимы междисциплинарные исследования, которые опираются на интегральное представление о культуре как уникальной форме бытия человека в конкретных историко-географических условиях¹. Поскольку регион представляет собой не только объект для наблюдения и воздействия, он является также субъектом функционирования и развития культуры.

Региональная культурная политика выступает инструментом, основная роль которого заключается в стимулировании процессов самоорганизации культурной жизни в регионе. В трудах исследователей региональной культурной политики используются

методологии, основанные на единстве философско-культурологического, системно-аналитического, исторического, социологического, экономического, синергетического и других подходов. Комплексный подход (социокультурный анализ) позволяет рассмотреть региональную культурную политику во временном и пространственном аспекте, а историко-культурные особенности и закономерности этнического и конфессионального состава населения, национально-территориального своеобразия способствуют выработке методологических подходов к ее изучению.

Как правило, региональные концепции развития культуры базируются на ее ведомственном понимании, когда культурная политика трактуется как мероприятия региональных органов управления в сфере культуры по отношению к учреждениям культуры и искусства. Однако региональная культурная политика решает главную цель – стимулирует процессы самоорганизации культурной жизни, создает условия для оптимального саморазвития культуры путем эффективного использования экономических механизмов, культурного потенциала, материальных и человеческих ресурсов территории.

Своеобразие культурной политики региона характеризуется совокупностью материальных и духовных ценностей, созданных в процессе деятельности проживающего на его территории населения. В рамках региональной концепции развития культуры основным процессом, на который должны быть направлены управленческие усилия, становится обеспечение культурного обмена и взаимного обогащения культурной деятельности. Одной из главных задач региональной концепции развития культуры является анализ соотношения и соизмерения ресурсов. С этих позиций регион рассматривается как сумма ресурсов, ресурсных отношений, что предполагает анализ и согласование перспектив и горизонтов различных самостоятельных субъектов культурной деятельности. В связи с этим важной задачей культурной политики становится восстановление и формирование цельности, связанности регионального культурного пространства, интеграции социума через культуру.

Под региональным культурным пространством часто понимают структурированность заданных в нем параметров культуры, представленных в образах, идеях, символах, текстах и т. п.,

а его потенциал – как различия между содержанием и уровнем освоённости субъектами данного региона. Социология способна зафиксировать потенциал культуры как порядок и направленность (интенсивность) освоения региональной культуры, а содержание выражает формы такого освоения и их относительную приоритетность с позиций социологического подхода².

Социологическое обоснование адекватной модели потенциала регионального культурного пространства выступает в качестве источника и основания развития региональной культуры и эффективной культурной политики.

В современных условиях социальная эффективность принимаемых в регионе решений напрямую зависит от участия и координации действий трех сторон: субъектов, экспертов и представителей общественности. Признание того, что культурная политика – сложная динамическая система взаимодействия государственной власти, общества и культуры как объекта данной политики, повышает ответственность участников этого процесса и региональных властных структур, оказывающих непосредственное влияние на формирование и реализацию культурной политики в конкретном регионе.

Известно, что от того, насколько узнаваемо «лицо» территории, может существенно зависеть ее политический статус, уровень социально-экономического и культурного развития. Ни для кого не секрет, что ряд проблем современного российского федерализма, в частности отсутствие четко обозначенных образов провинциальных и периферийных территорий, обусловлен именно этой причиной. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра до сих пор представляется в массовом сознании как один из динамично развивающихся и благополучных регионов России. Прежде всего, его имидж обусловлен климатической экстремальностью северных территорий, второстепенной ролью «сырьевого придатка» страны³.

Проведение культурной политики в таком полиэтническом регионе, как Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, представляет собой сложную систему динамического взаимодействия федеральной, региональной и муниципальной власти, гражданского общества и культуры. Общей целью органов управления

в сфере культуры автономного округа является создание условий для позитивной направленности культурных процессов, учитывающих интересы всех этнических групп территории, на развитие творческой деятельности его населения. Поэтому, выстраивая свою имиджевую политику, регион вкладывает значительные усилия в развитие именно тех направлений, которые в массовом сознании устойчиво ассоциируются с инновационными процессами (классическое высшее образование, высокие технологии, насыщенная культурная жизнь).

Как позитивные моменты следует отметить отдельные направления региональной культурной политики на территории Югры – это реализация наиболее значимых и социально ориентированных проектов в рамках межведомственных долгосрочных программ.

Как известно, культурная состоятельность территории определяется количеством, масштабом и статусом соответствующих мероприятий (фестивалей, выставок, вернисажей, конкурсов, театрально-концертных событий), подчиненных единой концепции формирования имиджа и работающих на создание ее целостного образа. В Югре статус традиционных и знаковых получили такие события культурной жизни, как Международный фестиваль кинематографических дебютов «Дух огня» и Дни культуры обско-угорских народов, которые включают целый ряд этнокультурных мероприятий (чемпионат Югры по гребле на обласах, Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов, спектакли Театра обско-угорских народов и др.). Эти мероприятия олицетворяют основные направления позиционирования округа в культурной среде: современное, привлекающее внимание наиболее прогрессивной части общества к региону, и традиционное.

Данной цели служат также Международный музыкальный фестиваль «Югра», ледовый карнавал «Живопись и лед», театральный фестиваль «Чайка», экологическая акция «Спасти и сохранить», телевизионный фестиваль «Золотой бубен» и др. Именно этот событийный ряд становится основой для развития в округе событийного и этнического туризма. Таким образом, культурная политика имеет целью внутреннее и внешнее позиционирова-

ние нового образа региона, хотя, безусловно, кардинально изменить его не всегда представляется возможным.

---

¹ Хлыщева Е. В. Специфика региональной культуры // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб., 2008. – Т. IV: Культурная политика – С. 146.

² Баркова Э. В. Потенциал регионального культурного пространства в социологическом измерении // *Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»* : в 3 т. – М., 2003. – Т. 1. – С. 601.

³ Прасолова О. В. Лицо Югры: основные доминанты имиджа округа // *Северный регион: наука, образование, культура*. – 2007. – № 1 (15). – С. 126.

Н. А. ТОМИЛОВ

Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Сибирский филиал Российского института культурологии, Омская гуманитарная академия

ПОТЕНЦИАЛ ОМСКОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Актуальность заявленной темы связана со сложной ситуацией в функционировании и дальнейшем развитии науки в России. Усилившиеся нападки на научное сообщество, и в первую очередь на Российскую академию наук, связаны в том числе с обвинениями в адрес ученых, что практическая польза от научных исследований на современном этапе в российском обществе невелика. Не вдаваясь в размышления по этому вопросу, заметим, что в сложные, особенно в переходные времена почти всегда вставал вопрос о социальных функциях науки и необходимости усиления действия этих функций для устойчивого развития общества.

Но для того, чтобы возросла отдача от научных исследований в различных областях знаний (технических, естественнонаучных и гуманитарных), нормальным представляется необходимость увеличения научного потенциала страны и ее отдельных регионов. Отсюда и возникает потребность посмотреть, каков уровень научного потенциала в омском регионе, в том числе в гуманитарной сфере. И более конкретно предлагаем взглянуть на

ситуацию с научным потенциалом Омской области в сфере изучения истории и социокультурного развития народов Северной и Центральной Азии.

Ранее нам приходилось писать как об отдельных научных коллективах вузов и научно-исследовательских учреждений Омска, так и в целом о гуманитарной составляющей науки Омской области¹. Если говорить об учреждениях, в которых учеными проводятся исследования по истории и современному развитию культуры, то более всего темами по этим направлениям занимаются исследователи Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (ОмГУ), Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), Омского государственного института сервиса, Омского филиала Института археологии и этнографии (ОФ ИАЭТ) Сибирского отделения РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии (СФ РИК), Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ) и Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля (ООМИИ).

И сегодня возникла необходимость собрать и обобщить данные о научном потенциале в изучении культуры, а именно об историках, археологах, этнографгах, культурологах, филологах (прежде всего фольклористах), искусствоведах, музеоведах, философах и юристах, а также о краеведах. Сейчас мы не ставим целью полностью осветить эту тему – тему научного потенциала омского региона. Для этого нужно собрать сведения о научных школах и научных направлениях исследований омских ученых, изучить документацию – отчеты вузов, научно-исследовательских учреждений, музеев о научной работе, получить сведения из энциклопедий, монографий и статей об изучении культуры и т. д.

И все же некоторые собранные нами данные свидетельствуют, что за последние полвека научный потенциал в исследованиях по культурной тематике существенно возрос. В 1960-х – начале 1970-х гг. в Омске доктора наук в названных выше отраслях знаний насчитывались единицами или их не было вообще. В настоящее время, по нашим прикидкам, в Омской области насчитываются десятки докторов наук в гуманитарной сфере знаний – это примерно около 40 историков, около 30 докторов наук

по педагогике, около 25 филологов, столько же примерно философов, более десятка докторов юридических наук.

В некоторых областях знаний докторов наук в Омской области еще немного. Например, в этнографии всего два доктора наук, а в археологии нет ни одного доктора наук. Тем не менее, в Омске и области сегодня работают 50 этнографов – кандидатов исторических наук и около 20 археологов с учеными степенями кандидата наук. Мало того, часть археологов и этнографов уже 20 лет объединена творческими поисками в новой отрасли знаний, возникшей в интеграционных процессах этих двух наук, – в этноархеологии. Это дало возможность Омску занять лидирующее положение в этноархеологических исследованиях и стать самостоятельным этноархеологическим научным центром России. Также общепризнано образование и развитие в Омске фольклористической научной школы (сложилась на базе ОмГПУ), этнографической научной школы (объединяет ученых ОмГУ, ОФ ИАЭТ СО РАН, СФ РИК, ОГИКМ, ООМИИ). Безусловно, сложились в Омске научные школы по отечественной истории, по историографии (в основном на базе ОмГУ и ОмГПУ).

Еще раз повторимся, что научный потенциал Омской области в гуманитарной сфере знаний должен быть изучен и обобщен. И это необходимо сделать для того, чтобы попытаться реализовать ту часть плана перспективного развития Российской академии наук, которая в части омской науки предполагает создание в Омске Института истории и социокультурных исследований народов Евразии.

Основная цель возможного будущего института заключается во всестороннем изучении культуры населения Северной и Центральной Азии в ее историческом, социальном и конфессиональном аспектах. Предполагается развитие таких научных направлений как этническая история народов Сибири и сопредельных территорий, этноархеология, историческое музееведение и сохранение культурного наследия Сибири и сопредельных стран, этническая экология, история и историография археологии и этнографии Северной и Центральной Азии, наука и власть (исследования азиатских культур в Сибири и на сопредельных территориях)

Сформирована теоретико-методологическая база данных научных направлений, связанная с разработкой категориальных

и методических основ этнической истории, этноархеологии, этнической экологии. Имеются разработки по мониторингу археологического и этнографического наследия, профилактике и предотвращению межнациональных и межконфессиональных противоречий и конфликтов в Сибири.

---

¹ Корусенко С. Н., Смирнова Е. Ю., Томилов Н. А. Омскому этнографическому научному центру 35 лет // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 266–269; Томилов Н. А. 1) Ведущие ученые России в создании центров культурологии и этнографии в Омске // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны. – Омск, 2010. – С. 24–34; 2) Омская этнографическая наука и проблема ее периодизации // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 2. – С. 68–72; 3) Омский культурологический центр: становление и современное состояние // Культурологические исследования в Сибири. – 1999. – Вып. 1. – С. 57–62; 4) Омск как научный центр по изучению народов Азии (к проблеме периодизации сибирской этнографии) // Вестник Российской академии естественных наук: Западно-Сибирское отделение. – Кемерово, 1999. – Вып. 2. – С. 70–73.

О. В. ПЕТРЕНКО

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ СЕКТОРА ДИНАМИКИ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

Город, как известно, является естественным окружением человека, современная культура пропитана сугубо городскими смыслами (В. Л. Глазычев), вероятно, поэтому городоведческая тематика на протяжении длительного времени не теряет свою популярность в исследовательской среде. Под влиянием познавательных поворотов в мировой науке (социоисторического, антропологического, культурного, лингвистического, прагматического и др.) трансформируются теория и практика «городских исследований» (urban studies), с каждым годом их проблемное поле расширяется, город становится территорией для междисциплинарных познавательных экспериментов. К изучению города обращаются

историки, исторические и социальные антропологи, этнологи, культурологи, социологи, философы, психологи, представители социальной и исторической географии, исследователи городского архитектурного ландшафта¹.

Заметно смещение исследовательского интереса от экономических, архитектурно-планировочных, социальных/демографических факторов развития и отраслевого изучения культуры городов к контекстуальному, системному исследованию городской культуры, городской среды, к микроистории и/или локальной истории городов (локальных событий, повседневных практик, персоналий и сообществ, культурных, социальных и экономических феноменов). Культурный поворот заставил обратить внимание на мифологические смыслы и «характеры» городов. Города читаются как тексты, и все более и более их поверхности также рассматриваются как образы и анализируются в визуальном контексте (И. А. Разумова).

Учитывая новейшие научные и общественно-политические тенденции, организаторы Всероссийской научно-практической конференции «Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России» (г. Омск, 12–13 ноября 2013 г.) предложили для обсуждения довольно широкий тематический диапазон, который охватывает практически все проблемы «городской жизни» и их изучения, что в свою очередь открывает большие перспективы для междисциплинарного диалога. Конференция является частью всероссийского научного проекта «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики», реализуемого учеными Сибирского филиала Российского института культурологии во главе с доктором исторических наук Д. А. Алисовым. Символично, что научный форум (десятый по счету) посвящен 20-летию создания филиала Российского института культурологии (РИК) в Омске (1993). С первого дня работы проблемы истории города и его культуры стали одним из направлений научной деятельности института и его подразделений. В данной статье предлагаем обратиться к исследовательской практике сектора динамики локальных культурно-исторических процессов. Актуальность интересующей нас теме придает то, что, к сожалению, в ходе осуществле-

ния государственного курса на реформирование научных учреждений России в сентябре 2013 г. завершилось 20-летнее существование этого научного подразделения (как и пяти других секторов института).

Историография проблемы представлена в основном в виде информации в опубликованных отчетах дирекции о научной деятельности Сибирского филиала РИК, аналитических и исторических экскурсах². Непосредственно истории сектора динамики локальных культурно-исторических процессов посвящена статья его сотрудников, подготовленная к 15-летию юбилею³. В качестве источников нами были привлечены научные планы и отчеты сектора, составленная нами и частично опубликованная библиография работ сотрудников, а также статьи и монографии, посвященные проблемам города.

Сектор динамики локальных культурно-исторических процессов был создан в составе Сибирского филиала РИК в мае 1993 г. С этого времени и по июль 2013 г. его возглавляла В. Г. Рыженко – известный историк, историограф и культуролог, профессор (2006), доктор исторических наук (2005). Основной состав исследовательского коллектива сектора за 20 лет претерпевал определенные изменения. С 1993 по 1995 гг. научными сотрудниками сектора являлись Т. Ф. Ботникова и А. В. Ремизов, с 1995-го по 2003 г. должность старшего научного сотрудника занимал доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии образования М. Е. Бударин, с 1995 по 2002 гг. научным сотрудником работала Н. И. Лебедева (в 2000 г. она защитила кандидатскую диссертацию). Очередные кадровые перемены произошли, когда в сектор пришли доцент, кандидат исторических наук Е. В. Мельникова (2001–2011), профессор, доктор исторических наук В. П. Корзун (2003–2011), кандидат педагогических наук Л. В. Секретова (2011–2013). Молодое ядро сектора укрепляли в разное время: аспирантка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (ОмГУ) О. А. Гайлит (работала в секторе в 2002 г., в этом же году она защитила кандидатскую диссертацию), выпускники ОмГУ О. В. Гурова (ныне О. В. Петренко, работает с 2003 г. – по настоящее время, в 2012 г. ей присуждена степень кандидата исторических наук) и А. В. Жидченко (время работы

с 2012 по 2013 гг., выходит на защиту кандидатской диссертации). Таким образом, один из качественных показателей укрепления/роста научного статуса сектора, в частности в отношении остротенности сотрудников, налицо.

В 1993 г. были разработаны концептуальные подходы к программе изучения «научной проблемы историко-культурной локализации динамики социокультурных процессов в Сибири» (В. Г. Рыженко). Утверждены научно-исследовательские темы сектора: «Изучение культурного опыта Сибири, анализ форм и путей его использования при разработке культурной политики» (1993–1995), «Анализ локальных культурно-исторических форм культурных процессов» (1993–1997), «История культуры Омской области в советский период» (1993). Сектор продолжал активную научно-исследовательскую и научно-практическую деятельность по указанным темам и в 1995–2002 гг. В это время в исследовательской практике сотрудников отмечен интерес как к общим проблемам городской культуры и истории (Омска, Ишима, Тары), так и к конкретным: вопросам развития музыкальной культуры (Т. Ф. Ботникова), изучению памятников истории и архитектуры, истории городских храмов и церквей (Н. И. Лебедева), роли интеллигенции и отдельной личности (краеведа, ученого, историка, священнослужителя – М. Е. Бударин, Н. И. Лебедева, А. В. Ремизов, В. Г. Рыженко) в развитии культуры города.

Работа сектора в 2001–2004 гг. была направлена на продолжение поисков новых вариантов анализа феноменов «местной» культуры (культуры Места) на конкретных материалах сибирского региона и его отдельных частей. Суть поисков сводилась к разработке, освоению и использованию историко-культурологического подхода для анализа социокультурных процессов в Сибири, в том числе Западной Сибири, Омском Прииртышье, в Омске. Хронологически исследования были сосредоточены на наименее изученном XX в. с его сложными феноменами социокультурного пространства и возросшей ролью личностей как субъектов культуры, действия которых определяют ведущие тенденции локальных процессов. В первую очередь это – ученые, художники и деятели театра. Одной из центральных стала проблема соотношения уникального и универсального в реалиях и динамике культуры конкретного Места, Города.

С 2004 г. исследовательские интересы сектора приобрели новое ядро – «Личности, сообщества, институты в динамике реалий “местной” культуры». Научная работа сектора дополнилась углубленным анализом такого феномена «местной» культуры (культуры Места), как социокультурные сообщества, их ценностные ориентиры и традиции. Исследования велись по нескольким направлениям: историографическому, конкретно-историческому, историко-культурологическому на стыке с интеллектуальной историей, с новой культурной историей. Существенным заделом для такого поворота явились наработки сотрудников сектора – участников исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (1998–2000 гг.) «Родиноведческие традиции в Сибири, первая треть XX в.». В качестве ключевых методологических подходов определены принципы междисциплинарности и контекстуальности. В соответствии с этим равноправной опорой исследовательской работы сектора являлись, с одной стороны, общероссийский конкретно-исторический материал, с другой – наработки представителей смежных наук (науковедения, урбанистики, семиотики, искусствоведения), а также отраслевых исследований (истории театра, градостроительства и архитектуры). Особое внимание уделялось так называемым «переломным полосам» и «рубежным вехам», отсюда складывалась еще одна стержневая линия – образы науки и образы деятелей культуры в местном/городском ландшафте, формы и типы межличностных коммуникаций, специфика «сетей общения» в интеллектуальном и социокультурном пространствах локуса/города и региона.

Поиски на пути изучения специфики культуры «Места» привели к конструированию и проверки на конкретно-историческом материале вариантов историко-культурологических моделей изучения культуры города. В частности, В. Г. Рыженко была разработана историко-культуролого-городоведческая модель для анализа культуры и интеллигенции крупных городов Сибири. С ее использованием были подготовлены две монографии⁴, защищена докторская диссертация и выполнялся исследовательский проект РГНФ (2002–2004) «Культурное пространство западносибирского города в 1920–1950-е гг.». В это время сотрудники сектора сохраняя приоритет в изучении проблемы «роли интеллигенции и творческой личности в культуре города», обратились к исследованию

форм приращения и трансформации культурного потенциала и пространства города (к таким ее составляющим, как университеты, музеи, театры). В работах В. Г. Рыженко активно использовалось понятие «культурно-цивилизационный ландшафт», которое подчеркивает ведущую роль организованной деятельности (включающей также компоненты материально-духовного творчества) людей в преобразовании того или иного места, его пространства (в нашем случае – отдельных городов Западной Сибири, в частности Омска и Новосибирска). В качестве организующих факторов при этом выступают социально-политические установки, геополитические и экономические государственные интересы.

Со временем проблемное поле историко-культурологического изучения пространства и образа города усложнялось, приобретало несколько уровней (метофизический, макроуровень и конкретно-исторический, микроуровень). На основе собственных наработок и новейших исследовательских тенденций в изучении города Рыженко была разработана новая междисциплинарная модель «Культурный ландшафт – опорная матрица образа города». Предложенная модель, по мысли ее автора, делает необходимым накопление информации о современном состоянии памятников, памятных мест и сооружений конкретной эпохи, формирование «банка» фотоматериалов, отслеживающих исчезновение субкультурного слоя из ландшафта города последующего времени и одновременно фиксирующих символы и реалии того времени, в котором сформировались несколько поколений людей. «Фигуры» и «Места памяти» определяются не только из интеллектуальных конструкций, создаваемых современными исследователями. Их появление связано с необходимостью обеспечить преемственность времен, осуществить индивидуальную и коллективную самоидентификацию. Конкретно-историческая апробация модели была проведена на материалах Западной Сибири, результаты представлены в опубликованной монографии «Образы и символы советского города в современных исследовательских практиках: региональный аспект» (Омск, 2010).

Сотрудники сектора в исследованиях стремились раскрыть воздействие личности на локальное своеобразие культурно-исторических процессов (В. Г. Рыженко и В. П. Корзун разрабатывают темы «Ученые и наука в социокультурной динамике меж-

ду рубежами веков. “Местные” сообщества в лицах»); определить специфику форм участия творческих объединений и отдельных персоналий в «местной» (локальной, городской, региональной) культуре и в процессах региональной идентификации (в этом направлении работает О. В. Петренко (Гурова) – тема «Творческая личность в реалиях культуры советского города»); рассмотреть в качестве элемента локальной социокультурной ситуации рубежа веков деятельность театров и театральной интеллигенции (темы «Театр и представители театральной интеллигенции в культуре региона»; «Театральный Омск на рубеже XX–XXI вв.», Е. В. Мельникова и О. В. Петренко). Сотрудники приняли активное участие в коллективных исследовательских и научно-практических проектах, поддержанных РГНФ (2008–2009). Это междисциплинарное исследование по теме «Культурное пространство Омска: облик и образ города в панораме веков (XVIII–XXI вв.)» и создание биобиблиографической информационной базы данных «История и культура городов Азиатской России в лицах» (совместно с сектором социально-культурных аспектов урбанизации).

По мере изменения исследовательских подходов и предпочтений, научная тема сектора трансформировалась (сохраняя свое ядро): от «Личности, сообщества, институты в локальных научных представлениях, художественных образах и символах» в 2009–2011 гг. к «Личности и институты в динамике локальных культурно-исторических процессов и в современных исследовательских практиках» в 2012–2013 гг. В городской проблематике сектора сохранялись ключевые и появлялись новые локальные темы: возможности изучения образов и пространств городов, юбилей и фигуры памяти (В. Г. Рыженко); сохранение исторической и культурной памяти о городе, городская повседневность и топонимика Омска и Новосибирска (А. В. Жидченко); место элитарных клубов и сообществ в культуре города (Л. В. Секретова) и др. Особо отметим традиционную проблему, которую разрабатывала Рыженко. Это – историография истории и культуры города: историко-культурологические подходы к изучению российского города XX в.; сибирские исследователи 1920-х гг. о планах и программах по изучению города; сибирское городоведение в поисках подходов к изучению культурного пространства города; омские историко-культурные и краеведческие исследования города.

Всего из 623 научных работ сотрудников сектора 327 посвящено проблемам истории и культуры города, из них семь монографических работ⁵.

Таким образом, проблемы города занимали значительное место в научной деятельности сектора динамики локальных культурно-исторических процессов Сибирского филиала Российского института культурологии (1993–2013). Сотрудники сектора внесли существенный вклад в изучение истории и культуры Омска, Новосибирска и таких малых городов Омского Прииртышья, как Тара, Ишим.

---

¹ Радует стремление «городоведов» наладить диалог с представителями различных дисциплин, что осуществляется в рамках совместных научных форумов (Исследования города // Антропологический форум. – 2010. – № 12), научных конференций, симпозиумов. Отметим всероссийский научный проект омских ученых во главе с Д. А. Алисовым «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики». Проект реализован в виде семинаров (в 1995 г. в Омске и Таре, 1996 г. в Омске, 1997 г. в Ишиме, 1999 г. в Омске), конференций (в 1999, 2003 и 2010 гг. в Новосибирске), конгресса (2006 г. в Омске), симпозиумов (2009 г. в Омске, в 2012 г. в Барнауле). Любопытный опыт совместного обсуждения проблем города представляют: международная конференция «Город: между опытом и теорией», прошедшая под эгидой издательства «НЛО» (Москва, 27–28 января 2012 г.); региональная молодежная научно-практическая конференция «"Город-карта": стратегии переосмысления и реорганизации городских пространств» (Екатеринбург, 26 апреля 2012 г.); II Международная научно-практическая конференция «Город как система» (Нижевартовск, 24–27 октября 2012 г.).

² Рублевская С. А., Томилов Н. А. Сибирский филиал Российского института культурологии в 1993–1997 гг. // Культурологические исследования в Сибири. – 1999. – № 1. – С. 129–138; Томилов Н. А. Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации: первое десятилетие // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 5–22; Алисов Д. А., Томилов Н. А. Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии за 15 лет // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2 (24). – С. 11–26; Алисов Д. А., Томилов Н. А. Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии (2008–2012 годы) // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 5–17.; и др.

³ Рыженко В. Г., Петренко О. В. (Гурова), Корзун В. П., Мельникова Е. В. По пути погружения в специфику «Культуры Места» (к 15-летию работы сектора динамики локальных культурно-исторических процессов) // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2. – 67–73.

⁴ Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования

: монография. – Екатеринбург ; Омск, 2003; Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В. Г. Рыженко. – Омск, 2004.

⁵ Кроме отмеченных выше: Ремизов А. Э. Омское краеведение 1930–1960-х гг. / науч. ред. В. Г. Рыженко : в 2 ч. – Омск, 1998; Рыженко В. Г., Лебедева Н. И. «Город на границе государства Российского...». Историческая мозаика. – Вып. 3. – СПб., 2001 (Серия «Города Петра Великого»); Лебедева Н. И. Храмы Омского Прииртышья. – Омск, 2003.; Рыженко В. Г., Миненко Н. А. Из XVIII века – в век XXI: история Омска.– СПб., 2006; Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект) : монография. – Омск, 2010; Жидченко А. В., Рыженко В. Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. – Омск, 2013.

Т. А. КУЗНЕЦОВА

Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет

СИБИРСКИЕ ГОРОДА В ОПИСАНИИ САТИРИЧЕСКИХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ ЖУРНАЛОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА *

Периодические издания как самостоятельный исторический источник – относительно недавнее «открытие» отечественных исследователей. На их основе реконструировались представления о различных событиях и явлениях в русской истории. Тем не менее в стороне от внимания историков оказались иллюстрированные издания второй половины XIX в., получившие широкое распространение среди современников. В последние несколько лет этот пробел постепенно начался заполняться. Так, например, сотрудники кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ), работая над аннотированным библиографическим указателем «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX вв.», опубликовали серию статей, которые поз-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РФНФ, грант № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX вв.: аннотированный библиографический указатель».

воляют уточнить отдельные сюжеты истории малоизвестных иллюстрированных изданий¹. Но, несмотря на пристальное внимание региональных историков к информативному потенциалу периодической печати, репрезентации Сибири и сибиряков в сатирических журналах еще не были предметом специального изучения.

Задача статьи – выявление и характеристика репрезентации сибирских городов и их жителей в сатирических еженедельниках конца XIX – начала XX вв.

По замечаниям историков русской журналистики, сатирические журналы рубежа XIX–XX вв. – явление непродолжительное. Обращаясь к запретным политическим темам (самодержавная власть, военные конфликты, деятельность Государственной думы и пр.), многое критикуя, издания попадали под пристальный надзор властей. Итогом «жизни» сатирического издания часто становилось его закрытие. Однако среди множества сатирических изданий можно выделить «долгожителей» – «Осколки» (1881–1916) и «Сатирикон» (1908–1913). Ключевыми жанрами в изданиях были фельетон и карикатура, часто запрещенные в других журналах. Стремление не показать, «как оно было на самом деле», а высмеять самые порочные явления в жизни общества и привлечь внимание к наиболее острым проблемам создавало особые образы событий, явлений и людей Российской империи конца XIX – начала XX вв., которые отличались от образов реальности, конструировавшихся в литературных, общественно-политических и других журналах.

Юмористический литературно-художественный журнал «Осколки» был создан в 1881 г. на основе предшествовавшего ему художественного еженедельника «Собрание картин». В первый год существования журнала его редактором был статский советник и владелец типографии Р. Р. Голике. С 1882 г. по 1906 г. редактированием журнала занимался популярный писатель и журналист Н. А. Лейкин. С 1906 по 1908 гг. редакцию возглавлял писатель-юморист В. В. Билибин, использовавший в публикациях псевдоним И. Грэк. В последние несколько лет до 1916 г. редактором-издателем был К. Михайлов.

Сибирские города – частая тема в сатирических журналах. В основном информация о них помещалась в разделе «Коротенькие

корреспонденции», «Крохи провинциальной жизни» в «Осколках» и «Волчьи ягоды» в «Сатириконе». Сообщения из восточной окраины, судя по регулярным обращениям редакторов к своим читателям с просьбой писать «обо всех “осколках” своей страны родимой, о крупной и о мелком, о тузах и о червонных валетах»², предоставлялась сибирскими корреспондентами. Редакторы только придавали нужную «сатирическую форму» для формата своего издания. Активнее всего в «обличении» недостатков участвовали корреспонденты из крупных городов восточной окраины – Владивостока, Иркутска, Красноярска, Томска.

Корреспонденты, а за ними и редакторы обращали внимание на бытовые проблемы городов и нравы сибирского населения. Ключевыми темами неустроенности сибирских городов были недостаток освещения, отсутствие или плохое состояние мостовых, театров, библиотек, школ, бань, дороговизна жизни и пр.³; при этом авторы обвиняли в городской «неустроенности» не только местные власти, но и самих горожан из-за их ограниченности и невежества.

Публикации, посвященные сибирякам, рисуют неприглядную картину местной власти и общества. Бездуховность, безграмотность, стремление к наживе, излишняя доверчивость – это неполный список сатирических характеристик сибирского общества. Не раз поднимавшаяся тема в общественно-политических журналах о произволе сибирских властей получила развитие на страницах «Осколков» и «Сатирикона» в юмористической форме. В фельетонах речь шла о «простоте нравов» сибирской администрации, которая заключалась в злоупотреблении чиновниками своей властью, например, в поборах сибиряков или введения абсурдных, с точки зрения корреспондентов, запретов⁴. Например, запрет томского пристава выходить горожанам после десяти часов вечера на улицу или запрет минусинской думы на строительство мостовых.

Сами сибиряки, по мнению авторов издания, тоже не оставали от своих начальников, хороших книг не читали, верили столичным «шарлатанам», пили в огромных количествах, воровали, проявляя при этом потрясающую изобретательность⁵.

Часто встречающаяся тема в прессе рубежа XIX–XX вв., связанная с восточной окраиной Российской империи, – просве-

щение в Сибири. В сатирических изданиях этому вопросу также уделялось много внимания, но акцент делался на абсурдность отдельных нововведений со стороны администрации образовательных учреждений и местной власти. Например, описывая программу иркутской учительской семинарии, редакторы журнала «Осколки» делали упор на неуместность чрезмерного изучения музыки, которое, по их мнению, вряд ли могло пригодиться будущему деревенскому учителю, ограниченному в средствах⁶. Отмечались недостаток книг в сибирских библиотеках и популярность среди местных жителей прессы невысокого качества⁷. Обобщающую характеристику результатов политики просвещения в Сибири хорошо изложил в стихотворной форме поэт Л. М. Медведев, скрывавшийся под псевдонимом Топтыгин⁸:

Протянувшись вдаль и вширь
Территорией громадной, просвещается Сибирь
Современностью отрадной.
Томск приветствовать готов
Я в прогрессе неустанно:
Там игорных тьма домов
Появилась вдруг неожиданно.

Итак, описание сибирских городов и нравов жителей восточной окраины в сатирических журналах довольно сильно отличались от образов в других периодических изданиях. Общественно-политические, специализированные, семейные журналы были нацелены на знакомство читательской аудитории с далекой окраиной посредством описания сибирских городов, фотографий достопримечательностей, антропологических типов сибиряка. Особенность образов, предлагавшихся «Осколками» и «Сатириконом», заключалась в их собирательности и узнаваемости. Чаще всего они основывались на распространенных среди читательской аудитории стереотипах о Сибирском крае и ее жителях.

---

¹ См., например: Землякова Н. А. Церковь и общество на страницах «Томских епархиальных ведомостей» во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. URL: <http://www.science-education.ru/105-6997> (дата обращения: 10.09.2013); Котович Л. В. : 1) «Наш журнал найдет много друзей и помощников для борьбы на поприще сельского хозяйства – за процветание нашей Родины» // Журналистика в коммуникативной культуре современности: новые журналисты

для новых медиа. – Новосибирск, 2012. – С. 48–49; 2) «Чтоб жить стало лучше»: крестьянские корреспонденты о переменах в деревне в начале XX в. (по материалам журнала «Сибирская деревня») // Вопросы истории Сибири. – Омск, 2012. – Вып. 5. – С. 78–82; Кузнецова Т. А. Репрезентации Сибири в иллюстрированных еженедельных изданиях в конце XIX – начале XX вв. (на примере журнала для семейного чтения «Родина») // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. – Новосибирск, 2012. – С. 146–149; Родигина Н. Н. : 1) Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страницах // Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 76–80; 2) «Исполнение культурной миссии России на востоке»: образование в Сибири в освещении еженедельных иллюстрированных журналов второй половины XIX – начала XX вв. // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 44–49; 3) «Виды, сцены и типы в Сибири»: репрезентация сибирских «инородцев» в журнале «Всемирная иллюстрация» второй половины XIX в. // Вопросы истории Сибири. – Омск, 2012. – С. 41–44.

² Пиликин. Крохи провинциальной жизни // Осколки. – 1882. – № 16. – С. 4.

³ См., например: [Билибин В. В.] Грэк И. и К°. 1) Коротенькие корреспонденции // Осколки. – 1895. – № 6. – С. 5; 2) Коротенькие корреспонденции // Осколки. – 1896. – № 32. – С. 5; 3) Коротенькие корреспонденции // Осколки. – 1896. – № 46. – С. 5; 4) Коротенькие корреспонденции // Осколки. – 1897. – № 24. – С. 5 и др.

⁴ См. например: Пиликин. Крохи провинциальной жизни // Осколки. – 1882. – № 14. – С. 4; Грэк И. и К°. Коротенькие корреспонденции // Осколки. – 1897. – № 38. – С. 5; Волчьи ягоды // Сатирикон. – 1910. – № 50. – С. 3; Волчьи ягоды // Сатирикон. – 1910. – № 52. – С. 6 и др.

⁵ См., например: Волчьи ягоды // Сатирикон. – 1911. – № 32. – С. 2.

⁶ Sigma. Арабески (наброски верхогляда) // Осколки. – 1881. – № 16. – С. 123–124.

⁷ Осколки провинциальной жизни // Осколки. – 1884. – № 4. – С. 3–4.

⁸ [Медведев Л. М.] Топтыгин М. Сибирское просвещение // Осколки. – 1892. – № 8. – С. 5.

О. А. ОЗЕРОВА

Омск, Омский государственный педагогический университет

«ОМСКОЕ ДЕЛО» В 1929 Г. (по материалам газеты «Рабочий путь»)

Печатный орган Омского окружного комитета ВКП(б) газета «Рабочий путь» была проводником политики партийного руководства в округе его установок и указаний. Так, 25 апреля 1929 г. комитет опубликовал в газете «Рабочий путь» «Письмо всем райкомам и ячейкам ВКП(б) Омского округа». В нем он призвал пар-

тийные ячейки к выполнению решений ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) о приеме в партию рабочих, бедняков, середняков при ограниченном приеме заявлений от интеллигенции, избавлении в партячейках от чуждых элементов и необходимости ведения усиленной борьбы против их «загнивания и разложения... не дожидаясь генеральной чистки»¹. И. П. Лебедев, член партии, корреспондент газеты «Рабочий путь», взявший за основу данное письмо, написал критическую статью «Забывтые директивы», в которой высказал свое мнение о причинах снижения роста приема в члены ВКП(б) Омской окружной партийной организацией. Он обвинил бюро окружкома партии в том, что в период подготовки к чистке оно «скупрулезно стало подходить к биографиям желающих вступить в члены ВКП(б)», а поэтому, «увлекшись тщательным изучением... Омская организация директив пленума не выполнит»². После публикации 11 мая статьи окружкома, вызвавшей «бурю негодования», Лебедев был вызван к секретарю Омского ОК ВКП(б) В. Я. Никулькову, который в течение 40 минут разъяснял корреспонденту, что он «затеял поход против руководства», которое «осуществляет линию ЦК», и, следовательно, выступает против ЦК партии³. Лебедев и редактор газеты Арбатский, «осмелившийся поместить эту статью», были вызваны на бюро Омского окружкома, на котором статью Лебедева определили «антипартийным документом». Ему объявили выговор, а Арбатский был снят с должности редактора газеты с ярлыком «собирателя группировок». После предварительного обсуждения на бюро окружкома «дело» Лебедева и Арбатского, в котором было свыше 15-ти пунктов и абзацев, «очень сердитых и категорических по стилю, но убедительных по смыслу», было передано в специальную комиссию³. В партийных кругах Западной Сибири оно получило название «Омское дело».

В поддержку журналистов выступил ведущий корреспондент газеты «Правда» И. Ингулов в статье «О чести мундира»⁴. Через барнаульскую окружную газету «Красный Алтай», Сибкрайком ВКП(б) рекомендовал Омскому бюро окружного комитета партии «в крайтчайший срок» пересмотреть свое решение. Однако Омский окружной комитет партии не признал своих ошибок и при повторном рассмотрении «дела» Лебедева и Арбатского на заседании бюро от 9 августа 1929 г. вынес аналогичное перво-

му постановление, в котором статья Лебедева квалифицировалась как «клеветническая», являющаяся не чем иным, как антипартийным выпадом. Однако она получила широкую огласку и одобрение среди коммунистов. Так, в Тарском районе (Омский округ) на заседании президиума исполкома большинство поддержало Лебедева и Арбатского⁵. На собраниях партактивов «трех городов» (Омска, Ленинск-Омска и Ново-Омска) многие коммунисты также выступили в их защиту⁶. «Омское дело» получило большую огласку во всех партийных организациях Омска и области. Большинство коммунистов выступило в поддержку Лебедева и Арбатского. Секретарь Омского окружкома партии В. Я. Никульков вынужден был подать в отставку. Объединенный пленум Омского окружкома партии и окружного краевого комитета партии (сентябрь 1929 г.) решил «удовлетворить заявление т. Никулькова об освобождении его от обязанностей секретаря окружкома»⁷.

Развернувшаяся вокруг «Омского дела» дискуссия – свидетельство успеха оппозиционно настроенных коммунистов не только Омского округа, но и Западной Сибири. Это было одно из крупных организованных выступлений коммунистов, выступивших против надвигающегося запрета на свободу слова и критики.

---

¹ Рабочий путь. – Омск, 1929. – 25 апр.

² Там же. 11 мая.

³ Там же. 20 сент.

⁴ Там же. 3 сент.

⁵ Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГИАОО). Ф. П. 940. Оп. 3. Д. 16. Л. 102.

⁶ Там же. Ф. П. 7. Оп. 5. Д. 31. Л. 94–95.

⁷ Рабочий путь. – 1929. – 21 сент.

М. Л. БЕРЕЖНОВА

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОМИЧЕЙ

В конце 1980–1990-х гг. на историческом факультете Омского государственного университета (ОмГУ) преподавался курс «Историческое краеведение». В 1994–1998 гг. студенты, изучавшие этот предмет, участвовали в сборе воспоминаний об Омске.

Собранные материалы (более 150 записей) были переданы в Музей археологии и этнографии ОмГУ. В основном рассказы характеризуют Омск и его жителей 1940–1960-х гг., хотя отдельные воспоминания касаются и более раннего времени.

Частой темой бесед и 20 лет назад была работа городского общественного транспорта, что косвенно свидетельствует об остроте проблемы во все времена. Наиболее ранние воспоминания датируются еще 1930-ми гг. Упоминаются практически все виды общественного транспорта: от такси до трамвая, записаны воспоминания об их маршрутах и номерах. Описываются, хоть и скупо, отношения между пассажирами в общественном транспорте. Записан один рассказ женщины-кондуктора, которая начала работу вскоре после окончания Великой Отечественной войны.

Спустя 20 лет после сбора публикуемых ниже материалов очевидно, что в 1990-е гг. общество в целом иначе относилось к транспортным проблемам. В беседах не поднимались темы стоимости проезда, автоаварий, пробок, работы ГАИ. В целом все воспоминания объединяет общая оценка деятельности общественного транспорта: транспортное хозяйство города развивалось успешно, очевидны изменения к лучшему, особенно в 1970–1980-х гг. Можно предположить, что люди, беседовавшие со студентами, стремились показать им положительную динамику развития Омска и, как следует из отдельных высказываний, надеялись, что сложная экономическая ситуация временна.

1930-е гг. описаны в имеющихся материалах описаны скупо. Чаще упоминается состояние дорог: «В 1932 г. наша семья переехала в город Омск. Он был грязным, хилым, с неаккуратной застройкой. Площадь (перед вокзалом. – М. Б.), как и основные улицы города, вымощена булыжником. Вдоль улиц пролегали деревянные тротуары. Но все равно чистоты не было» (Н. Ф. Енина, 1920 г. р.). Родившаяся в Омске в 1928 г. Е. Я. Кирина упоминает, что лишь главные улицы города были выложены булыжником, «остальные же оставляли желать лучшего. Ездили в основном на телегах, запряженных лошадьми». Л. Г. Соколов (1931 г. р.) вспоминает, что в 1930-е гг. «освещения на улицах не было, но на каждом доме висели фонари, которые зажигали с наступлением темноты».

В воспоминаниях о 1930 – начале 1950-х гг. постоянно упоминается железнодорожная ветка, по которой ходили поезда

«в город» от вокзала, что свидетельствует о ее важности для омичей: «Городская ветка соединяла город с местом, где сейчас находится магазин “Океан”. Площадь Серова в простонародье называлась Карлушка. Это территория бывшего товарного двора железнодорожной ветки, за которой находился завод Коминтерна» (Г. К. Межецкая, 1931 г. р.). Л. Г. Соколов вспомнил объяснение названия «Карлушка»: «По пути следования “ветки” находилась школа, где учился сын начальника станции (не уточняется, какой именно станции. – М. Б.) Карл. Остановки там официально не было, но “ветка” останавливалась, так как Карлушка здесь выходил. Со временем эта остановка стала обычной и так и называлась – “Карлушка”».

Рассказы об Омске 1940-х гг. мало отличаются от уже приведенных, но появляется еще один объект воспоминаний – городской трамвай. Э. П. Оттен (1929 г. р.) приехал в Омск с семьей в 1941 г. в эвакуацию: «Большинство городских улиц летом 1941 г. были грунтовые. Асфальт – редкость для Омска: около 200–300 м асфальтированной дороги было в центре города. Действовало четыре трамвайных маршрута. Автобусы после августа 1941 г. исчезли: не было водителей и сэкономили топливо. Основная масса людей (женщины, дети, старики, рабочие-мужчины) на завод шли пешком. Картина утром была одинакова. Группы людей молча шли к своим рабочим местам...». Похожим образом вспоминает Омск 1942 г. В. Я. Борзова, чья семья приехала в эвакуацию из Москвы: «В городе было всего лишь две линии трамвайных путей, которые проходили через центр». Г. К. Межецкая, вспоминая военные годы, также упоминает о транспортных проблемах: «Трамваи были холодные, не отапливались, стекла были выбиты. Народу было битком: висели друг на друге. Но большая часть (людей. – М. Б.) ходила пешком. Личных автомашин не было. Изредка на нашей улице проезжала грузовая машина».

Для воспоминаний о 1940–1960-х гг. характерно упоминание трамвая как основного городского транспорта. Например, П. Е. Киреева (родилась в 1918 г., в Омске жила с 1930 г.), сравнивая рубеж 1930–1940-х гг. и 1950-е гг. сказала: «Пока не ходил трамвай в городе, трудно было из Ленинского района до центра добраться, ходили пешком».

Именно трамваю посвящен рассказ К. М. Селивановой, 1931 г. р. Она приехала в Омск из села в 1948 г. и работала кондуктором в трамвае. Вот ее рассказ: «Вставала в 3 часа утра и шла пешком к современному цирку (по ул. К. Маркса. – М. Б.), где находилось депо. На работу и с работы нас не развозили, и поэтому в депо была комната отдыха, в которой можно было переночевать. Там были койки и выдавались постели.

Трамваи шли по ул. Карла Маркса до железнодорожного вокзала и обратно до площади им. Ленина, где на месте парка с вечным огнем было трамвайное кольцо. От него трамваи шли дальше по ул. Лермонтова на линии и к заводу им. Баранова, у которого тоже было кольцо. А на месте, где сейчас продают цветы, у площади Ленина была трамвайная диспетчерская. На месте нынешнего музыкального театра, на повороте с ул. К. Маркса на ул. Лермонтова, два трамвайных пути соединились в один, а потом снова расходились. Трамваи не могли разъехаться, и каждый трамвай ждал, пока проедет встречный. На повороте они ехали медленно, и можно было вскочить на подножку, так как двери не были автоматическими, их сами открывали и закрывали. А вообще к трамваю цеплялись со всех сторон и даже ехали чуть ли не на крыше и между вагонами, и где хотели – спрыгивали. Эти трамваи не отапливались, и водитель с кондуктором зимой замерзали. Водители, бывало, надевали зимой по две пары валенок сразу. У этих трамваев были внизу сетки, которыми можно было поймать человека, который падал под трамвай, чтобы его не зарезало.

Однажды наш трамвай ехал вечером в депо, а на рельсы бросился мужик пьяный, но я вовремя успела выбросить сетку, это его и спасло. Позднее пришли новые трамваи, у которых кабина была теплой, а салон не отапливался. И все равно в кабине зимой замерзали стекла. Тогда водители брали мешочек с солью и протирали стекла, которые все равно через несколько минут снова замерзали. Зато двери были автоматическими. Еще был трамвайный маршрут от ул. 11-я Ремесленная, где было депо, через Центральный рынок на месте теперешнего Торгового центра) и к площади у кинотеатра Маяковского. На месте кинотеатра тогда стояли частные дома, а на самой площади было трамвайное кольцо».

Сложная организация трамвайного движения сохранялась и в первой половине 1950-х гг. Рассказывает С. А. Мазурская,

1934 г. р. Летом 1954 г. она сдавала вступительные экзамены в институт. Хорошо сдав первый экзамен, она очень опаздывала на второй экзамен, так как задержалась из-за аварии на заводе, где тогда работала. «В те годы главный транспорт – трамвай. Кольцо трамвая находилось у Парка культуры, напротив нынешнего здания филиала Московского финансово-экономического института. Улица Б. Хмельницкого, по которой ходил трамвай, не имела почти ничего общего с тем, какой является она сегодня. Улица была узкая, с одной стороны двухэтажные кирпичные дома, в которых жили заводчане. Ехать трамваем нужно было до нынешнего кинотеатра им. Маяковского, но на этот не столь далекий путь уходило много времени, так как трамвайный путь был однопутным. На остановке “9-я Линия” путь раздваивался, здесь приходилось подолгу ждать встречного трамвая из центра города. Следующий встречный трамвай ожидали напротив нынешнего Музыкального театра. На дорогу от трамвайного кольца на ул. Б. Хмельницкого до остановки “Ул. Интернациональная” (кинотеатр им. Маяковского) уходил целый час».

В 1950-е гг. постепенно главным видом городского транспорта становился автобус. Процесс становления автобусного движения затруднялся плохим состоянием городских дорог, что затрудняло движение. Об одной проблеме, связанной с омскими реалиями, рассказал Н. С. Кузнецов (1926 г. р., работал в Омске шофером с 1952 г.): «Шоферам тогда (в первой половине 1950-х гг. – М. Б.) было очень сложно работать: город был засекреченным, и руководство, строя новые предприятия, старалось их скрыть, искать шоферам долго приходилось». Многие респонденты говорят, что «автобусных маршрутов было мало», «автобусы были – пазики, маленькие очень», «позже поступили большие автобусы, которые назывались “красные автобусы”» (К. М. Селиванова). В разных воспоминаниях перечисляются автобусные маршруты, причем подчеркивается их единичность: «в начале 1960-х гг. от железнодорожного вокзала ездил маршрутный автобус в городок Нефтяников», «от Драмтеатра до Восточного поселка (сейчас – Комсомольский поселок) ходил автобус № 6 (К. М. Селиванова), «первый автобус на ул. Демьяна Бедного (уличное название района – «Сахалин») пустили в 1957 г. по маршруту «Железнодорожный вокзал – Телевизионный завод»

(В. П. Лалкин, 1940 г. р.). Можно резюмировать эти высказывания словами А. Я. Щетина, который приехал в Омск в 1955 г.: «С транспортом в городе было плохо. В центре города ходили трамваи и автобусы. А на окраинах их было крайне мало, в основном ходили пешком. Были достаточно распространены и лошади».

На то, что медленно расширялась автобусная сеть, сетовали и респонденты, рассказывавшие о начале 1970-х гг.: «В 1972 г., когда мы сюда (на пр. Королева. – М. Б.) переехали, здесь было только три девятиэтажных дома, остальное – частный сектор. По проспекту Королева ходил только один 61-й автобус, и то с часовыми интервалами. Остановки были лишь обозначены столбами. Ходили на остановку к Политехническому институту. Весь этот район назывался Даманским поселком» (Е. А. Жихаренко, 1937 г. р.).

В 1970-е гг. Омск быстро развивался, в город приезжало много людей. Они вспоминают о том, что сложной и разветвленной стала транспортная сеть, в которой было трудно ориентироваться: «Когда только приехала в город (в 1975 г. из Усть-Ишимского района Омской области. – М. Б.), жила на Левом берегу... Город поразил меня загазованным воздухом, грязным снегом (в тайге такого никто не видел и не знал), обилием автомобилей и однообразием пятиэтажных домов. Конечно, постоянно боялась проехать свою остановку. Теперь со смехом вспоминаю, как я ориентировалась: по ул. Красный Путь был какой-то детский сад, во дворе которого была фигура большого белого лебедя. Если я видела белого лебедя, то успокаивалась, что еду в том направлении, и начинала готовиться к выходу, хотя до моей остановки было еще семь остановок» (Н. П. Жерновкова, 1958 г. р.).

Для бывших сельчан сложно было ориентироваться в системе нумерации маршрутов, в правилах поведения в общественном транспорте: «Я приехал впервые в город в 1972 г. Деревенскому парню тяжеловато первое время было. Сначала даже в автобус сесть не мог. Стеснялся кого-то толкнуть, кого-то задеть. Опоздывал на работу из-за этого поначалу» (В. И. Бычков, 1952 г. р., приехал в город из Муромцевского района Омской области).

Когда разговор заходил о конце 1960–1980-х гг., респонденты вспоминали о других видах транспорта: «Мы, студенты, имея стипендию 20–28 р., могли за 1 р. доехать от железнодорожного вокзала до площади Ленина на такси» (Н. Г. Богомолова,

1944 г. р.). В некоторых материалах описывается городская стоянка такси по ул. Лермонтова. Упоминается и снижение интереса к трамваю. Как заметила Н. Г. Богомолова, характеризуя перемены к лучшему в организации общественного транспорта, «и трамваи не гремят по центральным улицам...».

Завершая обзор рассказов об омском общественном транспорте 1930–1980-х гг., можно подчеркнуть, что воспоминания, записанные в 1990-х годах, наполнены духом прошедшего времени, гордостью за позитивное развитие страны, надеждой на лучшее.

АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНАЯ СРЕДА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ. ОБЛИК И ОБРАЗ ГОРОДА

А. М. КАРИМОВ

*Омск, Представительство Российской академии архитектуры
и строительных наук*

ПЕРЕДАЮЩАЯ АРХИТЕКТУРА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА, ОСНОВАННОГО НА ПРИУМНОЖЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ (по материалам Всемирных конгрессов Международного союза архитекторов в Турине и Токио)

Термин «передающая архитектура» был принят на XXIII Всемирном конгрессе Международного союза архитекторов в Турине с целью определить одно из главных предназначений архитектуры как объекта, который наиболее точно и объективно передает культуру своего времени. Об этом феномене архитектурных произведений очень точно и емко выразился великий Виолле-ле-Люк, заявив, что «архитектура – это безжалостное зеркало состояния культуры и экономики нации».

Архитектура, как необходимое пространство культуры, прежде всего, подвергалась разрушению, чтобы (перефразируя Н. В. Гоголя) навсегда вырвать страницы каменной летописи, которая «говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе».

Залогом, что в нашем городе еще могут сохраниться неповторимые страницы нашей каменной летописи, представляющие наибольшую ценность для нашей культуры, и, в отличие от других городов Сибири способны обеспечить в том числе и инвестиционную привлекательность нашего города, служит историческое совместное постановление губернатора Омской области и мэра Омска № 370-п: «О создании культурно-исторического общественного центра “Омская крепость”, которое, к сожалению, в не-

которых пунктах не только не исполняется, но и нарушается. Границы культурно-общественного центра были обозначены улицами Масленникова, Куйбышева, Фрунзе, Октябрьская, набережными рек Иртыша и Оми.

Весьма значительна была и преамбула этого исторического совместного постановления губернатора и мэра, где предполагалось объединить усилия в «целях достойной встречи XXI столетия, трехсотлетия города и создания полноценной комплексной культурно-исторической среды Омска – центра региона, возрождения духовности, патриотизма, нравственности и формирования самосознания, гордости и ответственности граждан за развитие родного края».

Ставилась задача формирования социально значимой идеи, которая должна объединить разрозненных жителей в единый коллектив граждан города Омска (наподобие той, которая превратила степной Омск в город-сад), когда все горожане были охвачены энтузиазмом озеленения, благоустройства, что делало их истинными патриотами города.

Подобной социально значимой идеей может стать архитектура – как необходимое пространство культуры, должна стать история, реализация принципа «гения Места» (материализация в градостроительном пространстве мифов, традиций, менталитета народа), формирование так называемой «историко-градостроительной доминанты» при разработке градостроительной стратегии, чтобы в ее основу были положены принципы воссоздания пространства Ермака, Ф. Достоевского, М. Врубеля, Л. Мартынова.

Особенно это актуально, когда мы готовимся к встрече 300-летия Омска, в котором его историческая сущность является не только нашим главным достоянием (по сравнению с другими сибирскими городами), но и мощным средством (при умелой регенерации среды) инвестиционной привлекательности. Можно уверенно утверждать, что наш город – это своеобразный музей, экспонаты которого в виде архитектуры отражают различные периоды его истории, и недопустимо, когда некоторые «страницы каменной летописи» безжалостно уничтожаются или бездарно «переписываются».

Психологическое, физиологическое, эстетическое воздействие архитектуры на формирование личности человека намного активнее, чем других видов искусств. Более того, качество «пространства архитектуры» постоянно (и принудительно) воздействует на подсознание человека, формирует его зрительные образы и социальную сущность. Поэтому необходимо ускорить разработку и утверждение охранных зон города, в которых устанавливается особый режим землепользования. В постановлении № 370-п сказано, что территория культурно-исторического общественного центра «Омская крепость» представляет ценное историческое и культурное наследие и является достоянием населения всего региона Омской области. Поэтому необходим юридический статус территории (установление градостроительных ограничений, регламентов, сервитутов).

Сегодня возникла необходимость, реализуя понятие историко-градостроительной доминанты, создать авторский коллектив историков, краеведов, архитекторов, чтобы путем установки памятников, памятных знаков, восстановления топонимики обогатить семантику городского пространства: завершить памятник Федору Достоевскому, установить памятники и памятные знаки Михаилу Врубелю, Ивану Шпрингеру, Ермаку, Григорию Потанину (обозначить место гражданской казни за организацию Соединения штатов Сибири), Петру Клодту, Ивану Карбышеву, Николаю Ядринцеву, Григорию Катанаеву и др.

Без музеефикации городского пространства, без ощущения общности нашего общего дома (нашей малой Родины), без возрождения художественного качества архитектуры не возродить культуру, духовность и достоинство российской нации в целом и гражданина Омска в частности. Ибо если культура – это «духовный каркас» личности, то архитектура – это пространственный «каркас» культуры.

Именно теме, как сохранить культуру, приумножить традиции, основанные на реализации менталитета нации, был посвящен архитектурный конгресс в Турине (с продолжением в Токио), на котором были рассмотрены темы прошлого (культура), настоящего (демократия) и будущее (надежда).

Блок «Прошлое как архитектурная культура и передаваемое наследие» был представлен такими тезисами, как: и суть архитектуры в передаче истории и культуры»; человеческая любовь к исторической архитектуре – это привязанность к своим корням; архитектура как средство борьбы с негативными политическими решениями, связанными с нарушением наследия, якобы для процесса развития; моральная ответственность архитектуры и архитекторов за сохранение культурного и исторического наследия; просвещение общественности с целью понимания истинной культурой ценности хорошей архитектуры.

Блок «Настоящее (Городская демократия)» был представлен такими направлениями, как: архитектура как «гибридная» область (сочетание искусства и техники); архитектура как средство достижения гуманных целей; архитектура, реализующая политические цели; архитектура как компромисс между взыскательным требованием творца к своему произведению и требованиям рынка; реализация принципа вовлечения граждан в обсуждение проектов и прозрачность принимаемых решений; архитектор как носитель социальной роли, основа профессии архитектора базируется на умении слышать, передавать, критически переосмысливать и воображать будущее.

Блок «Будущее. Надежда (Непрерывная устойчивость)» был представлен такими позициями как: изменение отношения к архитектуре как к «зацементированной зоне» или «экомонстру» (результат игнорирования вопросов экологии и принципов устойчивого развития); архитектура должна украшать ландшафт и восполнять историческое наследие; необходимость применения энергосберегающих технологий, так как 70 % потребляемой энергии идет на освещение, отопление, охлаждение и эксплуатацию зданий; необходимость применения экологически безвредных материалов и технологий; необходимость разработки экологически устойчивых сооружений, не ухудшающих окружающую среду.

Архитектура – это компромисс, который сохраняет прошлое (память), создает настоящее (тонко реагируя на мнения граждан) и продвигает общество к лучшему будущему (реализуя новейшие технологии). Это тот буфер, который смягчает слои настоящего, продвигая общество к лучшему будущему.

Ю. Р. ГОРЕЛОВА

*Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии,
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

ОБРАЗНЫЙ КАРКАС СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ВЗГЛЯД КУЛЬТУРОЛОГА

Значимость исследования образных характеристик региональной культуры определяется особой ролью данного социокультурного феномена на современном этапе развития человеческой цивилизации. Своеобразным ответом на распространение ценностей массовой культуры (внеациональной по своей сути и духу) является тенденция локализации и процессы обостренных поисков культурной идентичности. Соответственно уровню (степени) локализации эта тенденция проявилась, во-первых, в виде повышенного внимания к сохранению и развитию региональных проявлений этнической составляющей культуры (всплеск возникновения национально-культурных центров и коллективов этнической направленности, всплеск научного интереса к этнонациональной проблематике). Во-вторых, в виде повышенного внимания к культурной специфике Места (региона, города), выразившейся как в усиленных попытках научно и философски осмыслить проблему, так и в активном желании выявить, а при необходимости и сформировать (посредством необычной архитектуры, скульптуры, брендовых мероприятий) привлекательный и эксклюзивный образ территории и способствовать его тиражированию как внутри региона, так и за его пределами.

Мы разделяем мнение О. А. Лавреновой о том, что «образ Места – необходимый элемент семантической упорядоченности мира. Взгляд на локальность извне и изнутри – с точки зрения национальной и местной культуры – позволяет всесторонне оценить ее значимость и значение, осмыслить место жительства или место пребывания в контексте системы ценностей и семиотических кодов культуры. Осмысление провинциальных локусов и пространства провинции дает возможность “прочтения” и “проживания” истории и трансцендентных категорий, что, в свою очередь

создает первооснову самоидентификации культуры провинции и ее идентификации в культуре страны»¹.

Актуальность выявления специфики образного каркаса именно современного города, помимо вышеуказанных, определяется еще рядом факторов. По мнению современных исследователей, образ современного города зачастую размыт и нецелостен по причине внедрения в градостроительную структуру во второй половине XX в. новых районов, оценка вообразимости и читаемости которых очень низка. Кроме того, в современных больших городах в силу масштабов городской среды изменился характер ее восприятия, понимания и оценки. Человек вынужден «собирать» образ из элементов пестрой мозаики, разбросанных не только в пространстве, но и во времени. Перенасыщенная и недоступная одномоментному восприятию визуальная среда современного крупного города начинает восприниматься как пустота, тем самым усложняется задача формирования единого и устойчивого образа Места. Как отмечают исследователи, большой город разгружает мышление и перегружает зрение². Взгляд останавливается уже только на чем-то небольшом, ломающем привычные представления о цвете, свете, фактуре, форме и их взаимной динамике. В этих обстоятельствах целостный образ Места помогает восприятию, делая городскую среду близкой и понятной.

Образ – способ взаимодействия человека и мира, посредник между сознанием человека и внешней реальностью. Образы, с одной стороны, создаются самим человеком, с другой стороны, формируют его восприятие окружающей реальности. Воспринимая предмет или явление, человек всегда соотносит результаты своего непосредственного восприятия со всей совокупностью собственного социокультурного опыта (установками определенной культуры, социума, стереотипами сознания, результатами восприятия других людей, запечатленных в художественных либо научных текстах, в изобразительном искусстве, транслируемых через СМИ и т. д.). Исходя из собственного опыта и определенной ситуации, человек отбирает, организует и наделяет значением то, что видит. Будучи сформированным, образ начинает ограничивать круг воспринимаемого, что-то подчеркивать, что-то ретушировать. В результате образы одних и тех же предметов и явлений

могут существенно различаться в разных социокультурных средах и в различных ситуациях.

Использование категории «образ» для анализа территории позволяет исследователям актуализировать те или иные аспекты и характеристики среды. Во-первых, посредством категории «образ» возможно соединение мира материальных вещей и явлений с миром идей и сущностей. Образ территории необходимо опираться на особенности конкретной предметно-пространственной среды, включающей в себя, прежде всего, архитектурно-планировочную и природно-ландшафтную составляющие. С другой стороны, образ территории выступает как рефлексия личностей и сообществ, населяющих данное пространство. На основе систематизации и упорядочивания разрозненных ощущений и переживаний происходит формирование целостного объемного представления, закрепленного посредством речевых либо изобразительных средств. Во-вторых, образ выступает закономерным результатом саморефлексии, переживания себя в окружающем мире. В-третьих, категория «образ» позволяет высветить культурную обусловленность моделей восприятия окружающего пространства. При формировании образа происходит соотнесение внешне воспринимаемой картинки (облика города) с системой уже существующих в сознании человека культурно и социально обусловленных стереотипов восприятия и мышления.

Процесс формирования образа всегда связан с концентрацией, сгущением определенных представлений. На этом основании «образ» помогает воспроизводить мир не только со стороны «явления», но со стороны «сущности», сохраняя при этом, в отличие от «научного понятия», богатство и полноту, свойственную чувственно-эмоциональному восприятию действительности. Образ представляет собой систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо (в частности города).

В связи с тем, что город является скорее динамично развивающейся системой, нежели совокупностью разнообразных вещей, явлений и процессов, структура его образа также чрезвычайно сложна, многоуровневая и динамична. Различные исследователи предлагают различные варианты и критерии структурализации

пространственных образов или образов пространственных объектов (каким является город).

По мнению Д. Н. Замятина, в структуре самого образа можно различить его ядро и оболочки³. Ядро включает наиболее важные и устойчивые знаки и символы, характеризующие образ. Оболочки – система концентрических колец вокруг ядра. Первый уровень – периферия образа – достаточно значимые, но менее устойчивые знаки и символы; второй уровень – ближняя периферия – знаки и символы потенциально важные, но слабо используемые; третий уровень дальняя периферия – знаки и символы, возможные в характеристике образа, но их значимость пока не ясна. Замятиным предлагается структура базовой модели идеального географического образа, которая может быть применена и к образу региона. Первый основной блок включает базовые качественные характеристики; второй – совокупность ключевых метафор Места, основанных на объективных характеристиках места, третий блок – метафоры, взятые из научных и художественных текстов, четвертый – блок синтеза, что в данном случае предполагает выбор ключевых знаков и символов, определение дополнительных знаков и символов, работающих на повышение выразительных свойств основных.

И. А. Игнатьева для анализа динамики образных характеристик Екатеринбурга пользуется понятием «образный каркас» города, под которым следует понимать свойства города, сохраняющие принципиальное значение для формирования его образа, несмотря на смену культур и физические изменения в его облике⁴. Структуру образного каркаса города, считает автор, составляют такие элементы, как: во-первых, смысл города, обычно данный ему при основании и часто выраженный устойчивым словосочетанием (в случае с Омском, например, «город-крепость». – Ю. Г.); во-вторых, наиболее яркие качества города в целом, определяемые характером ландшафта и общими принципами освоения пространства (например, «город-сад», «город на Иртыше» или «город на слиянии рек» и др. – Ю. Г.); в-третьих, особенности прочтения планировки города; в-четвертых, общий характер застройки; в-пятых, места-символы города³. В целом соглашаясь с предложенной трактовкой, следует отметить, что, по нашему мнению, акцент в данном случае однозначно смещается на опре-

деление параметров визуально-воспринимаемой реальности, и только использование категории «смысл» отсылает нас ко второй, не менее значимой, с нашей точки зрения, модальности образа – к проблеме восприятия реальности городским сообществом и отдельными его группами и представителями. Как нам кажется, образ города следует рассматривать как совокупность двух подсистем – существующей в объективной реальности и складывающейся из особенностей культурно-антропогенной (созданной человеком) среды и природно-ландшафтных характеристик (заданных природой), а также «мифической», бытующей в сознании горожан. Таким образом, автор исходит из признания двойственной природы бытования образа города. С одной стороны, он проявляет себя в объективной реальности как конкретная предметно-пространственная среда, включающая в себя, прежде всего, архитектурно-планировочную и природно-ландшафтную составляющие. С другой стороны, образ города выступает как рефлексия личностей и сообществ, населяющих данное пространство. В этом смысле образ города задается совокупностью образов-символов, мифов, отражающих визуально воспринимаемый облик города, отраженный в сознании его жителей.

Таким образом, использование категории «образ» предполагает рассмотрение архитектурной составляющей городского пространства не только с точки зрения реалий архитектурного текста, но и с точки зрения «прочтения» – восприятия этого текста горожанами. Исходя из данных теоретических посылок, нами были сформулированы две основные задачи: во-первых, кратко охарактеризовать основные тенденции архитектурно-ландшафтной среды современного города; во-вторых, выявить основные параметры восприятия города (прежде всего, восприятия визуальной среды) горожанами.

Относительно основных характеристик архитектурной среды современного Омска следует отметить следующее. Город, являясь на сегодняшний день крупным мегаполисом, одновременно представляет собой город с богатым историческим прошлым. Основанный в 1716 г., к настоящему времени город сохранил ряд памятников истории и архитектуры, относящихся к XVIII–XIX вв. Значительное количество памятников архитектуры и градостроительства сосредоточено на территории первой и второй

Омской крепости, в современном центре города, где в силу дороговизны земли архитектурное пространство пресыщено, что порождает порой ситуации, когда зеркальная высотка полностью растворяет в своей тени стоящий по соседству особняк начала прошлого века. Многие памятники под видом реставрации просто сносятся, в лучшем случае их потом по старым чертежам отстраивают заново. Во многих случаях на месте снесенного памятника просто возникает еще один офисный или торгово-развлекательный центр.

В 1990–2000-х гг. одной из тенденций становится тенденция изменении функции помещений. Также следует отметить приспособление первых этажей жилых домов под различные торговые помещения или размещение организаций сферы услуг. Появление множества разнообразных мелких организаций, на свой вкус и цвет перекрашивающих город, заставило архитекторов и городские власти задуматься о формах контроля данного процесса и привлекло внимание к организации городского «партера».

В конце XX–XXI вв. большое разнообразие наблюдается в плане освещения города. Кроме освещения центральных улиц, магистралей, мостов, можно отметить освещение наиболее значимых в историко-культурном и визуально-эстетическом отношении зданий и ансамблей (здание драматического театра, комплекс бывших торговых рядов Любинского проспекта, храм на улице Тарской, восстановленный Успенский собор и др.).

Для развития архитектурной среды Омска рубежа XX–XXI в., как и других российских городов, характерно появление новых элитных районов индивидуальной застройки. Первыми ласточками комфортного элитного жилья в Омске стали дома на ул. Лермонтова (№ 24), пр. Маркса (№ 61/1), Иртышской набережной (№ 10/1). В ряду таких новостроек – высотный жилой дом на ул. Учебной, 90, возведенный в 1997 г. (архитектор А. В. Бегун); жилые дома повышенной комфортности на ул. Маршала Жукова, дом на Иртышской набережной, 10/1 в стиле хай-тек (2006 г., архитекторы О. М. Фрейдин, О. Р. Кулагина) и др. Элитные дома часто образуют целые относительно замкнутые жилые комплексы с собственной инфраструктурой. Зачастую такие жилые комплексы получают собственные названия: «Седьмое небо» (на пересечении улиц 10 лет Октября и Декабристов), «Янтарный дом»

(угол улиц 10 лет Октября и Куйбышева) и др. На карте Омска последних двух десятилетий возникли очертания новых коттеджных поселений с развитой инфраструктурой.

Для современного этапа характерно строительство значительного числа торгово-офисных комплексов. В Омске одним из первых появился торговый комплекс на Театральной площади (1999 г., архитектор В. П. Паровышний), за ним – «Летур» на ул. Гагарина (архитектор В. И. Чигарев), «Айсберг» на ул. Красный Путь (архитектор В. А. Проскурнин), «Флагман» на ул. Герцена и др. Авторы стремятся придать своим постройкам яркий и запоминающийся образ. Приметой времени стало значительное по площади остекление фасадов (часто – самой необычной конфигурации), которое становится знаком успеха и престижа. Пример тому – здание торгового комплекса «Айсберг». Другим ярким примером активного использования витражей является здание торгово-развлекательного комплекса «Эгоист».

В ряду торговых комплексов, построенных в последнее время в Омске, можно также отметить «Маяк», «Океан» и др. Высокие с эффектным и оригинальным композиционно-пространственным завершением здания торгово-выставочных комплексов формируют силуэт застройки и способствуют формированию урбанизированного пейзажа (пример, торговые комплексы «Каскад», «На Герцена» и др.). В архитектурном облике мегамолов (таких как «Бауцентр», «Континент», «Лента», «Эльдорадо», «ИКА» и др.), расположенных, как правило, на удаленных от центра территориях, главный упор сделан на экономичность, прочность построек и их функциональность.

Наоборот, при проектировании и строительстве зданий для банков и офисов крупных компаний архитекторы делают ставку на оригинальность и престижность создаваемого визуального образа. Таковы центральный офис омского отделения Сбербанка России на ул. Маршала Жукова (1994 г., архитекторы В. Б. Бадрин, Н. В. Евсеев) и здание ОАО «Омскпромстройбанк», возведенное в 1996 г. в самом центре города на ул. Орджоникидзе (архитектор С. В. Амелин). Пронзительно белое, с зеркальными стеклами здание банка выделилось среди разностильных исторических построек. Его объемы, собранные в единую сложную пространственную композицию, по пластике

напоминали кубистическую скульптуру. Зеркальное остекление, впервые примененное в Омске в таком большом объеме, позволило зданию вписаться в исторически сложившуюся среду, органически растворившись в ней.

В последние десятилетия в Омске было построено значительное количество спортивных сооружений – дворцовых комплексов, стадионов, бассейнов, залов и площадок. Можно вспомнить уникальный крытый футбольный манеж стадиона «Красная звезда», ледовые дворцы спорта в поселках Амурский, Чкаловский, многофункциональный спортивный комплекс «Арена-Омск».

Наряду со строительством новых зданий, в городе в настоящее время наблюдается тенденция к обновлению (перестройке) или перепрофилированию зданий, построенных ранее. В 2005 г. торгово-офисный центр «Каскад» открылся в «недострое» советских времен на пр. К. Маркса. Среди объектов, получивших «новое рождение», стоит отметить многозальный киноцентр «Галактика» (перестроен из кинотеатра «Родина») и культурно-досуговый центр «Атриум-кино». В 2005 г. после кардинальной реконструкции открылся муниципальный кинотеатр «Космос». Театр куклы, актера и маски «Арлекин» открылся в здании бывшего дома культуры «Молодежный» в начале 2006 г. (руководитель проекта В. А. Проскурнин).

Для Омска, как и для большинства крупных современных городов, на сегодняшний день характерна проблема старения жилого фонда, следовательно, проблема его реконструкции. Программы по реконструкции и сносу ветхого жилья и строительству нового активно реализуются во всех районах города.

В последнее десятилетие в Омске активно реконструируются и отстраиваются заново по старым фотографиям разрушенные в советский период храмы и историко-архитектурные памятники. Одним из интереснейших в архитектурно-градостроительном плане проектов, разработанных и частично реализованных омичами в последние годы, является проект «Омская крепость». Для развития современного архитектурного пространства Омска, как и большинства других городов России, характерно восстановление разрушенных и строительство новых храмов. Панораму современного Омска обогатили православный Христорождественский собор (2001 г.), мечеть в восточном стиле (в районе ул.

10 лет Октября), кирха с неоготическими мотивами (в районе железнодорожного вокзала) и др. В 2001 г. в самом центре Омска была построена церковь во имя Святого Иоанна Крестителя (В. А. Шевченко, О. А. Михеев, Г. Стравинский, конструктор В. Подрезов). 15 июля 2007 г. состоялась торжественная церемония открытия Успенского кафедрального собора. Восстановление старых и строительство новых храмов существенным образом обогатило городской силуэт и оказало значительное позитивное влияние на обогащение визуальной среды города.

Не имея в рамках одной публикации возможности изложить весь накопленный автором к настоящему времени материал, касающийся восприятия описанных выше изменений городской среды самими горожанами, остановимся лишь на ряде аспектов. При подготовке к проведению социологического исследования, направленного на выявление субъективного образа города (как отражения реалий визуальной архитектурно-ландшафтной среды) жителями Омска, нами была исследованы основные социально-демографические характеристики генеральной совокупности (т. е. жителей города в целом). Величина уточненной выборочной совокупности составила 1000 чел. В соответствии со спецификой целей и задач исследования и по причине экономичности затрат времени и средств был выбран метод квотной выборки. На основании официальных статистических источников⁵ нами, были определены численность генеральной совокупности (жителей Омска); соотношение мужчин и женщин; соотношение по возрастам. На основании подсчетов по стандартной формуле расчета выборки мы получили цифры выборки, соответственно полу и возрасту. Кроме того, в соответствии со спецификой тематики опроса нам необходимо было стратифицирование выборки в соответствии с критерием проживания в определенном районе города. В соответствии с данными того же официального источника, нами было установлено количество проживающих в каждом районе города и на этой основе было вычислено количество респондентов определенного пола и возраста, проживающих в определенном округе⁶.

В качестве основных параметров, позволяющих охарактеризовать субъективное восприятие архитектурной среды города его жителями были избраны следующие: во-первых, совокупность представлений о наиболее выразительных местах, архитектурных

объектах и комплексах. Вторым значимым параметром оценки восприятия архитектурной среды можно назвать параметр ее выразительности – монотонности. Третий параметр – различия в восприятии функционально различных групп архитектурных объектов. Четвертый параметр – структурирование и зонирование городской территории. В данном случае значимым тезисом является признание того, что городское пространство неоднородно, в нем выделяются такие элементы, как «Центр» и «Периферия» (или окраинные территории).

В ходе процесса концептуализации, отмеченные выше теоретические признаки изучаемого объекта нами были переведены на язык измеряемых параметров, каждый из которых предполагал наличие вопросов-индикаторов. На основании их была сформулирована модель измерения. Выбранный нами метод массового опроса предопределил закрытый тип формулировки вопросов. При этом большинство вопросов имели не альтернативный характер. Исследование проводилось в октябре – ноябре 2012 г. в смешанном формате – интервьюирования и анкетирования.

Исследование показало, что местом в наибольшей степени отражающим своеобразие Омска и являющимся его визитной карточкой, 62,3 % опрошенных респондентов назвали Любинский проспект, 43,7 % – Драматический театр, 38,2 % – Соборную площадь и Успенский кафедральный собор (в ответах иногда отмечалась как площадь у кинотеатра Маяковского), 22,6 % – территорию Второй Омской крепости (респонденты отмечали в ответах просто «крепость» или «Омская крепость», часто упоминались Тарские и Тобольские ворота); 19,5 % – здание Музыкального театра. Из объектов культурного наследия дореволюционного периода, отражающих своеобразие Омска и признаваемых респондентами в качестве визитных карточек Омска, часто упоминались также здание Университета путей сообщения, ансамбль Казачьей площади; здание Администрации г. Омска. Из построек советского периода чаще всего упоминалось здание государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина; здание спортивно-концертного комплекса им. Блинова; дом со шпилем на Ленинградской площади (в ответах иногда «дом со шпилем у “Голубого огонька”», иногда просто Ленинградская площадь); здание Торгового центра (ТЦ) «Омский», здание Речного вокзала или площадь

у Речного вокзала, здание ТЮЗа. Из современных построек чаще всего отмечали здание «Арены-Омск».

Опрос выявил, что яркость и выразительность различных районов города респондентами оценивается по-разному. Подавляющее большинство респондентов отметили яркость и выразительность центра города; 12,2 % в качестве яркой и выразительной в визуальном плане территории города отметили ряд территорий Левобережья: район ул. Конева, Заречный бульвар, микрорайон «Прибрежный», районы «Арены-Омск», «Меги» и торгово-развлекательного комплекса «Континент». Нефтяники (прежде всего парк культуры и отдыха Советского округа и здание Дворец искусств им. А. М. Малунцева) отнесли к категории ярких и выразительных мест города 13,1 % всех опрошенных респондентов. Ленинский и Октябрьский округа в целом омичи не считают яркими и выразительными территориями. При этом в качестве яркого и выразительного места города 21,4 % опрошенных отметили парк 30-летия ВЛКСМ, находящийся на территории Октябрьского округа, некоторые респонденты отмечали выразительный характер застройки ул. Б. Хмельницкого на пересечении с ул. Маяковского. В Ленинском округе отдельными респондентами указывалась выразительность культурно-досугового центра «Галактика» и театра актера, кукол и маски «Арлекин».

Опрос показал, что территории, воспринимаемые омичами как безликие и монотонные, существуют на территории всех административных округов. В качестве таковых были названы прежде всего районы типовой пяти- и девятиэтажной панельной застройки во всех периферийных районах города.

Опрос выявил различное отношение горожан к разным типам застройки (частный сектор, типовые пятиэтажные и девятиэтажные здания, элитное жилье, торговые и офисные комплексы, производственные здания). Наиболее позитивно в визуальном и культурно-семиотическом плане жителями Омска оцениваются здания культурно-развлекательных комплексов, спортивных комплексов и кинотеатров. По мнению респондентов, данная категория зданий помогает ориентироваться в среде, украшает, создает яркие цветовые аспекты и неповторимую атмосферу. Достаточно позитивно оцениваются группы «многоэтажки (элитные)» и «торгово-офисные комплексы», хотя, естественно, распределение

ключевых функций отличается. Наибольшей противоречивостью в глазах омичей отличается восприятие частного сектора, который, с одной стороны, существенным образом способствует созданию серой и монотонной среды, перегружает пространство восприятия и утомляет, но, с другой стороны, способствует сохранению культурной памяти Места и созданию неповторимой атмосферы.

Наиболее негативное отношение омичи выразили к таким категориям зданий, как «многоэтажки (эконом)», «трех, пятиэтажки, хрущевки» и «промышленные и складские помещения». Около половины опрошенных считает, что серийные панельные дома, как трех- и пятиэтажные, так и девятиэтажные, создают серую монотонную среду и перегружают пространство восприятия. При этом интересно, что в случае с «хрущевками» значительно выше процент респондентов считающих, что они при этом все-таки характерны для Омска и помогают сохранению культурной памяти Места, в отличие от серийных девятиэтажных домов. При этом девятиэтажные панельные дома чаще, по мнению респондентов, создают яркие цветовые акценты и лучше помогают ориентироваться в среде. Что касается восприятия промышленных и складских помещений, то они более всего перегружают пространство восприятия, утомляют и способствуют созданию серой монотонной среды.

Выявление параметра территориальной стратифицированности и зонированности городского пространства выявило, что подавляющее большинство респондентов включило в понятие центр территорию в границах от ТЦ «Омский» и «Главпочтамта» до остановки «Голубой огонек» (она же «Ленинградская площадь»). Однако это ядро центра некоторыми респондентами было растянуто на север (в сторону Нефтяников), а другими на юг (в сторону железнодорожного вокзала). 23,1 % опрошенных отметили, что, по их мнению, центр располагается в границах от остановки ТЦ «Омский» и «Главпочтамт» (это одна остановка, но разные респонденты обозначали ее по-разному) до остановки «Университет путей сообщения»; 18,2 % – центр ограничен остановками «Кинотеатр им. Маяковского» – «Библиотека им. Пушкина» (это также одна остановка, но разные респонденты называли ее по-разному) и остановкой «Университет путей сообщения».

13,3 % – отметили, что центр ограничен остановкой у кинотеатра им. Маяковского и библиотеки им. Пушкина и КДЦ «Каскад»; 12,7 % ограничили центр остановкой «Рабиновича» и также Университетом путей сообщения; 10,2 % – остановками «Зеленый остров» и «Голубой огонек»; 7,4 % – остановками «Дом Туриста» и до остановки пл. Серова; 7,1 % – от остановки «Старозагородная роща» до Университета путей сообщения; 5,3 % – площадь Ленина – железнодорожный вокзал; 2,7 % – от «Старозагородной рощи» до «Голубого огонька».

Что касается восприятия окраинных и периферийных территорий, в качестве таких были отмечены Московка – 51,7 %; Порт-Артур – 48,7 %; Старый Кировск – 42,8 %; Чкаловский – 43,1 %; Солнечный – 35,4 %; окраины Нефтяников (респонденты отмечали районн остановки «Садко», район конечных остановок транспорта по улицам Стрельникова и Бархатовой, улицы Нефтезаводская, 22 Апреля, а также район Лукьяновки) – 14,7 %; Амурский – 13,1 %.

Таким образом, можно заключить, что сущностные характеристики визуальной среды современного города, в том числе изменения, произошедшие в среде в последние десятилетия, отразились в восприятии образа города его жителями. При этом часть данных изменений, как, например, строительство интересных по своему силуэту и колористке торговых и офисных зданий, оценивается жителями в основном позитивно, часть же, как, например, безликость и серость в районах панельных типовых зданий, – негативно.

---

¹ Лавренова О. А. Образ Места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Московский гос. ун-т: Ин-т мировой культуры; Перм. гос. ун-т; Евраз. ассоциация ун-тов ; отв. ред. Л. О. Зайонц ; сост. В. В. Абашеев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М., 2004. – С. 425.

² Давыдов В. А. Миф города в социокультурном контексте : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Тверь, 2004.

³ Замятнин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М., 2006. – С.103.

⁴ Игнатьева И. А. Образ исторического города : автореф. дис. ... канд. архитектуры. – Новосибирск, 2000.

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. На территории Омской области. О России языком цифр. / Федеральная служба государственной

статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. – Омск, 2012.

⁶ См. об этом более подробно: Горелова Ю. Р. Архитектурная среда города в восприятии омичей // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 73–81.

О. В. БОГДАНОВА

*Томск, Национальный исследовательский Томский
государственный университет*

ПРОЕКТНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ И ИНЖЕНЕРНО- ТЕХНИЧЕСКИЕ ФИРМЫ В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ГОРОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В архитектурной среде западносибирского города в конце XIX – начале XX вв. более значимую роль стало играть инженерное благоустройство. Наряду с различными благоустроительными мероприятиями, такими как устройство дорог, тротуаров, садов и т. п., осуществлявшихся ранее, появляются системы водоснабжения и электроосвещения, в результате чего существенно меняется инфраструктура города. Проектирование и устройство подобных систем осуществляли в основном российские ведущие и местные проектно-строительные и инженерно-технические фирмы, которые выполняли также работы по проектированию, строительству и ремонту зданий и сооружений. Подобные фирмы имели свои архитектурно-строительные кадры, но иногда привлекали к исполнению работ и местных зодчих. Рассмотрим частные примеры деятельности этих фирм в крупных городах Западной Сибири, являвшихся, как правило, административными центрами.

Значимым фактором в истории создания инфраструктуры западносибирского города был водопровод. Система водоснабжения появилась в городах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв., в первую очередь в наиболее крупных городах: в Тобольске – в 1901 г., в Томске – в 1905 г., в Омске и Тюмени – в 1915 г. В Барнауле водопровод был пущен только в 1919 г.¹ В средних и малых городах, как, например, в Бийске, в досоветское время водопроводная и канализационная система отсутствовала². Так же

обстояло дело и в Восточной Сибири, где к 1910 г. водопроводы имелись только в двух наиболее крупных городах: Красноярске и Иркутске³.

Разработкой и устройством системы водоснабжения в Западной Сибири занималось несколько фирм. Наиболее крупной фирмой было «Товарищество инженеров Н. П. Зиминых и К^о», известной под названием «Нептун». Фирма была основана в Москве в 1892 г. инженером Н. П. Зиминым и инженером-механиком К. П. Карельских и работала во многих крупных городах европейской части России: Нижнем Новгороде, Перми, Твери и др. В Западной Сибири фирма выполняла работы в городах Тобольске и Тюмени. В Восточной Сибири Товарищество осуществляло проектные работы по устройству водопровода в Иркутске в начале 1900-х гг. (был построен в 1906 г.) и в 1911–1913 гг. – в Красноярске⁴.

В Томске, в одном из первых западносибирских городов, решился вопрос о строительстве водопровода⁵. По результатам конкурса, в котором участвовало около десяти российских фирм, было решено работы отдать на откуп «Обществу механических заводов братьев Бромлей». Это же общество позднее участвовало и в конкурсе на возведение водопровода в Омске. Томский водопровод начал строиться в 1903 г., и в марте 1905 г. городской хозяйственно-противопожарный водопровод был открыт частично, а в 1908 г. был принят в эксплуатацию полностью⁶.

Уфимская фирма «Б. Я. Березан и А. И. Ворошило», специализировавшаяся на работах по устройству центрального отопления, вентиляции, водопровода и канализации, выполнила в 1912 г. проект и смету на устройство центрального водяного отопления в Кафедральном соборе Тобольска⁷. В 1911 г. эта же фирма занималась там устройством центрального водяного отопления при строительстве Народного дома и перестройке Народной аудитории⁸.

В Омске работы по сооружению городского водопровода осуществляло «Правление Акционерного общества Брянского завода», договор с которым на строительство был подписан в 1912 г., а торжественное открытие водопровода состоялось в 1915 гг. Вопрос об устройстве водопровода в городе рассматривался в городской думе еще в начале XX в. и кроме «Правления Акционерного общества Брянского завода» на разработку водопровода претен-

довали фирмы «Нептун» и «Общество механических заводов братьев Бромлей».

В Новониколаевске разработкой системы водоснабжения занялись в 1906 г., но водопровод был введен в действие уже при советской власти. Проекты водопровода для Новониколаевска, разработанные фирмой «Нептун» в 1910 г. и «Акционерным обществом Брянского завода» в 1913 г., остались в дореволюционный период нереализованными.

На рубеже XIX–XX вв. практически одновременно с системой водоснабжения в крупных городах Западной Сибири появилось электроосвещение. В Восточной Сибири электроосвещение с 1901 г. в Иркутске, там же постройка городской электростанции была закончена в 1910 г.⁹ В Западной Сибири первым городом, где появилась электростанция, стал Томск. В других западносибирских городах система электроосвещения появились позднее: была введена например, в 1915 г.¹⁰ – в Новониколаевске. В малых городах электроосвещение отсутствовало, за исключением частных примеров, когда оно имелось у отдельных состоятельных горожан¹¹.

«Технико-промышленное бюро» стало автором первой в Сибири центральной городской электростанции. «Технико-промышленное бюро», зарегистрированное в Томске еще в 1894 г., было основано и учреждено горными инженерами В. С. Реутовским и М. В. Гирбасовым¹². В 1895 г. фирма составила проект комплекса электростанций и технический проект электроосвещения Томска. Впервые электроосвещение в Томске было введено на мукомольной мельнице И. Фуксмана в районе Степановки¹³. До постройки городской электростанции небольшие станции по выработке освещения имелись при Императорском университете, в 1894 г. стала работать электростанция, дававшая свет в типографию и книжный магазин П. Макушина, а вскоре свет появился на спичечной фабрике Кухтериных. Электрическое освещение появилось в Томске в 1900 г. в каменном трехэтажном доме, находившемся на главной улице города и принадлежавшем купчихе М. Фуксман¹⁴. В начале XX в. «Технико-промышленное бюро» выиграло торги за право получения подряда на установку электрического освещения и оборудования на всех строившихся пред-

приятнях Управления акцизными сборами по Томской губернии и Семипалатинской области¹⁵. В частности, именно эта фирма устанавливала освещение в Томске на Казенном винном складе, являвшемся одним из крупнейших в Сибири. Отделения «Технико-промышленного бюро» размещались в Новониколаевске, Красноярске и Иркутске. Введение в строй городской электростанции в Томске опередило такие крупные российские города как Казань, Самару, Воронеж, Харьков, Уфу, Иркутск. Наряду с работами по обеспечению города электроосвещением, «Технико-промышленное бюро» выполняло проектные и строительные работы, для реализации которых привлекались и местные зодчие, как, например, гражданские инженеры К. А. Заранек и Э. Э. фон Шульман, художник-архитектор П. Ф. Федоровский и др.

Известное в России общество «Всеобщая компания электричества» по заказу И. М. Некрасова, который выступил в 1894 г. с инициативой устройства в Томске электроосвещения, составило смету на освещение города электричеством. Впрочем, городская дума отклонила услуги этой фирмы по причине дороговизны и через год отдала концессию на электроосвещение Томска «Технико-промышленному бюро».

Позднее «Всеобщая компания электричества» выполняла электрическое освещение комплекса зданий Омского сельскохозяйственного училища, построенного в 1910-х гг. Комплекс был выполнен в современных художественных формах, благоустраивался и оснащался новыми материалами и технологиями с привлечением московских и местных фирм. Наряду с «Всеобщей компанией электричества», акционерное общество «Држевецкий и Езиоранский» осуществляло постройку машин, санитарных сооружений, отопления и вентиляции. В Омске строительство городской электростанции началось в 1913 г. До этого свои электростанции уже имели Общественное собрание, драматический театр, кадетский корпус, техническое училище, магазин купчихи М. А. Шаниной и др.¹⁶

В конце XIX в. в Тюмени купцом И. И. Игнатовым была построена первая электростанция для освещения заводских корпусов и жилых домов на судостроительном заводе, в 1893 г. им же были электрифицированы тюменские пристани. Городская элек-

тростанция была сдана в эксплуатацию в 1909 г., а уже в 1912 г. была построена новая, более мощная. Устройством электростанции занималась организованная в Тюмени механико-электрическая контора и мастерские, которую возглавлял Ф. Ф. Поль, имевший уже подобную контору в Омске. В 1909 г. в Тюмени было зарегистрировано «Товарищество городских электростанций».

В Тобольске первая городская электростанция была построена в 1912 г., хотя небольшие частные станции имелись с начала XX в.¹⁷

Начало энергетики Барнаула относится к 1898 г., когда в доме купца П. Сухова была сделана первая домашняя электростанция¹⁸. В 1900 г. купец И. К. Платонов на территории своей усадьбы в центре Барнаула построил электростанцию, которая с 1915 г. перешла в собственность Сибирского торгового банка¹⁹. Строительство городской электростанции началось на берегу р. Оби в 1915 г., но и в 1917 г. не было завершено²⁰.

Наряду с большими фирмами, в городах Западной Сибири работали и небольшие местные фирмы. Так, например, в Тюмени еще в 1880-х гг. академик Ю. О. Дютель и тобольский губернский инженер П. С. Голышев организовали Строительное бюро, которое занималось составлением проектов и смет для общественных и частных построек, а также устройством водопроводов, отопления и вентиляции зданий. Электрическим освещением, устройством водопровода, отопления и вентиляции, а также строительством и ремонтом заводов занималась Техническая и судостроительная контора инженера-механика Г. И. Горбунова, находившаяся в Тюмени²¹. В 1911–1915 гг. эта контора выполнила работы по устройству электроосвещения при строительстве в Тобольске Народного дома и перестройке Народной аудитории.

Таким образом, введение в городскую среду западносибирского города систем водоснабжения и электричества находилось в руках в основном крупных проектно-строительных и инженерно-технических фирм. Они, как правило, проектировали и строили городские электростанции и проводили электричество на наиболее значимые объекты города. Следует отметить, что электроосвещение появилось в западносибирских городах в конце XIX в. и благодаря частной инициативе местных предпринимате-

лей, которые были заинтересованы в электрификации своих домов и предприятий.

---

¹ Баландин С. Н. Архитектура Барнаула. – Барнаул, 1974. – С. 57.

² Гончаров Ю. М., Литягина А. В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Барнаул, 2009. – С. 78

³ Гончаров Ю. М. Быт горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. : учеб. пособие. – Барнаул, 2008. – С. 59.

⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 59. Д. 666. Л. 15.

⁵ Дмитриенко Н. М. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н. М. Дмитриенко. – Томск, 1999. – С. 113.

⁶ Постановления Томской городской думы. № 239. О расчетах с фирмой Бр. Бромлей по сдаче городского водопровода // Известия Томского городского общественного управления. – Томск, 1908. – № 45–52. – С. 883–893.

⁷ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 901. Л. 110.

⁸ Там же. Д. 904. Л. 7, 15.

⁹ Гончаров Ю. М. Быт горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. : учеб. пособие. – Барнаул, 2008. – С. 55.

¹⁰ Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. – Новосибирск, 1973. – Ч. 1 : 1885–1950 гг. – С. 40.

¹¹ Тяпкина О. А. Внешний облик и благоустройство малых городов Западной Сибири во второй половине XIX в. / Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2001. – № 2. – С. 50–56.

¹² Зиновьев В. П. Горный инженер В. С. Реутовский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. – 1920-е гг. – Барнаул, 1997. – Вып. 2 : XVIII в. – С. 75–81.

¹³ Крюков В. Пионерам Гадалову и Кухтерину важны не прибыли, а свет // Сибирская старина. – 1998. – № 14(19). – С. 3–7.

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 540. Л. 97.

¹⁵ Андрущенко Б. К. Томский склад как структура казенной винной монополии в Западной Сибири // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX вв. : Материалы Всерос. науч. конф. (Томск, 22 мая 2007 г.) / отв. ред. В. В. Шевцов. – Томск, 2007. – С. 117–125.

¹⁶ Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.) : моногр. – Омск, 2006. – С. 124.

¹⁷ Копылов В. Е. Былое светописи. – Тюмень, 2004. – С. 693.

¹⁸ Барнаул: Энциклопедия. – Барнаул, 2000. – С. 38.

¹⁹ Целищева М. А., Слущкий М. А. Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. А. Никитина, В. П. Семибратов. – Барнаул, 2009. – Вып. XVII. – С. 429–437.

²⁰ Барнаул: Энциклопедия. – С. 57.

²¹ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 904. Л. 37.

Е. Ю. ПОЗДНЯКОВА

*Барнаул, Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова*

ГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИЯ И МИФОЛОГИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (к вопросу о городском хронотопе)

Пространство современного города семиотично, наполнено знаками, различными как по времени своего образования, так и по своей природе. Если исходить из того, что национальное культурное пространство – это «информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится “осязаемым” при столкновении с явлениями иной культуры»¹, то городское пространство можно понимать как сложный феномен, существующий как объективно, так и идеально, являющийся одновременно и частью национального культурного пространства, и одной из его объективаций.

Особое место в городском пространстве занимают городские тексты. Как пишет Ю. М. Лотман, «город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры <...> представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням»². Сложное переплетение разнообразных речевых произведений, текстов – устных и письменных, городских наименований и вывесок, рекламы и городской мифологии формирует неповторимый языковой облик современного города. Данные языковые явления, функционирующие на территории города и зафиксированные в речевых произведениях горожан, мы объединяем под термином *языковое пространство города*. Языковое пространство города существует в языковом сознании жителей города как фрагмент языковой картины мира горожанина, отражение объективного городского пространства в языковом сознании, некий идеальный образ города, как ретроспективный, так и современный.

Кроме того, с точки зрения семиотики город и сам может быть прочитан как текст, но текст особого рода – мифологизированный, наполненный аллюзиями, метафорами, нередко перекли-

кающимися между собой, «город говорит – своими улицами, переулками, площадями, домами»³. В этом огромном «котле» города смешиваются различные культуры, тексты, переплетаются история и современность. По словам Лотмана, «источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого»⁴.

При восприятии городского пространства мы имеем дело с субъективными моделями пространства и времени, зафиксированными в рассказах жителей города, в воспоминаниях, в городских мифах и легендах*. При этом временной план тесно сплетается с пространственным, образуя единый городской хронотоп, в котором события оказываются не только погруженными в определенный временной контекст, но и связаны с конкретными пространственными координатами. Городская топонимия в таких текстах неразрывно спаяна с городской мифологией, которая, в свою очередь, зачастую привязана именно к определенным точкам городского пространства. Т. В. Цивьян отмечает, что в «любом городе могут быть семиотически отмеченные «хронотопические» локусы»⁵, добавим, что такие культурно-значимые локусы становятся своеобразными генераторами мифотворчества.

Обозначим некоторые особенности городского мифологизированного хронотопа:

1. Временной пласт вписан в определенные пространственные координаты. Так, например, в воспоминаниях жителей Барнаула стихийно возникают картины городского пространства, истории отдельных мест города: «И вот приехали мы в Барнаул, нашли квартиру, подле выемки вот там, вот такой был Копай-Город, землянки настроены (женщина, 80 л.). «Вот так я впервые увидел Барнаул: дороги, конечно, бульжником – это в лучшем случае, были уложены, а так – песок, и, конечно, Барнаул дере-

---

* Речь идет о произведениях несказочной прозы, относящихся к топонимическим преданиям. – *Прим. ред.*

вянный. Вот небоскреб его называют, тут был в Барнауле, это было самое большое, и почти не было зданий» (мужчина, 80 л.).

2. Городские мифы и предания преимущественно связаны с историческим центром города, причем мифологизации подвергаются в основном точечные объекты – дома, церкви, отдельные архитектурные сооружения (памятники, скульптуры и т. д.); в меньшей мере мифологизируются планарные (площади, парки и т. п.) и линейные объекты (мосты, улицы и др.).

К примеру, в языковом пространстве Барнаула функционирует несколько городских легенд, самой популярной из которых является легенда о Голубой даме, описанная в пьесе М. Юдаевича. Легенда связана со зданием городской администрации Барнаула (пр. Ленина, 18), которое было построено в начале XIX в. по проекту архитектора Я. Н. Попова и являлось домом начальника Колывано-Воскресенского горного округа. Согласно легенде, живший в этом доме в XIX веке генерал из ревности замуровал живьем в стену свою молодую жену. Другая распространенная легенда повествует о том, как вследствие незаконной выплавки серебра на алтайских заводах А. Демидова 1 мая 1747 г. был подписан указ об их передаче в казну, и перед смертью Акинфий Демидов проклял свои заводы. В ознаменование его проклятия в майские дни на местах, где стояли заводы, время от времени происходят страшные бедствия (наводнение 1793 года, пожар 1917 г., в 90-е гг. XX в. сгорела гостиница «Империял», а затем здание Бюро технической инвентаризации).

Городские предания могут основываться на реальных фактах и событиях, например, барнаульцы старшего возраста рассказывают в своих воспоминаниях, что городские парки были устроены на месте старых кладбищ: «И еще по старой памяти люблю парк Меланжевого комбината, он сейчас называется парк Октябрьского района, по-моему, какой-то “Изумрудный”... Там же это же бывшее кладбище. И вот когда мы ходили девчонками на танцы, нас пацаны пугали, потому что тогда вот кости вылезали из земли. Там же и Планетарий когда строили – а Планетарий – это была часовня, где отпевали покойников (женщина, 67 л.). Парк на Горе – это кладбище, но при мне там уже не хоронили» (мужчина, 83 г.).

3. «Конфликт между жизнью и смертью» является излюб-

ленной темой городских мифов и легенд. Показателен в данном плане микротопоним «Дунькина роща». На месте, где в настоящее время расположен Алтайский технический университет, была сосновая роща, которую барнаульцы называли Дунькиной. Известно несколько версий происхождения данного названия. Согласно первой версии, роща была названа так в честь местной девушки Дуньки, которая повесилась на дереве от неразделенной любви к соседскому юноше. Согласно второй, девушка по имени Дуня была полковой проституткой, которая заразила стыдной болезнью несколько солдат расквартированного неподалеку гарнизона. Они поймали девушку, разрубили шашками и закопали в разных частях рощи. Согласно третьей версии, Дунькой звали предводительницу разбойников, которые обитали в здешних лесах. В одном из налетов банды на Барнаул Дунька погибла, и ее останки похоронили в роще. Еще одну версию находим в воспоминаниях старожилов: «И, говорят, где-то в одиннадцатом году, перед постройкой железной дороги, там повесили любовницу Мамонтова, Дуньку. Нашли на сосне раздету, вверх ногами повешенную, вот ее и прозвали – Дунькина роща» (мужчина, 64 г.).

4. К городским мифам можно отнести также и народную этимологию наименования города – астионима. Существует несколько этимологических версий названия Барнаула. М. Юдалевич пишет о том, что «в переводе с казахского Барнаул означает “есть аул”»⁶, отметим, что именно так трактует название города народная этимология: «На горе стоит аул – это город Барнаул» (из частушки). Кроме того, наименование Барнаул трактуется как удобное пастбище, стойбище или аул князя Барна.

5. Городское пространство осмысливается как частично, так и целостно (город на реке, город-крепость, старый – новый город и пр.): Барнаул – столица мира; Москва – третий Рим; Петербург – город на Неве.

6. В городских мифах часто актуализируется архетипическая модель мира со свойственным ей делением мира на «верхний» и «нижний». В городских условиях данная модель реализуется в рамках оппозиции «город надземный – город подземный». Т. В. Цивьян указывает на то, что «в контексте модели мира противопоставление этот, верхний мир = жизнь/тот, нижний мир = смерть

ориентировано на человека; между мирами проходит жесткая граница, переступить которую опасно»⁷. Например, в Барнауле существует легенда о подземном коридоре, который связывал здание Дворца бракосочетаний с соседним строением. Этот коридор якобы использовали для расстрела людей, приговоренных к казни.

Таким образом, городская топонимия, заведомо обладая пространственной семантикой, оказывается неразрывно связанной с городским хронотопом, при этом городская мифология «объясняет» городское пространство. В совокупности городская топонимия и мифология образуют городской мифологизированный хронотоп, являющийся своеобразной проекцией городского пространства в пространство культуры.

---

¹ Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М., 2004. – Вып. 1. – С. 11.

² Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2001. – С. 325.

³ Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. – СПб., 2001. – С. 74.

⁴ Лотман Ю. М. Указ. соч. – С. 325.

⁵ Цивьян Т. В. Указ. соч. – С. 74.

⁶ Юдаlevич М. И. Барнаул (1730–1917): историко-публицистический очерк о дореволюционной жизни Барнаула. – Барнаул, 1992. – с. 11.

⁷ Цивьян Т. В. Указ. соч. – С. 84.

А. И. ПРИЩЕПА

Сургут, государственный университет ХМАО-Югры

БЛАГОУСТРОЙСТВО И ОЗЕЛЕНЕНИЕ СУРГУТА В ГОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА «НОВОГО ГОРОДА»

В 1960-е гг. в связи с интенсивным городским строительством в Сургуте началась масштабная вырубка леса и отмирание его изолированных участков. В новых экологических условиях необходимо было заменять его и высаживать более стойкие культурные лесные породы. В Сургуте еще в послевоенные годы бригады молодых рабочих проводили дренаж его территории, организовывали комсомольские «субботники», объявляли «декады борьбы» за его чистоту, прокладывали новые тротуары и озеленя-

ли улицы. Как вспоминал известный краевед И. П. Захаров, в то время появились в Сургуте березовые рощи и парки у Черномысовской неполной средней и Сургутской средней школ. Энтузиастами и организаторами этого дела были молодые учителя Е. А. Кошкаророва, Н. П. Маковецкая, а так же В. С. Кочетков, А. Н. Сибирцев, В. П. Бирюков, А. Ф. Шандыров¹.

В 1949 г. комсомольцами Сургута был заложен парк им. XI съезда ВЛКСМ. К сожалению, тому парку не суждено было разрастись. В 1990-е гг. его и березовую рощу средней школы № 1, возвращенную комсомольцами сороковых-пятидесятых годов, активно вырубали под жилые дома богатых людей Сургута². Однако традиции массового участия жителей в озеленении города сохранились и в 1990-е гг. Тогда регулярно стали проводиться месячники по благоустройству города, в ходе которых осуществлялась посадка насаждений, ремонт инженерных коммуникаций, очистка территории. Так, в мае 1997 г. в ходе месячника был выполнен большой объем работ по благоустройству города. Его ход контролировали три рабочие группы. Победители получили ценные призы, финансируемые из бюджета администрации³. 25 сентября 1999 г. более 150 сургутян приняли участи в посадке деревьев на участке площадью 20 тыс. кв. м, подготовленном фирмой «Зеленстрой»⁴. Однако такая работа по озеленению Сургута велась стихийно и преимущественно по инициативе сургутской администрации, а также общественности города в ходе благоустроительных мероприятий.

Старожилы Сургута помнят бескорыстную заботу о благоустройстве города его жителя южанина Саши Магорамова, который в начале 1960-х гг. начал привозить из отпуска не фрукты, а семена трав и сам их рассаживал вдоль новых улиц. Его примеру последовали тысячи сургутян, сажая деревья и кустарники возле возведенных домов. Сегодня эти внутриквартальные посадки разрослись в некоторых местах города в тенистые рощи тополей, берез, ярких рябин и плакучих ив⁵.

По мере увеличения масштабов городского строительства в Сургуте экологическая работа на его территории начинает приобретать системный характер. В 1993 г. был создан комитет природопользования и экологии Администрации г. Сургута. Его воз-

главил человек, по настоящему преданный делу благоустройства Сургута, – В. А. Браташов. Он же был назначен начальником созданного в 1997 г. Департамента по землепользованию, природопользованию и экологии. Департаменту подчинялся и финансировался в части исполнения муниципальных функций Комитет по земельным ресурсам и землеустройству. Работа департамента осуществлялась особенно эффективно в 1997–2001 гг., когда Браташов являлся заместителем мэра Сургута. Возглавлявшиеся им службы имели статус юридического лица и самостоятельный бюджет для реализации природоохранительной программы города.

В 1993 г. Сургутской городской Думой по инициативе В. А. Браташова была принята первая редакция городской природоохранной программы, которая в 1995, 2000 и 2002 гг. подвергалась корректировке. В городе появились специализированные предприятия «Росток», «Сургутзеленхоз», «Зеленстрой», «Биоком». Для управления реализацией программы и экологической обстановкой в городе начинает формироваться структура специальных уполномоченных органов в области охраны окружающей среды. К 2003 г. она включала в себя Комитет природопользования и экологии администрации г. Сургута, Департамент имущественных и земельных отношений администрации г. Сургута, муниципальные предприятия Управление лесопаркового хозяйства, СЦ Природа, «Научно-производственный центр “Геоэкология”»⁶.

На озеленение муниципальные предприятия городская администрация ассигновала значительные средства. В 1996 г. эта сумма составила 10 000 000 р., в 1997 г. – 9 500 000 р.⁷ В 1999 г. бюджет отдела озеленения, входившего в состав Департамента по озеленению, природопользованию и экологии, составил 19 602 000 р. Из них на создание новых зеленых насаждений было направлено 3 533 000 р., на содержание зеленых насаждений 8 819 000 р. Остальные средства предназначались для проектирования и строительства парковых зон города, благоустройства его зеленых зон, строительства питомника древесно-кустарных пород и ряда других экологических объектов. В 2000 г. городская администрация выделила на благоустройство и озеленение Сургута 40 000 000 р., т. е. в два раза больше, чем в предыдущем году⁸.

В эти годы была создана система озеленения улиц Сургу-

та, базирующаяся на финансовой и материальной поддержке частных предприятий и активной работе отдела озеленения города в составе Комитета по природопользованию и экологии Администрации города. Это было тем более необходимо, что по всем типам зеленых зон Сургут в 1997 г. отставал от нормативов примерно в два раза. Если в расчете на одного человека согласно нормативам необходимо было иметь 21 кв. м насаждений, то фактически на одного сургутянина их приходилось в два раза меньше⁹. К 2000 г. площадь зеленых насаждений в пределах городской застройки увеличилась до 42, 6 % ее территории. Уровень обеспечения населения зелеными насаждениями достиг 50,7 %¹⁰.

В целом в 1993–2001 гг. в Сургуте площадь зеленых насаждений улиц, парков и скверов увеличилась без малого на 170 га. Социологическое исследование 2000 г. показало, что сургутяне считали благоустройство и озеленение самой значительной работой, проведенной администрацией города за последние десять лет»¹¹.

По итогам Всероссийского конкурса «Самый благоустроенный город России», в котором оценивалась деятельность администрации по благоустройству, вводу жилья, состоянию коммунальной сферы, в 1999 г. Сургут был признан четвертым среди 370 городов страны в номинации «средний город с численностью свыше 100 тыс. чел.»¹².

---

¹ Новый город. – 2003. – 10 июля.

² Там же.

³ Новый город. – 1997. – 15 мая.

⁴ Новый город. – 1999. – 28 сент.

⁵ Югра. – 2000. – № 6. – С. 30.

⁶ Обзор состояния окружающей среды города Сургута 1993–2002. – Сургут, 2003. – С. 120.

⁷ Сургутская трибуна. – 1997. – 11 июня.

⁸ Югра. – 2000. – № 6. – С. 30.

⁹ Сургутская трибуна. – 1997. – 11 июня.

¹⁰ Экополис. Экологическое приложение к газете «Сургутская трибуна». – 2000. – Январь. – Вып. 1.

¹¹ Югра. – 2000. – № 6. – С. 30.

¹² Вестник СТС. – 1999. – 14 июня.

Г. Н. СЕИДОВА

Дербент, Дербенский филиал Дагестанского государственного университета

ДРЕВНИЙ ДЕРБЕНТ В ПРЕДДВЕРИИ СВОЕГО ЮБИЛЕЯ

В последние десятилетия международное сообщество ставит проблему сохранения наследия, оценивая его как важный фактор культурного разнообразия и устойчивого развития. Однако, к сожалению, характер жизнедеятельности современного социума приводит к уничтожению установок на сохранение традиции. Актуальность же сохранения историко-архитектурной среды, как полагает Ю. Р. Горелова, определяется еще и необходимостью создания условий трансляции культурной традиции как таковой¹. Город справедливо считают наиболее древней и одновременно самой современной формой расселения людей, в которой в наибольшей мере отражен уровень социально-экономического и культурного развития общества на определенном этапе². Дербент – город-музей, обладатель Почетного диплома ЮНЕСКО за распространение идей толерантности и ненасилия. Он включен в список объектов Мирового культурного наследия ЮНЕСКО³.

Возникнув в глубокой древности, он не остался, подобно многим крепостям и «длинным стенам», только военным опорным пунктом, а превратился в средневековую эпоху в крупнейший феодальный город Кавказа⁴. Несомненно, что в каждом городе есть объекты, обладающие особой значимостью, определяющие его архитектурный облик, несущие особый эмоциональный заряд. Цитадель Нарын-кала, идущие от нее вниз по склону холма две городские стены с воротами и башнями, а также Джума-мечеть воспроизводятся в качестве визитных карточек города и определяют его зрительно воспринимаемый портрет. Материальные памятники обладают способностью хранить и передавать нам историческую, эстетическую, технологическую информацию, под воздействием которой формируются наши представления о прошлом, ориентиры для настоящего и приоритеты будущего. Архитектурные памятники Дербента создавались веками трудом и гением многих поколений, внесших в его облик нечто традиционное для каждой эпохи. В архитектуре и градостроительной технике города органично соединены традиции Закавказья, Ближнего

Востока и Передней Азии, Северного Кавказа и Средней Азии. По мнению М. С. Неймат, надписи на караван-сараях, мечетях, медресе, оборонительных сооружениях Баку, Апшеронского полуострова, Дербента позволяют сделать вывод о сходстве их градостроительных традиций⁵.

О Дербенте иногда говорят как об одном из древнейших «живущих» городов мира, старейшем на территории Российской Федерации. Наиболее древняя верхняя часть города разделена на девять кварталов, именуемых магалами. Их узкие кривые улочки, маленькие дворики, ремесленные мастерские и ковровый базар у ворот «Кырхляр-гапы», купола мечетей и плоские глинобитные крыши домов сохранили неповторимый облик средневекового Востока⁶. Несмотря на то, что возникновение этого города «длинных стен» в исторической литературе связывается с правлением знаменитого сасанидского царя Хосрова I Ануширвана (531–579), многие средневековые хроники и сказания Востока отодвигают появление Дербента в значительно более древние времена. По инициативе крупного советского ученого П. И. Спасского в 1926 г. здесь был создан первый краеведческий музей, который в 1977 г. был преобразован в историко-архитектурный музей. Дербент, а точнее, Дарбанд, в переводе с персидского языка означает «узел, связь, запор ворот». Этот город воспел в бессмертном творении «Искандернаме» великий азербайджанский поэт XII в. Низами Гянджеви и побывавший здесь французский писатель Александр Дюма. Сюда был сослан, здесь жил, творил и встретил свою любовь писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Дербент занимал особое место в планах Петра I, который дал указание сопровождавшим его известным ученым Д. К. Кантемиру, Л. Я. Соймонову и И. Г. Герберу сделать описание древностей. Именно с этого времени началось изучение истории Дербента, которое продолжается уже на протяжении более 250 лет. Иранский ученый М. Б. Восоги пишет: «...Дербент можно считать местом встречи разных культур, главными вратами между ними, ключом к диалогу цивилизаций в регионе»⁷.

Казалось бы, современный Дербент – это небольшой провинциальный город. Однако ведь не случайно В. В. Путин в выступлении в Кисловодске в преддверии последних президентских выборов говорил о необходимости празднования его юбилея.

Много научных и околонаучных споров в последние годы вызвали оживленную полемику вокруг даты основания города. Во всяком случае, на нашей памяти были утверждения о полутора тысячелетиях, потом двух тысячах семистах, а позднее – пяти тысячах лет. Однако обсуждение даты юбилея привело к пересмотру последней цифры. В итоге президент страны в своем выступлении остановился на праздновании двухтысячелетнего юбилея города в 2015 г., т. е. уже после хлопот с олимпийскими играми Сочи-2014.

Во время прокладки ливневой канализации возле северной городской стены экскаватор наткнулся на комплекс, состоящий из фундаментов зданий и нескольких больших каменных плит с арабской вязью, который археологами из Дагестанский научный центр РАН датируется XI–XII вв. и станет новым объектом для исследования. Показательно, что во время сеанса последней прямой связи с президентом один из жителей Дербента задал вопрос о дальнейшей судьбе нового раскопа, и глава государства обещал не оставлять ситуацию без внимания. Это еще одно свидетельство становления гражданского общества. Древний город не перестает подкидывать головоломки и не позволяет о себе забыть. Он участвует в конкурсе на выявление десяти наиболее интересных памятников культуры на территории России. Дербент по-прежнему является южными воротами Российской Федерации. Через него проходят основные грузо- и пассажиропотоки из России в страны Закавказья и Средней Азии. Предусмотрен значительный комплекс мероприятий в преддверии празднования юбилея. Для реализации разработан детальный план, проведены соответствующие расчеты по финансированию, определен круг ответственных лиц и исполнителей. Наиболее важными, на наш взгляд, являются меры, связанные с реставрацией и сохранением исторических и культурных памятников: цитадели Нарын-кала, крепостных сооружений; восстановление ханского дворца и ханской бани, проведение археологических исследований с последующим восстановлением христианского крестово-купольного храма, реставрационные работы в историческом центре Дербента, восстановление домика Петра I и множество других.

23 мая 2013 г. в Доме Правительства РФ под руководством заместителя председателя правительства – полномочного представителя президента РФ в Северо-Кавказском федеральном

округе А. Г. Хлопонина состоялось первое заседание оргкомитета по подготовке и проведению празднования двухтысячелетия со времени основания Дербента. Был рассмотрен план мероприятий, в рамках которого предусматривается организация просветительской и издательской деятельности, проведение форумов, выставок, фестивалей, организация работ по реконструкции, реставрации и ремонту памятников архитектуры, истории и культуры. С основным докладом выступил временно исполняющий обязанности президента республики Дагестан Р. Г. Абдулатипов. В обсуждении приняли участие заместитель председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ И. М.-С. Умаханов, зам министра регионального развития РФ В. Дедюхин, заместитель министра финансов РФ, глава Дербента И. М. Яралиев, академик РАН А. П. Деревянко. Было отмечено, что данное мероприятие привлечет к событию интерес множества международных организаций и зарубежных стран, создаст новый образ города, республики, России в целом. По итогам обсуждения А. Г. Хлопонин поручил Минрегиону и Минфину РФ совместно с правительством республики Дагестан доработать план и внести на утверждение в Правительство РФ, а следующее заседание оргкомитета провести с выездом в Дербент.

В нынешнее сложное время состояние культуры определяется не экономикой, а культурное развитие человека – образом жизни, а как раз напротив: сегодня именно культурные факторы в значительной мере определяют и экономический потенциал общества, и стабильность политической системы. Весьма актуально видение Л. П. Хахановой: «В современных концепциях сохранения наследия русских городов средовой подход обуславливается актуализацией уникальных и традиционных исторических объектов – их использованием в соответствии с современными потребностями общества, что позволяет выделять (создавать) в городской среде ее ценную историко-культурную составляющую как территориально локализованное устойчивое явление, обеспечивающее преемственность культур прошлого и настоящего»⁸.

Очень значимо, что среда исторического культурного и природного ландшафта, исторической архитектуры связывается с современной жизнью, транслируя ценности исторического опыта. Идея сохранения и популяризации культурного наследия при-

влекает общественные и религиозные объединения и востребована различными слоями населения, в том числе и инфраструктурой туризма как внутреннего, так и международного.

---

¹ Горелова Ю. Р. Архитектура как элемент культурного наследия (на материалах г. Омска) // Проблемы городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симпозиума (Новосибирск, 21–22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д. А. Алисов, Ю. Р. Горелова. – Омск, 2010. – С. 139.

² Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана. – Махачкала, 1994. – С. 3.

³ Дербентские новости. – 2006. – № 97. – 5 дек. – С. 1.

⁴ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. – М., 1982. – С. 3–6.

⁵ Неймат М. С. Корпус эпитафических памятников Азербайджана. – Баку, 1991. – Т. 1 : Арабо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона XI – начала XX вв. – С. 6.

⁶ Сеидова Г. Н. Самый древний город России и его непростая судьба (к празднованию 2000-летия Дербента) // X конгресс этнологов и антропологов России : тез. док. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол. : М. Ю. Мартынова [и др.] – М., 2013. – С. 29.

⁷ Восоги Мухаммад Багир. Дербент – город 72 народов. Экскурс в историческую географию Дербента в первые века ислама // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи. – Махачкала, 2006. – С. 40.

⁸ Хаханова Л. П. Уникальность среды русских городов // Проблемы городов России: теория, методология, историография : материалы VIII Всерос. науч. симпозиума (Новосибирск, 21–22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д. А. Алисов, Ю. Р. Горелова. – Омск, 2010. – С. 126.

И. Н. СТАСЬ

Тюмень, Тюменский государственный нефтегазовый университет

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДОВ НЕФТЯНИКОВ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО ОКРУГА (1980-е годы)

В 1980 г. была разработана и принята к реализации новая концепция градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Вместо прежней стратегии централизованного расселения «базовый город – вахтовый поселок» новая концепция предусматривала групповое расселение нефтяников посредством строительства небольших городов вблизи месторождений. В 1982–1985 гг. Тюменский облисполком утвердил ген-

планы новых городов Ханты-Мансийского округа (ХМАО): Мегион (расчетная численность – 45 тыс. чел.; проектировщик – институт Тюменьгражданпроект), Радужный (60 тыс. чел.; Новосибиргражданпроект), Лангепас (50 тыс. чел.; Новосибиргражданпроект), Мамонтово-Пыть-Ях (45 тыс. чел.; Челябинскгражданпроект), Нягань (110 тыс. чел.; ЛенНИИП градостроительства* и Свердловскгражданпроект), Когалым (110 тыс. чел.; Ленгипрогор), Лянторский (40 тыс. чел.; Гипротюменнефтегаз и ЗапСибЗНИИЭП)**.

В Когалыме по обе стороны р. Ингу-Ягун организовывалось два планировочных района – правобережный и левобережный, связующим звеном которых являлась рекреационная спортивно-парковая зона города, формирующаяся на базе существующих лесов. На левом берегу в восточной части вдоль железной дороги Сургут – Ноябрьск с юга на север строились деревянные поселки Пионерный, Министерства путей сообщения (МПС), Фестивальный, Прибалтийских Строителей (ими возводилась значительная часть города). Параллельно им с восточной стороны железной дороги формировалась Северная и Восточная промзоны. На правом берегу строились капитальные микрорайоны с преобладанием девятиэтажной застройки. Капитальное строительство города должно было осуществляться поэтапно в 12–14-й пятилетках. В 12-й пятилетке велась комплексная застройка Центрального жилого района (микрорайоны 1, 2, 3, 4А, 13), административной площади города, спортивно-парковой зоны. В 13-й пятилетке строился Южный жилой район (микрорайоны 10, 11, 12, 14 и 15). В 14-й пятилетке обеспечивалось формирование Северного жилого района и развитие рекреационной системы города, застройка кварталов № 23 и 24 в зоне малоэтажной застройки¹. Генплан города удалось реализовать только частично – был построен Центральный жилой район и часть Южного.

Нягань формировался из разобщенных ведомственных поселков в бассейне р. Нягань-Юган. Будущий город строился на

---

* ЛенНИИП градостроительства – Ленинградский научно-исследовательский институт по разработке генеральных планов и проектов застройки городов. – *Прим. ред.*

** ЗапСибЗНИИЭП – Западно-Сибирский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий. – *Прим. ред.*

базе пос. Нях, образованного в 1976 г. как центральный поселок лесозаготовителей Няганьского леспромхоза объединения «Тюменьлеспром». На первом этапе строительства города стихийно возник «вагон-городок», в котором проживало почти 25 % городского населения². К середине 1980-х гг. было образовано три разобщенных жилых массива: 1) в западной части возле железнодорожной станции Нягань были построены поселки геологов и леспромхоза; 2) юго-восточнее располагался пос. Нефтегазодобывающего управления (НГДУ) и ареал индивидуальной жилой застройки; 3) на северо-востоке находились пос. Старая Нягань, микрорайоны Восточный, Северный и Финский и поселок дорожников Узтюменьдорстроя. На севере рядом с городом был возведен поселок энергетиков при Няганьской ГРЭС. Южнее железнодорожной станции была организована основная промышленно-коммунальная зона, где сосредоточивались предприятия Миннефтепрома, базы по обслуживанию города, а чуть севернее находилась база леспромхоза. Пионерное строительство ведомственных поселков Нягани осуществлялось вагон-домами, балками и двухэтажными брусчатыми домами. Планировочная структура города была хаотичной, лишь Восточный и Северный микрорайоны застраивались согласно линейной композиции. Капитальная пяти- и девятиэтажная жилая застройка Нягани последовала во второй половине 1980-х гг. Возводились четыре микрорайона, которые располагались в центральной части города рядом с пос. НГДУ между западным и восточным жилыми массивами.

Стихийная планировочная структура и функциональная чересполосица отмечалась при строительстве г. Пыть-Ях. Город включал три пятна, отведенных под жилую застройку. В северо-восточной части города рядом с железнодорожной станцией Пыть-Ях были возведены 1-й и 2-й микрорайоны капитальной застройки. Южнее, с другой стороны железной дороги, располагался ареал индивидуального и двухэтажного деревянного жилого фонда Старый Пыть-Ях (микрорайон 1А). В восточной части города вблизи реки Большой Балык располагался хаотично застроенный рабочий пос. Мамонтово. Западнее, между Мамонтово и Старым Пыть-Яхом, вдоль Магистральной улицы были возведены 3, 4 и 5-й жилые микрорайоны и промзона. С северной стороны Магистральной улицы расположился жилой массив из балков

«Вертолетка» и Пионерный микрорайон из двухэтажных брусчатых домов. Южнее города был построен газоперерабатывающий завод Южный Балык.

Мегион также развивался стихийно, а застройка велась беспорядочно. Основная масса жилой застройки осуществлялась двухэтажными деревянными домами. В центре города в дереве возводились 4, 5, 7 и 8-й микрорайоны, к которым с южной и северной сторон прилегали строящиеся капитальные микрорайоны – 1, 2, 3, 6, 9. На берегу р. Мега в поселке геологов бессистемно строились двухэтажные дома, здесь же возводились небольшие ряды из кирпичных и крупнопанельных домов – микрорайоны 10, 11, 12, 13, 14 и 15. В южной части города по берегу р. Мега образовались ареалы индивидуальной одноэтажной застройки. Промзона окружала город со всех сторон – с севера, запада и юга, что препятствовало территориальному развитию жилых районов.

Первоочередное строительство Лангепаса осуществлялось двухэтажными деревянными домами – 1-й и 4-й микрорайоны. С середины 1980-х гг. были построены капитальные микрорайоны 2, 3, 5, 6 и 7. Промзона прилегала к жилой застройке с северо-восточной стороны. Железнодорожный вокзал Лангепаса был построен в нескольких километрах севернее от жилых комплексов еще до возникновения города. Строительство капитальных микрорайонов на расчетный срок должно было вестись вдоль протоки Каюковская.

Город Радужный располагался в долине р. Аган. Первоочередная жилая застройка города велась в микрорайонах 1, 2, 3, 4, 5 в двухэтажном деревянном исполнении. В дальнейшем в микрорайонах были возведены пяти- и девятиэтажные крупнопанельные дома, построены капитальные микрорайоны 6 и 7. Промзона организовывалась южнее жилых районов на другом берегу реки Аган. Строительство на расчетный срок рассматривалось на территориях, расположенных вдоль р. Аган и юго-восточнее от первоочередной застройки.

Генплан Лянтора, принятый в 1983 г., предусматривал строительство двух жилых микрорайонов двухэтажной деревянной застройки³. В 1988 г. был принят новый генплан, который предусматривал застройку восьми микрорайонов. Основное строительство велось 16-квартирными деревянными домами, за счет

которых сформировались микрорайоны 1, 2, 3 и 6. Рядом с 1-м микрорайоном был построен Эстонский поселок – в нем проживали строители прибалтийской республики. Застройка общественного центра и главной улицы должна была вестись пяти- и девятиэтажными домами и объектами соцкультбыта⁴. Промзона была организована на севере отдельно от города. В конце 1980-х гг. начали возводиться панельные дома – 4-й микрорайон и часть 6-го микрорайона.

Жилая территория г. Покачи была представлена четырьмя жилыми микрорайонами – компактный массив пионерной двухэтажной деревянной и индивидуальной одноэтажной застройки и вагон-городок располагались в восточной части города, а на западе по регулярному плану были построены капитальные микрорайоны 1, 2 и 3. В 1-м микрорайоне создавался общегородской центр со зданиями администрации и дома культуры, медицинский и спортивные центры. Особенностью формирования города являлось четкое деление города на две основные функциональные зоны – производственно-коммунальную и селитебную. Основная промышленная зона, где концентрировались все промышленные, транспортные предприятия и их базы, находилась в микрорайоне Старые Покачи в 17 км восточнее от жилого массива. В промышленной зоне построили общежития вахтовиков и балки, население которых по мере развития капитального строительства жилья переселялось в основной жилой массив города⁵.

Таким образом, прямоугольный регулярный стиль был положен в основу планировочной структуры большинства городов – особенно Лангепаса, Радужного, Лянтора и Покачи. В силу стихийного пионерного строительства целый городской организм не сформировался в Когалыме, Нягани, Пыть-Яхе, Мегионе. Города включали от четырех до восьми жилых микрорайонов, рядом с которыми или на отдалении в несколько километров организовывались промзоны. Первоочередное строительство городов велось в двухэтажном деревянном исполнении, потом возводились пяти- и девятиэтажные капитальные дома. Из-за того, что в небольших городах не было окраин и пригородов города не вписывались в окружающую среду, а скорее ей противостояли. Пионерная временная застройка из разобщенных ведомственных поселков вела к тому, что линейная архитектурно-планировочная

структура городов формировалась лишь отчасти и то только во второй половине 1980-х гг. при капитальном строительстве. В начале 1990-х г. проектирование и строительство новых нефтяных городов ХМАО была заморожено и их генпланы так и не были реализованы.

---

¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1933. Оп. 1. Д. 91. Л. 2–3.

² Хромов Ю. Б., Корнев В. И. Поэтапное формирование северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири : сб. науч. трудов. – Ленинград, 1988. – С. 38.

³ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6716. Л. 380.

⁴ ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.

⁵ ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7945. Л. 57.

Е. Ю. ВИТЮК

Екатеринбург, Уральская государственная архитектурно-художественная академия

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Идеальный город по своей сути – это проект, в котором представлено наиболее желаемое, «идеализированное» решение какой-либо задачи города, имеющей первостепенное значение на момент создания концепции. Иногда встречаются попытки одновременного учета нескольких функций города, их взаимодействия, влияния на другие структуры. Эти «решения» оказывают большое влияние на формообразование и планировку города.

С момента появления города как особого места жизнедеятельности человека возникли многочисленные рассуждения и проектные решения, содержащие описания идеального состояния города. Зачастую идеальные города представляют собой когнитивные модели для разработки реальных городских структур и систем. За всю историю существования человечество не раз предпринимало попытки создания идеального города. Но полноценной реализации такого проекта не состоялось. Идеальный город может существовать лишь как концепция, модель, макет.

При создании такого проекта город рассматривается как целостный объект, формирование которого ведется комплексно с учетом всех необходимых факторов: художественно-композиционных, социальных, функциональных, технологических, экономических и др. Но планировка идеального города всегда зависит от его основного назначения – ведущей функции. Взяв за основу факторы, повлиявшие на возникновение концепции, можно выделить следующие типы идеальных городов (табл.1).

Таблица 1

Исторические типы идеальных городов¹

Тип идеального города	Фактор формирования концепции
Город-крепость (звездообразные города)	фортификация
Город-утопия (идеальные города, создаваемые в литературных произведениях)	создание социальной гармонии
Город-сад	развитие сельского хозяйства
Просторный город	сохранение пропорций застройки и свободных пространств
Индустриальный город (город-завод)	промышленное производство
Линейный город (ленточный город)	соединение крупных урбанизированных образований
Город будущего (градостроительные концепции развития и роста городов, возникшие в начале XX в.)	контроль развития крупного урбанизированного образования
Город-модуль	
Метаболический город	создание естественных условий развития города
Новый город (градостроительные концепции и проекты по реорганизации существующих городских территорий)	обновление сложившейся застройки

Разработка и изучение идеальных городов являются теоретическим методом градостроительных изысканий, позволяющим проверить различные варианты организации, реорганизации

и развития урбанизированных структур. В современном градостроительстве вопрос идеального города основан на необходимости улучшения экологической обстановки полисов и принципе динамики, постоянного изменения, саморазвития. Современный идеальный город – это бионическое формообразование, естественный рост города, основанный на идее саморазвития, массовое применение озеленения любых поверхностей и интерьеров в сочетании с современными материалами и технологиями.

Весьма интересна и заслуживает особого внимания теория метаболического роста города, основанная на идее сходного развития клетки живого организма и городского пространства. Такой подход к изучению явления одного вида через другое, казалось бы, совершенно не связанное с первым, называется синергетическим. Синергетика как наука изучает возникновение новых свойств в сложных нелинейных системах, к которым относится и город. Одним из сторонников синергетического подхода к изучению процесса градостроительства является Кишо Курокава. Он видит «будущее – за метаболизмом, т. е. за способными к расширению городами с неопределенными формами». С его точки зрения, «идеальный город XXI века – это открытый город, который никогда не остановится в росте»².

Градостроительные концепции, развивающиеся с момента возникновения полисов и до наших дней, естественно, оказали влияние на современные взгляды архитекторов на город. Благодаря этому разработаны градостроительные концепции и проекты по реорганизации существующих городских территорий, которые условно можно объединить в одну группу. Особенность этих проектов в том, что они являются продуктом синтеза и компиляции предыдущих идей, но с новым подтекстом.

Современный идеальный город должен проектироваться как узел, как сгусток потоков разного качества, имеющий многочисленные связи с другими такими же частицами внешнего пространства. Современный архитектор мыслит не в плоскости, а в пространстве и во времени, поэтому постоянное изменение, деформация, развитие, всевозможные преобразования – естественные свойства идеального мегаполиса. Безусловно, вопросы удобства, комфорта, безопасности, экологии, быстрого передвижения по городу остаются актуальными.

Требования, предъявляемые современными городскими жителями к современному идеальному городу, во многом противоречивы. Многочисленные соцопросы, отзывы, высказывания позволяют выделить основные характеристики идеальной городской среды:

- наличие свободных пространств;
- расположение рабочего места, торгового центра, различных спортивных, развлекательных и образовательных заведений в пешеходной доступности;
- отсутствие нарушений трафика на дорогах;
- безопасность;
- отсутствие производственных территорий;
- легкая ориентация;
- оригинальная архитектура (отсутствие типовой застройки);
- малоэтажная застройка;
- компактность города.

Этот список не является исчерпывающим, но уже по нескольким его пунктам становится ясно, что создать город, соответствующий всем этим требованиям одновременно, невозможно (многие из них противоречивы).

К городу нельзя относиться как к организованному скоплению жилых единиц. Он представляет собой куда более сложную систему, включающую осознанные и не осознанные человеком факторы. Теоретик Джозеф Риквет пишет: «Успех города потому нельзя измерить в терминах финансового роста и доли рынка и даже местом в процессе глобализации, которая есть неизбежный феномен нашего времени» «успех от внутренней силы структуры и доступности ее для социальных сил, которые формируют жизнь ее обитателей»³.

---

¹ Таблица составлена на основе работы: Груза И. Теория города / пер. Л. Б. Мостовой. – М., 1972. – 247 с.

² Мойзер Ф. Кишо Курокава: Мегалополис XXI века никогда не остановится в росте // Проект Россия. – 2003. – № 30 (4). – С. 21–24

³ Joseph Rykwert. The Seduction of Place. The History and Future of the City. – New York, 2004. – 305 p.

С. В. ПАНОВ, С. Н. ИВАШКИН

Москва, научно-исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов», библиотека им. Н. А. Добролюбова

Ж.-Ф. ЛИОТАР: СОБЫТИЯ ДОМА И ТЕХНОПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЕГАПОЛИСА

Для Ж.-Ф. Лиотара раздел присутствия обозначен фабулой дома – *domus`a* как общего времени, общего смысла и общего места – не триумфа «общего чувства» как безусловного представления социального в соотносительности самочувствия каждого деятеля целям свободы.

Лиотару необходимо выстроить демаркационную линию в отношении метафизики присутствия, которая мыслила социальное на основе сообщаемости всеобщего, определяемую Кантом как «*sensus communis*» – «идею общего для всех чувства, т. е. способности суждения, которая в своей рефлексии мысленно (*a priori*) принимает во внимание способ представления каждого другого, дабы собственное суждение *как бы* считалось с совокупным человеческим разумом и тем самым избегало иллюзии, которая могла бы оказать вредное влияние на суждение ввиду субъективных частных условий, какие легко можно принять за объективные»¹.

Усвоение «общего для всех чувства» обусловлено самим способом явленности идеи как собранности всеобщего, обеспечивающей саму структуру субъекта и связность междусубъективного. Такая собранность «здорового смысла» возможна лишь в собирающей структуре суждения, гарантирующей доступ к истине воспринимаемого, мыслимого и волимого, когда «мы в своем суждении считаемся не только с действительными, сколько с возможными суждениями других и ставим себя на место каждого, отвлекаясь только от ограничений, которые случайно примешиваются к нашему собственному суждению»². Таким образом, общий универсум рефлектирующего суждения, подводящий представления под единую форму, устраняя «иллюзию субъективных частных условий» восприятия, мышления и действия, устанавливает горизонт возможного, формируя направленность сознания на саму форму представления, на абстрактную объективную истину опы-

та, освобожденную от связи с «возбуждающим» и «трогательным» как неадекватных способов созерцания.

Воля-к-представлению или насилие как исходное приложение силы, мыслимое в идее как полагаемой основе бытия, сводит все кантовские мотивы в единое целое «метафизики представления», задающей проективную меру внутрисубъективному и межсубъективному бытию, из которой следует и структура самопредставления и представления каждого другого, формализм эстетики и этики «всеобщего правила» – правила, устанавливающего возможность любого правила, исключаящего «частные условия» и «случайность», подводящего временной раздел под единство концепта.

В представлении как мере полагания представимого кроется и возможность социального как необходимого эффекта сочувствования и сопредставления себя с собой и другими, других со мной в экономическом исходного отношения под заглавием «явленность идеи», и возможность политического как сцены представления власти (сюда входят не только представительские формы самоуправления), и возможность эстетического как сферы представления непонятной всеобщей сообщаемости чувства, и возможность этического как сферы диктата безусловного, и возможность экономического как сферы обращения ценности, что станет основой метарепрезентации мегаполиса.

А если представление как основа бытия сообщества сообществом обесценило самим опытом «всеобщего» само время социального? Как быть, если социальное не удостоверяется больше исходным сочувствием «здорового смысла» и «общего чувства»? Если социальное и мыслимо только тогда, когда опыт суждения на основе априорной способности сопредставляющего отношения к объективному больше невозможен? Эти вопросы откликаются для Лиотара эхом повествования о «доме», «домашнем» как необходимой основе неприсваивающего раздела присутствия.

Скрытое за фасадом обжитое пространство как форма самообнаружения бога-природы – лейбницевской монады приемлет живущих сообща в непрерывном ритме природы в отдалении от резиденции господ, от ставшего «замком» мнимого центра существования на земле. Но фасады – не замыкающие границы присутствия, скрывающие саму тайну раскрытия, рождения и смерти,

забот и отдохновения: «парки и сады примыкают к фасадам, наслаждение и труд разделяют между собой время, пространство и тела» (С. 203).

Основа домашнего – в присваивающем движении монады, обуславливающим «способ существования пространства, времени, тел в режиме природы». Тайна фасадов скрывает то, что никогда не может быть обналичено в представлении: присутствие универсума в переживаемых в этих границах «состояниях духа, восприятия, памяти». Домашнее выстраивает «буколическую» фабулу «действия природы» и восприятия этого действия, где все «внешнее» и «внутреннее» подчинено ритму раскрытия: все «происходит, разрушается и воспроизводится, следуя порядку вещей» – по природе и из природы, которая «в отношении к самой себе определяется плодородием (*frugalité*)». Раскрытие природного обуславливает временной режим дома как ритм и рифму, как поэзию раскрытия (С. 204).

Домашнее как повествовательный язык подчиняет ритму возвращения все, что к нему прилегает: «поколения, окружающую местность, времена года, мудрость и безумие», рассказ всегда рифмует начало и конец, сшивая разрывы, указывает на их глубину¹¹. Рассказ домашнего подчиняет живущих и уже или еще не живших осознанной или неосознанной воле *physis`a* в его непрекращающемся распускании того, что должно «раскрыться, отцвести и распуститься вновь» (С. 204).

Фабула дома, таким образом, определяет каждому свое единственное место и имя, вписывая в круг возвращения вещи и души, рождение и смерть. Фабула дома – служба природы, возделывание почвы в ожидании события. «Мудрость» как мера раскрытия сохраняет себя от безумия распускания без возвращения, от безмерной силы *hubris`a*, от рассказа без дыхания, без паузы, без ритма и рифмы (С. 204). Раздел мудрости и безумия и есть присутствие дома в его фабуле – самой инфраструктуре повествования. Пространство домашнего существует и может существовать только вне форм конвенций – «любого контракта» – только по «естественному долгу и праву» в сообществе «возделывания», в сообществе «привычки», «обихода», а не сопредставления самочувствующего субъекта морали. «Обиход» одомашнивает само время – время случаев и пространство «неопределенных межей» (С. 205).

Фабула дома – временность повторимого, которое память вписывает «не только в рассказы, но и в жесты, манеру движения». Рассказы, воспроизводимые фабулой дома, обращаются «в жесты, отсылающие к жестам, к «общим местам», к именам собственным». Истории рассказываются сами собой, поскольку они суть «язык, благословляющий дом, и дом, служащий языку». Время историй как фабула дома заставляет повториться прошлое, храня и забывая его в легендах, дом становится «временем-пространством этого повторения» (С. 205).

Можно сказать, что фабула дома для Лиотара – особая политика наррации как смыслопорождения в производстве легенды, в которую облечена ностальгия по призраку безвозвратно ушедшего и которое в каждом моменте повествования бытия, повествования как бытия, бытия как повествования отсылает к этому абсолютному прошлому – забытому истоку времени – следу домашнего. Фабула дома – сопринадлежность сокрытия и раскрытия монадологической тайны, присвоения и отсвоения обживаемого, покидаемого и обретаемого пространства на земле – в так называемой современности как эпохи технического постава остается «невозможным» – невозможной возможностью быть в предстоянии смерти, которую не снять ни в каком представимом образе «возможного».

Город и его крайнее выражение – мегаполис – обозначает для Лиотара политику повествования, подводящую домашнее под «буколическое» представление, под схематизированную «идиллию», вытесняя фабулу дома в воспроизводимый образ и сюжет «загородной жизни», предместья, туристического досуга, отпускного ландшафта. Мегаполис как политико-нарративный конструкт сводит сингулярные до-легитимные различия домашнего к эгалитарному гражданству, к сценографии ограниченной экономики (наемного и оплачиваемого труда) и «другому способу памяти», создавая электронный публичный архив посещаемости, кадастрируя неподотчетные владения, разрушая порядок их бытия (С. 205).

Мегаполис разбивает уникальное исходное действие бога-природы, ритм «его возвращений, его время подношений и благодарений», сводя его к «буколическому» представлению и аффекту меланхолии (С. 205). Мегаполис означает замену сингулярной политики повествования техникой моделирования в концептуаль-

ной прозрачности содержаний, в абсолютном контроле единственных приходов и уходов, живущих в самоотношении представляющего субъекта, для которого любое восприятие должно соотноситься с условиями полагания в трансцендентальной апперцепции, насильно сводящей временную множественность к единству схемы и концепта.

Мегаполис – одно из выражений технического постава (Хайдеггер) как бесконтрольного присвоения событийного времени-пространства в предметном обналичивании присутствия. Мегаполис мыслится как порождение техники повествования, для которой регулятивом человеческого бытия явится всеобщая сообщаемость мнимо единого чувства, перформативный акт смыслопорождения в императиве «успеха», т. е. соответствия восприятия, мышления и действия условию «коммуникационного действия», требованию беспочвенного консенсуса человека с самим собой, другими и природой. Таким образом, мнемотехника мегаполиса как метапредставление конципирует и сводит к единству все уникальные возможные миры, обращая проживаемые, уже и еще не прожитые содержания в представления, сообразные с условием их представимости в приложении «физики» без «бога-природы» как схематизирующей силы (С. 211).

Сингулярная чувственность события, воплощенная в умолчаниях и намеках («жесты»), оказывается сведена к озвученному образу самочувствия морально-гражданского субъекта, условием бытия которого станет отныне ответственность перед инстанцией морального суждения. Мегаполис как техника этикетирования, подменяя исходный способ именованья, наречет меланхолию «аутизмом», любовь – «сексом», плоды земные – «аграрной продукцией», обращая множественные тайны события в транслируемую информацию, письма – в программы, трагедии – в сюжеты операциональности (С. 212).

Мегаполисная техника информирования капитализирует тайну события в фальшивомонетной машине ценностей и их эквивалентов, сводя легенду домашнего к порядку представления идеи, в то время как событийная тайна, ее единственный тембр и может храниться только в молчании – в оцепенении. Однако событие домашнего не может представлять, по Лиотару, какой-либо альтернативы мегаполису: оно обращается в вид фантома,

призрака, который постоянно преследует мысль в той мере, какой она является мыслью: мысль становится прописыванием этой принадлежности следу невозможного, остатку абсолютно забытого и небывшего (С. 213).

Как мегаполис превращает предместье в гетто, так событийная мысль обращается в невозможную память о «насилии неподконтрольного тембра», который пробивается сквозь рифмованное, ритмизованное время-пространство домашнего акцентом «возвышенного», «нюансом ириса, лепестка, очевидностью запаха» (С. 215), почерком запретного «присутствия бога» в уже всегда сказанном. Эту память нам необходимо прописать, выгравировать, оставить в граффити, не впадая в присвоенный мегаполисом жанр «свидетельства», поскольку «любой свидетель – предатель». Память о страдании, которое порождает разногласие мысли с тем, что ей не удастся осмыслить, с неподчиняемым (С. 213), может быть прописана только следом молчания в пробелах письма за пределами самой фабульности, повествования как политики и техники, в вычитывании непроизносимого.

---

¹ Кант И. Критика способности суждения. – М., 2001. – С. 226.

² Там же.

³ Lyotard J.-F. *Domus et la megapole // Inhumain. Causeries sur le temps.* P., Galilee, 1988. – P. 203. Далее ссылки на этот источник даются в тексте в скобках.

Е. В. ШИПИЛИНА

Омск, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КОЛОРИСТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Понятие «колористика» в данной работе подразумевает художественное выражение объемно-пространственной структуры архитектурного сооружения средствами цвета. Сюда относится применение цвета на фасадной плоскости сооружения, детали отделки фасада – декоративные элементы (керамические панно, изразцы, мозаика, фреска), конструкции оконных и дверных проемов, балконы и ограды, а также кровли.

Существует целый ряд объективных обстоятельств, которые так или иначе влияют на цветопространственное поле города, а следовательно, и на человека. Во-первых, люди, постоянно находящиеся в урбанизированной среде, постепенно теряют связь с природным окружением. В крупном городе сглаживаются границы между временами года, естественными природными циклами, уменьшается эмоциональное воздействие солнца, земли, цветов. Во-вторых, с интенсивным внедрением нового строительства в исторические зоны городов среда утрачивает цветовой богатство, накопленное в памятниках архитектуры и градостроительства. Как следствие – возникает градостроительная дезориентация человека в пространстве. В лабиринте улиц он ищет визуальные цветовые ориентиры, будь то историческая улица, памятники архитектуры или элементы живой природы, и часто не находит их. Именно эти особенности развития крупного города говорят о необходимости упорядочения его цветовой среды, ее гармонизации. В этом и состоит одна из задач цветового проектирования. Рассмотрению подлежат районы исторической застройки, входившие в пределы дореволюционного Омска. Временные рамки обзора определены с 1798 г. (дата включения проектного плана Омска, получившего статус города, в атлас Тобольской губернии) до революционных событий 1917 г.

Изучение такой темы, как колористика архитектуры ушедшей эпохи, строится на анализе литературных источников дореволюционного периода и публикаций современных исследований, касающихся архитектуры Омска XIX – начала XX вв., для получения наиболее полной информации, а также на натурных обследованиях архитектурных объектов, их фотофиксациях.

К началу XIX столетия городская застройка характеризуется концентрацией наиболее значительных каменных и деревянных зданий различного назначения на территории новой крепости и в центральной части Омска – в Ильинском форштадте. Типологически она определяется:

– крепостными зданиями и сооружениями в большей степени военного предназначения: острогом, кордегардиями для караула, цейхгаузами для хранения вооружения, обмундирования и продовольствия, пороховыми погребами, манежем, конюшнями;

– культовыми каменными зданиями: Воскресенским собором и лютеранской кирхой, расположенными в крепости, Ильинской церковью, возведенной в одноименном форштадте в конце XVIII в.;

– постройками общественного назначения «военного ведомства»: крепостными лазаретом и каменной гауптвахтой, в помещениях которой располагалось училище азиатских языков, деревянным полевым госпиталем в Ильинском форштадте;

– гражданскими зданиями общественного назначения: городской ратушей, гостиним двором, казенным питейным домом в Ильинском форштадте, а также провиантскими магазинами там же и в крепости;

– жилыми казенными и частными постройками: генералитетским, комендантским, офицерскими домами, полковыми казармами и малочисленными обывательскими домами на территории крепости; частными домами чиновников и зажиточных горожан – в Ильинском форштадте¹.

Признаками новой для провинции архитектуры отмечены крепостные Тобольские ворота (1792). Простота и ясность объема, ровная гладь стеновой поверхности, лаконичность элементов дорического ордера характерны для сооружений строгого классицизма. На основе тех же принципов исполнен проект одноэтажного каменного дома генерал-губернатора Западной Сибири, возведенного в 1796 г. Опаздывая почти на три десятилетия и пытаясь догнать столичное зодчество, омская архитектура уже к концу XVIII в. начала преодолевать «барочность мышления». Его последние отголоски прозвучали в фасадах дома коменданта крепости, построенного в 1799 г.

С двух высотных доминант – каменного Воскресенского собора в правобережной части Омска (1760–1773, строители – братья И. Л. и К. Л. Черепановы) и тоже каменной Ильинской церкви на левом берегу Оми (1781–1789) началось формирование городского силуэта. Промежуточными акцентами высотной красной линии стали деревянная башня с часами, возвышавшаяся над гауптвахтой и колокольня лютеранской кирхи (башня и колокольня утрачены). Долгое время каменные крепостные постройки являлись главным украшением Омска, ставшего с 1804 г. уездным.

Типология застройки Омска первой половины XIX в. определяется следующим образом:

– каменные и деревянные здания общественного назначения: воинская канцелярия, присутственные места, корпуса нового госпиталя, здания почтовой конторы, дома провиантской комиссии, пожарной части и полицейского управления;

– культовые каменные здания: магометанская мечеть и православная Никольская казачья церковь;

– производственные здания: суконная фабрика;

– жилые деревянные дома по типу местного сибирского жилища и строившиеся в центре дома по «образцовым проектам»².

В 1820-х гг. Омск был преимущественно деревянным, по словам современника, с «низменными» или вросшими от ветхости в землю домами.

Однако общественным и уже некоторым частным строениям придавался вид казенной архитектуры, решенной в традициях классицизма. Это отвечало общим процессам, происходившим в архитектуре российской провинции и в том числе сибирских городов. Симметричные по форме объемы нередко обшивались тесом, имитирующим каменную кладку. Иногда в тех же целях фасады домов штукатурились. В подражание каменным строениям возводились колонные портики с фронтонами, выполнялись пилястры, руст и треугольные наличники. В условиях сурового климата дощатая обшивка стен и наложение пилястр на конструктивные швы имели позитивное значение и применялись частным застройщиком при возможности нести дополнительные расходы. Здания этого времени не сохранились, но выявленные архивные документы позволяют сделать подобный вывод. Фасад омского госпиталя – одноэтажного на каменном фундаменте, предложенный в 1806 г. губернским архитектором А. Скородумовым, решен в формах строгой безордерной классики. Здание почтовой конторы, увенчанное большим треугольным фронтоном, с колоннадой (1821, архитектор П. И. Праман) и дома провиантской комиссии с четырехколонными портиками на главных фасадах (1827) – образцы местной деревянной классической архитектуры стиля ампир. В подобных имитациях каменной архитектуры видны как

оценочная характеристика строительного материала – своеобразное понимание его престижности, так и приоритетность классических форм над народными «внестилевыми».

Омск середины XIX в. представлялся путешествующим скорее не городом, а временным военно-административным лагерем или укрепленным лагерем Сибири. В лучшем случае его называли «Сибирской Спартой», которая «при грубости ее воинственных нравов не имела спартанской чистоты и безупречности». При новом генерал-губернаторе Западной Сибири Г. Х. Гасфорде (с 1851 по 1861 гг.), принадлежавшем к числу просвещенных офицеров русской армии, в Омске начинается подъем строительной деятельности. Центр города приобретает «внушительный «столичный вид». В 1861 г., к концу правления Гасфорда о резиденции генерал-губернатора восторженно отзывался в «Описаниях Западной Сибири» Ипполит Завалишин, называя Омск прекрасным городом, первым в Тобольской губернии по населению, постройке, местности, климату, порядку, благоустройству и удобствам жизни».

В период 1850–1860-х гг. завершилось в основном формирование центра города. Был осуществлен проектный замысел В. И. Гесте – возведение на специально отведенном месте дома для генерал-губернатора Западной Сибири, ставшего первой постройкой дворцового типа в Омске. Город продолжает застраиваться зданиями общественного назначения: недалеко от госпитального комплекса в Бутырском форштадте возводится здание Полевой провиантской комиссии, на территории крепости, рядом с гауптвахтой, – Военное собрание. Казачья (Войсковая) площадь также получает новые здания общественного характера. На южной ее стороне появляется трехэтажный дом Воинского хозяйственного правления, напротив – особняк Общественного собрания. Рядом с ним – костел, демонстрировавший новый тип культового здания в омской архитектуре. В правобережной части Омска была сооружена Крестовоздвиженская церковь, своим высотным силуэтом подчинившая малоэтажную застройку двух форштадтов – Кадышевского и Бутырского. В частном домостроении появляется новый тип жилого дома – на каменном фундаменте.

В эти десятилетия медленно, но все же решался вопрос об озеленении города. План уездного Омска 1869 г. дает частичное

представление о предпринимаемых попытках по благоустройству города. В 1851 г. в ближайшем соседстве с Мокринским форштадтом участок земли от берега Оми до нагорной части эспланады засадили деревьями. Назвали его Любинской рощей, по преданию, в память о рано умершей жене Г. Х. Гасфорда. В соответствии с чертежом этот зеленый массив в виде равнобедренного треугольника имел определенную регулярность. Вокруг центральной площадки последовательно по окружностям располагались насаждения и пешеходная дорожка, по направлению к ней по биссектрисам углов устремлялись протяженные аллеи. Если следовать «изъяснениям» карты, интенсивные посадки деревьев проводились по углам участка, а между аллеями располагались огороды, но, скорее всего, это были низкорослые кустарники или газоны. Параллельно одной из сторон Любинской рощи через дорогу, ставшую впоследствии комфортабельным Любинским проспектом, насадили еще деревья. Их прямая протяженная линия эффектно прозвучала на фоне городского силуэта в рисунке художника А. Померанцева 1854 г.

В каменном зодчестве поздний классицизм, с характерным для него стремлением к ансамблевости, довольно ярко заявил о себе в омской архитектуре 1820–1840-х гг. С двух построек этого времени – здания Войсковой канцелярии и Никольской церкви, разместившихся почти на одной оси, началось формирование центральной площади города, получившей название Войсковой или Казачьей. Декоративное убранство фасада церкви достаточно скромное – это лепные розетки в створах колонн и полуколонн портиков, призванные выявить гладь стены, и гирлянды в плоских нишах опорного кольца купола. Величавая простота геометрических объемов храма и неслучайно выбранный скульптурный рельеф наделены смысловой символикой, характерной для периода после наполеоновских войн. Эквивалент простоте – доблесть гражданина Отечества. Мотив гирлянды – пластическое воплощение понятия воинской славы. Предполагают, что автором проекта является архитектор В. П. Стасов.

Главный фасад канцелярии – пример неукоснительного следования принципу симметрии. Его стеновая поверхность, отодвинутая мощной пластикой ордера на второй план, все же не образует нейтральный фон, как в постройках строгого классицизма,

а раскрывается навстречу пространству развитым карнизом, поэтажными тягами и деталями оконных проемов. Пропорции всех архитектурных элементов выражают черты простоты и некоторой суровости, что также присуще сооружениям периода позднего классицизма.

В архитектурном наследии Омска памятники классицизма первой половины XIX в. немногочисленны, но почти все они имели весомое значение в формировании городской среды и по сей день не утратили своей градостроительной роли. Войсковая канцелярия главным фасадом задала направление – «в одну строку» – комплексу Кадетского корпуса и в целом улицам Дворцовой и Атаманской (современная ул. Ленина). Протяженный корпус Суконной фабрики образовал, в свою очередь, улицу Артиллерийскую, ныне крупнейшую транспортную магистраль Омска – проспект Маркса.

Никольский казачий собор, географические координаты которого по отношению к Пулковку отмечены на планах города еще в начале XX в., и сейчас продолжает занимать главенствующее положение в центральной части Омска. Вертикалью своей колокольни храм замыкает перспективы улиц Ленина и Красных Зорь.

Статус места – военно-административного центра диктовал определенный образный язык – сдержанный и лаконичный и, ориентируя зодчих на петербургский вариант классицизма, порой нивелировал их творческий почерк. В начале XX в. Г. К. Лукомский объяснил столь «скучный оттенок» провинциальных казенных зданий тем, что все они являлись постройками «правительствующего почина» и «официальной опеки» и выполнялись под наблюдением петербургских архитекторов, которые всегда вносили в приемы зодчества и композицию зданий какую-то строгость, официальность, свойственные именно петербургскому характеру архитектуры.

Цветовое решение фасадов опирается на традиции классицизма. Как правило, фасад решается двумя цветовыми тонами, одним из которых обязательно является белый.

Цвет определенного тона, светлоты и насыщенности обладает свойством зрительно преобразовывать архитектурные формы. В зависимости от теплой или холодной цветовой гаммы увеличивается или уменьшается размер сооружения; нюансные

или контрастные сочетания выявляют объем или подчеркивают плоскость и т. д. Цвет становится одним из главных средств построения архитектурной композиции, организации ритмического построения фасадов. Светлые тона способствовали выявлению пластики архитектуры, подчеркивали ее объемно-пространственную структуру. Пластика фасада позволяла ощутить объем здания, а значит – понять его тектонику.

Самым распространенным материалом, применявшимся в отделке фасадов, стала штукатурка. Немаловажную роль среди отделочных материалов занимает стекло. Площадь остекленных поверхностей существенно увеличивается.

Архитектура, как объемно-пространственный вид искусства, предполагает использование цвета для решения определенных задач. Цвет подчеркивает или расчленяет плоскость, выявляет геометрию объема или зрительно корректирует ее. Скульптурные элементы, крупная пластика фасада обычно имеют однотонную, светлую окраску, которая лучше выявляет их объем. Поэтому доминирующие цвета фасадов – светлые. Это подтверждают все рассмотренные нами постройки. Кроме того, выделение цветом горизонтальных фризов, которые переходят с фасада на фасад, способствует выявлению объема архитектурного сооружения в целом.

Палитра рациональной архитектуры, к которой относится рассматриваемый период, строга и деловита. Определяющей тенденцией становится стремление колористики к ахроматическим сочетаниям. В целом колористика классицизма сдержанная и высветленная. Большинство используемых цветов сводится к бежевым, светлым желто-зеленым. В этот перечень надо включить серо-голубой оттенок стеклянной поверхности³.

В период классицизма русская традиция выделения белым цветом ордерной структуры зданий и декоративных деталей сохраняется. Принципы цветового решения и его тектонический смысл остаются незыблемыми. В 1817 г. Александром I была запрещена «грубая» краска. Фасады предписывалось красить светлыми красками. Вообще дозволялось красить дома нижеследующими только белым, палевым, бледно-желтым, светло-серым, бледно-розовым цветом, но с большею примесью белой краски и желто-серым. В 1818 г. были введены стандартные цвета для крыш: зеленый и красный.

В 30-х гг. XIX в. самой распространенной краской стала охра, обладающая высокой прочностью и экономичностью. Ею предписывалось покрывать стены всех казенных зданий. При этом об оттенках и насыщенности этого колера применительно к конкретным постройкам практически ничего не известно.

В формировании любого сооружения эпохи классицизма кровле принадлежала немаловажная роль. В городских условиях окраске кровель уделялось внимание не меньшее, чем окраске фасадов. Тесовая крыша могла краситься в красный цвет, могла быть некрашеной. Железная крыша являлась показателем зажиточности. Так, большинство купеческих домов было крыто железом. В сибирских городах от 30 до 50 % жилых зданий имели железную крышу, что было выше, чем в среднем по стране. Железные крыши обычно красились в красный или зеленый цвет. Остальные дома крылись тесом. Другие кровельные материалы (черепица, солома) в регионе практически не применялись⁴.

Колористика омской архитектуры, рассмотренная нами на примере описанных сооружений, позволяет сделать вывод о том, что формировалась она в русле существующих цветовых традиций Москвы и Санкт-Петербурга. До появления каменных построек цвет омской застройки был тесно связан с материалом – это цвет дерева. Его цвет и тональность максимально близки к естественным природным оттенкам. При появлении каменного строительства и использовании типовых проектов появились новые цвета: белый, светло-желтый, палевый. Эти цвета придали городской застройке торжественный, парадный вид.

Колористика города в этих временных рамках стала переломной. Цветовая культура Омска тех лет тесно связана с архитектурными стилями и статусом города как военного укрепления.

---

¹ Приводится по: Гуменюк А. Н. Архитектура Омска XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2002.

² Там же.

³ Ситникова Н. В. Колористика как основа формообразования в архитектуре : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Барнаул, 2010.

⁴ Киселев И. А. Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII – XIX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ic.omskreg.ru/cultsib/hist/alis_for.htm

Т. В. ПОЙДИНА

*Барнаул, Алтайский государственный технический университет,
Институт архитектуры и дизайна*

ПРОЕКТНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Городская среда и ее предметное наполнение – сложный объект дизайнерской деятельности. Современные исследования показывают, что «даже значимые ансамбли проектируются как своего рода крупномасштабный пространственный дизайн, а их функциональное наполнение – как самостоятельные дизайнерские среды»¹. При этом важно подчеркнуть, что средовое творчество представляет новую форму проектного синтеза, где осуществляется своеобразное единство социально-функциональных, инженерно-технических и идейно-эстетических начал.

В проектном творчестве категория «среда» понимается как «хорошо освоенное окружение» (Г. З. Каганов), т. е. эмоционально и чувственно освоенная и приемлемая для пребывания часть пространства, единство материально-пространственных условий осуществления какого-либо процесса, явления, события и особенностей самого этого явления². Внедрение в архитектурную среду дизайнерского наполнения может как поддерживать и усиливать направленность архитектурной работы, так и противоречить ей, вплоть до полного игнорирования первоначальной архитектурной основы, что актуализирует проблему эстетической ценности объектов городского дизайна. С. М. Михайловым выявлены тенденции, наметившиеся в дизайне городской среды, проявляющиеся в «интерактивности и интеллектуальности», «ландшафтной морфологии» в формообразовании элементов городского дизайна, формировании «локальных архитектурно-художественных стилей» градостроительных ансамблей и комплексов, появлении «высококомфортных городских пространств», стирании границ между «интерьерными и экстерьерными» пространствами в городе³. В свою очередь, аксиологический подход к теории средового дизайна (Н. И. Барсукова) выводит на понимание средового дизайна как целостного, социально-культурного феномена. Центральная тема средового дизайна – «образ жизни» рассматривается исследовате-

лями как взаимосвязанное единство морфологических, функциональных, аксиологических, семантических структур (О. Генисаретский, А. Гутнов, А. Г. Раппапорт, В. Сидоренко и др.), что по замечанию Н. И. Барсуковой, привело к усилению концептуального, экологического и этнокультурного аспектов проектировочной деятельности.

Проблема среды («средового сознания») возникла в условиях индустриальных методов строительства. Особенно активно термин «среда» вошел в научный обиход с начала 1970-х гг., чему способствовало выявление противоречий во взаимоотношении человека с городом. Стало очевидно, что жилищная проблема не решает всех проблем жизни в городе; под натиском техницизма родилась «идея среды», распространившаяся на все аспекты жизнедеятельности человека и его окружения. Большую роль в этом процессе сыграл получивший распространение средовой подход в архитектуре (В. Л. Глазычев, Э. П. Григорьев, А. П. Ермолаев, А. Г. Раппапорт, А. В. Иконников). В конце 1970-х – начале 1980-х гг. были заложены методологические основы нового, альтернативного, подхода к организации городского пространства: от человека и его предметного окружения – к предметно-пространственной среде города. Появляется понятие «средовой дизайн», которое ознаменовало появление нового вида дизайна, отличного от традиционного, индустриального. С позиции системного подхода к художественной культуре и проектной деятельности, разработанного в трудах М. С. Каган, Д. А. Азрикан, Э. П. Григорьева, В. Сидоренко, О. Генисаретского, В. Л. Глазычева, гармонизация среды не может осуществляться без системного охвата всех ее компонентов. В русле средового подхода получили осмысление принципы взаимодействия архитектуры и дизайна, комплексное проектирование средовых объектов, а также была обоснована зависимость эстетической ценности дизайн-объектов от ориентации на ценностные структуры образа жизни. Особой формой синтеза дизайна с архитектурой, градостроительством и монументально-декоративным искусством становится городской дизайн с присущим ему арсеналом исследовательских и проектных методов.

С. М. Михайловым выделены следующие уровни современного городского дизайна: скульптурные и предметные формы,

включая системы визуальной коммуникации навигации, уличную мебель и оборудование, цветографические и суперграфические композиции (формы) и другие компоненты градостроительного партера; архитектурные фасады и отдельные архитектурные объемы; городские пространства (архитектурные ансамбли и градостроительные комплексы); планировочные схемы градостроительного характера – проекты колористической, световой организации города, его комплексного архитектурно-художественного оформления и т. п.⁴

Среда – семиотическая категория, которая выступает как средство коммуникативной деятельности. При этом активное включение широкого арсенала художественно-декоративных приемов, цветографических и пластических объектов в городскую среду, в том числе использование их как средства театрализации, зрелищного интерактивного действия в дизайне среды, стимулирования игровой ситуации, определяет саму жизненную среду как форму существования проектно-художественных форм, их синтеза, где эстетический смысл раскрывается не только через само произведение, но и через среду, поведение, общение, следовательно, возрастает знаковая функция современных монументально-декоративных форм и средств формирования эмоционально-художественного потенциала в моделировании «средовой атмосферы». Иначе говоря, среда становится объектом эстетического восприятия. Отсюда актуализируются критерии художественного качества среды, в первую очередь, это оригинальность, масштабность, тектоническая организация, гармоничность, эмоциональная ориентация.

Развитие теоретико-методологической базы дизайна архитектурной среды предопределяет необходимость осмысления постмодернистского контекста, следовательно, ряда проблем средовой проблематики стилевой множественности, интериоризации и экстериоризации среды, интегральности и универсальности. Такая среда, по Н. И. Барсуковой, может приобретать вид проектной идеологемы – среда как микрокосм, как текст культуры, как тематический парк, как театр, как приключение, среда-познание, среда-движение, среда-ситуация, и, далее продолжает автор, она «несет в себе возможность существовать как самоценный культурно-розначимый микромир»⁵. Как видим, выявленные Барсуковой ва-

рианты постмодернистской проектной культуры направлены на создание динамичной саморазвивающейся среды, что раскрывает новые возможности проектного языка. Приоритетное значение здесь получает ориентация на ценностные структуры образа жизни конкретного человека, его мироощущение, и, кроме того, предполагаются тесные связи с экологией.

Средовая парадигма дизайна актуализирует решение экологических проблем, а это и комплексная эколого-эстетическая основа проектных решений. Свойственные экологическому сознанию установка на причастность, восприятие себя как части природного целого, отождествление с ним, отношение к среде обитания человека с позиций гуманизма, эмоционально-чувственное переживание и личностно-ценностное восприятие природной среды составляют ядро интеграции эколого-эстетического подхода и культурно-экологического подхода, направленного на сбережение ценностей унаследованной культуры, регионального природного и историко-культурного наследия. Осознание экологической проблематики выводит сегодня в фокус средового проектирования аксиологические компоненты жизнедеятельности, направленные на гармонизацию отношений человека с окружающим миром. Отсюда в функции средового дизайна включаются утверждение приоритета духовных, творческих и интеллектуальных ценностей, формирование морально-этических потребностей.

Современный тип проектной культуры актуализирует обращение к теме «регионализма», значимости региональных проблем, специфики развития проектной культуры регионов, что закономерно актуализирует выявление национальной и региональной самоидентификации региональных школ современного дизайна (О. Генисаретский, К. Кондратьева, Г. Курьерова, В. Сидоренко и др.). Следовательно, знание символического содержания феноменов этнической культуры, оперирование смыслами, значениями региональной культуры, иначе говоря, понимание ценностей всех «слоев региональности», ориентируясь на которые архитектор или дизайнер смоделирует характерный образ среды, отвечает задаче сохранения в проектируемом объекте региональной специфики, интерпретации этнического феномена в современную проектную идею. Таким образом, сопряжение проблематики культурной идентичности предметно-пространственной сре-

ды и экологического проектирования составляет смысловое ядро экологии культуры и отражает характер взаимосвязей человека и окружающей среды.

Художественное проектирование предметно-пространственной среды, как и исследование этого процесса, сегодня уже не может рассматриваться вне триады «человек – среда – культура». Сближение среды и культуры, включенность проектной деятельности в конкретную культуру с ее традициями, гуманизация среды, концептуальность проектировочных решений, интеграция экологического, регионального и этнокультурного аспектов в дизайне архитектурной среды являются приоритетными направлениями в сфере практического и теоретического развития проектной культуры.

---

¹ Барсукова Н. И. Аксиологические основы теории и методологии средового дизайна // Вестник ОГУ. – 2011. – № 9 (128). – С. 25.

² Дизайн: основные положения, виды дизайна, особенности дизайн-проектирования, мастера и теоретики : ил. слов.-справ. / Г. Б. Минервин, В. Т. Шимко, А. В. Ефимов [и др.] – М., 2004.

³ Михайлов С. М. Дизайн современного города: комплексная организация предметно-пространственной среды (теоретико-методологическая концепция) : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 2011.

⁴ Михайлов С. М., Михайлова А. С. Дизайн города в историческом аспекте // Вестник ОГУ. – 2011. – № 9 (128). – С. 4–8.

⁵ Барсукова Н. И. Дизайн среды в проектной культуре постмодернизма конца XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 2008. – С. 34.

Е. В. СОКОЛОВА

*Тара, Тарский Омского государственного аграрного университета
им. П. А. Столыпина»*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАСТРОЙКИ И ПЛАНИРОВКИ МАЛЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В советский период на территории Среднего Прииртышья, как и в целом в стране, складывается новый тип малого города, с новыми символами и ценностями, существенно отличающимися его от дореволюционного города и направленными на формиро-

вание «человека социалистического общества». В этом процессе можно четко выделить два этапа.

На первом этапе (20-е – начало 50-х гг. XX в.) закладываются основы советского города, определяются векторы его развития, начинается не только процесс создания, закрепления и трансляции культурных ценностей новой эпохи, но и процесс формирования городских символов, отражающих ее особенности. Вторым этапом формирования культурного пространства малых городов Среднего Прииртышья охватывает 50–80-е гг. XX в. и связан, в первую очередь, с наполнением городского пространства новыми символами. Рассмотрим детально каждый из выделенных этапов.

В 20–30-е гг. XX в. страна переживала серьезное увлечение городами-садами, урбанизмом, дезурбанизмом, социалистическими городами, что обязательно отражалось на градостроительной практике¹. Но эти явления сложно пронаблюдать на рассматриваемом материале. Сельскохозяйственная направленность поселений существенно тормозила не только создание стройной схемы городской застройки и сети учреждений культуры в Таре и Тюкалинске, но и процесс перехода Исилькуля, Калачинска и Называевска в разряд городов.

В 1920-е – начале 1950-х гг. в процессе застройки рассматриваемой территории определяется ряд особенностей, послуживших основой складывания градостроительных традиций во второй половине XX в. Во-первых, неорганизованный, местами хаотичный характер общей застройки. Следует отметить, что она велась преимущественно по линии освоения новых незастроенных земель. Преобладала одноэтажная деревянная застройка. Это во многом объясняется крепкими сельскими традициями, правилами ведения хозяйства, преобладанием сельского типа культуры населения. Но вместе с тем использование местного строительного материала (дерева, камыша) позволяло во многом собственными силами формировать сеть учреждений культуры и жилой сектор.

Рационально использовать свободные земли не позволяла низкая плотность застройки территории. Решению этой проблемы начинают уделять внимание на следующем этапе, когда застройка переходит в разряд задач, поставленных перед первыми генеральными планами городов. Уличная сеть не имела определенной системы. Но вместе с тем И. С. Голубецкий так описывает внешний

облик Тары в 1920–е гг. XX в.: «Строения в городе в основном были деревянные, рубленные из бревен, жилые дома преимущественно одноэтажные, реже двухэтажные... Квартальная застройка строго по периметру с замкнутыми дворами и приусадебными участками. Большинство изб и домов-пятистенков размещены торцами на улицу, часто с тремя небольшими окнами на фасад. Каждая усадьба имеет дощатый забор, ворота, амбар или другое хозяйственное строение, выходящее также торцом на улицу... В Таре много двухэтажных рубленых домов»². Описанная система улиц не является правилом для рассматриваемой территории. Здесь речь идет о расположении улиц, выстроенных по плану 1775 г., который был разработан в Тобольской геодезической школе и утвержден Екатериной II. Это единственный пример отнесенной упорядоченности застройки, на которую повлияли исторические корни Тары.

В целом же, учет исторического наследия малых прииртышских городов (Тары и Тюкалинска) является еще одной особенностью, которая и отличала их от новых промышленных центров. Исторические памятники, сохранившиеся в этих городах, впоследствии вошли в число градообразующих доминант.

Еще одной особенностью градостроительства в 20-е – начале 50-х гг. XX в. является отсутствие в системе застройки организованного общественно-торгового и культурного центра. В этом отношении, например, Тара этого периода значительно отличалась от города начала XX в.: если в начале века роль доминанты городского центра играла церковь, то впоследствии эти функции переходят, прежде всего, к дворцам культуры, а позднее – к памятнику В. И. Ленина. Особое место в пространстве города в 1920–1950-е гг. занимали Дома Советов. Они обязательно размещались в центральной части города и представляли ядро жизни населенного пункта.

Еще одной особенностью застройки было беспорядочное размещение учреждений культуры. Несмотря на это, они располагались в центральной части города. Под учреждения культуры выделялись свободные, не приспособленные для нужд культуры здания, что, в свою очередь, сказывалось на формировании культурного пространства.

1950–1980-е гг. представляют собой качественно новый этап в градостроительстве малых городов Среднего Прииртышья – этап «насыщения» культурного пространства города. Это этап развития сети учреждений культуры, этап оформления культурного пространства города. Он связан, прежде всего, с новым политическим курсом, включающим культурное строительство, и внедрением в практику градостроительства обозначенной группы городов генеральных планов.

Одной из главных причин, заставивших градостроителей по-новому взглянуть на малый город, является изменение его социального облика и, в частности, рост численности населения. Кроме того, в обозначенный период все рассматриваемые поселения приобретают статус города, а следовательно, и новые функции. Калачинск получает статус города в 1952 г., Называевск – в 1956 г. Рост численности населения и приобретение статуса города приводит к необходимости расширения культурной инфраструктуры, к открытию новых учреждений культуры, к необходимости увеличения жилищного фонда.

Следует также отметить, что в 1960-е гг. формирование городов во многом определялось градостроительной политикой массового строительства. Одной из важнейших задач было обеспечение населения благоустроенным жильем. Создавались крупные массивы однообразной застройки, которые отчасти определяли облик городов. Архитекторы, говоря о городе в целом и понимая неизбежность внедрения в практику типового проектирования, относились к нему как к негативному фактору. Тем не менее типовое строительство становится одной из особенностей второй половины XX в., в том числе применительно к рассматриваемым нами городам.

В 1960-е гг. были разработаны и утверждены проекты планировки городов с перспективой развития на 25 лет. Так, например, в Калачинске такой проект был разработан под руководством архитектора П. И. Круткина и утвержден в 1963 г., в Называевске и Тюкалинске – под руководством архитектора В. Г. Веселовского, проекты утверждены в 1960 и 1961 гг. соответственно³.

Одной из наиболее важных проблем при проектировании города считалось нахождение «правильного» в идеологическом отношении соотношения старого, исторического центра, и нового,

административного центра: новое должно было доминировать над старым. С этих же позиций должна была решаться и проблема архитектурного наследия города – ценность архитектурных памятников во многом зависела от того, насколько оказывалось возможным включить их в новый градостроительный контекст⁴.

Особое внимание в генеральных планах уделялось реконструкции центра города. Формирование полноценного ансамбля городского центра было главнейшей задачей советской архитектуры послевоенного периода⁵. В центральной части города предполагалось размещать учреждения культуры, мемориалы и скверы, которые выполняли бы функции сохранения, преобразования и трансляции культурных ценностей. Эти же функции выполняла и сама застройка города.

Неотъемлемой частью городского центра в рассматриваемый период становится памятник В. И. Ленину. Он является доминантой центральной площади города и выполняет не только функции символа новой эпохи, но также несет значительную идеологическую нагрузку.

В рассматриваемый нами период четко обозначилась тенденция к унификации культурного пространства городов. Как отмечает А. Панарин, «в городах социальное пространство заорганизовано генеральным планом так, что исключает какое бы то ни было попустительство естественному ходу событий. Всякие лакуны, где еще теплилась жизнь... а также любые проявления индивидуального стиля и вкуса подлежали ликвидации»⁶. Но данный тезис не находит своего подтверждения на рассматриваемой нами территории. Малые города Среднего Прииртышья смогли сохранить свое «лицо».

Таким образом, в результате влияния ряда факторов определяются особенности, характеризующие культурное пространство территории в советский период. В 1920–1950-е гг. планировка малых городов Среднего Прииртышья складывалась без учета градостроительных требований, уличная сеть не имела определенной системы, преобладала деревянная застройка. Возведение новых зданий и домов шло по линии незастроенных земель, что придавало процессу застройки стихийный характер, ее плотность была крайне низкой. В 1960-е гг. были разработаны и утверждены генеральные планы городов с перспективой развития на 25 лет. Они

предполагали четкое зонирование территории, озеленение и благоустройство. Во второй половине XX в. планировка и застройка городов велась с учетом накопившейся практики, большое внимание при этом уделялось оформлению общегородского центра.

---

¹ Косякова Е. И. Городская среда Новониколаевска-Новосибирска (1893–1941 гг.): опыт исторического изучения // Проблемы культуры городов России : материалы пятого Всерос. науч.-практ. семинара / отв. ред. Д. А. Алисов. – Омск, 2004. – С. 38.

² Голубецкий И. С. Села, рабочие поселки и города Омской области. – Омск, 1970. – С. 82.

³ Там же.

⁴ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства. – М., 2000. – С. 70.

⁵ Заславский Е. Л. Что такое архитектура. – Минск, 1978. – С. 61.

⁶ Панарин А. Малый город в постмодернистской культуре // Исторические города и села в процессе урбанизации (по материалам международного совещания). – М., 1993. – С. 27.

Е. В. ГОЛОВНЕВА

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина*

ФЕНОМЕН САКРАЛЬНОГО МЕСТА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Постмодернистский дискурс призван разрушить модернистское понимание пространства. Как указывает Н. Бреннер, «традиционные евклидовы, картезианские представления о географическом пространстве как зафиксированном, прочном, самоочевидном и априорно данном в настоящее время пересматриваются, по крайней мере, в критической географической теории»¹. Территориальная, региональная, городская идентичность в постмодернистской трактовке оказывается, пользуясь термином Леви-Стросса, «бриколажем» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени; говорить об устойчивой, истинной, верной в последней инстанции территориальной идентичности здесь не приходится². И. Митин предлагает для обозначения

ния многослойности пространства термин «палимпсест», обозначающий систему из множественных реальностей, в которых каждая из них может в определенных условиях становится главной; целостную совокупность пластов, иерархия которых вариативна. Собственно городское пространство как палимпсест предстает как «сумма разнородных (кон)текстов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту»³. Мы можем в любой момент оказаться в пространстве каждой из существующих реальностей. Можно провалиться в одну из них – но можно сознательно выбрать ту или иную реальность, и этот выбор определит наше бытие.

Среди множественности и вариативности пространств современного города можно указать на существование мест, насыщенных для горожан мифологическими сюжетами и сакральными смыслами. Типичными слагаемыми подобных пространств являются мифы о происхождении/основании города, его знаковых личностях (культурных героях), легенды о «местах силы», мифологемы, напоминающие события священной истории. В многослойной структуре городского пространства сакральные места отличаются особой выделенностью, исключительностью, здесь действует мифологический принцип организации и структурирования реальности на фоне уже в целом демифологизированного городского пространства. Мифологемы такого рода становятся неотъемлемой частью формирования городской идентичности как условие повышения статуса города.

Можно выделить ряд существенных признаков, характеризующих мифологический тип мышления, актуальный в том числе для построения мифологий «сакральных мест». Он проявляется в центрической организации занимаемой территории как особого, освоенного культурного пространства, его структурировании при помощи объектов и топонимов. В соответствии с мифологическими представлениями, считается, что у каждого объекта должно быть определенное место, название и функция внутри системы пространства. Восприятие топонимов при этом также нередко строится по мифологическому типу: топонимы воспринимаются и как имя-символ конкретной территории (села, города, района и т. п.), и как средство ее преобразования (что выражается, например, в акте переименования как способа изменения качества

переименоваемого пространства, создания «параллельных пространств» через неофициальные названия и т. п.).

В пространстве современного города можно выделить два уровня мифотворчества: «мифотворчество сверху» и «мифотворчество снизу». «Мифотворчество сверху» носит искусственный сконструированный характер и является составной частью идеологии. Постиндустриальный город функционирует как медиатекст, в котором образы сформированы не столько культурным (мифологическим) бессознательным, сколько коллективной медийной картиной мира. Для медиассылок не требуется метонимических связей, здесь прекрасно работает принцип коллажного мироустройства «постсовременной жизни», который реализуется во всех городских маркетинговых стратегиях.

«Мифотворчество снизу», рассматриваемая как спонтанная, непредзаданная мифологизация образов, отношений, событий, осуществляемая и в восприятии массовой культуры, и в жанрах устного народного творчества, также продолжает сохранять свою актуальность. К этому пласту фольклора относят, например, былички – устные истории о необычных событиях, которые подаются как абсолютно достоверные. Такая народная мифология, осваивающая все новые образы, – самая обширная составляющая часть современной городской мифологии.

Наиболее привлекательными для сакрализации являются религиозные объекты (храмы), памятные знаки, территории с некоторыми аномалиями, отклонениями от нормы – пещеры, горячие источники или источники с водой необычного цвета, причудливой формы возвышенности и скалы. Подобной привлекательностью обладают и места, связанные с убийствами, самоубийствами, казнями и другими трагическими или памятными событиями. Сюда же следует отнести экстрасенсорные и оккультные увлечения, пространства нетрадиционных верований и ролевых клубов исторической реконструкции, кино, компьютерных технологий и многое другое⁴.

«Народная мифология» в своем современном выражении направлена к тем же глобальным и ценностным проблемам, что и древний миф, и характер ее рассуждений всегда завязан на аксиологическом отражении реальности. Пространство и время в подобных мифологиях отличается нелинейностью и ценностно-

смысловой нагруженностью. Оно не только структурируется (оболочки, сферы, сакральные центры), но и произвольно сжимается и растягивается. В мифологии «сакрального места» присутствует и своеобразная персонификация космоса, воспринимаемая как живое, одухотворенное целое (что выражается, например, в описании энергии как «живой» или «злой»), и мифологизация персоналий⁵.

Феномен сакрализации городских пространств, так же как и востребованность в настоящее время локальных мифологий, можно объяснить тем, что они открывают перспективу ясной и доступной для человека деятельности, обеспечивая, в конечном счете, решение многих проблем. Привлекательной стороной подобных мифологий является возвращение их к внешней форме бытия через отречение от посюсторонних привязанностей.

По замечанию Ю. М. Смирнова, «городская культура, как бы неожиданно это на первый взгляд ни выглядело, вступает с сакральным пространством в гораздо более активные игры, чем традиционная сельская. Во многом это можно объяснить и тем – не отвергая иных тезисов о большей консервативности, а соответственно, и устойчивости сельской культуры, – что городское пространство не только более сложно организовано, но и гораздо более динамично, изменяемо. При этом в городе сосредоточиваются религиозные и административные институты, сохраняющие архетипичную память о своем сакральном происхождении и требующие своих специализированных пространств с установленными для них правилами ритуального поведения и распределением ролей»⁶. Немаловажную роль в организации и восприятии городского пространства играет и сосуществование в нем различных видов исторического наследия (дореволюционного, советского) с соответствующей системой мифологем, знаков и символов.

Сейчас можно констатировать, что в локальном знании городского пространства снят лишь самый верхний слой, касающийся именно текста города (термины, мотивы, сюжеты). Более глубокое проникновение связано с попытками описать такие тонкие явления, как чувства, эмоции, переживания представителей городского сообщества, учитывая сосуществование различных субкультур и культурных общностей (языковых, религиозных, территориальных, общностей по интересам). И в этом смысле гуманитарному знанию может помочь изучение сакральных мест,

которые отражают ощущение и эмоциональное переживание горожанами освоенного пространства.

---

¹ Brenner N. The limits to scale? Methodological reflections on scalar structuration // Progress in Human Geography. – 25,4 (2001). – P. 592.

² Замятин Д. Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) – М., 2011. – С. 198.

³ Митин И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. – М., 2006. – Вып. 3. – С. 66.

⁴ Смирнов Ю. М. Сакральное пространство как игра. Игра как сакральное пространство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deinekagallery.ru/conference/18.html>

⁵ Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки. – Омск, 1996. – С. 106–118.

⁶ Смирнов Ю. М. Указ. соч.

Т. А. КИСКИДОСОВА

*Абакан, Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории*

ГОРОД ЕНИСЕЙСК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В последние годы в отечественной историографии особый интерес представляют работы по истории малых городов. Исследователи обратили внимание на различные стороны отдельных провинциальных городов Сибири в дореволюционный период. Они исследовали население, экономическое развитие, занятия горожан, благоустройство, архитектуру и другие вопросы¹.

В начале XX в. Г. Н. Потанин отнес золотопромышленный Енисейск к буржуазному типу городов, которые возникали спонтанно и процветали на прочном основании. Он писал: «Буржуазные города отличаются каменными купеческими домами с цепными собаками на дворе, с тяжелыми замками на амбарах, с воротами, которые запираются в девять часов вечера, с необитаемыми комнатами... Жизнь таких городов не нуждалась в умственных

развлечениях; она довольствовалась именинами, свадьбами, попойками и рысаками и кулачными боями»².

Особенной чертой Енисейска, отличавшей его от многих сибирских городов было то, что он стал центром интенсивно развивавшегося района добычи золота. М. Миндаровский считал, что бурное развитие золотопромышленности испортило и развратило Енисейск. По его мнению, до золотопромышленного бума город был «патриархальный, трудящийся, с открытием золотых приисков превратился в город пирующий, легкомысленный и беззаботно прожигающий жизнь. Все подгнило и рухнуло»³. Высокие прибыли от добычи золота, жажда наживы и легкая прибыль наложили отпечаток на культурный облик города. С одной стороны, предприниматели вкладывали значительные средства в строительство зданий и храмов, благоустройство города, озеленение улиц. С другой стороны, значительная часть доходов уходила на бессмысленные развлечения, золотопромышленники прожигали легко доставшиеся деньги.

Со стороны Енисея город имел достаточно красивый вид. Как отмечали очевидцы, город был распланирован правильно, но не был мощным⁴. В Енисейске выделялись три части (Центральная часть, Заречье и Гора). Центральная часть считалась лучшей в городе, через нее проходила главная городская улица – Большая, наиболее оживленная и красивая часть города. В Енисейске каменные дома располагались только на Большой улице и то только в небольшой части кварталов, около Базарной площади. Каменные здания были двух- и трехэтажные, но основную массу представляли одноэтажные дома⁵. В Центральном районе располагались лучшие дома, преимущественно двухэтажные деревянные особняки со стеклянными верандами. Здесь жили местные предприниматели, представители аристократии и зажиточные горожане. Роскошные особняки золотопромышленников резко контрастировали с другими архитектурными сооружениями и представляли собой дворцы. Эта часть города задавала культурный тон всему городу.

В Енисейске роскошные особняки золотопромышленников резко контрастировали с другими архитектурными сооружениями и представляли собой дворцы. Местные богачи подчеркивали свою состоятельность не только роскошью зданий, но

и надписями о принадлежности этого дома тому или иному хозяину. Обычно указывались фамилия, имя, отчество и «титул» хозяина, например «Почетный и степенный гражданин такой-то...». Надпись наносили на бочку с водой, но, как отмечали обыватели, обилие бочек, выставленных обеспеченными горожанами, не спасло город от пожара 1869 г.⁶ Также в центре по улицам Зеленая, Успенская и Ручейная находились административные здания, полицейское управление, магазины, лавки. В каменном гостином дворе располагалось около 150 лавок. Сенная площадь протянулась от Кузнецкого моста до возвышения монастыря. Зареченская часть города считалась самой грязной и некрасивой, она имела дурную славу. В этом районе сосредоточились публичные дома и кабаки (преимущественно Кузнецкая улица). На улицах располагались небольшие домики, здесь в основном обитали рабочие и беднота. К Заречью с левой стороны примыкали кузницы, с правой – предместье Каштан. Рядом с поселком находился винокурный завод купца Харченко. В весеннее время предместье отделялось от города разливом, большой протокой. На Горе (старая часть города) находились старые здания, которые уцелели после пожара 1869 г.⁷

По мнению современников, до пожара 1869 г. Енисейск был одним из красивых уездных городов России. В период расцвета золотопромышленности в городе появилось много каменных зданий (больница, гостиный двор, училище, присутственные места, богатые особняки). В гостином дворе насчитывалось 114 лавок. До окончания золотопромышленного бума в северной тайге Енисейск считался богаче и красивее Красноярска. После пожара 1869 г. Енисейск быстро восстановился, но утратил свое былое великолепие. А. Уманьский писал о Енисейске начала 1880-х гг.: «Когда прибываешь в город в первый раз, особенно если приходилось жить в больших европейских городах, Енисейск производит впечатление большой деревни. Городские улицы не замощены, пыльные летом и грязные весной. Редкие извозчики на допотопных линейках, раннее прекращение жизни города, который в десятом часу погружается в общий сон. Выходишь иногда на берег Енисея, и жутко станет при мысли, что вот за этой гранью начинается безлюдная тайга, которая тянется на целые тысячи верст»⁸. По воспоминаниям А. Л. Яворского, в конце XIX в.

в Енисейске «возвышались красивые каменные храмы и колокольни, это были дары городу от щедрой руки, вскипевшей на волнах фортуны, руки золотопромышленника»⁹.

Особое место в жизни города занимали культовые сооружения. Благодаря пожертвованиям золотопромышленников были построены церкви, часовни, молельные дома. В Енисейске проживали представители разных конфессий. Как и во многих сибирских городах основную массу населения составляли представители русской национальности и православного вероисповедания. В 1863 г. в городе проживало 24,8 тыс. православных, что составляло 93,9 % от всего населения. К 1910 г. удельный вес православных снизился до 9 120 чел. (85,8 %)¹⁰. Енисейск был одним из немногих городов Сибири где была значительна еврейская диаспора. В 1863 г. в городе насчитывалось 349 исповедовавших иудаизм, т. е. 5,1 % от всего населения в городе. В это время удельный вес мусульман среди городского населения был незначительным, он составлял 1,2 % (80 чел.)¹¹. В начале XX в. евреи продолжали занимать второе место после православных. В 1910 г. удельный вес евреев составлял 6,9 % (735 чел.). К этому времени произошел существенный рост численности мусульман (643 чел., 6,1 %). Таким образом, наряду с православными храмами в городской среде Енисейска появились синагога и мечеть. В 1859 г. в Енисейске насчитывалось восемь православных церквей и один еврейский молитвенный дом. В 1904 г. здесь было девять православных церквей, четыре молитвенных дома (два православных и по одному мусульманскому и иудейскому) и две часовни¹².

Суровые климатические условия Енисейска не давали возможности населению заниматься земледелием. Там получили развитие другие виды трудовой деятельности. В Енисейске зажиточные горожане предпочитали заниматься торговлей и золотопромышленностью. Основой хозяйственной жизни менее состоятельной части городского населения являлись извоз, рыболовство, плотничество, столярное и кузнечное дело¹³. Наряду с рыбной ловлей енисейцы производили засолку рыбы, они нанимались на купеческие суда, которые отправлялись в Туруханский край¹⁴.

Благосостояние жителей Енисейска зависело от работы золотых приисков. Город превратился в крупный центр золотопромышленности, сократилась добыча железа и другие промыс-

лы, которые ранее были достаточно развиты. Упадок добычи золота на приисках резко отразился на торговле и всех видах промышленности горожан. Местные торговцы потерпели существенные убытки с упадком золотопромышленности в Северо-Енисейском горном округе, соответственно уменьшились поставки припасов и товаров на золотые прииски¹⁵.

В целом в рассматриваемый период Енисейск был типичным малым городом в Сибири. Особенностью города, отличавшей его от других сибирских городов, являлось то, что на его развитие значительное влияние оказала золотопромышленность. Во время золотопромышленного бума город процветал и динамично развивался, он превратился в один из красивых городов Сибири, улучшилась городская среда и благоустройство, горожане имели постоянный доход. После спада добычи золота Енисейск стал медленно угасать и приходить в упадок.

---

¹ Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Социально-экономическое исследование. – Новосибирск, 2008 ; Гончаров Ю. М., Литягина А. В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Барнаул, 2009; Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. – Барнаул, 2010; Гончаров Ю. М. Город Колывань во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография. – Омск, 2010. – С. 85–93; и др.

² Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1908. – С. 234–235.

³ Миндаровский М. Енисейск (город-банкрот) // Сибирские записки. – Красноярск, 1916. – № 4. – С. 97.

⁴ Вольский В. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. – СПб., 1908. – С. 358.

⁵ Там же.

⁶ Енисей. – 1902. – 13 окт.

⁷ Уманьский А. Золотой город. (очерки истории золотопромышленности в Енисейской тайге). – СПб., 1888. – С. 7.

⁸ Там же. С. 8–9.

⁹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 2120. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

¹⁰ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 г. – СПб., 1865. – С. 184; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 25. Д. 20. Л. 7 об. – 13.

¹¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 г. – СПб., 1865. – С. 184–187.

¹² ГАКК. В. 31. Оп. 1. Д. 228. Л. 42.

¹³ Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). П/1 № 216. Л. 16.

¹⁴ Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. – СПб., 1865. – Т. 1. – С. 214.

¹⁵ ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 24. Л. 254.

Е. А. АКЕЛЬКИНА

*Омский региональный центр изучения творчества Ф. М. Достоевского
при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского*

ИСТОРИЯ ЧАСТНОГО ДОМА В ОМСКЕ

В городе – дом. В доме – весь мир.

П. Элюар

Дом в Сибири как в деревне, так и в городе больше чем просто жилье. Образ его предметно точен и индивидуален, он всегда неповторим и отличается от других домов, пусть конструктивно срубленных точь-в-точь как у кого-то еще. Построить из дерева два совершенно одинаковых дома невозможно даже одному плотнику. А уж о разнице в атмосфере семьи, живущей в доме, бытовом укладе, семейных традициях и характеристиках хозяев и говорить нечего. Для сибиряка наличие своего дома есть основа экономической независимости, личной свободы и житейского благополучия. Необходимо заметить, что сибирский дом берет начало от русской печки, очага, вокруг которого и движется жизнь семьи. Дом, словно живой организм, растет пристройками, перемены в составе семьи или смена хозяева вызывают необходимую перепланировку. Меняется и подворье, сад, палисадник перед домом. Дом живет по-разному в различные эпохи.

Я хочу рассказать историю дома по ул. Вокзальная, 17, в котором родилась и живу уже более 60 лет, сам дом существует уже 100 лет. В истории моего дома отразилась через истории семей, живших и живущих в нем судьба страны. В нашем семейном архиве есть документ от 21 ноября 1913 г., из которого следует, что крестьянин Тобольской губернии Иустин Леонтьевич Коржавин сдает в аренду городскому жителю Алексею Трофимовичу Марамазину участок земли по Семипалатинскому тракту под № 178. «Арендатору предоставляется право возводить постройки

на сданной ему в аренду земле с соблюдением правил пожарного строительного устава, очистки двора и улицы, помойной ямы, печных труб и платы ночному сторожу», – сказано в документе. Отныне, внося ежегодно арендную плату за землю, Марамзин становится хозяином участка и начинает строить дом. Улиц еще нет, есть земельные участки, название Вокзальная будет дано в начале 1920-х гг. Кстати, моя улица единственная в нашем поселке никогда больше не менявшая своего названия и давшая в 1950-е гг. имя всему поселку.

Второй документ относится к июню 1922 г., это акт о продаже дома А. Т. Марамзиным моему деду Ивану Григорьевичу Бондаренко. С покупкой дома крестьянин Тарского уезда Тобольской губернии из д. Бергамак становится городским жителем и поступает служить на железную дорогу кондуктором. Земельный участок с домом был назван «выселком по Семипалатинскому тракту по Вокзальной улице в доме 3/178» и продан за 100 млн р. Если вспомнить о послереволюционной разрухе и инфляции, это не так уж много. Улицы еще собственно нет – есть несколько домов. Номер один у дома наших соседей Поляковых, их дед Федор Иванович служит носильщиком на станции, а номер 3 – дом, купленный И. Г. Бондаренко, остальные дома будут построены и пронумерованы позже. К 1930-му г. улицу будут выравнивать, чтобы дома стояли в одну линию, и наш дом получит № 7, а позже уже в 1960-е станет № 17.

В начале своей истории дом, купленный Иваном Григорьевичем, меньше современного: он состоит из четырех комнат: две небольшие спальни, «зала» и столовая, которая является и кухней, есть небольшое крылечко. Вход в дом со двора (с востока), есть сарай и небольшие ворота. Фасад дома в три окошка выходит на запад, перед домом кусты акаций. В саду дед посадит кусты сирени, в огороде (участок шесть соток) – грядки с луком, свеклой, морковью. В этом доме Иван Григорьевич будет жить со своей первой женой Анной Федоровной целых 20 лет, детей у них не будет. По семейным рассказам, Анна Федоровна была прекрасной хозяйкой, отлично вела дом. Однажды в 1930-е гг., вернувшись из поездки, Иван Григорьевич застанет двери дома открытыми, все ценные вещи унесены, а жену найдет в подполе, целую и невреди-

мую, только напуганную грабителями и закрытую поставленным на крышку подпола сундуком, чтобы не мешала выносить добро.

До войны жизнь будет идти своим чередом. На улице будут расти новые дома, напротив выстроят одноэтажные дома бабачного типа для железнодорожников (одна комната на одну семью). Некоторые улицы будут вымощены крупными булыжниками, но Вокзальная по осени и весне будет тонуть в грязи, как и многие улицы Омска. Но эта небогатая скудная жизнь будет вспоминаться всеми как верх благополучия, когда начнется Великая Отечественная война и в город хлынет поток беженцев из Централных районов страны.

В 1943 г. Иван Григорьевич овдовел, в дом к нему поселили буяна-военного, который стал все ломать в доме, жечь зимние рамы. Дед пытался его урезонить, но эвакуированный стал жаловаться. А тут начальник Ленинского отделения милиции Лузин решил забрать себе дом Бондаренко и оформил ему административную высылку в Иссилькульский район, совсем житья не стало Ивану Григорьевичу. Соседи его жалели.

Моя бабушка, Павла Андреевна Акелькина, овдовела еще в 1936 г., жила она со стариками-родителями на соседней ул. Мануильского (тогда она называлась улица Красный Путь), ее взрослый единственный сын Алексей Петрович Акелькин, отслужил в Красной армии, был на фронте, как и его жена. Старики в войну умерли, бабушка осталась одна в огромном доме. Заходил к ней сосед И. Г. Бондаренко, она ему сочувствовала и посоветовала снова жениться, даже невесту взялась подыскать, но дед неожиданно сделал предложение ей. Бабушка была моложе его на 10 лет, красива, добра и хозяйство вела умело. Написала она на фронт сыну и невестке, попросила разрешения второй раз выйти замуж. Согласие они, разумеется, дали. В 1944 г. Павла Андреевна и Иван Григорьевич поженились и счастливо прожили 13 лет. Брак, который возник, казалось, по необходимости, стал союзом любви. Дед бабушкой восхищался, баловал ее, а когда чуть позже он тяжело заболел, она преданно ухаживала за ним.

В 1944 г. мой отец – старший техник-лейтенант бронепоезда приехал домой в отпуск в форме НКВД (железнодорожные войска входили в эту систему). Тотчас отец обратился к военному

коменданту города с жалобой на незаконные притеснения его матери и ее мужа милиционером. Высылку И. Г. Бондаренко отменили, дом ему вернули, а начальник милиции выстроил на углу нашего квартала себе дом почему-то без ставень. Бабушкин дом продали, она переехала к деду, а когда вернулись с войны сын и сноха, дом стали восстанавливать. Каждый офицер, демобилизовавшись, получал зарплату за все пять лет войны. На эти деньги и стали отстраивать дом. Послевоенные годы были трудные: Иван Григорьевич во время поездки на лошади за продуктами в Булаево сильно простыл, начался туберкулезный процесс, лечили его долго и малоэффективно. К дому в послевоенные годы пристроили большую кухню, кладовку и маленькую комнату во второй половине дома, а также два отдельных входа (два крыльца). Дед жил во второй половине (он сам предложил это – берег детей), бабушка преданно ухаживала за ним, отправляла в санаторий, но в 1957 г. Иван Григорьевич скончался, через полгода умерла и бабушка.

В доме № 17 по Вокзальной улице остались молодые хозяйка: Алексей Петрович Акелькин – начальник технической школы машинистов, его жена Клавдия Григорьевна – врач и дочь Лена, которая только пошла в первый класс. Скоро всё в семье (и в поселке) стало по-новому. В 1960-м г. вместо печного отопления провели тепло (теплотрасса прошла по нашей улице), потом появился газ, летний водопровод. В 1960-е гг. улицу покрыли асфальтом. Мои родители посадили 10 яблонь, малину, смородину, цветник, сегодня от всего этого уцелели кусты сирени и одна стелющаяся яблоня. Отец поставил солидные ворота с двумя резными столбиками, а перед домом на улице оставил газон с травой и цветами.

Вот уже скоро столетие наш дом живет своей жизнью. Наш небольшой сад помнит бабушкины именины 14 июля (на Петра и Павла), когда она накрывала стол в саду, пекла пирог с курагой или с клюквой, приглашала соседей, а они пели старинные сибирские песни. Помню такие застолья в День Победы и в День железнодорожника (первое воскресенье августа). Сегодня гости собираются, но с 1970-х по 1990-е сами уже не пели, а слушали чужое исполнение. В самом конце века моя дочь Аня возродила давнюю традицию: у костра на огороде она, ее гости и друзья поют под гитару, и старый дом радостно прислушивается

к новым песням. А моя внучка Маша, так же как я в детстве, наряжает елку, вешает на дверь и на ворота самодельный рождественский венок, играет в песочнице, гоняет по улице на велосипеде. Одна беда – массовых уличных, дворовых игр (в казаки-разбойники, в вышибалы) дети уже не знают. Новый век, новые песни.

Д. С. ДЕГТЯРЕВ

Барнаул, Алтайский государственный университет

ПРОЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО РАЙОНА БАРНАУЛА В РЕШЕНИЯХ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ 1914–1916 ГОДОВ

Современная сибирская историческая урбанистика много внимания уделяет вопросам организации городского пространства. Одной из важнейших составляющих пространственного развития любого города является администрирование этого процесса, заключающееся, в частности, в планировании городской застройки. Но если общегородским генеральным планам уделялось уже достаточно много внимания как в советское время¹, так и в постсоветский период², то проекты застройки отдельных городских районов пока остаются вне поля зрения историков. Одним из таких проектов был план застройки Северного района Барнаула, составленный в годы Первой мировой войны.

В начале XX в. Барнаул был одним из динамично развивавшихся городских центров Западной Сибири. Параллельно с социально-экономическим развитием происходил и достаточно быстрый территориальный рост города. Оба этих процесса особенно ускорились в период Первой мировой войны, когда через Барнаул была проведена Алтайская железная дорога. К тому времени северной границей городской застройки являлась ул. 9-я Алтайская (нынешняя Молодежная). Между этой границей и полосою отчуждения Алтайской дороги раскинулся обширный район, представлявший собой ровную местность, удобную для строительства. Эта территория получила неофициальное название Северного района. На востоке этот район выходил на берег Оби, а на

западе приближался к долине речки Пивоварки. Все земли к началу Первой мировой войны в этом районе находились в собственности Барнаула.

Первые планы относительно этой территории у Барнаульской городской думы появились уже в начале 1914 г., когда была окончательно определена трасса прокладывавшейся Алтайской железной дороги. В связи с этим на заседании 3 января 1914 г. было принято принципиальное решение о расширении территории Барнаула на север. При этом существовавшую планировку предполагалось сохранить. Главными магистралями нового района определялись 4-й Прудской переулок (Революционный), Коношенный переулок (Красноармейский проспект), Московский проспект (Ленинский) и Московский тракт, а также вновь проектировавшаяся улица вдоль р. Оби. Поперечными магистралями должны были стать 9-я и 10-я Алтайские улицы, а также несколько новых, которые проектировались через каждые четыре квартала. Все эти магистрали должны были иметь ширину 24 сажени. Предполагалось и создание выхода к Оби через одну из улиц шириной в 10 сажений. Кроме уличной сети было намечено и функциональное зонирование нового района. Вдоль Оби должны были находиться промышленные предприятия. Всю береговую полосу дума предполагала разбить на восемь участков по 50 сажений шириной. Еще один ряд промышленных предприятий и складов предполагалось создать по другую сторону от новой прибрежной магистрали. В этом районе должен был возникнуть новый элеватор и несколько нефтяных складов. Через промзону хотели проложить железнодорожную ветку. Под заселение в первую очередь был намечен район между 9-й Алтайской улицей и вокзалом на участке от Московского проспекта до Коношенного переулка³.

Следующее заседание по этому вопросу состоялось 20 мая 1915 г. До него комиссия городской думы по благоустройству работала по данной проблеме с 16 апреля по 13 мая 1915 г. и внесла ряд предложений относительно Северного района, дополнив предыдущие проекты:

1. Нанести на план новые торговые площади. Для нового района они должны были появиться в трех местах:

а) полукруглая площадь перед пассажирским вокзалом Алтайской железной дороги;

б) площадь рядом с сырьевой станцией, между продолжением Московского тракта и вновь проектированной улицей от железной дороги, мастерских к депо;

в) площадь в виде треугольника, ограниченную продолжением Береговой улицы, вновь проектированной улицей по берегу реки и 11-й Алтайской улицей.

2. Проектировать устройство большого парка около 35 десятин вправо от... продолжения Московского проспекта между улицей от железнодорожных мастерских к депо и улицей... к переселенческим баракам.

3. Одобрить ширину главных магистралей в 24 сажени и второстепенных в 12 сажений. Первые должны иметь в середине бульвары шириною в шесть сажений.

4. В направлении будущего движения к железной дороге разбивать кварталы на селитебные участки, обращенные фасадами к существующим переулкам.

5. Принять нормальный размер селитебного участка по улице в 12 сажений и в 25 сажений в глубь квартала.

Городская дума одобрила все предложенное комиссией по благоустройству⁴.

Определившись с общим планом Северного района, городская дума занялась таким практически значимым вопросом, как условия сдачи в аренду участков городской земли в этой перспективной части города. Обсуждая данный вопрос на заседании 2 сентября 1915 г., гласные одобрили новые предложения комиссии по благоустройству. Селитебная часть Северного района должна была включать все участки от Конюшенного переулка до Московского проспекта и от Ново-Базарной площади (на месте нынешней площади Сахарова тоже проектировалась торговая площадь) до 24-саженной улицы от парка к вокзалу, а также все участки, лежавшие к северу и к востоку от данного района до границ промышленной зоны. Впервые был выделен новый функциональный район – торгово-складской, примыкавший к товарной станции. Он охватывал все кварталы за 10-й Алтайской улицей до линии отчуждения железной дороги западнее Конюшенного переулка. Здесь же были приняты типовые проекты арендных договоров для селитебного, фабрично-заводского и торгово-складского

районов, которые позже использовали для подобных сделок не только в Северном районе, но и в других частях Барнаула⁵.

В последний раз Барнаульская городская дума успела обсудить планы относительно Северного района 6 октября 1916 г. На этом заседании обсуждался еще один вполне конкретный вопрос – наименование новых улиц Северного района. В топонимическом отношении Северный район был разбит на две части. В местности к западу от Конюшенного переулка (на этом же заседании он вместе с Соборным переулком получил статус проспекта) сохранялась прежняя топонимическая традиция. Там были запроектированы еще две новые улицы, ставшие соответственно 11-й и 12-й Алтайскими, а также были продолжены на север все Прудские переулки. На всей остальной территории улицы получали принципиально новые названия. Здесь можно выделить два основания: по городским объектам, расположенным рядом с этими улицами, и в честь крупных рек Сибири. Причем второй вариант был гораздо более распространен. Так, в Северном районе должны были появиться Парковый и Обской проспекты, улицы Садовая и Железнодорожная. Более интересны названия в честь сибирских рек. По первоначальному плану в Барнауле должны были появиться улицы Катунская, Чумышская, Чулымская, Алейская, Ануйская, Чарышская, Иртышская. Однако дума изменила два названия, которые были слишком созвучны друг другу. Так, Чулымская улица стала Енисейской, а Чарышская – Бухтарминской. Все остальные названия были утверждены без изменений⁶.

Несмотря на то что план застройки Северного района Барнаула был детально проработан, сама же городская дума своими последующими решениями перечеркнула его. Но это уже была другая дума, рожденная Февральской революцией. Кроме того, серьезные поправки в жизнь Барнаула внес пожар 2 мая 1917 г. Вместо вышеописанного плана был принят новый проект, представленный Обществом городов-садов. Он принципиально отличался от предыдущего. Именно проект города-сада и был впоследствии реализован. Однако некоторые следы исходного плана можно увидеть в расположении промышленных объектов – они, действительно, оказались расположенными вдоль Оби, чего новый проект не предполагал.

План застройки Северного района был очень удачным и перспективным проектом, отвечавшим интересам быстро растущего Барнаула, что свидетельствует о высоком профессионализме его составителей. Детально проработанный городскими специалистами проект застройки Северного района Барнаула был уникальным явлением в сибирской градостроительной практике того времени, ведь ни один другой город Томской губернии не мог похвастаться наличием таких проектов.

---

¹ Баландин С. Н. : 1) Архитектура Барнаула. – Барнаул, 1974; 2) Новосибирск. История градостроительства. 1893–1975. – Новосибирск, 1978; Оглы Б. И. Строительство городов Сибири. – Л., 1980. – 272 с.; и др.

² Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914) : монография. – Омск; Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. – Томск, 2000; Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во 2-й половине XIX – начале XX веков: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. – Барнаул, 2007.

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 51. Оп. 1. Д. 15. Л. 33–34.

⁴ ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 183. Л. 44–45.

⁵ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 19. Л. 94–94 об.

⁶ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21 Л. 145–146.

В. С. КУЗЕВАНОВ

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АРХИТЕКТОРОВ О СОВЕТСКОМ ОМСКЕ 1950-х годов

Занимаясь реконструкцией определенной эпохи, социальные историки упускают из виду техническую документацию, которая также может содержать информацию об образе города. Особо ценным такой опыт может быть для исследования региональных аспектов истории советской культуры и деятельности такого подотряда интеллигенции, как архитекторы, когда информация из других источников фрагментарна.

Историк архитектуры Ю. Л. Косенкова обращается к архитектурному проекту как к промежуточному звену между идеей архитектора и реализованным объектом. Ученый отмечает: «до-

кументы градостроительного характера чрезвычайно сложны для публичного предъявления, поскольку практически каждый из них, “выхватывающий” из контекста тот или иной момент в жизни города, требует обширных комментариев. “Закрытость” подобной документации также связана с узко функциональной направленностью»¹. Для более корректной интерпретации необходимо определить контекст создания. В практике истории архитектуры исследователь использует проектную документацию для моделирования будущего города. В. И. Кочедамов, историк архитектуры, в монографии, посвященной динамике развития архитектурного облика Омска, в последней главе «Итоги и перспективы» опирается на утвержденные для реализации проекты². Однако сама проектная документация не рассматривается как вариант развития идеи архитектора в будущем проекте.

Для изучения деятельности сибирских архитекторов воспользуемся подобным источником. В этом отношении примечательно собрание проектов, хранящееся в фонде современной графики Омского областного музея изобразительных искусств (ООМИИ) им. М. А. Врубеля. Автором было изучено 46 графических листов проектной документации. Впервые в научный оборот эти материалы были введены искусствоведом А. Н. Гуменюк в рамках выставки 1995 г. «Невостребованная архитектура. Из проектов омских архитекторов разных лет». Целью выставки была презентация динамики архитекторских идей разных лет, и работы 1950-х гг. были встроены в общий зрительный ряд. Отдельные графические листы рассматривались организаторами выставки с точки зрения творческой деятельности того или иного архитектора.

Проектную практику архитекторов 1950-х гг. проблематично реконструировать в соответствии с генеральным планом развития города на основании коллекции графики, так как версии облика и местоположения здания не всегда были окончательным выбором. В это десятилетие происходят трансформации советской архитектурной «неоклассики», коренные изменения в индустриализации строительства, архитекторы отказываются от использования художественного оформления зданий. Согласно сведениям Н. Г. Линчевской в городе трудились специалисты из разных организаций других регионов (Москвы, Новосибирска, Красноярска)³. В отделе современной графики ООМИИ им. М. А. Вру-

бея хранится уникальный проект под условным названием «Парад фонтанов». Предположительно, эта коллективная работа – вариант организации объектов культурно-досугового комплекса в Центральном парке, разбитом на основе Новой загородной рощи. А. Н. Гуменюк относит этот проект к 1950–1960-гг.⁴

Условно коллекцию можно разделить на две группы: проекты комплексного типа (генпланы застройки городских районов, улиц) и проекты объектов. Первая группа документально подтверждает масштабный замысел архитекторов по организации жилых районов. Например, под руководством А. И. Юмакаева велась работа над новыми жилыми кварталами между 8-й и 11-й Линиями⁵. Генплан застройки предусматривал объединение жилого массива, выстроенного в довоенный период и ряда новых объектов инфраструктуры. В плане получалось оформить два квартала в автономные градостроительные образования, таким образом, важную роль играли фасады жилых домов (так как располагались по периметру кварталов), выходящие на главные магистрали. Внутриквартальное пространство включало скверы, детские сады, школу, места общего пользования (магазины, почту и пр.).

На графическом листе также представлены профили зданий, выходящих на ул. 10-я Линия. Важно подчеркнуть, что здания имели небольшую этажность (три этажа) с повышением угловой части зданий, стоявших на пересечении городских артерий. Специалисты на графическом листе приводят общий расчет жилых площадей и количество возможных жителей данных кварталов при условии реализации всех двух очередей строительства. Этот жилой комплекс оказывается «камерным» и не обладает величественной репрезентативностью триумфа Победы, который был распространен в других районах города. Исходя из этого, можно предположить, что архитекторы при создании проекта руководствовались другими принципами: соизмеримости человека и архитектурного объекта, а также удовлетворения потребностей людей в послевоенный период в жилье.

Принципиально иначе выглядит масштаб генплана городка Нефтяников⁶. Замысел столичных архитекторов был сохранен (основные магистрали остались без изменений). Однако омские архитекторы вносят дополнения в застройку района. С помощью цветных обозначений зонировается территория (по степени и сро-

кам реализации), отмечается наличие социально-культурных, жилых, общественных построек. Особенность этого проекта заключается в использовании двух систем: проектирующиеся здания наносятся на сетку реально существующих структур. Например, спортивные сооружения и парковая зона располагаются на железнодорожной ветке.

Отдельный сюжет связан со способом внесения изменений. Графический лист был выполнен работниками Омского филиала института «Гипронефтезавод», но дополнения были явно внесены позже и по стилистике отличаются.

Ко второй группе относятся проекты зданий. Одним из не реализованных проектов является жилой дом № 5 завода им. Козицкого (1950). Примечательно, что выполнялась задача расположить жилой объект на пересечении улиц Тарской и Интернациональной. Автор графического листа, Г. М. Никифоров, допустил орфографическую ошибку в названии завода, возможно, поэтому проект не получил утверждения в соответствующих инстанциях. Однако автор работал над этим проектом продолжительное время, о чем свидетельствуют документы, хранящиеся в личной папке архитектора музея истории института «Омскгражданпроект». Построенный вариант принципиально отличается от проекта менее выразительным художественно-архитектурным решением фасадов. Коллега Никифорова В. И. Пентман подготовил предложение о строительстве такого же дома, а между жилыми домами вставил арочный проезд в «неоклассицистическом» стиле⁷.

Среди графических листов сохранился вариант здания Омского педагогического института⁸. А. С. Юмакаев разрабатывал проект корпуса института около трех лет, самая ранняя версия относится к 1950 г. Принципиально этот проект отличается от окончательной версии отсутствием обсерватории на последнем техническом этаже. Степень реализации этого проекта точно не известна, так как не сохранились поэтажные планы. Возможно, окончательный проект главного фасада был составной частью общего пакета технической документации, поэтому изменения вносились в тот проект. Подтверждает это техника выполнения графического листа: проект выполнен в соответствии с требованиями того времени, но не имеет порядного номера страницы. Пред-

положительно это лист для презентации общей концепции застройки, поэтому он сохранился в фондах проектной организации.

В фонде присутствуют проекты, которые не идентифицированы современными исследователями. К таким проектам относится административное здание (архитектор В. И. Пентман)⁹. Графический лист в ходе эксплуатации неоднократно обрезался, о чем свидетельствуют неровные края листа, поэтому надпись и штамп не сохранились. На обратной стороне сохранилась подпись автора. Здание имеет строгую стилистику с явной ориентацией на классическое наследие, о чем свидетельствует дорический портик с четырьмя колоннами. На фоне здания изображены фигуры солдат и офицеров. В личной беседе с автором Ж. М. Хахаева – омский искусствовед, специалист «Омскгражданпроекта» – предположила, что это первый вариант ныне существующего здания Городской офтальмологической больницы. В ходе работы в фондах музея истории института «Омскгражданпроект» было установлено, что это реально существующее здание предназначалось для управления ИТЛК (исправительно-трудовых лагерей и колоний), но авторство принадлежит Д. С. Бутырину. Датировка также вызывает трудность: на фронтоне здания в проекте архитектора Пентман указан 1953 г., а в подписи на проекте Бутырина – 1950 г. Однако два проекта схожи как в плане, так и в конструктивных особенностях. На каком этапе здание было передано под медицинское учреждение, требует выяснения.

Таким образом, фонд современной графики представляет собой интересный массив для исследований социальных изменений отдельно взятого периода. Особую ценность имеют проекты, получившие воплощение в пространстве города. Объем возможной информации для социальных историков, которую можно получить в процессе анализа и встраивания в общекультурный процесс, на каждом этапе исследования возрастает. В рамках изучения коллекции графики был выявлен ряд вопросов, которые предстояло решить архитекторам того времени. В большинстве случаев это удовлетворение потребностей работников разных сфер в размещении рабочих мест, а также необходимость в жилье и культурно-досуговых объектах. Проекты (в частности первой группы) представляют собой модели городских районов, которые показывают уровень доступности элементов инфраструктуры. Архитектурные

проекты, хранящиеся в отделе современной графики, – ценный материал для изучения культуры региона, так как выполнены носителями омской культуры для своего города.

В дальнейшем необходимо уделить особое внимание на сам механизм конвертации и транскрипции из истории архитектуры в область изучения социальной истории.

---

¹ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. – М., 2009. – С. 7.

² Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. – Омск, 1960.

³ Линчевская Н. Г. Из истории омского градостроительства 1950-х годов // Декабрьские диалоги : материалы Всерос. науч. конф. памяти Ф. В. Мелехина. – Омск, 2004. – Вып. 6. – С. 167–172.

⁴ Каталог выставки «Невостребованная архитектура»: из проектов омских архитекторов разных лет. – Омск, 1995. – С. 29.

⁵ ООМИИ им. М. А. Врубеля. Отдел современной графики. Юмакаев А. И. Профили. 1949. Картон, карандаш, акварель, кисть. 58,4 x 82,2 – ВХ-35799.

⁶ Там же. Генплан городка Нефтяников. 1954. Картон, акварель, белила, кисть. Из двух частей: 74,8 x 47,3; 74,8 x 48,5 – ВХ-35802.

⁷ Там же. Пентман В. И. Жилой дом № 6 завода им. Козицкого. Фрагмент. Перспектива, планы. 1954. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 55,2 x 35,6 – ВХ-28570.

⁸ Там же. Юмакаев А.И. Омский педагогический институт. Перспектива. 1953. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 70,7 x 109,4 – ВХ-28617.

⁹ Там же. Пентман В. И. Административное здание. Перспектива. 1953 (?). Бумага, карандаш, акварель, кисть. 49,9 x 75,1 – ВХ-35774.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ: ОБЛИК, СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Н. С. ЗАЙЦЕВ

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ОФИЦЕРСТВО КАК СУБЪЕКТ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Офицерство представляло собой один из важнейших субъектов городской культуры. Деятельность представителей офицерского корпуса распространялась в той или иной мере на все области культуры. Одной из таких сфер деятельности была военная публицистика и журналистика, тем более что обычно эти издания не замыкались на чисто военных проблемах. Основной военной газетой на протяжении ста лет оставалась «Русский инвалид», основанный в 1813 г. В 1810–1811 гг. в Петербурге издавался ежемесячно «Военный журнал», где помещались статьи по топографии и архитектуре городов. Публиковались статистико-географические описания, чертежи и карты городской местности. В журнале «Морской сборник» печатались очерки о жизни приморских городов России¹. Важнейшей областью, обязанной своему развитию главным образом офицерам, являлись географические исследования. Русские мореплаватели, которым страна и мир обязаны многими открытиями в этой области, были в абсолютном большинстве адмиралами и офицерами русского военно-морского флота. Широко известны, например, имена П. Ф. Анжу, Ф. Ф. Беллинсгаузена. В. И. Беринга, А. И. Бутакова, М. Н. Васильева, барона Ф. П. Врангеля, М. М. Геденштрёма, В. М. Головкина, Л. А. Загоскина. О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерна, М. П. Лазарева, Д. Я. и Х. П. Лаптевых, Ю. Ф. Лисянского, графа Ф. П. Литке, С. Г. Малыгина, Г. И. Невельского и многих других. Из 492 наиболее известных русских мореплавателей и географов около 300, или 60 %, – офицеры (причем среди родившихся в первой половине XVIII в. офицеры составляют 55,7 %, во второй половине XVIII в. – 80,3 %, а в первой половине XIX в. – 83,9 %); из 178 чел., чьи имена остались

на картах мира, – 130 офицеров². Среди путешественников и исследователей суши также в основном встречаем имена офицеров: В. К. Арсеньева, М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского и других.

Вообще таких ученых было довольно много. Например, среди зоологов, работавших во второй половине XIX в., их можно насчитать более 40 чел.³ Русская медицинская наука в значительной степени была обязана своим развитием представителям военной медицины – военным врачам. Среди наиболее известных из них – Г. И. Архангельский, Т. П. Павлов, В. В. Пашутин, Н. И. Пирогов. В области гуманитарных наук среди наиболее известных историков, филологов, экономистов многие носили военный мундир (И. Н. Болтин, В. Н. Татищев, Д. П. Журавский, Н. К. Шильдер, князь М. М. Щербатов, В. И. фон Даль, А. А. Киреев, А. С. Шишков и многие другие). Не случайно поэтому, что среди членов Академии наук насчитывалось не менее сотни ученых, служивших офицерами или носивших генеральские и адмиральские чины.

Если обратиться к сфере литературы и искусства, то увидим примерно такую же картину. Абсолютное большинство наиболее значительных ее представителей либо сами служили офицерами, либо происходили из офицерских семей. Как хорошо известно, офицерами были Г. Р. Державин, М. Ю. Лермонтов, граф А. К. Толстой, А. А. Фет, Ф. М. Достоевский, граф Л. Н. Толстой. Офицеры или выходцы из офицерских семей составляли не менее 42,8 %, а среди писателей XIX – начала XX вв. – не менее 30,5 %⁴. Среди деятелей музыкальной и театральной культуры также встречается немало лиц, носивших офицерские погоны. Среди них Н. И. Александров, Ф. М. Дубянский, В. И. Касторский, И. П. Котляревский, Ц. А. Кюи, Н. С. Мар-тынов и другие. Офицерство оказало заметное влияние на формирование культуры городского пространства, включая все сферы жизни общества.

---

¹ Русские мореплаватели : биографический словарь. – М., 1953.

² Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. Т. 1–4. – М., 1888–1892.

³ Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1989, – Т. I.

⁴ Словарь русских писателей XVIII в. – Л., 1988. – Вып. 1.

О. В. ГЕФНЕР

*Омск, Омский государственный аграрный университет
им. П.А. Столыпина*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Благотворительность – один из важных атрибутов, инструментов гражданского общества, а степень развития благотворительной деятельности – показатель его зрелости. В городах Западной Сибири второй половины XIX – начала XX вв. активно и широко развивалась благотворительность. По мнению исследовательницы Е. А. Дегальцевой, именно «благотворительные формирования составляли большую часть добровольных общественных организаций, активно действовавших до революции и формирующих гражданское общество» в России¹.

Значительное участие в благотворительной деятельности принимала такая социально-профессиональная группа городского населения, как военные, чьи филантропические начинания, в отличие от благотворительности других слоев горожан – купцов, предпринимателей, интеллигенции, являются практически не изученными. В военной среде превалировала деятельностная форма благотворительности, что было связано с невысоким материальным положением основной массы военнослужащих.

Военные входили в состав многих городских благотворительных организаций, причем были достаточно массово в них представлены. Так, в 1882 г. в Омском благотворительном обществе насчитывалось было 20 военных с супругами (20 % всех членов), в 1894 г. – 33 военных с супругами (33 %)². Жены военных были председательницами и попечительницами Общества. Офицеры и военные чиновники неоднократно исполняли различные административные должности. Так, например, поручик Омского резервного батальона А. П. Ягодкин в 1876–1879 гг. был секретарем общества, в 1879–1884 гг. эти обязанности выполнял полковник И. Ф. Соколов, в 1900–1901 гг. – полковник И. Е. Фридландер. Убежищем для бедных детей при обществе в разное время заведовали военный врач А. И. Дидрихс, полковники А. И. Тро-

ицкий и М. А. Федоров, штабс-капитан П. И. Кучук. В другой благотворительной организации – Обществе вспомоществования бедным ученицам Омской гимназии, образованном в 1882 г., насчитывалось 23 военных с супругами (28 % всех членомичей). В Обществе попечения о начальном образовании в Омске в 1891 г. состояло 58 военных с супругами (14 % всех членомичей). В Степном окружном управлении Российского Общества Красного Креста в 1905 г. насчитывалось 28 военных с супругами (64 %), в 1908 г. – 22 (34 %)³.

В Тюмени на протяжении многих лет в 1870-х гг. директором Попечительного о тюрьмах отделения был начальник Тюменской уездной команды подполковник Г. А. Битнер. В 1875 г. «Тобольские губернские ведомости» сообщали об объявленной ему благодарности «за отлично усердную службу и труды на пользу Попечительного о тюрьмах общества»⁴.

В Тобольске в Обществе вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии в 1881 г. насчитывалось 12 военных-сибиряков (5 % действительных членов) из городов Акмолинска, Омска, Семипалатинска, Тобольска, Тюмени⁵.

В Томске в 1882 г., как отмечает пресса, «...офицеры местного батальона по открытии “Общества попечения о начальном образовании в г. Томске” в первые же дни все записались членами оног... Совет общества приносит гг. офицерам глубокую благодарность за их внимание к делу начального образования в городе»⁶.

Военные – среди активистов благотворительных организаций, занимавшихся устройством множества различных мероприятий (вечеров, спектаклей, базаров и лотерей), которые помогали собрать средства для нуждающихся. Так, в феврале 1894 г. в Омске был устроен спектакль в пользу детского приюта. Активное участие в устройстве представления принимали поручик Омского резервного батальона Н. А. Прейн и его супруга О. П. Прейн, капитан этого же батальона Н. М. Галкин, военный топограф Н. К. Попондопуло, попечительница приюта супруга акмолинского военного губернатора Е. А. Санникова. Всего было собрано 176 р. на постройку здания приюта⁷. В Омске 6–9 апреля 1895 г. состоялась выставка продажа художественных изделий и предметов ручного труда. Свои работы на выставке представляли военный судья ге-

нерал-майор Н. Н. Лебедев, воспитатель кадетского корпуса подполковник П. В. Нестеренко, военный топограф Г. П. Дроздов, супруги военных – Е. Н. Баулина, А. И. Лукомская. Всего в результате выставки было собрано 300 р. в пользу Общества попечения о начальном образовании⁸.

Военные, как состоявшие в благотворительных обществах, так и сочувствовавшие их деятельности, принимали активное участие в сборе пожертвований на различные цели – просветительные, религиозные, военные, научные, в пользу нуждающихся горожан (бедных, сирот, голодающих, переселенцев) и др. Так, например, только в 1891 г. в Омском военно-топографическом отделе состоялось четыре подписки – в пользу Омского благотворительного общества (собрано 7,5 р. и 4 р.), Общества попечения о начальном образовании (собрано 11 р.), Общества Красного Креста (собрано 127,7 р.). В 1907 г. только в декабре в Отделе состоялось две подписки – в пользу Омского благотворительного общества (собрано 16 р.) и Братства попечения о детях-сиротах нижних чинов Омского военного округа (собрано 22,5 р.)⁹.

Военные принимали участие и в таком важном событии для региона, как строительство первого сибирского университета в Томске. Так, в 1880–1881 гг. они участвовали в сборе средств для строительства общежития для бедных студентов. Всего военными было собрано 426 р.¹⁰ Наибольшие пожертвования были сделаны офицерами, военными чиновниками и нижними чинами Зайсанского поста, Томского местного батальона, Бийской уездной воинской команды, Сибирской военной гимназии. Также собирали средства и на строительство Успенского кафедрального собора в Омск. К лету 1889 г. различными военными частями и заведениями из Акмолинска, Атбасара, Барнаула, Кокчетова, Омска, Петропавловска, Семипалатинска, Томска было пожертвовано более 900 р.¹¹ В 1900 г. в Омске был организован сбор пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. В нем приняли активное участие и военные. Всего военными Омска и Тобольска с февраля по сентябрь 1901 г. было пожертвовано 192,5 р. (7 % всей собранной суммы)¹². В 1905 г. военными было передано в Степное окружное управление Российского Общества Красного Креста 451 р. в пользу раненых и больных воинов и голодающих¹³.

В атмосфере активизации деятельности общественных благотворительных организаций все чаще рождаются самые разнообразные частные благотворительные инициативы военной интеллигенции. Так, военный медик П. Ф. Брейтигам, по воспоминаниям его сына Владимира, имея свою довольно большую семью, состоявшую из семи человек, в разное время воспитал шесть сирот¹⁴. А старший адъютант штаба Западно-Сибирского военного округа капитан И. Ф. Соколов и его супруга Ю. А. Соколова в 1870-х гг. открыли в Омске частную школу, в которой в начале 1872 г. насчитывалось 37 детей, а в середине года уже 54. Все занятия в школе вели сами супруги Соколовы. По свидетельству Г. Н. Потанина, школа была им в убыток, так как основной контингент учащихся составляли крайние бедняки. «На издержки дает Иван Федорович не жалея», – писал Потанин¹⁵. Полковник Н. С. Александров, служивший в Сибирском кадетском корпусе, оказывал помощь переселенцам: в 1896 г. он купил земельный участок площадью 1 017 десятин в Омском уезде и пожертвовал 200 десятин на водворение здесь десяти переселенческих семей¹⁶.

Материальный итог благотворительной деятельности военных не может сравниться с результатом благотворительности купечества и предпринимателей. Тем не менее значение деятельности военных заключалось в большой организаторской работе на поприще благотворительности, в безвозмездном труде на пользу общества. Военная благотворительность объективно способствовала привлечению внимания общественности к нуждам неимущих и нуждающихся слоев населения региона, осознанию единства общества и взаимной ответственности друг за друга. Участие военной верхушки общества в благотворительных акциях делало их престижными и для других потенциальных жертвователей. Анализ благотворительной деятельности военных показывает, что военные не были замкнутой кастовой группой, им были не чужды проблемы гражданского социума, они активно включались в их решение. Активное вовлечение военных в деятельность благотворительных организаций свидетельствует, с одной стороны, о стремлении властей контролировать изнутри общественную инициативу горожан, но с другой – демонстрирует сближение армии, консервативной государственной силы, и общества, показывает сближение единства интересов и стремлений военной интел-

лигенции и городской общественности. Это, на наш взгляд, безусловно, укрепляло фундамент складывавшегося в Омске гражданского общества.

---

¹ Дегальцева Е. А. Общественная благотворительность Западной Сибири в XIX – начале XX вв. – URL: // <http://zaimka.ru/degal'tseva-charity/>

² Акмолинские областные ведомости. – 1882. – 27 апр.; ГИАОО (Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»). Ф. 73. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

³ Акмолинские областные ведомости. – 1882. – 23 февр.; Отчет совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1891 год. – Омск, 1892. – С.15–21; ГИАОО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 9. Л. 258; Д. 23. Л. 7.

⁴ Тобольские губернские ведомости. – 1875. – 8 марта.

⁵ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 17432. Л. 26–33.

⁶ Сибирская газета. – 1882. – 28 нояб.

⁷ Степной Край. – 1894. – 24 февр.

⁸ Степной Край. – 1895. – 13 апр.

⁹ РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 1450. Оп. 10. Д. 79. Л. 2–34; Д. 364. Л. 5, 6.

¹⁰ Имена жертвователей, принимавших участие в основании фонда на постройку дома для бесплатных квартир студентов Сибирского университета. Томск; Б. г. Рукопись. ОРКП Научной библиотеки Томского государственного университета. Л. 2 об. – 19; ГИАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17129. Л. 15–18.

¹¹ ГИАОО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. Л. 7; Д. 45. Л. 14, 238–241 об.

¹² Томские губернские ведомости. – 1892. – 2 апр.; Протоколы Омского медицинского общества. Год XVIII, 1900/1901. – Омск, 1903–1904. – С. 109, 156, 185, 217.

¹³ ГИАОО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 4. Л. 5–126.

¹⁴ ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Л. 241. Л. 4.

¹⁵ Потанин Г. Н. Письма. – Иркутск, 1977. – С. 51, 71.

¹⁶ Степной край. – 1896. – 21 нояб.

А. А. БУРМАТОВ

г. Куйбышев, Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война оставила большой след в демографическом развитии страны в целом и регионов в частности. Ситуация с продовольствием, эпидемии, наличие множества беженцев,

беспризорников заставили местные органы власти налаживать учет жителей. В наиболее передовых местностях (это те, где фактически во властных структурах сохранились прежние кадры) понимали, что налаживание учета населения оказывается одной из первоочередных задач. Без этого было невозможно начинать восстанавливать хозяйственную жизнь.

Первая известная нам послереволюционная перепись населения была проведена в январе 1920 г. каинским горпродотделом в Каинске и Барабинске. По ее данным, в Каинске учтено 1 907 семей, в Барабинске 2 850 семей. Число жителей соответственно составляло 6 006 и 10 670 чел. Согласно произведенному местным продовольственным отделом цензу в Каинске насчитывалось 2 820 мужчин (46,95 %) и 3 186 женщин (53,05 %). В Барабинске диспропорция полов была обратной. Здесь насчитывалось 5 482 мужчины (51,4 %) и 5 188 (48,6 %) женщин¹. Это объяснялось большим притоком на станцию Барабинск беженцев, мигрирующего населения и военных, а также специализацией города (железнодорожники в армию не призывались).

Сохранилось и распределение жителей по возрастным группам. В Каинске во всех возрастах до 50 лет лидировали женщины. Это можно объяснить мобилизациями в молодых и средних возрастах, а так же более частой гибелью мужчин в военное время. В метрических книгах Спасского собора Каинска в 1917 г. зарегистрировано 94 умерших мужчины и 73 женщины, в 1918 г. соответственно 118 и 89. В церкви Иоанна Предтечи в 1917 г. зафиксирована смерть 60 мужчин и 24 женщин, в 1918 г. – 76 и 40, в 1919 г. – 155 и 47². В ходе переписи января 1919 г. в возрасте 18–49 лет в Каинске наличествовало 1 127 (44,7 %) мужчин и 1 392 (55,3 %) женщины. Мальчики гибли чаще, чем девочки. В ходе переписи малышей до года оказалось 88, а малышей 90. Даже у лиц от одного до двух лет фиксируется перевес девочек. Их 236 (50,4 %), а мальчиков 232 (49,6 %). При неблагоприятных условиях женский организм оказался выносливей. Так в возрасте пяти-семи лет учтено 198 мальчиков (46,8 %) и 225 девочек (53,2 %). Среди лиц 8–15 лет оказалось 585 мальчиков (44,8 %) и 639 девочек (53,2 %), юношей 16–17 лет насчитали 139 (45,0 %), девушек – 170 (55,0 %). В возрастах старше 50 лет (по номенклатуре того времени уже стариков) учтены 451 мужчина (51,0 %) и 434 жен-

щины (49,0 %). Связано это было с тем, что до революции Каинск являлся городом, куда прибывали мигранты. Это обстоятельство и определило мужской перевес в старших возрастах.

В Барабинске имелись свои особенности в возрастной структуре. Здесь так же до года преобладали девочки. Их было 164 (52,1 %) против 151 мальчика (47,9 %). В возрасте от одного до четырех лет сохранялось природное преобладание мальчиков – 570 (52,4 %) против 518 (47,6 %). В семьях железнодорожников продовольственное снабжение и медобслуживание было лучше, чем у других жителей. Однако уже в возрасте пяти-семи лет отмечен перевес девочек – 489 (51,5 %), мальчиков – 461 (48,5 %), который усиливается в возрастах 8–15 лет. Здесь на 1 085 мальчиков (46,7 %) приходится 1 240 девочек (53,3 %). У 16–17 летних женский перевес становится гигантским: 248 девочек (60,6 %) против 161 юноши (39,4 %). В этом возрасте юноши уже активно принимали участие в военных действиях, находились на фронтах или скрывались от счетчиков, уклоняясь от призыва. В Барабинске с 18 по 49 лет преобладали мужчины 2 298 (50,3 %), женщин – 2 266 (49,7 %). Это свидетельствовало о наличии в числе жителей Барабинска военных. Город немногим более месяца, как был освобожден от колчаковских войск, а охрана и обслуживание железной дороги требовала наличия значительного числа мужчин. В возрастах старше 50 лет в Барабинске доминировали женщины – их оказалось 567 (55,1 %), а мужчин – 462 (44,9 %)³.

Советская власть нуждалась в данных о числе едоков, резервистов, поэтому 28 августа 1920 г. была проведена Всероссийская перепись населения. Она охватила примерно 72 % жителей страны (некоторые регионы страны и отдельные местности даже на тех территориях, где формально боевые действия уже закончились. Фактически Западная Сибирь перешла под контроль советской власти уже в конце 1919 г., поэтому территория Западной Сибири была полностью охвачена переписью.

Сравнивая материалы переписи, проведенной горпродотделом, с материалами переписи августа 1920 г., можно отметить незначительную разницу в итоговых материалах обеих переписей. Это говорит о качественном учете населения, ибо переписи подтверждают точность друг друга. Небольшая разница в числе жителей была прокомментирована по горячим следам начальником

Каинского статистического бюро – талантливым организатором, высококвалифицированным специалистом И. В. Сарапулкиным (в конце 1920-х гг. он был репрессирован за свой профессионализм как «неверно отражающий политику партии в отчетности и завышающий роль частного в снабжении населения в статистике»): «Небольшая разница в учетах населения... объясняется тем, что перепись Горпродотдела произведена в начале 1920 г., Всероссийская же перепись... в конце 1920 г.»⁴. Сарапулкин в отчетности приводит информацию об отсутствующих в городах Барабинске и Каинске. Согласно переписи августа, таковых было в Каинске 242 чел. (196 мужчин и 46 женщин), в Барабинске – 90 (60 мужчин и 30 женщин)⁵. Благодаря стараниям такого человека, как И. В. Сарапулкин, до нашего времени дошли подробные данные о населении и хозяйстве Каинского уезда в границах начала 1920 г.

Материалы переписи населения страны за август 1920 г. достаточно широко опубликованы. Согласно предварительным данным, в городах Западной Сибири проживало: в Омской губернии 11,4 %, в Алтайской 8,1 %, Новониколаевской 8,9 %, Томской 18,2 % всех жителей⁶. Среди горожан преобладали женщины в трех губерниях: Алтайской, Новониколаевской и Томской. Соответственно на 100 мужчин в них приходилось 103,5; 114,5 и 102,9 женщин. Омской губернии преобладали мужчины. Здесь на 100 мужчин наличествовало 97,8 женщины⁷. Статистики оговаривали, что преобладание женщин характерно только для городов и поселений городского типа. Среди движущего населения резко преобладали мужчины⁸, ибо большей частью это были военные, а так же бегущие от «совдепии» лица. В Томской губернии в городских поселениях учтено 98 076 мужчины (49,3 %) и 100 873 женщины (50,7), в Новониколаевкой соответственно 53 627 (46,7 %) и 61 409 чел. (53,4%), в Алтайской 64 112 (49,1 %) и 66 331 (50,9 %), в Омской 99 061 (50,6 %) и 96 853 (49,4 %)⁹.

Крупнейшими городами региона являлись Омск – 144 525 чел., Томск – 90 888 чел, Новониколаевск – 67 989, Барнаул – 61905. Другими словами, все губернские центры превышали по численности жителей отметку в 50 тыс. От них существенно отставал Бийск – 41 652 чел. Остальные города не превышали и 20 тыс.: Камень – 17 310, Мариинск – 12 834, Змеиногорск – 11 543, Колы-

вань – 10 737, Тара – 9 451, Тайга – 9 372, Славгород – 9 045, Барабинск – 8 296, Боготол – 8 226, Татарск – 7 039, Щегловск – 5 837, Каинск – 5 791¹⁰. Остальные города недотягивали и до 5 тыс. Несмотря на войну, в Западной Сибири доля городского населения несколько возросла по сравнению с дореволюционными годами и составила 12,3 %. При этом к городскому населению отнесли все несельское население, т. е. жителей городов, поселков городского типа, полосы отчуждения железной дороги, водных путей и т. д.¹¹ Тем не менее, регион оказался менее урбанизирован, чем вся Россия в 1897 г. (13 %).

Окончательные данные по численности населения городов Западной Сибири отличаются от приведенных выше. Так, население Томска по данным Центрального статистического управления РСФСР составило 89 887 чел (на 1 001 чел меньше), Барнаула – 65 939 (на 4 034 чел. больше), Бийска – 41 614 (на 38 чел меньше), Камня – 17 868 (на 558 чел. больше) Мариинска – 13 248 (на 414 чел. больше), Змеиногорска – 11 702 (на 159 чел. больше), Колывани – 10 717 (на 20 чел. меньше), Славгорода – 8 958 (на 97 чел. меньше), Щегловска – 5 841 (на 4 чел. больше)¹². По остальным городам данные не менялись. В целом по городским поселениям расхождения небольшие и связаны с учетом мигрирующего населения («находящегося в пути», по терминологии тех лет)

Перепись 1920 г. выявила, что впервые женский перевес в городах Омской губернии отмечается в возрасте одного года: мальчиков – 1787, девочек – 1797. После чего женский пол лидирует в четыре года, пять лет, а начиная с семилетнего возраста уже непрерывно до 30 лет. В возрастах 30–39 и 40–49 преобладают мужчины. После 50 лет женский перевес отмечается постоянно¹³. Таким образом, данные по городам Омской губернии повторяют ситуацию в возрастно-половом составе населения, отмеченную в городах Каинского уезда. Следовательно, аналогичную тенденцию можно распространить на все городское население Западной Сибири. Недостаток мужчин несколько уменьшится по данным городской переписи 1923 г. и Всесоюзной переписи 1926 г. Частично это будет связано с демобилизацией, частично с естественным процессом восстановления численности полов (при рождении преобладают мальчики, а повозрастная смертность мужчин и женщин отличалась не очень сильно), но сыграет свою роль

и качество учета – после окончания войны резервисты-уклонисты и противники режима пройдут перепись в обычном порядке.

---

¹ Сарапулкин И. В. Каиский уезд. Статочет. – Каинск, 1923. – С. 3.

² Бурматов А. А. Демографическая история Каинска – Куйбышева и его округи. – Новосибирск, 1997. – С. 47.

³ Сарапулкин И. В. Каиский уезд. Статочет. – Каинск, 1923. – С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Сарапулкин И. В. Каинский уезд. Статистический очерк. – Каинск, 1922. – С. 2.

⁶ Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 года). Погубернские, поуездные и поволостные итоги. – Новониколаевск, 1921. – С. 3.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Там же. С. 12, 14, 15, 17.

¹⁰ Там же. С. 11–16.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Статистический ежегодник. 1918–1920. – М., 1921. – С. 18, 19, 34, 35.

¹³ Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. – Омск, 1923. – Вып. 2 : Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. – С. 49.

А. В. ШИШИГИН

Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМИ В СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Любой современный крупный город представляет собой полиэтничное пространство, в котором взаимодействуют представители разных этнических групп. Вместе с тем большинство крупных городов России характеризуется относительной этнической гомогенностью с ярко выраженным преобладанием русского населения. В этой связи возникает вопрос: насколько значима этническая идентичность для российского горожанина в рамках структур повседневности?

В декабре 2012 г. группой исследователей из Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ) в рамках проекта «Пермь как стиль» был проведен большой социологический опрос (N = 970) населения Перми, в ходе которого

задавались вопросы о территориальных идентичностях. Респондентам было предложено оценить пять отдельно взятых территориальных идентичностей, отметив цифрами от одного (наиболее значимая) до пяти (наименее значимая) важность каждой из них для себя лично. Предложенный респондентам набор включал идентичность региональную (житель Пермского края), локальную (житель Перми), национальную/этническую, территориально-географическую (житель Урала) и гражданско-политическую (гражданин России). Помещение этнической идентичности в один ряд с территориальными идентичностями требует пояснения. На наш взгляд, она имеет право здесь находиться из-за многочисленных связей между этнической историей и территорией. Не стоит забывать, что топоним «Пермь» напрямую связан с этнонимом «коми-пермяки», да и сам регион находится в окружении субъектов федерации, сформированных по национальному признаку (Татарстан, Республика Башкирия, Удмуртия).

Наиболее значимой для жителей Перми оказалась локальная идентичность – 46 % респондентов отметили ее первостепенную значимость для себя лично. Далее с сильным отрывом шла идентичность гражданско-политическая, которую в качестве наиболее значимой указали 29 % пермяков. Третье место по первостепенной значимости заняла региональная идентичность, которой отдало предпочтение 13 % опрошенных. Национальная/этническая идентичность удивила даже не своим четвертым местом, а малым числом (7 %) респондентов, отметившим ее как самую важную. Замыкает список территориально-географическая идентичность, которую в качестве наиболее значимой назвали 6 % жителей Перми. И хотя процедура исследования не предполагала ранжирования (по каждой из идентичностей вопросы задавались отдельно), полученные результаты позволяют судить о первостепенной значимости той или иной идентичности для жителей Перми в условиях повседневности.

На первый взгляд, тот факт, что национальная идентичность по своей первостепенной значимости оказалась на одном из последних мест, кажется удивительным, особенно с учетом периодически возникающих на территории России очагов межэтнической напряженности. Но этому феномену есть свое объяснение. Во-первых, 88 % населения Перми составляют русские, подавля-

ющее большинство из которых явно не чувствуют себя ущемленными со стороны национальных меньшинств. Во-вторых, в городе (в отличие от некоторых районов Пермского края) в целом низкий уровень межэтнической напряженности. По крайней мере, серьезных конфликтов на почве межнациональных отношений не было очень давно. В-третьих, речь идет об идентичности в структурах повседневности. У человека, который не сталкивается в своей повседневной жизни с фактами дискриминации по национальному признаку, пребывающего, по сути, в моноэтническом культурном пространстве, национальная идентичность естественно будет отходить на второй план. В-четвертых, многие люди просто стесняются открыто заявлять о том, что чувствуют себя, прежде всего, русскими, боясь быть заподозренными в радикальном национализме, расизме, ксенофобии и т. п. Доказательством этому служит тот факт, что почти 40 % респондентов часто испытывают чувство единства с представителями своей национальности. В этом отношении национальная общность опережает все прочие, включая локальную.

Анализ сопряженности рейтингов этнической идентичности с другими социальными параметрами показывает, что ее важность зависит от трех основных факторов: возраста, этнической принадлежности и социального статуса. Из всех возрастных групп наибольшее значение (около 12 %) национальной идентичности придают молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Наименьшее значение (около 4 %) данной идентичности придают респонденты старше 60 лет. С большой долей уверенности разницу в возрастных оценках можно объяснить особенностями социализации людей старшего поколения, лучшей освоенностью ими риторики и практики интернационализма. Как и предполагалось, у представителей национальных меньшинств внимание к национальной идентичности выражено сильнее, чем у русских. Если среди русских лишь около 5 % респондентов отметили данную идентичность как наиболее значимую, то у татар – 16 %. Немногочисленные в выборочной совокупности башкиры и удмурты демонстрируют еще более высокие показатели – 20 и 60 % соответственно. И даже коми-пермяки, демонстрирующие очень высокий уровень ассимиляции, почти в три раза чаще русских ставят национальную идентичность на первое место. Если, в виду малочисленности подгрупп, абстрагироваться от показателей коми-пермяков, баш-

кир и удмуртов, то окажется, что и для татар национальная идентичность стоит вовсе не на первом месте, уступая идентичности региональной, локальной и гражданско-политической.

Что касается социального статуса, здесь зависимость оказывается не такой простой. Представители высших и нижних слоев оказываются наиболее чувствительными к собственной национальной принадлежности, тогда как средние слои склонны уделять ей наименьшее внимание. Например, безработные и лица, живущие случайными заработками, демонстрируют высокую степень приверженности национальной идентичности (13–15 %), равно как и люди с очень низкими доходами (12 %). Таким образом, подтверждается гипотеза о наличии обратной пропорциональности между актуализацией национальной идентичности и уровнем благосостояния. Самыми «равнодушными» к национальной идентичности оказались домохозяйки, предприниматели и пенсионеры (3–5 %).

Более трети (37 %) респондентов, родившихся в другой стране, поставили национальную идентичность на первое место. Это очень сильно отличается от показателей опрошенных пермяков, родившихся в самом городе, в Пермском крае и других регионах России. Вместе с тем среди респондентов, родившихся в другой стране, преобладают лица, приехавшие в Пермь совсем недавно или живущие в городе менее трех лет. Место несформированной локальной идентичности естественным образом занимает идентичность национальная. Среди приехавших недавно и живущих в Перми менее трех лет почти каждый четвертый отмечает первостепенную значимость национальной идентичности. Среди коренных пермяков и тех, кто прожил в городе более десяти лет, таковых лишь 5 %.

Как мы уже выяснили, малозначимость национальной идентичности оказывается скорее мнимой, чем реальной. Ни с кем респонденты не испытывают так часто чувство единства и близости, как с представителями своей национальности. Почти 40 % (38 % русские и 46 % татары) жителей Перми отметили, что часто испытывают чувство единства и близости с представителями своей национальности. Заметных отличий по полу здесь не наблюдается. Несколько чаще это чувство испытывают люди старше 60 лет, а реже – респонденты от 31 года до 45 лет. Тот факт, что

люди пенсионного возраста чуть чаще людей среднего возраста часто испытывают чувство близости к людям своей национальности, говорит не об их более развитом национализме, а об их более развитом коллективизме. Доказывается это тем, что люди старше 60 лет чаще других респондентов часто испытывают чувство близости к представителям всех прочих территориальных общностей.

Среди самых бедных только 16 % опрошенных отметили, что часто испытывают чувство близости с людьми своей национальности. Атомизация общества, затронувшая их сильнее остальных, помноженная на очень низкий достаток порождает чувство заброшенности и ненужности. Эти респонденты, как уже отмечалось, реже других испытывают чувство близости с любой территориальной общностью. Но уже незначительное повышение материального благосостояния ведет почти к трехкратному увеличению числа респондентов, часто испытывающих чувство близости к представителям своего народа.

Среди респондентов, родившихся в Перми и Пермском крае, доля тех, кто часто испытывает чувство единства с представителями собственной нации, существенно ниже, чем среди жителей Перми, родившихся в других регионах или другой стране.

Подводя итог, можно сказать, что у большинства жителей Перми в рамках структур повседневности национальная идентичность выражена слабо, но потенциал для ее актуализации чрезвычайно высок. Любое обострение межнациональных отношений, как выход за рамки привычного, устоявшегося мира, будет способствовать резкому повышению значимости национальной/этнической идентичности в сознании горожан.

А. А. ИЛЬИНА

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Сохранение этнической культуры всех народов, населяющих современную Россию, несомненно, является актуальной задачей. Однако усиливающиеся процессы глобализации и урбани-

зации вносят коррективы в ее осуществление. Все больше людей в наше время предпочитают перебираться из сельской местности в крупные города в поисках материального благополучия и облегчения хозяйственных и бытовых условий жизни. При этом жизнь в мегаполисе в целом не способствует сохранению этнической культуры. Жители города, независимо от этнической принадлежности, не ведут традиционное хозяйство (даже в сохранившемся по сей день частном секторе) и не являются представителями традиционного общества. Тем не менее в крупных городах происходят многие события национальной жизни; в них проживает значительная, а зачастую и большая часть представителей того или иного этноса своего региона, здесь сосредоточены национально-культурные объединения, действуют государственные национально-культурные центры, Дома Дружбы и т. д. Специфика сохранения этнической культуры в крупных городах обусловлена своеобразными возможностями среды, поскольку не все компоненты этнической культуры в таких условиях могут быть сохранены в равной степени. Несомненно, для этого требуются большие усилия, поскольку постепенная утрата этнокультурного наследия, накопленного предшествующими поколениями, будет огромной потерей для нашей страны.

Этническая культура включает в себя орудия труда, нравы, обычаи, нормы, ценности, постройки, одежду, пищу, средства передвижения, жилище, знания, верования, виды народного искусства и др. Однако, как уже отмечалось, в условиях большого города многие элементы этнической культуры со временем утрачиваются. Сохранение этнической культуры в современных российских мегаполисах, на наш взгляд, происходит посредством трех основных каналов: через семью (именно в семье в первую очередь происходит передача из поколения в поколение традиций, обрядов и обычаев, народных песен и танцев, навыков декоративно-прикладного искусства и прочих элементов этнической культуры), в национально-культурных объединениях различного уровня (от клуба по интересам до национально-культурных автономий), в государственных учреждениях культуры (домах культуры, Домах Дружбы, а в особенности – в специализированных центрах национальной культуры или отделах национальной культуры).

В данном сообщении речь пойдет о последних двух каналах сохранения этнической культуры мегаполисов.

Работа по сохранению этнической культуры является основной деятельностью национально-культурных объединений и центров. Данная цель отмечается в уставах национально-культурных объединений и центров в различных формулировках: сохранение и развитие культурного наследия; возрождение и сохранение культуры, языка, обрядов, традиций своего этноса; сохранение, создание, распространение и освоение культурных ценностей; предоставление культурных благ населению в различных формах и видах; организация культурного досуга населения; создание художественных национальных самодеятельных коллективов и повышение их уровня и пр.

Для национально-культурных объединений и центров характерно коллективное решение вопросов сохранения этнической культуры. Изначально, с конца 1980-х гг., когда началось возрождение национальных культур и языков по всей России, вопросами национального возрождения занимались группы национальных активистов. Как правило, подобные группы составляли костяк национального движения в своем регионе и имели возможность в дальнейшем выйти на качественно иной уровень – уровень официального национально-культурного объединения.

Сначала речь на собраниях национальных активистов шла о постановке общих вопросов и констатации фактов: об упадке этнической культуры, о необходимости ее возрождения, велись дискуссии о путях и способах ее сохранения. Следующим шагом в этом направлении стало привлечение к процессу возрождения национальной культуры широких слоев населения из числа представителей своего этноса и проведение встреч национальной общности. За этим, как правило, следовало создание первых национально-культурных объединений, цель которых заключается в удовлетворении потребностей в общении с представителями своей национальности, сохранении и популяризации этнической культуры, восстановлении ее утраченных элементов, а также сохранении родного языка и этнической самобытности¹. В рамках национально-культурных объединений начиналась более серьезная работа: изучалось социально-экономическое положение соплеменников в конкретном регионе, состояние этнической куль-

туры и языка, а на основе полученных данных составлялись программы возрождения и развития этнической культуры, поднимались вопросы о необходимости создания национально-культурных центров.

Национально-культурный центр – это многопрофильное учреждение культуры, целью работы которого является проведение мероприятий национальной культуры, с разветвленной структурой, включающей национальные самодетельные и творческие коллективы, кружки, студии и т. д., а также зачастую филиалы в районах области². Если национально-культурный центр имеет статус государственного учреждения культуры (муниципального или областного уровня), то его преимуществом является наличие штата сотрудников, в том числе художественных руководителей, руководителей кружков и студий, бюджетное финансирование, стабильная материально-техническая база. С момента своего создания национально-культурные центры начали системную работу по возрождению этнической культуры и стали очагами ее сохранения.

Национально-культурные центры имеют четкую и весьма разветвленную структуру. Как правило, они включают такие подразделения, как вокальные, вокально-инструментальные, эстрадные и хореографические коллективы и студии, различные кружки (по изучению народных традиций и обычаев, культуры, декоративно-прикладного искусства и пр.), курсы (как правило, языковые, хотя в наше время для этого необходимо наличие лицензии на проведение образовательной деятельности) и др. Также они могут иметь в своем составе музей истории и культуры своего этноса, библиотеку, включающую как издания по истории и этнической культуре, так и книги, журналы и газеты на родном языке.

Как уже отмечалось, основная цель национально-культурных объединений и центров – сохранение этнической культуры, однако действуют они в несколько различных направлениях. Если национально-культурные объединения по большей части занимаются выявлением потребностей представителей своего этноса конкретного региона, их приобщением к проблемам этнокультурного возрождения и выступают проводниками идей – т. е. проводят общественную работу, то национально-культурные центры в силу своих материально-технических возможностей широко

внедряют различные формы культурно-просветительской, культурно-массовой и культурно-досуговой деятельности.

Поскольку работа национально-культурных центров должна иметь наглядный характер, они в большей мере ориентируются на празднично-фестивальный аспект сохранения этнической культуры посредством проведения культурно-массовых мероприятий, таких как Дни города, дни национальных культур, фестивали национальных культур, национальные и межнациональные конкурсы и т. д.

Одна из форм деятельности национально-культурных объединений и центров, способствующих сохранению этнической культуры, связана с проведением работы в районах компактного проживания представителей своего этноса, что способствует общению с носителями невидоизмененных традиций, соприкосновению с традиционной культурой, а также культурному взаимообогащению городских и сельских жителей.

В условиях современных мегаполисов весьма приемлемо обращение к календарным обычаям, обрядам и праздникам. Обрядово-праздничная культура включает в себя словесный, музыкальный фольклор, игры, танцы, быт, народную утварь, традиционную одежду, декоративно-прикладное искусство. Для современных городских жителей календарные обычаи и праздники не связаны с сельским хозяйством, а потому не имеют прежней подоплеки, не знаменуют собой смену трудовых циклов или сезонов и ассоциируются просто со сменой времен года. Однако сакральный смысл календарных обычаев, обрядов и праздников – идея непрерывности, постоянного движения вперед и продолжения жизни – для них, на наш взгляд, остается неизменным. Народный праздник не предполагает деление людей на участников и зрителей, а потому праздники способствуют приобщению к традиционной культуре своего этноса.

В заключение отметим, что в условиях большого города задача сохранения этнической культуры заключается в основном в самой ее трансляции новому поколению, для чего необходимо активное привлечение детей и молодежи к культурному и духовному наследию своего этноса. Современный мегаполис не способствует сохранению и воспроизведению этнической культуры. Так, многие обряды и традиции в условиях большого города про-

сто невыполнимы. Однако знать подобные обряды, сохранять это знание и сделать так, чтоб подобные праздники, обряды и традиции не забывались, – вот в чем заключается насущная задача.

Сохранение этнической культуры в современных условиях – дело чрезвычайно сложное, и в первую очередь это задача самих представителей того или иного этноса, однако в этом деле им могут оказывать помощь ученые-этнографы, работники государственных учреждений культуры и специалисты соответствующих подразделений, отвечающих за вопросы государственного регулирования межнациональных отношений в своих регионах.

---

¹ Ильина А. А. Национально-культурные объединения татар Западной Сибири: история создания и результаты деятельности (1988–2008) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2010. – С. 7.

² Там же. С. 8.

Д. И. ВАЙМАН

Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)*

Этническая культура в современных городских условиях явление весьма сложное и неоднозначное. Многие из современных диаспор сформировались преимущественно в городской среде и сегодня демонстрируют интересные варианты этнического развития, зачастую неоднозначные и противоречивые. Так, каждый из народов Прикамья показывает свой механизм сохранения и трансляции традиции, ее отдельных комплексов, элементов или составляющих. Одним из народов современных городских диаспор, история которых связана с формированием городского и заводского населения Прикамья, стали немцы¹.

На протяжении более чем двухсот лет немецкая диаспора проходила разные этапы этнического развития. Находясь в этнокультурном окружении и претерпевая разные испытания в кон-

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 12-11-59001, «Этнокультурная история немецкого населения Урала».

тексте истории, она и на сегодняшний день сохранила свой этнический стержень и многие элементы традиционной культуры в условия поликультурного пространства города.

Сегодня на территории Пермского края наибольшие анклавные немецкого населения отмечены в Перми (1 396 чел.), Соликамске (1 019 чел.), Березниках (800 чел.)².

Немецкое население Пермского края в этнокультурном плане неоднородно и представлено разными этнографическими группами, самые крупные из которых – украинские немцы и немцы Поволжья. Кроме того, немцы представлены разными религиозными группами, традиционными из которых являются лютеране, католики и меннониты. В этой связи этническая культура немцев региона представлена достаточно ярко со своей локальной и конфессиональной спецификой.

Последние десятилетия оказались весьма неоднозначными в этнокультурной жизни немецкого населения Пермского края. С одной стороны, эмиграционная волна 1990-х – начала 2000-х гг. заметно ослабила плотность немецкого населения в регионе. Дисперсное расселение немцев в городской среде, межнациональные браки, смена конфессиональной принадлежности части среднего и молодого поколения заметно сказались на трансляции и воспроизводстве традиций. С другой стороны, с начала 90-х XX в. в регионе активизируется национально-культурное движение.

В 1990 г. в Перми, Березниках, Соликамске и Краснокамске были созданы первые общественные организации российских немцев «Видергебурт» (Возрождение). Так, в сентябре 1990 г. в Соликамске было организовано Общество немцев Соликамска³. В это же время в г. Краснокамск возникло общество российских немцев «Возрождение». В апреле 2000 г. в Соликамске также была создана общественная организация российских немцев г. Лысьва⁴. На территории Перми общественная организация «Пермское общество российских немцев “Видергебурт” (Возрождение)» была образована 23 сентября 1990 г.⁵ В 2010 г. общественная организация немцев Перми приобрела статус региональной и объединила центры встреч по всему краю. В 2010 г. Пермская региональная общественная организация «Общество российских

немцев “Видергебурт” (Возрождение)» отметила 20-летие своей деятельности. Сегодня в рамках деятельности Пермской региональной общественной организации немцев Перми, проводится работа по сохранению языка и культуры. Деятельность общества направлена на содействие сохранению, возрождению, развитию культуры и языка российских немцев. При обществе работает «Клуб сеньоров» для старшего поколения, молодежный клуб, детский театр танца «Lallen», курсы изучения немецкого языка и многое другое. Сегодня общественные центры сосредоточили решение вопросов по поддержанию и популяризации немецкого языка и культуры, однако в качестве основного ориентира выступают современные немецкие традиции в Германии. В результате чего происходит некая унификация немецкой традиции, прежде всего в среде молодого поколения.

Однако, несмотря на активную общественную деятельность по поддержанию культуры российских немцев в Перми, для современного этнокультурного развития немцев Прикамья характерно протекание ассимиляционных процессов, показателем чему служит утрата немецким языком, особенно его диалектными формами, прежних позиций, сохранение языка, этнокультурных традиций и немецкого самосознания преимущественно старшим поколением. В то же время лишь у определенной части немецкого населения наблюдается рост этнического самосознания. Активная эмиграция в 1990-е гг (только в период 1994–1996 гг. из Пермской области на постоянное место жительства в Германию выехали 4 430 немцев⁶), продолжающаяся и в настоящее время существенно ослабила «позиции» немецкого населения в регионе: произошло уменьшение их численности, «размывание» мест их компактного проживания, что, безусловно, повлияло на стабильное этническое развитие и сохранение этнической культуры.

Этносоциологические исследования последних лет показывают, что в основе своей немецкое население сохраняет немецкую этническую идентичность, большинство – 68 % осознают свою немецкую идентичность. В то же время преимущественно у молодого поколения наблюдаются элементы двойственности этнического самосознания⁷.

Анализ степени сохранения родного языка показывает постепенное сужение как сфер его применения, так и в целом уменьшение числа людей, владеющих немецким языком как родным.

Конфессиональная жизнь немцев Прикамья за последние десятилетия претерпела существенные изменения. Среди молодого поколения можно увидеть распространение несвойственных немцам религиозных представлений – православия, что свидетельствует о нарушении этноконфессиональной трансляции поколений.

В Пермском крае функционируют две немецкие религиозные общины: одна из них – католическая в Березниках, другая евангелическо-лютеранская в Перми, и, хотя церковь уже давно не является этнически ограниченной средой, все же национальный оттенок весьма силен. Так, церковь является центром по поддержанию религиозной традиции, календаря и семейного цикла обрядности в условиях города.

В сохранении этнических традиций весьма сильны семейные традиции. Так, на уровне семьи продолжают активно отмечаться такие праздники, как Weinachten (Рождество), Oster (Пасха), Pfingsten (Пятидесятница).

Национальные общественные организации российских немцев, призванные поддерживать и развивать национальную культуру также являются одним из центров организации праздников народного календаря среди немецкого населения города. Однако следует отметить ориентацию современного праздничного календаря не на региональные и локальные традиции немцев России, а на обычаи немцев метрополии, что способствует, прежде всего, унификации праздничного календаря российских немцев с общенемецкими традициями. Значительное место в современной праздничной культуре российских немцев занимают общегражданские и русские праздники, органично вписавшиеся в календарную систему. К таковым праздникам можно отнести Новый год, 8 Марта, 23 Февраля, а также обычаи в некоторых семьях дважды отмечать Рождество и Пасху.

Сегодня среди немцев Пермского края, в своем большинстве составляющих городское население, лучшая сохранность традиционной культуры отмечается в системе питания, календарных праздниках и обрядах, в некоторых случаях в похоронно-по-

минальной обрядности, в меньшей степени отмечается сохранение других элементов.

---

¹ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI вв.). – СПб., 2008. – С. 6.

² Национальный состав населения Российской Федерации по переписи 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm

³ Гриб Э. А. Практика работы национальных общественных организаций с местными органами власти на примере города Соликамска Пермской области // Немцы в Прикамье. XX век : сб. док. и материалов : в 2 т. – Пермь, 2006. – Т. II : Публицистика. Мы – из трудармии. – С. 17–19.

⁴ Клементьева Т. А. Российские немцы города Лысьва // Немцы в Прикамье. XX век... – С. 25–27.

⁵ Общество российских немцев «Wiedergeburt» г. Пермь. – URL: <http://rus-deutsche.perm.ru/>

⁶ Петерс П. П. Через трудармию к спецпоселению и неполной реабилитации // Немцы в Прикамье. XX век... – С. 24.

⁸ Вайман Д. И. Особенности этнического самосознания немцев Прикамья на современном этапе // Конгресс этнологов и антропологов Оренбург, 1–5 июля 2009 г. – Оренбург, 2009. – С. 259.

М. А. ЖИГУНОВА

*Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН*

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Сегодня в России туризм становится динамично развивающейся отраслью экономики, обеспечивающей переход страны на инновационную социально ориентированную модель развития и наполнение бюджетов всех уровней, а также – способствующей развитию малого и среднего бизнеса, созданию новых рабочих мест. Богатое культурное и историческое наследие нашей страны, уникальные природные ресурсы, многообразие национальных традиций обеспечивают России в мировом рейтинге 4-е место по природным и 13-е по культурным памятникам среди 139 стран¹.

Территория Западной Сибири – специфичный регион, поскольку находится не только на перекрестке миграционных пото-

ков с Запада на Восток и обратно, но и является связующим звеном между Югом и Севером, Европой и Азией. Кроме того, ее территория характеризуется многообразием природно-географических зон: от тундры, тайги и болот на севере до степей и гор на юге. Здесь издавна сосуществуют различные народы, религии, культуры. Таким образом, Сибирь не только энергетический, природно-ресурсный, важный геополитический регион России, но и своеобразная ее модель, в которой представлены все основные социокультурные составляющие российского общества². Идеологи новых религиозных движений и культов нередко воскрешают не только легенды о Беловодье, но и распространяют новые мифы о «пупе Земли», в результате чего складывается устойчивый образ Западной Сибири как территории, с которой начнется духовное возрождение всего человечества, и даже – «новом сухопутном Ноевом ковчеге». Предсказанный в декабре 2012 г. очередной «конец света» приехали пережить в Омск граждане из самых различных стран мира, несмотря на существующие мифы о том, что «Сибирь – это страна вечного холода, морозов, медведей и ссылки». Создание позитивного имиджа сибирского региона является одной из насущных задач современности, и городское население Западной Сибири может сыграть в этом процессе роль своеобразного лидера, поскольку обладает не только уникальным историческим, но и богатейшим этнокультурным потенциалом.

Наш доклад основан на материалах историко-этнографических, этносоциологических, культурологических и музееведческих изысканий, проводившихся сотрудниками Омского государственного университета (ОмГУ), Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии, Сибирского культурного центра, Омской областной общественной организацией «Центр славянских традиций», а также – лично автором в 1980–2000-е гг. Исследованием были охвачены как крупные областные центры (Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень), так и другие сибирские города (Белоярск, Бердск, Бийск, Калачинск, Камень-на-Оби, Мариинск, Ноябрьск, Прокопьевск, Рубцовск, Сургут, Тара, Тобольск, Ялуторовск и пр.).

В настоящее время более 70 % населения Западной Сибири проживают в городской местности и играют ведущую роль

в современных социокультурных процессах. 30 апреля 2013 г. в Константиновском дворце состоялась встреча президента РФ В. В. Путина с президентом Русского географического общества (РГО), министром обороны А. К. Шойгу. Омское региональное отделение РГО вошло в тройку лучших, получив «благодарность за популяризацию географического, исторического и культурного наследия России как предмета национальной гордости». Способствуют сохранению и пропаганде историко-культурного наследия сибирского региона, привлечению туристов и многочисленные музеи различного профиля. Их деятельность в последние годы существенно разнообразится за счет проведения различных мероприятий и праздников³.

Только сеть государственных и муниципальных учреждений культуры и искусства на территории Омской области на 1 января 2013 г. включала 10 театров, 1 099 учреждений культурно-досугового типа, 818 общедоступных библиотек, 113 киноустановок, 78 учебных заведений, 33 историко-краеведческих и 5 художественных музеев, театральный музей, музей-заповедник, Музей просвещения, картинную галерею, 28 национально-культурных автономий регионального и муниципального уровня, 6 концертных организаций и коллективов, 7 парков культуры и отдыха, а также – Омский цирк и Большереченский зоопарк, в котором обитают более 800 представителей животного мира. Кроме того, насчитывается около 300 музеев, существующих на базе различных образовательных учреждений, 132 из них имеют паспорт государственного образца.

Важнейшей административной, торговой, военной артерией являлся Московско-Сибирский тракт, проходивший через всю Россию от Москвы до Тихого океана. Есть предложение рассмотреть вопросы диверсификации экономики в пяти муниципальных районах Омской области, по территории которых проходил этот тракт. Его туристско-рекреационный потенциал может реально выступить в качестве элемента устойчивого развития омского региона, привлечь внимание инвесторов и туристов, включая зарубежных. В перечень пилотных проектов Федеральной целевой программы включен Алтайский край, где предусмотрены туристический кластер «Белокуриха-2» и автотуристический кластер «Золотые ворота».

Западная Сибирь является малой родиной многих талантливых ученых, военных, художников, артистов, спортсменов, политических и государственных деятелей, самобытных мастеров, путешественников. Омск – историческая столица сибирского казачества, которое в декабре прошлого года отметило свое 430-летие⁴. Имя легендарного атамана Ермака является современным брендом Тюменского региона. На территории Омской области расположен первый форпост русской колонизации в Среднем Прииртышье – г. Тара, основанный казаками в 1594 г. Рядом с этим городом находится и первая пашня в Сибири – Чекрушево поле (1599 г.). Омск являлся центром исследования Сибири и Центральной Азии (здесь останавливались А. Брем, А. Гумбольдт, П. П. Семенов-Тяньшанский, М. В. Певцов, Н. М. Пржевальский и др.). Здесь находились в ссылке декабристы и петрашевцы, известный писатель Ф. М. Достоевский, проживали идеологи сибирского областничества Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, русский художник, археолог и философ Н. Н. Рерих, полярный исследователь и бывший Верховный правитель России А. В. Колчак. Омск является родиной художника М.А. Врубеля и композитора В. Я. Шебалина (среди учеников которого известные сегодня всем А. Н. Пахмутова, К. С. Хачатурян, Т. Н. Хренников) и многих других известных людей. В годы Великой Отечественной войны в Омске трудились известные авиаконструкторы А. Н. Туполев и С. П. Королев. Бессмертен подвиг генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Д. М. Карбышева. Немало славных имен связано с Западной Сибирью.

Начиная с конца 1980-х гг.– начала 1990-х гг. в городской среде стали проводиться различные межрегиональные фестивали и праздники национальной культуры и традиционных ремесел, которые привлекают внимание жителей других регионов страны. Так, например, в Омской области – это «Душа России» и «Единение», «Егорий Хоробрый», «Троицкие гуляния», «Покровская ярмарка», фестивали казачьей культуры «Наследие». Успешным оказался опыт проведения двух «Томских этнофорумов»⁵. Омская область является признанной театральной столицей Сибири. Здесь ежегодно проводятся более десять различных фестивалей, включая международные, более трех тысяч концертов и спектаклей.

Растет международный интерес к Сибири. Так, например, летом 2011 г. автор являлся консультантом группы французских журналистов, представляющих ТВ-канал «Frans-5», которые снимали многосерийный документальный фильм «Путевые заметки о Сибири» (режиссер Бенуа Сегюр, оператор Кристоф Лемир). Все большую популярность приобретают Международная выставка вооружений, военной техники и технологий сухопутных войск и конверсионной продукции, Международный Сибирский марафон и «самый морозный» Рождественский полумарафон, который проводится в Омске с 7 января с 1991 г.

Таким образом, этнокультурная история городского населения Западной Сибири может быть успешно использована в качестве существенного туристического потенциала – экскурсионно-познавательного, религиозного, событийного, экстремального, экологического, приключенческого, спортивного, лечебно-оздоровительного, делового и др. Нет сомнений, что найдутся желающие почувствовать себя потомком славного казачьего атамана Ермака или женой ссыльного декабриста, целинником или строителем Всесоюзной комсомольской стройки, поискать припрятанный А. В. Колчаком золотой запас Российской империи, посидеть в чуме или войлочной юрте, посетить избушку таежного охотника, попариться в бане, поприсутствовать на камлании шамана. Можно пройти в кандалах и арестантской робе по Московско-Сибирскому тракту, попариться в баньке, сделать берестяной туесок или тряпичную куклу, сплести лапти или корзинку, освоить прялку или посмотреть, как валяют сибирские валенки. Немалые возможности и у гастрономического туризма. Найдутся желающие отведать знаменитые сибирские пельмени или уху, шаньги, строганину, медовуху, «сыроежку» из стерляди, оленину и лосятину, домашнее пиво, папоротник орлик и многое другое. Огромный туристический потенциал можно использовать и в зимний период: катание на горках, санях, лыжах, коньках, снегоходах, взятие снежного городка, разгульная сибирская Масленица, игра в снежки и многое другое. На недавней встрече со студентами и сотрудниками ОмГУ Н. С. Михалков сказал, что сейчас все лучшее в россий-

ской культуре сохраняется в провинции. Это конкретный ресурс, который можно и нужно использовать.

---

¹ Возможности развития сельских территорий Алтайского края и Сибири – новое прочтение реформ П. А. Столыпина. – Барнаул, 2011. – С. 24–25.

² Россия как цивилизация: сибирский ракурс. – Новосибирск, 2008. – С. 6.

³ Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности : сб. науч. ст. – Новосибирск, 2013.

⁴ Сибирское казачество: Отечества служивая рать : сб. науч. ст. и материалов. – Омск, 2012.

⁵ Жигунова М. А. Традиционная культура в современном мире: варианты бытования и функции // Народная культура в Сибири : материалы XXII семинара. – Омск, 2013. – С. 52–61.

И. И. КРОТТ

Омск, государственный педагогический университет

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ НЕМЕЦКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СИБИРСКОМ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ (конец XIX – начало XX вв.)

На современном этапе развития исторической науки проблема адаптации мигрантов в иноэтничном и иноконфессиональном окружении является чрезвычайно актуальной и представляет немалый исследовательский интерес. В процессе социокультурного развития адаптация выступает своеобразным механизмом, который регулирует жизнедеятельность индивида и общества в целом. Более того, сегодня в отечественной гуманитарной науке активно обсуждаются вопросы этнического предпринимательства, изучаются проблемы социокультурной и экономической адаптации «мобильных групп-диаспор» к условиям иноэтничной принимающей среды.

Вместе с тем известно, что Сибирь всегда была достаточно многонациональным регионом, население которого отражало пестроту этнического состава, многообразие культур и религий Российской империи. В последнее десятилетие в сибиреведении все чаще звучит тезис о «гибридном», «фронтирном» характере сибирского общества, связанного не только со спецификой гео-

графического положения Сибири, но и с процессами межрегиональной миграции на всем пространстве империи. «Специфика Сибири, как, впрочем, и других окраин России, – указывает В. Рабинович, – изначально определяется тем, что здесь формируется и функционирует переселенческий социум, выступающий как цельное и стабильное образование»¹. С середины XIX в. в регионе появляются многочисленные некоренные общины, устойчивые этнические и конфессиональные группы, которые достаточно быстро внедряются в основные сферы жизни местного социума и начинают играть в них заметную роль.

В результате строительства железной дороги и усиления миграционной волны в конце XIX – начале XX вв. Сибирь переживала процесс социально-экономической модернизации рыночного пространства, включения местных локальных рынков в систему всероссийских и европейских рыночных отношений и структур. В этих условиях в составе местных деловых кругов, наряду с русскими, активную роль стали играть иностранцы – англичане, датчане, американцы, евреи, немцы. Названные группы предпринимателей приезжали в регион как из Европейской России, так и из-за рубежа². В данном исследовании будут показаны стратегии адаптации и экономические практики немецкого предпринимательства, которое достаточно динамично развивалось в изучаемый период.

В Сибири до конца XIX столетия немецкое население концентрировалось в основном в городах. Однако со временем большую его часть стали составлять так называемые «немецкие колонисты», проживавшие в сельской местности. По данным переписи 1897 г., в регионе насчитывалось 5 424 чел., говоривших на немецком языке, а включая Омский уезд Акмолинской области, где было 3 315 немцев, – 8 739 чел.³ Значительную их часть составляли городские жители. Кроме того, в переписи 1897 г. были зафиксированы 153 германских подданных⁴. В общей массе сибирского населения доля немцев со временем возросла с 0,15 % в 1897 г. до 1,3 % в 1920 г.⁵ К 1915 г. только в сельской местности, по подсчетам П. П. Вибе, проживало уже более 80 тыс. немецко-колонистов⁶. Основными занятиями немцев на рубеже XIX – XX вв. были земледелие, ремесло, сложное ручное производство, торговля и сфера услуг⁷.

Все мигранты, попадая в принимающее общество, неизбежно сталкиваются с проблемами адаптации, преодоления разрыва между понятием «свой» и «чужой». Более того, адаптационный процесс осложнялся не только по причине переселения из другого региона империи, но и по целому спектру социокультурных признаков (язык, религия, особенности хозяйственной и бытовой культуры)⁸. При этом адаптационные стратегии немецких мигрантов были различны. Сельские немцы, оказавшись в весьма разнородном социокультурном окружении, стремились к изоляции от местного населения и других мигрантов. Немецкие колонисты поведенческими практиками подчеркивали обособленность от инонациональной и инокультурной окружающей среды. Это проявлялось в широком распространении моноэтнических немецких поселений и немецкого языка как средства бытового и культурного общения⁹.

Процесс социокультурной адаптации городских немцев имел определенные отличия. В условиях городской среды, которая не создавала возможностей для изоляции, немцы чувствовали себя этноконфессиональным меньшинством, а это способствовало активным контактам с окружающим обществом¹⁰. В итоге, стратегии адаптации городских немцев были близки к интеграции, когда происходило сохранение собственного культурного наследия в сочетании с благожелательным отношением к культуре большинства.

Учитывая это, в адаптационном процессе немецких мигрантов можно выделить две тенденции, которые существовали абсолютно непротиворечиво и гармонично. Первая тенденция – это стремление сохранить и воспроизвести на новой территории уже сложившиеся культурные традиции, которые рассматривались членами диаспоры как неотъемлемый признак «своей» культуры и идентичности. Вторая тенденция – это восприятие нового, приобретение новых качеств, нового культурного опыта, заимствования у других национальных групп и культурное обновление в результате процесса модернизации¹¹.

В дореволюционных источниках и литературе неоднократно обращалось внимание на активное участие немецких мигрантов в экономической жизни Сибири конца XIX – начала XX вв. При этом роль «рыночного фермента», «энергичного элемента» выполняли не только коммерсанты, выступавшие в качестве са-

мостоятельных предпринимателей, комиссионеров, но и доверенные лица, управляющие региональных отделений иностранных и российских фирм, а также крупные немецкие сельские хозяева и даже крестьяне. В целом можно констатировать, что для этого периода в локальном сообществе было характерно широкое распространение предпринимательство немцев, подданных Российской империи и экономическая деятельность германских торгово-промышленных, финансовых компаний¹².

Немецкое предпринимательство в Сибири было связано, прежде всего, с потребностями аграрного сектора региона в сельскохозяйственных орудиях и в сбыте своей продукции. Кроме того, Германия поставляла в Сибирь промышленные двигатели, оборудование для пивоварен и типографий. В первое десятилетие XX столетия в регионе было открыто множество филиалов различных германских фирм, сюда прибыли их агенты, коммивояжеры¹³.

Встраивание в сложившийся уклад вынуждало немцев быть «предприимчивым меньшинством» с высокой степенью адаптивности в иной языковой и культурной среде. Их деятельность всегда отвечала потребностям местной экономики, в которую они органично включались. Немцы, как пришлые чужаки, вынуждены были стремиться быть нужными как можно большему числу членов принимающего общества, ориентироваться на быстрый оборот капитала и «скоростные» хозяйственные операции. Сибирь остро нуждалась в развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли, поэтому немцы обосновались в регионе как представители сельскохозяйственного и торгово-промышленного предпринимательского сообщества¹⁴.

Выбор подобных экономических ниш стал для немецких предпринимателей во многом и вынужденным шагом. Найденная специализация оказалась, с одной стороны, единственно возможной из-за специфики сибирского края, с другой – она обеспечивала предпринимателям быструю прибыль, включенность в общественные структуры, надежные связи с различными социальными слоями и этническими группами принимающего общества.

Необходимо отметить, что в Сибири для «энергичных элементов разных категорий» предприниматель-немец, так же как и любой другой предприниматель-переселенец, мог выступать образцом для подражания¹⁵. Но в ситуации, когда вчерашние ми-

гранты занимали престижные места и, следовательно, продвигались по лестнице социального благополучия, нередкими были случаи ухудшения отношений с местным принимающим сообществом. В качестве примера можно привести антинемецкую «истерию» 1910 г. и компанию по ликвидации немецкого землевладения и землепользования в Степном крае 1915 г.¹⁶

Несмотря на указанные факты, подчеркнем, что степень включенности коммерсантов-немцев в региональное экономическое сообщество была очень высока. Они были представлены во многих общественных организациях, тесно связанных с экономикой края. Следует обратить внимание и на такой немаловажный момент – у сельских немцев в Сибири ведущей социальной тенденцией был процесс формирования сельской буржуазии¹⁷; при этом у немецких мигрантов этот процесс проходил более динамично, чем у других национальных переселенческих групп.

Более того, изучая немецкое предпринимательство в Западной Сибири, исследователи начала XX в. говорили о нем, как о «проникнутом новыми предпринимательскими началами»¹⁸. О том, что эти «начала» получили признательность, свидетельствует такой существенный факт, как распространение немецкого языка в качестве языка делового общения в Омске. Так, в путевых записках о Сибири О. Гебель указывал, что «с появлением немцев, немецкий язык в Омске можно было услышать через одного», очень необычно он звучал на рыночной площади «среди киргизов с верблюжьими повозками»¹⁹.

В то же время важным условием деловой и культурной адаптации было освоение иностранными предпринимателями русского языка. Немецкие коммерсанты вполне хорошо знали русский язык. По наблюдению все того же О. Гебеля, русские немцы в Сибири хорошо говорили по-русски, а для некоторых он был со временем уже как родной²⁰.

Очевидно, что язык и традиции принимающего социума постигались этническими мигрантами тем легче, чем плотнее и интенсивнее были их контакты с сибирским населением. Наличие рядом соотечественников хотя и делало процесс «приживания» на новом месте менее болезненным, но не могло ему не препятствовать²¹. В полной мере этот сдерживающий фактор проявился в положении сельских немцев, предпочитавших жить

в Сибири максимально изолированно, в рамках своего поселения или религиозной общины.

Таким образом, социокультурная организация сибирского общества открывала для немцев канал вертикальной социальной мобильности в виде предпринимательской деятельности. Немецкие коммерсанты не потерялись и не растворились в общей миграционной массе, «накрывшей» Сибирь после строительства Транссибирской железной дороги, наоборот, они заняли определенные экономические ниши, играя весьма важную роль в общественном разделении труда.

Следует подчеркнуть, что очень часто принимающее общество – это хорошо структурированный социум, который обладал присущим только ему общественным сознанием и устойчивым иммунитетом к внешним воздействиям. Мобильная группадиспора со своими традициями, мировосприятием являлась чужеродным для общества образованием и вызывала нарушение естественного течения жизни. Особенностью переселенческой ситуации и процесса адаптации немецкого предпринимательства было то, что в сибирских условиях социокультурное пространство еще только оформлялось, и оно включилось в него на этом этапе.

Экономический успех немецкого предпринимательства достигался в Сибири не за счет использования местных форм и обычаев, а, напротив, за счет новаций с учетом российского и нероссийского опыта, хотя, конечно, приспособленных к местным условиям. В результате своей экономической деятельности немецкие предприниматели на рубеже XIX–XX вв. стали неотъемлемой частью существовавших в регионе социальных отношений и хозяйственных связей. При этом они сохраняли основные этнические черты, традиции, чтили религиозные нормы, охраняя свою этнокультурную самобытность.

---

¹ Рабинович В. «Чужаки» в меняющемся социуме: Иркутск, последняя треть XIX – первая треть XX вв. [Электронный ресурс]. – URL: <http://abimperio.net/cgiin/aishow.pl?state>

² Киселев А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 29.

³ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – Т. II.

⁴ Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. – Новосибирск, 2000. – С. 130.

⁵ Немцы России : энциклопедия. – М., 1999. – Т. 1 : А–И. – С. 684.

⁶ Подробное см.: Вибе П. П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы России. Сибирь. Сборник статей. – Омск, 1996. – С. 51.

⁷ Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX вв. – Томск, 2004. – С. 66, 85, 91, 93, 94, 178, 185.

⁸ Алишина Г. Н. Особенности социокультурной адаптации сельских и городских немцев, переселившихся в Томскую губернию в конце XIX – начале XX века // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути» : материалы XII Междунар. науч. конф. – М., 2009. – С. 271.

⁹ Там же. С. 271–274; Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2002. – С. 25; Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 38, 85, 120.

¹⁰ Алишина Г. Н. Особенности социокультурной адаптации сельских и городских немцев... – С. 274.

¹¹ Смирнова Т. Б. Особенности воспроизводства этнической культуры немцев Сибири в условиях миграции // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути» : материалы XII Междунар. науч. конф. (Москва, 18–20 сентября 2008 г.). – М., 2009. – С. 250.

¹² Подробное см.: Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. – Омск, 2007; История и этнография немцев Сибири / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск, 2009; Кротт И. И. Немецкое предпринимательство в крупных городах Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX – начало XX вв.). Межвузовский сборник научных статей. – Омск, 2009. – Вып. 9. – С. 69–84.

¹³ Казенное учреждение Омской области « Исторический архив Омской области» (ГИАОО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 59. ЛЛ. 1–5; ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 152. Л. 7; Весь Омск. Справочник-указатель на 1913 год. – Омск, 1913. – С. 10–120.

¹⁴ Зашибина Е. Л., Киселев А. Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь : сб. ст. – Омск, 1996. – С. 63–78; Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири... – С. 99–122; Кротт И. И. Этническое предпринимательство: к проблеме социокультурных условий хозяйственной адаптации немцев в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы Сибири: история и культура. Материалы V Международной научно-практической конференции. – Омск, 2006. – С. 12–16.

¹⁵ Киселев А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири... – С. 35.

¹⁶ Вибе П. П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири... С. 9–11, 46–50.

¹⁷ ГИАОО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; Оп. 2. Д. 1–3; Зашибина Е. Л., Киселев А. Г. Указ. Соч. – С. 74; Вибе П. П. Социальная мобильность немецких

колонистов как проявление национального менталитета (на примере Сибири) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути»... – С. 247.

¹⁸ Зефирова Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. – Омск, 1914. – С. 2.

¹⁹ Гебель О. От Урала до Сахалина. Пер. с нем. А.В. Бровиной // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. Сборник научных статей / отв. ред. В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул, 2010. – С. 282, 283.

²⁰ Там же. С. 287, 288.

²¹ Киселев А. Г., Нильсен Н., Нильсен П. Иностранцы предприниматели в дореволюционной Сибири: к проблеме адаптации // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства... – С. 30.

Й. МАРДОСА

Вильнюс (Литва), Литовский эдукологический университет

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССИИ И ШЕСТВИЯ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ ВИЛЬНЮСА: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В досоветский период важной чертой городской культуры выступали различного рода церемонии и обряды религиозного характера. Они проходили в общественном пространстве и становились акцентом обрядовой жизни городов. Однако религиозная деятельность за пределами святынь была запрещена при советизации Литвы в 1940 г. и начала восстанавливаться после провозглашения независимости в 1990 г. В статье делается попытка рассмотреть характер и роль религиозных процессий в обрядовой жизни Вильнюса в XX и в начале XXI вв. Попытаемся установить, какие перемены произошли в организации и обрядах процессий за XX столетие. Объект изучения – существующие с XVII в. (с перерывом в советский период) религиозные процессии и шествия праздника Пятидесятницы (*Сякминес*, Троица) и Божьего тела (*Дявинтинес*).

Многие столетия одним из самых известных вильнюсских религиозных и общественных праздников являлась Пятидесятница, которая отмечалась в седьмое воскресенье после Пасхи. Празднование было установлено при императоре Теодосии в 389 г. как заключительный день пасхального периода, обязательный

для отмечания каждым христианином. С V в. Пятидесятницу (Pente-costes) стал отмечать весь христианский мир. В основу литургии заложены все события, связанные с жизнью Иисуса, начиная с его воскресения и заканчивая посланием Святого духа¹.

Основой праздника в Вильнюсе является обход Крестного Пути Вильнюсской Кальварии. Традиция соорудить Крестный Путь возникла в IV в. в Иерусалиме. Всего в католическом мире имеется сорок Крестных Путей и семь из них – Литве. В пригороде Вильнюса Вяркяй Орденом доминиканцев в 1664–1669 гг. был учрежден Крестный Путь, так называемая Вильнюсская Кальвария (местность приобрела библейское название – Кальвария, а часть пригорода – Иерусалим), это одна из древнейших дорог в Литве². В Вильнюсе также существует Путь, сооруженный в середине XVII в. в костеле Бернардинцев³, так называемый клуатр-коридор с семью станциями, включенный в церемонию посещения Вильнюсской Кальварии и до советизации Литвы во время празднования Сякминес составлявший единую ритуальную единицу.

В празднике существуют обряды с элементами народной религиозности. Исторический Вильнюсский Крестный Путь был свыше 8 км длины и продолжался от каплицы ворот Острой браны (Ворота Зари – одни из ворот оборонительной стены средневекового города) до Вильнюсской Кальварии. Важны для паломников и другие места города. Процессия проходила по городу, посещала Крестную дорогу в костеле Бернардинцев, затем толпы паломников молились у каплицы за Зеленым мостом через р. Нярис у статуи Христа Спасителя (советская власть каплицу и статую снесла в середине XX в.). Каплица была сооружена и освящена в 1720 г., с течением времени была провозглашена чудотворной⁴. Здесь пилигримы собирались перед заключительным этапом похода в Кальварию.

На Крестном Пути в Вяркяй в XVIII в. были сооружены кирпичные часовни (35 станций), во время войн неоднократно страдавшие, а в 1859 г., обновленные, стали священным местом для пилигримов Литвы, Польши и Беларуси. В 1920–1939 гг. когда Вильнюсский край был в составе Польши, посещение Кальварии приобрело и политический характер. Литовцы стремились посетить святыни Вильнюса как символ религиозного и этнического идентитета. Не случайно для литовцев местечка Лазунай

(современная Беларусь) паломнический путь продолжался 120 км и по времени длился две с половиной неделей⁵. В поход длиной несколько десятков километров люди отправлялись приходами. Молодежные религиозные организации и паломники ходили группами и индивидуально. После возвращения Вильнюса Литве в 1939 г. на праздник Сякминес в 1940 г. к святыням Вильнюса паломники шли из самых отдаленных местностей Литвы.

В советские годы обрядовое шествие в Кальвариях запрещалось, а в 1962 г. почти все каплицы были взорваны и застроены зданиями профилакториев и другими постройками. Однако верующие отмечали места бывших каплиц и тайно продолжали молиться⁶. Только в 1992 г. начались раскопки и восстановительные работы, а в 2002 г. Вильнюсский архиепископ кардинал А. Бачкис освятил восстановленный Крестный Путь.

Проход Крестного Пути является доминантой паломнического похода с Вильнюсской Острой браны. Праздник в Вяркяй исторически продолжался три дня. Первый день был посвящен крестьянам, второй день – зажиточным и третий день – горожанам и ремесленникам. В современном празднике первый день посвящен священникам и монахам, второй – молодежи и детям, третий день (воскресенье) – основной день Сякминес⁷. Хотя литургическая форма обхода Крестного Пути имеет установленный порядок, но с течением времени образовались своеобразные народные обычаи. Черты народной религиозности имеют и молитвы, а также церковное пение. Исторически основным языком празднеств был польский, а современным является литовский, поэтому организуются походы раньше литовских, а в настоящее время польских приходов. Отличительной чертой современных процессий является то, что они не включают шествие по городу, а многотысячная толпа проходит только Крестный Путь в Вяркяй. Появление политической границы ограничило участие белорусских паломников, поэтому основную часть составляют представители Вильнюса и окрестностей, но участвуют и паломники из Польши. В настоящее время Крестный Путь приобрел государственный статус и включен в утвержденную Правительством Литвы Паломническую программу Иоанна Павла II.

В литургический календарь праздник Божьего тела, празднуемый на девятой неделе после Пасхи (охватывает восемь дней –

октаву), был введен в 1264 г. папой Урбаном IV. Истоками праздника являются процессии в Германии, где в XIV в. организовывались выходы за город с остановками в поле у четырех временных алтарей. Этим выходам были свойственны специальные молитвы и пение отрывка из всех четырех Евангелий. С XVII в. процессии распространились по всей Западной Европе и были присущи многим католическим народам⁸. Хотя литургия едина для всех католиков, в народной жизни праздник имеет много элементов народной религиозности. Например, освящаемые в костелах в последний день октавы венки (в Жямайтии – западная Литва, даже ветки берез) применялись в магических целях. В Кракове эти процессии связывают с традицией средневековых театральных представлений ремесленных цехов⁹. Однако городским религиозным практикам свойственны в основном проходящие по улицам процессии. В городах Литвы и Польши такой обрядовый порядок существует с XVII столетия¹⁰.

Подавление восстания 1863 г. в Литве повлекло за собой запрет процессий за пределами костела, поэтому традиция возобновилась лишь после манифеста Николая II (1905 г.), и 4 июня 1906 г. в процессии, как видно по обращению Вильнюсского епископа Эдуарда фон Роппа к верующим, шли и представители других христианских конфессий, даже иудеи. Город был украшен флагами, цветами, гирляндами, в окна были вставлены картины с изображениями святых¹¹. Эта процессия Божьего тела в Вильнюсе (на что влияли и события 1905 г.) собрала примерно 40 тыс. верующих не только из Литвы, но и из соседних государств¹². До советизации процессия проходила под руководством епископа в полдень от Кафедрального собора по Замковой улице, затем совершала круг по центру города и возвращались в Кафедральный собор¹³. В 1940 г. состоялась последняя процессия, и на протяжении всего советского периода процессии сохранялись лишь в памяти верующих. В 1990 г. традиция восстановилась, но теперь процессия проходит от каплицы Острой Браммы (с изображением Девы Марии) по главной улице исторического города и заканчивается традиционно в Кафедральном соборе. По улице, как предусмотрено литургией, у костела установлены четыре алтаря. Ввиду национального состава католиков Вильнюса, один алтарь сооружается поляками. В процессии участвуют руководители Виль-

нюсской епархии, представители духовенства из-за рубежа, посол Папы Римского (нунций), монахи и множество верующих. Отличается шествие от досоветских лишь тем, что в то время в процессии участвовали государственные и общественные деятели, представители военных и общественных организаций со своими знаменами¹⁴. Современная процессия носит в основном религиозный характер и приурочена к церемонии в Ватикане, когда глава католической церкви приглашает всех верующих участвовать в процессии¹⁵. Этим обусловлен и характер современной Вильнюсской процессии, в которой акцент ставится на сохранение литургических основ церемоний.

Таким образом, через сочетание сакрального и профанного в содержании данных процессий и шествий праздничная культура современного Вильнюса обогащается церковными обрядами с элементами народной религиозности, которые в основном присутствуют в Вильнюсской Кальварии. Хотя процессии потеряли общественный характер и являются религиозными мероприятиями, в обрядовой жизни Вильнюса они занимают важное место, а через географию паломников сохраняют традиционную региональную значимость.

---

¹ Kajackas A. Bažnyčia Liturgijoje. Liturgijos raida istorijoje. – Vilnius, 1998. – P. 140–141.

² Motuzas A. Katalikų liaudies pamaldumo praktikos Lietuvoje. – Kaunas, 2005. – P. 209; 217–220.

³ Janonienė R. Bernardinų bažnyčia konventas Vilniuje. – Vilnius, 2010. – P. 200.

⁴ Adomonis T., Čerbulėnas K. Lietuvos TSR dailės ir architektūros istorija. T. 1. – Vilnius, 1987. – P. 218.

⁵ Arlauskas R. Valkininkų kraštas istorijos verpetuose. – Vilnius, 2005. – P. 222.

⁶ Vyšniauskaitė A. Mūsų metai ir šventės. – Kaunas, 1993. – P. 83.

⁷ Motuzas A. Katalikų liaudies pamaldumo praktikos Lietuvoje,

⁸ Kajackas A. Bažnyčia Liturgijoje. – P. 154–155.

⁹ Fischer A. Etnografja Slowianska. Zeszyt trzeci. Polacy. – Lwow ; Warszawa, 1934. – S. 199.

¹⁰ Griciūtė L. Vilniaus Dievo Kūno procesijos // Lietuvos katalikų mokslų akademijos Metraštis, XXVIII. – Vilnius, 2006. – P. 323.

¹¹ Laučkaitė L. Vilniaus šventės ir pramogos XX a. pradžioje. – P. 138.

¹² Olszewski D. Polska Kultura Religija: na przelowie XIX–XX wieku. – Warszawa, 1996. – S. 180; 182; 199.

¹³ Laučkaitė L. Vilniaus šventės ir pramogos XX a. pradžioje. – P. 137–138.

¹⁴ Vyšniauskaitė A. Mūsų metai ir šventės. – P. 85.

¹⁵ URL: <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2010-08-03-genovaite-gustaite-is-vilniaus-devintiniu-istorijos/48451> (дата обращения: 20.10.2013).

С. В. САМАРКИН

Костанай (Республика Казахстан), Костанайский государственный педагогический институт

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КУСТАНАЕ

Официальные государственные праздники ныне имеют важную идеологическую составляющую, ставящую задачей развитие патриотизма и уважения к национальностям, проживающим в Республике Казахстан, что определяет уровень высокого развития политического сознания и толерантности казахстанского общества. В прошлом праздничная культура в регионах страны имела свои специфические особенности и особой ломке подверглась в первые годы советской власти. Об этом свидетельствуют материалы периодической печати тех лет, а также документы официального характера, хранящиеся в Государственном архиве Костанайской области.

С установлением советского режима традиционные религиозные и новые революционные праздники оказались в условиях временного сожительства. Даты праздников корректировались в связи с переходом к григорианскому календарю и определялись специальными постановлениями и декретами как центральной, так и местной власти. Число исконно советских праздников в начале 1920-х гг. было незначительным. Появились и местные праздники, связанные с установлением советской власти и событиями антиколчаковского партизанского восстания в Кустанае (5 апреля, 19 августа).

Первые советские праздники начали отмечаться еще в годы Гражданской войны, в начале 1920-х гг. они уже носили массовый характер, став важнейшим идеологическим инструментом нового режима. «Табель-календарь за 1921 год», кроме воскрес-

ных, к нерабочим – праздничным дням относит: 22 января – День памяти жертв расстрела рабочей демонстрации 9 января 1905 г. в Петербурге; 12 марта – День низвержение самодержавия; 18 марта – День Парижской Коммуны; 1 мая – день Интернационала; 7 ноября – день Пролетарской революции. Как видно, число исконно советских праздников было незначительным. К нерабочим дням, учитывая религиозность значительной части населения, согласно декрету Совнаркома от 17 июня 1920 г., были отнесены 10 дней православных праздников: Рождество (два дня), Крещение; Благовещение, Пасха (два дня), Вознесение, Духов день, Преображение и Успение¹. Количество выходных и праздничных дней сокращалось по сравнению с дореволюционным периодом в полтора раза, что вызывало недовольство у определенной части населения города.

Характерной частью официальных праздников в Кустанае становились демонстрации, которые заканчивались митингами у братских могил жертв антиколчаковского восстания. Особое место занимал День Интернационала. Его, по утверждениям местных жителей, начали отмечать еще в 1918 г. Для проведения Дня Интернационала создавалась специальная комиссия из числа наиболее авторитетных членов местной ячейки РКП, которая разрабатывала и утверждала план проведения праздника². Основной частью празднования являлось шествие членов партийного и профсоюзного движения, главных организаций и предприятий города, военных частей, милиции в организованных колоннах со знаменами. Место сбора митингующих – площадь Свободы (бывшая Соборная). Особая роль отводилась детям из детдомов и школ. С их участием на площади организовывался проезд украшенных революционной символикой автомобилей. Перед собравшимися выступал председатель губисполкома, затем демонстрация через главные улицы города отправлялась к братским могилам жертв антиколчаковских выступлений, где устраивался митинг³. Праздник продолжался и на следующий день, когда его основное содержание увязывалось с практической деятельностью, озеленением и уборкой города⁴.

В День пролетарской революции – 7 ноября, наряду с торжественными шествиями, организовывались многочисленные

спектакли, беседы. К пятилетней годовщине приурочивались мероприятия, направленные на снижение социальной напряженности. Объявлялись амнистии различным категориям преступников, за исключением «...тяжких контрреволюционеров, взяточников и самогонщиков»⁵. По примеру центральных городов к очередной годовщине октябрьских событий открывались значимые социальные и промышленные объекты.

В День памяти жертв 9 января 1905 г. на крупных предприятиях и других государственных учреждениях проводились митинги, зачитывались доклады, заканчивавшиеся пением «Походного марша» и «Интернационала»⁶.

Кроме официальных праздников, отмечался целый ряд других праздников, не являвшихся выходными, – Международный юношеский день, 8 Марта, День кооперации и т. д.⁷

Число официальных революционных праздников к концу 1920-х годов несколько сократилось. Из них выпали День памяти жертв 9 января 1905 г., а также день Парижской коммуны. Дата смерти В. И. Ульянова-Ленина – с середины 1920-х гг. начала отмечаться как праздничный Революционный день⁸. Образ Ленина теперь сопровождал жизнь страны, города, простых граждан, став важнейшим идеологическим атрибутом праздников, юбилеев, официальных мероприятий.

Советские праздники использовали антирелигиозную риторику, основная критика которой приходилась на православную церковь и ислам (в городе проживало значительное число татар-мусульман)⁹. Многие из них занимали промежуточное положение между важнейшими религиозными праздниками. Особо острый характер идеологическое противостояние носило в моменты, когда официальные советские праздники совпадали с религиозными. В дни революционных праздников запрещалась торговля пивом и другими разрешенными к продаже спиртными напитками во время демонстрации и шествий по городу¹⁰. Трудно поверить, что данное постановление выполнялось неукоснительно, однако религиозные празднования в официальных сводках представлялись пьяными гуляниями «...с песнями и гармошками»¹¹. В среде атеистически настроенной советской молодежи возникали идеи

проведения антирелигиозных праздников, допустим, так называемой «комсомольской пасхи», сопровождавшихся спектаклями, балами-маскарадами, игрой духового оркестра¹².

Несмотря на непрекращающуюся критику, общее число религиозных праздничных дней в первой половине 1920-х гг. практически не изменилось. К нерабочим дням, согласно постановлениям местной власти, первоначально относились лишь православные праздники. Вскоре к ним были добавлены и мусульманские, что объяснялось «местными религиозными бытовыми условиями».

Кроме праздников общереспубликанского значения, по Кустанайской губернии на 1924 г. утверждались следующие религиозные праздники: Благовещение, Пасха, Вознесение, Преображение, Рождество, Ураза, Курбан-байрам и Мавлюд-байрам¹³. Переход к григорианскому календарю и особый религиозный календарь нередко вносили путаницу в определение точной даты праздничных дней. Один из читателей местной газеты возмущался по этому поводу: «...Купил я себе в Кустанае два календаря: один “Календарь сельского хозяина на 1924 год”, издание Оренбургского земельного управления, а другой “Отрывной календарь” Госиздата. И вот по первому праздник Пасхи – 27 и 28 апреля, а по второму 19, 20 и 21 апреля»¹⁴.

К концу 1920-х гг. число религиозных праздников как особых дней отдыха сократилось до семи. Как сообщалось в протоколе заседания президиума Кустанайского окрпрофсовета от 9 декабря 1927 г. на 1928 г., из православных выходными днями считались два дня – Пасха и Рождество, из мусульманских – Курбан-айт и Рамазан-айт (по два выходных дня). Примечательно, что в одном из местных протоколов в числе праздников на 1928 год отмечен Науруд (Наурыз)¹⁵. Хотя большинство современных источников годом отмены праздника называют 1926-й.

Некоторые «условные» праздники увязывались с практической деятельностью. В весенне-осенний период проводился праздник Белой Ромашки с целью кружечных сборов в пользу больных туберкулезом. Даты возрожденной ярмарочной торговли также воспринимались горожанами как праздничные дни.

Первый день нового года – 1 января, несмотря на то что к 1922 г. окончательно приобрел статус праздничного выходного дня, не выдерживал конкуренции с Рождеством. По этой причине уже в 1928 г. он не фигурирует в списке «особых дней отдыха». Новый год скорее становился праздником государственных учреждений, а не самого народа¹⁶.

Официальные революционные праздники постепенно приобретали стройность, религиозные – становились атрибутом внутреннего уклада населения. Именно это станет характерной чертой праздничной культуры всего советского периода.

---

¹ ГАКО (Государственный архив Костанайской области). Ф. 8-П. Оп. 1а. Д. 38. Л. 23.

² К 1-му мая // Степная заря. – Кустанай, 1923. – № 43 (360). – С. 3.

³ Порядок празднования 1-го мая // Красная степь. – Кустанай, 1923. – № 44 (361). – С. 4.

⁴ День древонасаждения // Красная степь. – Кустанай, 1923. – № 44 (361). – С. 5.

⁵ Обыватель. Борьба с зеленым змием // Степная заря. – Кустанай, 1922. – № 115 (173). – С. 1.

⁶ День 9 января 1905 года // Степная заря. – Кустанай, 1923. – № 10 (327). – С. 3.

⁷ Как праздновали 8-й международный юношеский день. В Кустанае // Степная заря. – Кустанай, 1922. – № 107 (165). – С. 2.

⁸ ГАКО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 53. Л. 72.

⁹ Поход на Магомета начался удачно // Красная степь. Кустанай, 1923. – № 50 (367). – С. 2.

¹⁰ Официальный отдел. Обязательное постановление № 12 Кустанайского губернского исполнительного комитета (22 марта 1923 года) // Степная заря. – Кустанай, 1923. – № 33 (350). – С. 4.

¹¹ Зеленый змий. Престольники // Степная заря. – Кустанай, 1922. – № 118 (176). – С. 2.

¹² Пасха у комсомольцев // Степная заря. – Кустанай, 1923. – № 33 (350). – С. 4.

¹³ Особые десять дней отдыха // Красная степь. – Кустанай, 1924. – № 7 (604). – С. 4.

¹⁴ Хома Поворознюк. Самый правильный «календарь» // Красная степь. – Кустанай, 1924. – № 44 (641). – С. 1.

¹⁵ ГАКО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 53. Л. 72.

¹⁶ Встреча Нового года // Степная заря. – Кустанай, 1923. – № 8 (325). – С. 1.

Т. Н. ЗОЛотоВА

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

ДЕНЬ ГОРОДА В ПРАЗДНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Праздник является своеобразным механизмом, интегрирующим общество и выступающим средством передачи накопленного социального опыта. В качестве такого «механизма» рассмотрим праздник День города – в Омске, явление достаточно молодое, но обладающее уже своими традициями и всеми присущими празднику функциями и атрибутами.

День города омичи празднуют в первые выходные августа. Инициатором торжественного празднования Дня города считают первого мэра Омска Юрия Шойхета (глава администрации города с 1991 по 1994 гг.). Ежегодно к Дню города приурочено более сотни мероприятий, в которых принимают участие сотни тысяч омичей. В первую субботу и воскресенье августа в Омске проходят основные праздничные торжества: организовываются различные творческие фестивали, ярмарки ремесел с участием талантливых омских умельцев, выставки и концерты мастеров культуры, театрализованные парады колонн административных округов города, автомобильное шоу каскадеров «Автородео», региональные молодежные фестивали средневековой культуры «Щит Сибири», праздники национальных культур на Зеленом острове. Традиционно День города завершается большими праздничными фейерверками на Зеленом острове, у «Омской крепости», в парках 30-летия ВЛКСМ и «Советский», а также у гостиницы «Омск».

Одним из первых (по хронологии событий) мероприятий, приуроченных к празднованию Дня города, является Сибирский международный марафон, который на протяжении двух десятилетий открывал череду праздничных торжеств. На марафон ежегодно съезжаются спортсмены со всей России и многих стран мира: Австрии, Германии, Испании, Канады, Польши, США, Франции, Швейцарии, Японии.

Вторым мероприятием по хронологическому вхождению в праздничный цикл, но первым по посещаемости и значимости для омичей, является ежегодная выставка зеленого строительства,

цветоводства и садоводства «Флора». Впервые она была проведена в 1951 г. в здании Краеведческого музея, затем стала проходить на территории садово-оранжерейного хозяйства «Декоративные культуры» и в здании речного вокзала, а с 1965 г. – в выставочном сквере «Флора». До 2006 г. выставка проходила ежегодно во второй половине августа и длилась две недели, вызывая большой интерес омских садоводов и огородников. С 2006 г. «Флору» приурочили к Дню города, и теперь она открывается накануне, в пятницу, и длится пять дней. Первоначально городская выставка проходила в павильонах, где каждый район представлял свои достижения в озеленении территории района, а цветоводы и огородники демонстрировали выращенный на дачных участках урожай. Сегодня «Флора» представлена десятками выставок во всех микрорайонах города и ее главной концепцией является демонстрация достижений в ландшафтном дизайне, что позволяет размещать ее на улицах, в скверах. В разные годы тематика «Флоры» менялась: так, 2010 г. она была посвящена 65-летию Победы, в 2011 г. – 295-летию основания Омска. Главная тема «Флоры» 2013 г. — «Омск вчера, сегодня, завтра!» – существенно изменила формат проведения: вместо выставочно-экспозиционной выставка стала выставочно-презентационной.

Тема «Омск вчера» была представлена на территории Выставочного сквера, где разместился «Город мастеров» с клумбами «Старинные часы» и «Лоскутное одеяло», скульптурными композициями из цветов, мастер-классами по плетению из лозы и бересты, резьбе по дереву, ковке и т. д. В сквере разместилась Детская академия флористики и «Бабушкина чайная». Тему «Омск сегодня» на набережной Тухачевского раскрывали ландшафтные и вертикальные цветочные композиции, отражавшие облик Омска на современном этапе: карта города из цветов, флористические композиции «Зеленая планета» и «Сказочный лес», ландшафтная композиция с элементами свадебной церемонии. Здесь же были смонтированы композиции «Мост на стыке веков», «Музыкальный театр», «Вратарь», «Фонтан цветов». На Аллее новых технологий омичи с интересом ознакомились с презентационными площадками предприятий, поставляющих технику для создания и содержания зеленых насаждений, и предприятий, представляющих новинки в озеленении, садоводстве и защите растений.

В экспозициях Воскресенского сквера нашла отражение тема «Омск завтра» с перспективными тенденциями совершенствования архитектурного облика, зеленого строительства и благоустройства территории города. Продуктивной была находка организаторов выставить чертежи планировки и макеты микрорайонов города: омичи радостно находили свои дома, узнавали знакомые объекты и показывали их детям. Это стало своеобразным объединением горожан чувством сопричастности к единому прошлому, настоящему и будущему города на основе положительного переживания региональной идентичности. Тематика городской экологии отразилась в вертикальных и каркасных цветочных композициях «Книга знаний», «Цветущие автомобили» и других. Интересной задумкой и ландшафтной изюминкой сквера явилось «говорящее» дерево «Я хочу пожелать тебе, Омск»: «ветла» с висящими шелковыми зелеными и красными яблочками, которые после открытия выставки срезали организаторы и раздавали прохожим в подарок, а взамен они собирали записки с пожеланиями Омску. Здесь же была размещена выставка студенческих архитектурных проектов.

Выставка явилась прекрасным местом встречи и общения людей, сюда приходили целыми семьями и большими компаниями. Отдыху и релаксации омичей способствовали торговые точки, открытые кафе и аттракционы («Аква-зорбинг», «Лопни шарик», «Прокатись на машинке», тир, надувные батуты). Дети радостно размахивали воздушными шариками и ели мороженое. Праздничный антураж и хорошее настроение создавали девушки-модели в костюмах, сшитых из ткани «под гжель» и «хохлому», девушки-«цветы», в зеленых блузках и длинных зеленых юбках с ярко красными цветами из ткани. Повсюду работали мастера аквагрима, в результате чего лица многих детей оказались расписанными под кошечек, собачек, бабочек, тигрят. Ностальгию по советской эпохе у гуляющих вызывали бочки с квасом «Ядрена Матрена». По набережной детей катали на лошадях. Всюду происходило фотографирование «на память» на фоне цветочных композиций и памятников архитектуры. В «Монетной кузнице» омичи могли реализовать не только свои творческие способности, но и проявить региональную идентичность, выковав своими руками сувенирные монеты «Омск» с изображением драмтеатра

и Успенского собора. Но чувству сопричастности к омской истории и культуре, на наш взгляд, недоставало сувенирной продукции с омской тематикой: всего на одном лотке продавались кружки, тарелки, подушки с изображением видов Омска (Успенского собора, драмтеатра, скульптур Любочки и Степаныча).

Городская выставка «Флора» является традиционным, наиболее массовым, но не единственным мероприятием подобного рода в День рождения города: в конце июля – начале августа во всех административных округах Омска прошли свои выставки зеленого строительства, городской смотр-конкурс «На лучшее благоустройство, озеленение территории и лучшее содержание жилищного фонда», торжественное открытие сада «Сибирь», а также общественные праздники микрорайонов и дворов под лозунгом «Город, в котором я хочу жить!» в рамках городского проекта «На пикник с любимыми». Всего в праздничных мероприятиях было задействовано 2,5 тыс. участников, 150 музыкальных коллективов, написано 52 сценария и сформировано 10 режиссерских групп⁴. Если в прошлые годы мэрия приглашала для участия в концертных программах популярных звезд российской эстрады (А. Малинина, Ф. Киркорова, Н. Баскова, О. Газманова, ансамбль «Золотое кольцо»), то в 2013 г. была сделана ставка на собственные силы с привлечением коллективов Омской области.

Праздничные мероприятия охватывали все сферы жизнедеятельности омичей: культурную, спортивную, этническую, социальную. В число социокультурных мероприятий вошлитакое, как: вручение ежегодной литературной молодежной премии им. Ф. М. Достоевского, торжественное открытие Доски почета центрального округа, торжественная церемония вручения сертификатов о занесении на Галерею Почета деятелей культуры и искусства бюджетных учреждений культуры Омска, прием мэром Омска ветеранов и лучших работников торговли, уличная фотовыставка «Омск в моем сердце: на пути к 300-летию», IX выставка-конкурс омских художников, дизайнеров, фотохудожников, архитекторов «Мой город. Город-сад. 297/300» (В Доме художников), фестиваль молодежных культур «Городская поляна», автопробег под девизом «Омск – город добрых людей».

Для семей с детьми были организованы ежегодный городской детский праздник «Детство – это я и ты!», фестиваль-сюита

«Планета детства» (фестиваль воздушных шаров, фестиваль мороженого, фестиваль детского творчества «Омский музыкальный Олимп»), парад близнецов, парад детского авто- и мототранспорта «Мое первое авто»), конкурс рисунков на асфальте на тему «Любимый город – красивый город», семейный праздник «В любви и верности», праздник библиотек «Книжный заповедник», благотворительные акции «Теплоход радости» (катание по Иртышу детей из малообеспеченных и многодетных семей) и «Спешите делать добро» (вручение подарков детям из малообеспеченных семей).

Свои физические и интеллектуальные способности омичи смогли проявить на фестивале «Сибирь спортивная» (соревнования по ВМХ-фристайлу, ВМХ-триалу, показательные выступления представителей паркура и воркаута), соревнованиях по шахматам и стритболу, ежегодном турнире «Самый сильный человек города Омска», Первых международных соревнованиях по лыжероллерам, традиционных соревнованиях по спортивному лову рыбы, массовой зарядке на Иртышской набережной. Все эти мероприятия завершились торжественной закладкой и открытием Аллеи спортсменов.

В Омской крепости прошло представление об историческом прошлом Омска, а в Парке 30-летия ВЛКСМ – праздник национальных культур «Под общим небом» с развернувшимися среди берез национальными площадками, представившими этнические костюмы, утварь, обрядовые блюда разных народов.

Новшество, вызвавшее небывалый отклик омичей – проект «Семейная набережная: Омск – в книгу рекордов Гиннеса», стартовавший на Иртышской набережной, где собравшиеся смогли увидеть самую длинную фату невесты (3 686 м), которую транспортировал самый длинный свадебный кортеж (30 лимузинов), что было официально зафиксировано в Книге рекордов Гиннеса.

Грандиозное лазерное 3d-шоу, представившее посредством новых технологий прошлое, настоящее и будущее Омска (сцены основания города и строительства кадетского корпуса, образы Петра I и Бухгольца, яхту «Сибирь» и метромост, планируемые строительные объекты), и яркий вечерний фейерверк стали достойным завершением праздничных мероприятий.

В праздновании Дня города можно выделить большую группу традиционных форм: международный марафон, выставку

«Флора», смотр-конкурс на лучшее благоустройство, молодежный фестиваль «Щит Сибири», ярмарку ремесел, выставку-конкурс омских художников, театрализованный парад, автомобильное шоу, праздник национальных культур, фейерверк, концерты и народное гуляние. Появление новаций зависит от юбилейных исторических и культурных событий того или иного года, развития новых технологий, видов спортивных состязаний, проявлений моды, социально-политических, экономических и глобализационных процессов. Особенностями праздника «День города» является отсутствие сакральных мотивов, большая роль эмоционально-развлекательной и торжественно-официальной части праздника, определяющее значение анимации и организации мероприятий профессионалами.

Мероприятия Дня города рассчитаны на все социальные и половозрастные слои населения, в них удовлетворяются эстетические, этические, нравственно-психологические, экологические, творческо-созидательные, компенсаторные, информационно-познавательные и коммуникационные потребности жителя мегаполиса. День города является способом совместного времяпрепровождения, социализации и формирования различных видов идентичности – региональной, этнической, социальной, культурной, групповой, профессиональной. Проводимые мероприятия способствуют профилактике межнациональных конфликтов, взаимообогащению культур, формируя чувство сопричастности и принадлежности к единому пространству омской культуры.

В. А. МОСКВИНА

Омск, Омский государственный педагогический университет

СПЕЦИФИКА БЫТОВАНИЯ ЗАГОВОРНО- ЗАКЛИНАТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Заговоры – один из архаических жанров, продолжающий активно бытовать в современных условиях, в том числе и в городском пространстве. При этом заговорно-заклинательная традиция в городе приобрела существенные отличия от сельской. В де-

ревне, несмотря на процесс урбанизации, заговоры в основном сохраняют свои определяющие признаки, в городе же происходит их размывание. Рассмотрим эти изменения.

Как отмечал в начале XX в. Н. Ф. Познанский, характерная черта заговоров заключается в психологии знахаря и его пациента¹. В городе можно выделить три типа носителей заговоров: традиционный знахарь, обычный человек и маг-целитель. Традиционный знахарь – выходец из деревни, воспринявший заговоры естественным путем и перенесший их в новые условия. На селе знахарь – фигура известная, признанная общиной, обращение к нему если не обыденное дело, то, во всяком случае, привычное: односельчане забегают к знахарю мимоходом за какой-либо надобностью. Во время экспедиционных выездов свидетелем подобных случаев мне приходилось быть неоднократно.

В измененных условиях жизни фигура знахаря становится более закрытой, он не афиширует широко свое искусство, о нем обычно узнают через знакомых, о приеме договариваются заранее, к визиту готовятся. При этом знахарь придерживается традиционных правил общения со своими «клиентами». Считается, что нельзя требовать плату за проведение заговорного обряда, но отблагодарить знахаря непременно нужно. О том, как можно отблагодарить знахаря обычно сообщает рекомендовавший его человек.

В городской среде меняется репертуар знахаря: из всех функционально-тематических групп заговоров в естественном бытовании сохраняются лечебные, любовные и обереги. Другие группы перемещаются в пассивный фонд. Также происходит приспособление ритуальных текстов к новым бытовым условиям. Например, печь как атрибут заговорного обряда может быть заменена на другой источник огня: спички, свечу, сигарету и т. п. Прежние названия болезней меняются на современные.

С конца 1980-х гг. в нашей стране наблюдается повышенный интерес к народной магии, колдовству, особое доверие к магическому слову. Это характерно для всех слоев населения, для людей всех возрастов, имеющих разные специальности и разный уровень образования. Обычные люди с помощью заговоров сами пытаются улучшить жизнь. Их репертуар составляют в основном письменные тексты из различных источников. Во-первых, записи устных заговоров, сделанные от знающих людей; во-вторых, запи-

си из семейного архива, передающиеся из поколения в поколение; в-третьих, скопированные тексты из печатных изданий; в-четвертых, сами печатные издания или вырезки из них. Используются эти материалы по-разному. Их бережное хранение может восприниматься владельцем как залог благополучия в доме. В случае надобности отдельные заговоры читают (наизусть или по бумажке) с подобающими обрядами или переписывают на отдельный листок и носят при себе. Широко распространены среди горожан популярные публикации магических текстов (в деревне к таким изданиям обращаются намного реже).

Маг, целитель, экстрасенс – это тип носителя заговоров, возникший в городском культурном пространстве. В отличие от традиционных знахарей они широко себя рекламируют, свои способности (реальные или вымышленные) позиционируют как дар свыше. Анализ активизации деятельности таких «эзотерических специалистов» был сделан в статье О. Паченкова «Рациональное “заколдовывание мира”»: современные российские “маги”», который пришел к выводу, что названный процесс стал ответом на разрушение советской идеологии: массовой дезориентации необходимо было противопоставить новую картину мира². Такой мир формируется в первую очередь в городской культуре, так как в деревне остаются актуальными традиционные представления о заговорах и их носителях. Хотя сегодня нельзя провести четкой границы между традиционными и новыми представлениями.

Приведем несколько примеров из личного архива, характеризующих место заговорно-заклинательной традиции в городе. Противопоставление знахаря и врача как представителей разных культурных пластов лежит в основе устойчивого мотива: врачи или не могут помочь, или усугубляют своим лечением болезнь. Мною записано множество рассказов об исцелении детей от грыжи, испуга, сглаза, заикания знахарками на фоне бессилия врачей.

Отношение представителей официальной медицины к заговорам неоднозначно – от резкого неприятия до использования их как альтернативной методики лечения. В одном из рассказов, датированном 1985 г., интересна позиция врача, который, определив у ребенка врожденный вывих бедра, посоветовал обратиться к знахарке и дал ее адрес. Врач-психиатр занималась частной

практикой в одном из омских центров нетрадиционной медицины. Она лечила с помощью контактного и бесконтактного массажа по методу Джуны. В 1993 г. я побывала на ее сеансах, во время которых она шептала заговоры, хотя чаще всего делала это в тайне от пациента, объясняя тем, что не каждый одобряет и принимает заговоры. Тексты заговоров, которыми она пользовалась, были отпечатаны на пишущей машинке, листы соединены канцелярской скрепкой, довольно потрепаны, что свидетельствовало о частом обращении к ним.

Примеров, доказывающих сколь велика среди горожан вера в заговорную силу, достаточно много. Из печатных источников и от респондентов можно также узнать, что люди, совершенно не верящие в знахарское лечение, но уже отчаявшиеся избавиться от недуга, выздоравливают после произнесения над ними заговора.

Именно в городе зародилась традиция школьных и студенческих заговоров (например, перед экзаменом надо помахать зачетной книжкой в форточку и сказать: «Халява, приди!»). Чтобы приворожить парня, закуривают сигарету и обращаются к дыму, который должен унести любовь и тоску предмету воздыхания. Как видим, это типичный сюжет присушки, варианты которого достаточно широко распространены в разных регионах России.

Многие заговоры, особенно из студенческой или школьной среды, часто звучат комично, над ними подсмеиваются, но все равно произносят, на всякий случай. Например:

Икота, икота,
Перейди на Федота,
С Федота на Якова,
С Якова на всякого.
Или заговор от черной кошки:
ТЬфу, тьфу, тьфу три раза –
Не моя зараза,
Не папина, не мамина,
Не всей моей родни.

Таким образом, с одной стороны, заговорная традиция в городе сохраняет исконные черты, с другой – активно приспосабливается к городскому пространству. Во многом на бытование заговоров в городе влияет личность его носителя, в отличие от

села, где жизнь того или иного фольклорного явления определяется, в первую очередь, традицией.

---

¹ Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. – М., 1995. (Репринт издания 1917 г.). – С. 101.

² Паченков О. Рациональное «заколдовывание мира»: современные российские «маги». – URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_patch.htm

А. В. УВАРОВСКАЯ

Омск, Омский государственный педагогический университет

СЛАВЯНСКИЙ ОБЕРЕГ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время среди молодежи резко активизировался интерес к славянской культуре и мифологии с их конкретными материальными атрибутами. При этом у данной группы населения практически отсутствуют знания об истинной славянской традиции. К тому же увлекающиеся славянской мифологией подростки зачастую обращаются к не заслуживающим никакого доверия источникам типа сайтов различных неоязыческих сект и движений. Витрины современных сувенирных лавок буквально ломятся от обилия псевдославянских амулетов, талисманов и оберегов, и такая продукция имеет большой спрос у названной аудитории. При этом, как показало наше исследование ассортимента подобных изделий, среди них преобладают свастические символы, что не может не наводить на определенные мысли, учитывая сложившееся в XX в. значение свастики.

Мы не будем отрицать тот факт, что в русской народной орнаментике свастика просуществовала практически до конца XIX в.¹, однако истинная семантика этого символа в корне отличается от донельзя извращенных интерпретаций, которые обычно прилагаются к вышеописанным товарам.

А. Голан, исследуя происхождение и значение свастики, пришел к следующим заключениям. Неолитическая свастика является соответствием неолитического креста, благодаря чему ее следует интерпретировать как эмблему бога земли. Свастику часто изображали на дне сосудов, из чего позволительно заключить, что она была символом «низа». Соотнесенность с подземным хто-

ническим божеством обусловила символику плодородия, заключенную в этом знаке. Также свастика как символ земли обозначает четыре стороны света.

Свастика с закругленными ветвями или ее модификация с тройным загибом концов, характерная для средневековой России, представляет собой символ земли с добавленными четырьмя растительными элементами². То есть в подобных случаях магической функцией свастики было, по-видимому, обеспечение плодородия полей. Протяженность существования таких свастик во времени свидетельствует, на наш взгляд, о сохранении осколков неолитических представлений о смысле свастики как магического знака. Но начиная с бронзового века семантика свастики коренным образом трансформируется, и мы полагаем, что отголоски прежних неолитических верований относительно свастики продолжили существование, наложившись на новый семантический спектр. Архаические материалы эпохи бронзы показывают, что свастика была стилизованным изображением птицы, об этом говорят и древнеиндийские тексты. Птицей же представлялось солнце, отсюда формируется солярная семантика знака, таким образом обозначавшего годовое движение светила³. Необходимо отметить, что в русской традиции правонаправленная свастика обозначает движение по солнцу и как следствие – добро; левонаправленный символ обладает противоположным значением³.

Очень любопытная интерпретация свастики предлагается в энциклопедии символов В. Бауэра. Здесь со ссылкой на работу психоаналитика В. Райха, вышедшую в 1933 г., излагается следующее: «Она действует на подсознательные эмоции наблюдателя. Свастика – не что иное, как изображение обвившихся друг вокруг друга людей. <...> Одна линия означает половой акт в горизонтальном, другая – в вертикальном положении. Можно предположить, что этот символ будоражит скрытые от нас самих струны...»⁴.

Существующие в наши дни обереги и амулеты, послужившие поводом для написания настоящей статьи, далеко не всегда оказываются снабженными каким-либо объяснением собственно их смысла, а также и осуществляемой ими магической функции. Если же объяснение при амулете есть, оно далеко не всегда соответствует истине. Приведем пример такой интерпретации. «Славянская свастика – это основной солярный символ

наших предков. Первые ее изображения появились в Древней Руси много веков назад. Они обозначают Солнце и получаемые от него энергии. Поэтому обереги с таким изображением дают человеку божественную защиту от врагов, болезней и неприятностей. Само слово “свастика” значение имеет положительное. Для этого достаточно сравнить его с однокоренными старославянскими словами: «сварга» обозначает небесный божественный мир, а Сварог – один из сильнейших богов в пантеоне славян. У славянской свастики есть и другое название – “Солнцеворот” или “Коловрат”. В дословном переводе “коло” – это колесо, именно так наши предки называли Солнце.

Определить тип оберега поможет направление верхнего луча. Если он направлен вправо, то свастика совершает правостороннее движение. Луч, повернутый влево, указывает на левостороннюю свастику. В зависимости от направления движения оберег дарит жизненную энергию (левосторонний) или обращает человека к миру Богов и предков (правосторонний). Поэтому и право-, и левосторонняя свастика – символ с позитивным значением. Эти славянские обереги зачастую использовались вместе, символизируя естественное течение жизни в мирах живых и мертвых.

Знак свастики может иметь разное строение. Это не только четыре луча, оснащенные загнутыми концами. Их может быть восемь и даже больше – каждая разновидность имеет определенное значение. Например, Коловрат обозначает вечную победу Света и Солнца над Тьмой и Смертью. Духовная Свастика предназначалась специально для Кудесников, обозначала гармоничное развитие личности и помогала управлять природными стихиями. Дуния символизировала единство Небесного и Земного Живого огня и помогала сохранять единство рода⁵.

Как видно из данного текста, продавцы магических товаров сохраняют из традиционной символики свастики только ее солярный аспект, интерпретируемый ими более чем вольно, кроме того, они утрируют ее форму. Так ими создается множество новейших свастикаподобных фигур, каждая из которых обещает различные виды магической защиты. Перейдем к рассмотрению конкретных оберегов и амулетов. Шесть из семи свастик, представленных на сайте, откуда была взята процитированная интерпретация, – левонаправленные, в традиционной русской культуре

они символизировали злое начало, спаенное с обратным ходом солнца, и, следовательно, никак не могли служить оберегом. Всего нами было рассмотрено 35 свастик с трех различных сайтов, где предлагается их приобрести. Суммируя наши наблюдения, отметим только самые существенные черты, которые демонстрируют не преемственность культурной традиции, а отход от нее. Количество лучей – от трех до восьми. Направление поворота лучей произвольно даже у символов с одинаковым названием. Например, так называемый «символ рода» в трех случаях представлен с закругленными сторонами, в одном – в идее классической свастики, но с побочными углообразными линиями, т. е. один амулет сочетает в себе две разнонаправленные свастики, что никак не согласуется с истинной семантикой символа. «Свечоточ/Свитовит» является наложением разнонаправленных четырех- и восьмилучевой свастик. Так называемый «колловрат» может быть направлен в обе стороны, а «колядник» является тем же колловратом, вписанным в круг.

Итак, современные «славянские» свастические обереги являются всего лишь хорошо продаваемым продуктом и не имеют практически никакой связи с истинной славянской традицией. Популярность и широкая внедряемость именно свастикоподобных символов позволяет заподозрить под этим неонацистскую агитацию, прикрывающуюся любовью к родной культуре.

---

¹ Голан А. Миф и символ. – М., 1994. – С. 120.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 122.

⁴ Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. – М., 1995. – С. 38–39.

⁵ <http://www.slavabogam.ru/svastika.html>

⁶ <http://sun-gates.ru/store/93>

⁷ <http://magic-kniga.ru/shop/category/10266.html?a=16865>

ВЛАСТЬ, БИЗНЕС И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА

О. Г. СЕВАН

Москва, Российский институт культурологии

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТНЕРСТВ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Один из вопросов, на который пытаются найти ответ в современной России, – каким образом активизировать социокультурную и управленческую самоорганизацию жителей городов, разного типа поселений и регионов. Такие попытки очевидны по многим территориям страны, что можно наблюдать в ряде сельских мест и городов России¹. Одним из успешных примеров такого типа деятельности становится организация партнерств под определенные задачи, которые решаются на территории². Партнерство – это организационная форма, обеспечивающая условия для сотрудничества и объединения ресурсов различных общественных секторов для решения задач в рамках программ и проектов развития поселений, городов и регионов, организуемая по разным основаниям, с разными целями и условиями существования, с учетом местных особенностей, становящаяся существенным элементом начала различных инновационных процессов на определенной территории, в том числе и в сфере культуры.

Опыт, имеющийся в европейских странах, заслуживает внимания. Он демонстрирует политическую самостоятельность локальных сообществ, выявляет необычайную изобретательность жителей, когда им надо выжить и защитить себя и свою культуру в условиях недостаточности природных и других ресурсов. Невозможно калькировать европейские модели на нашу ситуацию, которая отличается по многим показателям: отсутствие лидирующего слоя населения – среднего класса, элиты, которая бы задавала образцы поведения и работоспособности; неумение сообществом структурировать цели и задачи, этапы работы; отсутствие

специальных социально-экономических и культурных программ, способных надолго объединить население на территории проживания. Наконец, отсутствие лидеров, продвигающих программы и проекты сохранения и развития, как и неумение сообществ объединяться для их решения, тормоз в этом движении.

Примеры ряда стран, находящихся в климатически близких к России условиях (Швеция, Финляндия и др.), представляют интерес в плане организации местных сообществ с целью их выживания, развития культуры и сохранения среды обитания. Исследователи говорят, что «если осуществляется программа развития потенциала сельских регионов, то необходимо привлечение местного и регионального руководства, других общественных, местных и региональных, экономически заинтересованных групп на этапе уже выявления проблем и приоритетов, что уменьшит количество ошибок, которые неминуемо возникнут при попытке планирования извне»³. В этой связи можно представить потенциальных членов местного партнерства (Рис. 1).

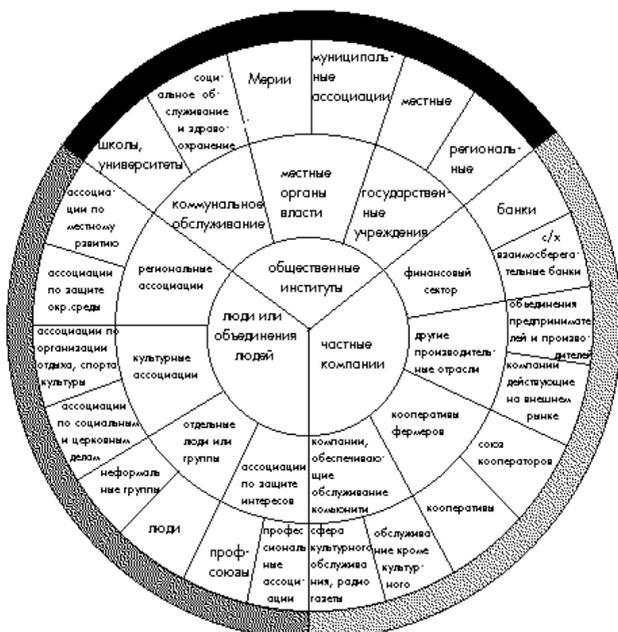

Рис. 1 Схема потенциальных членов местного партнерства

Сегодня в европейских странах очевидно движение в развитии партнерств в сторону решения не единичных проблем, а их комплексных, межотраслевых подходов. При этом выделяются два основных их типа – в сфере управления и в сфере координации. В большей части многие партнерства, ориентированные на реализацию локальной политики, имеют открытый характер, добиваясь демократического правления как внутри собственной структуры, так и во вне. Важны взаимоотношения с другими организациями, властями или партнерствами.

Модели организации местных партнерств, приводимых из Австрии, Италии, Португалии, Северной Ирландии, Франции, Швеции, и весьма разнообразны и зависят от условий местности (социально-экономических, географических, историко-культурных и пр.), а также от современных проблем, стоящих на определенной территории, необходимости и заинтересованности различных сторон участия. Это могут быть: добровольные объединения различных местных групп в одной ассоциации; в основании могут быть активные местные жители или малые местные группы, заменяющие отсутствующие общественные организации; фермеры, организующиеся в партнерства, расширяя круг заинтересованных экономических структур; возможны объединения частных и общественных структур и т. д.

При этом ряд примеров, в частности из Швеции или Португалии, демонстрируют партнерства, где «отсутствуют инициативы», имеется своеобразный «социальный вакуум» в далеких от городов местностях. Здесь очевидно старение населения или результат диктаторского режима, который в прошлом разрушил социокультурные связи как между различными группами населения, так и внутри их самих⁴.

Кроме того, для создания любого локального партнерства необходимо исполнение следующих условий: реализм и прагматизм целей и задач; актуальность, соответствие местным условиям, а также согласие объединяющихся членов и доверие между ними. Но для дальнейшего существования партнерства, его развития требуется значительно больше условий, энергии и умения осваиваться и приспосабливаться к новым ситуациям, искать пути решения возникающих разногласий (как личных, так и групповых). В этом смысле политика «малых дел» и признание значения

и роли отдельных личностей в партнерстве оказываются весьма продуктивными и реальными для стабильного его совершенствования. Важно концентрировать ресурсы, в том числе и финансовые, и в этой связи необходимым становится осознание необходимости координации процесса развития на территории, поиска фондов, развития новых функций, в том числе в сфере культуры.

Очевидно, что на пути становления и развития партнерства имеются трудности и напряженности, которые также необходимо отслеживать и решать, чему уделяется внимание исследователей этого вопроса. Участие местного населения в партнерствах разного типа становится необходимым условием их реального функционирования. И по мере усвершенствования они принимают на себя функции законодательной и исполнительной власти. В этой связи необходимым становится разграничение полномочий с местными органами власти, что является гарантией функционирования местной демократии – основы развивающегося партнерства. Необходимым становится узаконивание их полномочий, определение их функций в процессе разработки и реализации программ и проектов развития и формирование нового типа взаимоотношений для расширения участия, ответственности и эффективности органов управления и законодательной власти, что является актуальной задачей в современном европейском обществе.

Таким образом, проблемы участия населения и партнерства заслуживают серьезного рассмотрения. Анализ материалов зарубежных специалистов дает возможность его использования в проектировании и в практической работе в городах и в сельской местности нашей страны. Однако такого типа деятельность требует привлечения проектировщиков и консультантов, владеющих специальными знаниями и организационными технологиями. Им, в свою очередь, необходимо знать местные особенности населения, традиции, инновации и в целом местную культуру. Очевидно, что организация участия населения и партнерства – это длительный процесс, в который должны быть вовлечены не только местные жители, но и управленцы, бизнес-структуры и общественные организации. Только при таком объединении можно достичь положительных результатов, удовлетворяющих все заинтересованные стороны для улучшения жизненного уровня, благополучия и качества жизни разных социальных групп населения.

Современная реформа местного самоуправления в контексте рассматриваемых вопросов, а также влияние различных законов и постановлений (Градостроительный кодекс, Лесной кодекс и пр.) становятся важными составляющими изменения не только административных структур, но и основных территориальных субъектов. Исследования конкретных городов и сельских поселений на основе библиографии, интернет-ресурсов, а также в процессе анализа территорий (case-study) по регионам страны позволяют понять складывающуюся на сегодня реальную ситуацию. Методы участия населения в такой деятельности, как и организация партнерств, оказывается важным аспектом в этой деятельности. Удачные примеры разных типов городов – в Сибири Томска, Иркутска, Коломны в Московской области (рис. 2), а также Мариинского Посада в Чувашии⁵, как и в сельских местах, например в Кенозерском национальном парке демонстрируют поиски и различные подходы к организации партнерств для решения имеющихся проблем.

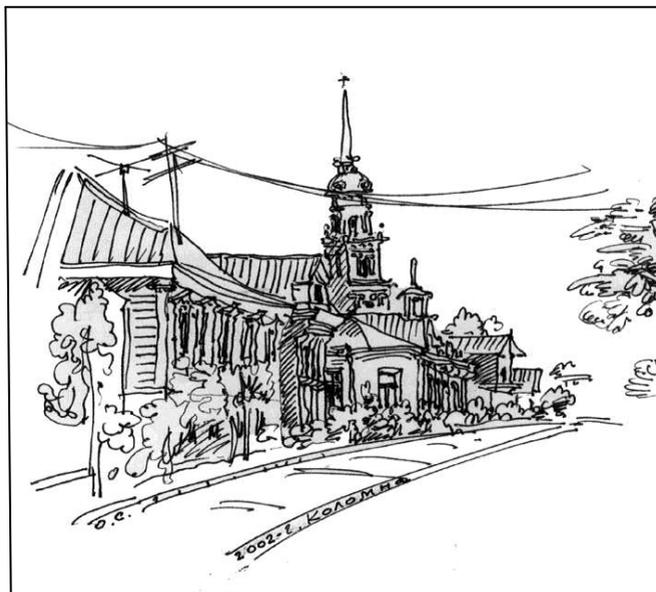

Рис. 2. Коломна, Московская область. Ольга Севан. 2002

---

¹ Социальное участие при разработке и реализации программ развития / отв. ред. О. Севан, Т. Дридзе. – М., 2000 .

² Садков В. С. Из опыта возрождения сельской общины // Кенозерские чтения – 2005. Культура как значимый фактор сохранения и развития природно-исторической территории и духовного мира Кенозерья. – Архангельск, 2007. – С. 176–194; Егорова Г. А. Опыт работы Территориального Общественного Самоуправления – ТОС «Надежда» на территории Коношского района // Кенозерские чтения – 2005. Культура как значимый фактор... – С. 195–201.

³ Джоан Эсби. Участие населения и устойчивое сельское развитие // Европейский опыт разработок и реализации программ развития сельских территорий и малых городов. – М., 2001. – С. 68–90

⁴ Организация местных (локальных) партнерств (Проект: Инновация в сельской местности / LEADER European Observatory) // Европейский опыт разработок и реализации программ развития сельских территорий и малых городов. – М., 2001. – С. 22–67.

⁵ Севан О. Г. Исследования и социокультурное проектирование исторических поселений России. Участие населения и организация партнерств // Социокультурный анализ и развитие территорий России: проблемы и решения. – М., 2012. – С. 71–.

Б. А. КОНИКОВ

Омск, Радиозавод им. А. С. Попова (Релеро)

ПАРТНЕРСТВО БИЗНЕСА И КУЛЬТУРЫ – ОДНА СОСТАВЛЯЮЩИХ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере деятельности «Радиозавода имени А. С. Попова)

В современной России продолжает остро стоять вопрос о качественном обновлении политики, основной задачей которого остается формирование доступной культурной среды для ее граждан. Сдвиги, и сдвиги в положительном направлении, уже есть: российское общество, на мой взгляд, отодвинулось от той черты бездуховной пропасти, к которой оно подвинулось в 90-е гг. XX в. Однако понятно и то, что придется приложить огромные усилия и применить нестандартные подходы, чтобы позитивные сдвиги приобрели необратимый характер.

Одним из рецептов культурного оживления и обновления может стать партнерство представителей просвещенного бизнеса

и культуры. О целительной силе подобного союза написано не-обозримое количество монографий, статей, этому посвящены ты-сячи полос журналов и газет. Тем не менее широкое развитие та-кое партнерство не получило еще своей «прописки». Причин тому немало. Есть объективные, изученные и изложенные в специаль-ных работах, есть субъективные, в частности, нежеланием пред-ставителей исполнительной власти выстраивать доверительные и взаимовыгодные отношения с бизнесом, потенциально готовым вступить в партнерские отношения с учреждениями культуры. Между тем как уже имеющиеся положительные примеры, так и недавний опыт, полученный в ходе празднования 95-летия со времени открытия «Омской стоянки» показывают, в каком направлении следует выстраивать это партнерство¹.

«Омская стоянка» была открыта в черте Омска в 1918 г. С. А. Ковлером. С 2008 г. на этот памятник Федерального значения ОАО «Омское производственное объединение “Радиозавод им. А. С. Попова (Релеро)”» получено охрannое свидетельство. С этого года здесь ведутся научно-исследовательские работы.

Цель настоящего сообщения – показать результаты куль-турного, а также научного сотрудничества в процессе реализации группы мероприятий, посвященных юбилейным торжествам.

В 2012 г., за год до юбилея, руководство «Радиозавода им. А. С. Попова» приняло решения вступить в партнерские отноше-ния с научными, учебными и культурными учреждениями. Была разработана масштабная программа, включавшая, в частности, проведение на современном уровне полевых исследований памят-ника. Был заключен партнерский договор с некоммерческой об-щественной организацией «Сибирика». Предполагалось привле-чение к работам, помимо археологов, специалистов смежных об-ластей знаний. Исследованиями была затронута площадь в 100 кв. м; было заложено два близко расположенных раскопа. Впервые за 95-летнюю историю удалось выйти на культурные слои эпохи бронзы, находившиеся в первозданном состоянии. Прежние арте-факты, как правило, встречались в переотложенном состоянии. Работы 2013 г. оказались достойными юбилейной даты: был об-наружен костяной панцирь одиновско-кротовского времени (ко-нец III тыс. до н. э.), уникальный предмет защитного вооружения, дошедший до наших дней почти в полном виде. После его рестав-

рации и консервации этот артефакт станет частью музейной экспозиции.

В рамках экспедиционной работы (август 2013 г.) на «Омской стоянке» прошла Международная полевая археологическая школа, которая позволила свести под одной крышей авторитетных ученых из Москвы, Томска, Тюмени, Петропавловска (Республика Казахстан), а также аспирантов из разных городов России и Казахстана. Реализация этой части программы стала результатом партнерства «Радиозавода им. А. С. Попова», Института археологии РАН, музея археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ).

В Парадном зале Омского областного музея изобразительных искусств (ООМИИ) им. М. А. Врубеля 17 октября 2013 г. открылась Международная научная конференция «Творчество в археологическом и этнографическом измерении». В конференции приняло участие свыше 50 докладчиков из разных городов России (от Владивостока до Санкт-Петербурга) и девяти стран, включая Россию. К началу ее работы был издан сборник материалов, представленных ее участниками, это свыше 80 докладов по актуальным проблемам археологии, этнографии, антропологии, музееведения и т. д.² Конференция прошла организованно, ее участники единодушно отметили ее высокий научный статус. Подготовка и проведение конференции стало результатом партнерских отношений между «Радиозаводом им. А. С. Попова» и Омским филиалом Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (председатель оргкомитета – академик А. П. Деревянко).

В этот же день, 17 октября, состоялось открытие крупномасштабной выставки «Нарядов наших краше нет» из собрания Российского этнографического музея в Парадном зале ООМИИ им. М. А. Врубеля³. Вниманию омского зрителя была представлена коллекция традиционных костюмов народов Западной Сибири, как выходцев из Европейской России, так и коренных народов края. Впервые в Омске выставил свои шедевры крупнейший этнографический музей не только России, но и мира.

В этот день несколько позднее, состоялось открытие еще одной крупномасштабной выставки в Омском государственном историко-краеведческом музее, где в одном из залов была развернута экспозиция, посвященная эпохе раннего железного века, или,

иными словами, «героической эпохе» в истории человечества. Эта археологическая эпоха хронологически совпадает с «осевым временем» – понятием, введенным немецким философом К. Ясперсом, когда на смену мифологическому мышлению приходит тот тип мышления, что господствует и ныне. Поэтому для экспозиции были отобраны экспонаты из знаменитых культур раннего железного века – пазырыкской, таштыкской, тагарской, саргатской и карымской. Второй зал музея был посвящен юбилею – «Омской стоянке». Впервые в истории ее бытования показана немалая, но далеко не вся коллекция, характеризующая этот замечательный памятник историко-культурного наследия нашей страны. В осуществлении этого проекта в партнерские отношения вступили «Радиозавод им. А. С. Попова», Государственный исторический музей (Москва), Музей истории и культуры Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения РАН (Новосибирск), музеи археологии и этнографии ОмГПУ и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

На открытии выставки состоялась презентация альбома «Омская стоянка». В его подготовке приняла участие группа ученых, искусствоведов, дизайнеров омских музеев, что позволило создать богатое визуальное представление о части коллекции памятника⁴. Альбом содержит вступительные слова академика РАН, лауреата Государственной премии РФ в области науки и технологии В. И. Молодина, генерального директора «Радиозавода им. А. С. Попова» И. В. Полякова, директора Омского государственного историко-краеведческого музея П. П. Вибе. Отличительная особенность альбома – большое количество иллюстраций с артефактами, что позволяет получить полное визуальное представление об этом памятнике и его коллекции.

Таким образом, соединение усилий бизнеса и государственных учреждений культуры позволило достойно представить омскому зрителю череду мероприятий, раскрывающих научный и историко-культурный потенциал отечественной науки, высших учебных заведений и культуры.

---

¹ Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Программа конференции. – Омск, 2013.

² Творчество в археологическом и этнографическом измерении. – Омск, 2013.

³ Нарядов наших краше нет. Традиционный костюм народов Западной Сибири из собрания Российского этнографического музея. – СПб., 2013.

⁴ Омская стоянка. 95 лет в поисках тысячелетий. Презентация коллекции. – Омск, 2013.

Е. А. ДЕГАЛЬЦЕВА

Бийск, Бийский технологический институт

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ XIX ВЕКА

Отсутствие политического общества в самодержавной России закрывало нишу для самовыражения у многих активных людей. В провинции выходом для них стала деятельность в различных общественных организациях. Назначение гражданского общества вообще заключается в обозначении интересов населения (чаще в рамках общественных организаций) и донесения их до власти. В дореволюционной России многочисленные неполитические общественные организации являлись в этом смысле совершенно безгласными и основная их цель сводилась к межличностному общению на фоне общих интересов. Робкие и зачастую неудачные попытки помочь отдельным категориям граждан или даже государству компенсировались мощным эмоциональным эффектом, получаемым от осознания соучастия, сопричастности полезному делу. Они стали принципиально новым явлением для России и представляли собой самодеятельные, независимые добровольные объединения людей по определенным интересам, действовавшие в рамках своего устава. Общественные инициативы явились формой локальной, ограниченной по целям деятельности, коллективной самоорганизации граждан для взаимопомощи или защиты своих интересов и реализации потребностей.

Множество из существовавших с середины XIX столетия в провинции культурно-просветительных, художественных, профессиональных, национальных, этнических, спортивных, гендерных и религиозных обществ создали тогда внутри себя особую эмоциональную атмосферу, объединявшую своих членов и притя-

гивавшую новых. Подобные организации разного типа вовлекали в свое поле людей с особыми внутренними эмоциональными качествами.

Сибирские общества испытывали постоянные финансовые трудности и держались лишь на энтузиазме преданных сотрудников. Как писала в дневнике о своей общественной работе одна из активных членов Томского общества содействия физическому развитию Н. Веретенникова, «я нашла здесь живую мечту. Здесь можно забыть свое горе и с радостью работать. Здесь луч света в темном царстве»¹.

Именно у основателя и идейного вдохновителя той организации – В. С. Пирусского много лет спустя его ученик и коллега по обществу Н. Н. Бурденко будет просить совета: «Стоит ли предаваться науке или идти к людям с тем, что я имею, идти к ним, слиться с ними и с ними жить, погибая, и погибать с любовью страстной жизни, новой, счастливой, широкой, в которой хватит места всем...»².

Вокруг этого общества сгруппировались самые разные женщины, безвозмездно работавшие, чтобы передать простому народу и его детям свои силы и знания. Особого внимания заслуживает Надежда Ивановна Масалитинова. Она имела возможность уехать в столицу, как и ее старшая сестра Варвара – известная актриса Императорского академического Малого театра, однако после окончания курсов воспитателей и руководителей физического образования П. Ф. Лесгафта в Петербурге вернулась в Томск³. Эта женщина проработала в Обществе содействия физическому развитию более 20 лет. Власти не могли поверить в ее бескорыстие, – все эти годы полицейское управление вело за ней негласный надзор.

Другая активистка этой организации Е. А. Шафрова, в отличие от Н. И. Масалитиновой, была неграмотной, однако она также более 18 лет являлась почетной попечительницей общества. Понимая, как нужен детям спортивный досуг (игровые площадки, летние лагеря), она спонсировала строительство и многие мероприятия организации. После смерти Е. Ф. Шафровой, согласно завещанию, все проценты с ее капитала пошли на содержание детских летних лагерей⁴. В общественной работе эти и многие другие женщины находили себе нишу для самовыражения.

«Такое чувство солидарности во имя идеи, – писал лидер областников Н. М. Ядринцев, – в высшей степени важно, оно заставляет забывать личные счета, личные неприятности, несчастья, оно научает соединяться дружно в лучших стремлениях, научает жертвовать личным благом во имя общественного, т. е. дает простор благородным инстинктам, которые одни доставляют истинные наслаждения и которые одни из жизни делают не пустую игру, не бесцельную скучную канитель, а нечто, что заставляет ценить эту жизнь, а не презирать ее»⁵.

Относительно этого периода можно говорить о конструкции региональной (городской) и социокультурной идентичности на основе эмоций в разных обществах. Эта идентификация шла, ломая сословные различия, что подтверждает тезис о национальной специфике гражданского общества в России и его наличии в тот период. Всесословные общественные организации стали той дверью, которая сделала социальную иерархию открытой. Через совместную деятельность в рассматриваемых формированиях постепенно преодолевались перегородки, ранее созданные собственностью, социальной средой, положением в обществе, возрастом, полом, родом деятельности и политическими пристрастиями. Уже в начале XX в. общества стали доступны для всех социальных слоев. Общественные организации поддерживали *иллюзию* равенства этих возможностей.

Создание самых разных типов сообществ стало ответом на наступление безличного, рационального мира. Формирующийся капитализм нес в себе унифицирующее влияние, и общественные организации создавались в условиях, когда человеческие общности искали защиты от этого безличного, рационального мира. Таким образом, они стали своеобразной реакцией на капитализм. Представители самых разных ступеней социальной лестницы, все они выбрали схожую социальную роль, адаптируясь в новых для себя условиях, путем разносторонних контактов пытались изменить положение, существовавшее в той сфере деятельности, которой они посвятили жизнь.

В это время постепенно шла выработка жизненных стандартов, когда участие в деятельности какой-либо организации становилось необходимой нормой поведения успешного горожанина. Такое членство (принадлежность) способствовало повышению ста-

туса, в том числе и через складывавшуюся систему межличностных отношений, поскольку профессиональная представленность в общественных организациях была достаточно широкой.

Изучаемые формирования согласно психологическому подходу относятся к открытым группам. В рамках организации каждый имел право на инициативу, однако все вместе открыто обсуждали вопросы. Главным для большинства членов являлось *общее дело*. Периодически и свободно на общих собраниях происходила смена руководителя и руководящих органов. Атмосфере подобных встреч чаще всего были присущи эмоциональная открытость, неформальное общение людей самого разного ранга, искренняя забота об общем деле. Однако нельзя игнорировать и другой фактор мотивации – корпоративность. Она в рамках добровольческого сектора в дореволюционной России была связана с *совместной* деятельностью, направленной на решение самых разных задач. Удовлетворяя максимально себя в плане общения, выстраивания личных связей, создания определенного имиджа (себе или фирме), в конечном итоге члены формирований пытались реализовать и общие поставленные организацией цели.

Особенности жизни организации:

- соблюдение формальных уставных правил,
- демократизация в принятии решений,
- выборность и открытость,
- филантропия и взаимопомощь.

Все это сообщало людям чувство причастности, помогало человеку найти свое место, делало его личностью, самобытной в профессиональном, региональном, конфессиональном и даже национально-этническом смысле (например, отделы Общества для распространения просвещения между евреями в России, Латышский кружок самообразования в Новониколаевске, различные организации поляков и др.). В тяжелые периоды члены организации могли рассчитывать на моральную и материальную поддержку.

В процессе участия в жизни формирования у людей появлялось чувство солидарности, организационной принадлежности. Общество нередко служило для активных его членов смыслом жизни, стержнем их образа жизни, который полностью удовле-

творял их, позволяя осуществлять эту совместную деятельность. Такой социальный мир включает в себя значимые для людей события, и именно общественные организации стали их генераторами. Они же в условиях малочисленности социально активных людей, задействованных сразу в нескольких формированиях, были скреплены неформальными или установленными связями. Поэтому групповой социальный мир хотя и казался разбросанным и аморфным, тем не менее играл большую роль в цементировании социальных отношений. Отчасти поэтому современному сегментированному обществу трудно найти общие точки соприкосновения.

Однако если рассматривать общественные организации в плане институционального сосуществования с государством, то высокая степень централизации власти, вмешательства и контроля позволяет говорить лишь о едва видимых контурах гражданского общества в дореволюционной России. Но, принимая во внимание новые подходы к рассмотрению социальных явлений, которые, будь то процесс или структура, могут быть объяснены действиями и свойствами индивидов, в нем участвующих, нами рассматривается роль общественных организаций и с точки зрения их членов. С этой стороны это был, несомненно, опыт гражданской самодеятельности и противопоставления себя государству в том смысле, что люди пытались восполнить пробелы его социальной, образовательной, досуговой политики. К тому же демократичная, основанная на систематической отчетности и выборности «прозрачная» внутренняя жизнь объединений прививала ее членам основы гражданственности, справедливости, давала и политический эмоциональный заряд.

---

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 508. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

² Журавлева К. И. В. С. Пирусский – врач-новатор, педагог // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 1956. – Т. V. – С. 57.

³ ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

⁴ Пирусский В. С. Памяти отшедших // Здоровье для всех. – Томск, 1916. – № 4. – С. 6.

⁵ Ядринцев Н. М. Научное значение местных музеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1993. – № 2. – С. 5.

О. В. ЧУДАКОВ

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПОЛИТИКА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ В ДЕЛЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (июль 1914 – февраль 1917 года)

В процессе социально-экономического развития Сибири и хозяйственной деятельности органов городского самоуправления благоустраивались городские поселения. Это было связано с изданием закона 2 марта 1910 г., установившего попутный сбор в пользу городов. Например, в Омске в 1914 г. поступило 69 102 р. попутного сбора, из которых на замощение улиц израсходовано 51 772 р.¹ В Кургане взимание попутного сбора с железнодорожных грузов было разрешено царской администрацией в марте 1914 г., но лишь 20 января 1915 г. городская дума приняла решение о возможности приступить в строительный сезон 1915 г. к работам по мощению городских улиц².

Но не все города Сибири имели право на такой сбор. Томская городская дума на заседании отмечала, что «прекращение попутного сбора в Томске слишком сильно отразилось на средствах города, на его замощении и скорейшее введение этого сбора в высшей степени желательно»³. Как следствие – в годы Первой мировой войны состояние улиц в Томске оставалось плохим. Так, например, к началу войны из ста с лишним улиц города было замощено немногим больше 20⁴. Остальные в непогоду превращались в непроезжие.

В Новониколаевске дело благоустройства находилось также в неудовлетворительном состоянии. Наименее благоустроенным был находившийся на самой окраине города Закаменский район. Неоднократные просьбы жителей сделать проезжими улицы этого района оставались неудовлетворенными. В 1915 г. 20 мая городская дума утвердила проект моста через р. Каменку в сумме 10 тыс. р. и начала его строительство, но к середине августа 1916 г. удалось закончить лишь бетонные работы⁵.

В Иркутске огромные средства выделялись на замощение некоторых городских улиц, мостовых, благоустройство и ремонт Амурского и Кругобайкальского трактов⁶. Енисейская городская

управа на заседании отмечала, что «благоустройство города давно в полном пренебрежении; городские постройки разваливаются, набережная Енисея оседает»⁷.

Наиболее сложное положение в плане благоустройства складывалось в небольших городах. В Бийске, например, мощение улиц и тротуаров вообще не производилось, парки были в запущенном состоянии. В Кузнецке благоустройство было в наихудшем состоянии: отсутствовало освещение (даже керосиновое), не было тротуаров, мостовых⁸. В г. Тайга состояние городского хозяйства газета «Сибирская жизнь» характеризовала как «полную разруху»⁹.

Ряд мероприятий по благоустройству, которыми занимались города в довоенное время, с началом войны вообще пришлось отложить до лучших времен; продолжалось только самое необходимое либо те проекты, которые уже были начаты, а отказ от их завершения приводил к крупным потерям. Поэтому в годы Первой мировой войны городские самоуправления в Сибири, по мере своих финансовых возможностей, продолжали достраивать некоторые муниципальные объекты. В частности, в Омске в годы войны был построен городской торговый корпус напротив театра. В 1915 г. за загородной рощей был возведен большой четырехэтажный учебный корпус и несколько жилых домов для сельскохозяйственной и лесной школы и ряд вспомогательных сооружений¹⁰. В Новониколаевске в годы войны строительство почти полностью прекратилось из-за отсутствия кредитов, недостатка рабочих рук и существенной дороговизны строительных материалов. Верхнеудинское городское самоуправление из-за нехватки денежных средств сколько-нибудь крупного строительства общественных зданий не вело, исключением стало лишь строительство в 1916–1917 гг. дома Общественного собрания¹¹.

Еще одним важным направлением в деле благоустройства являлось озеленение городов, особенно тех, вокруг которых не существовало значительных лесных массивов. В довоенное время по площади, занятой садами, выделялись Ачинск (5 % всей городской территории), Тюкалинск (4 %), Иркутск (3 %). В остальных городах на сады приходилось менее 1 % городских земель¹². В Омске, например, пыльные бури, по свидетельству современников, были настоящим «бичом» города. В связи с этим в 1916 г.

городские власти озеленили плац крепости. В том же году отмежевали для устройства новой загородной рощи участок березового леса на западной окраине города¹². В Новониколаевске, напротив, в годы войны не только прекратилось озеленение улиц, но и в связи с недостатком в городе дров вырубалась Закаменская роща¹³. В Красноярске единственный в городе бульвар вдоль берега Енисея находился «в довольно жалком состоянии»¹⁴.

Но не только особенности военного времени требовали больших расходов со стороны органов городского самоуправления. Многие сибирские города ежегодно ощущали на себе последствия природных катаклизмов, таких как, например, весеннее половодье или подтопление городских улиц в результате сильных проливных дождей и др. В Енисейске весной 1915 г. произошло два сильных половодья, которые разрушили набережные постройки, мосты, тротуары и мостики, на две трети был затоплен Красноярск¹⁵. В 1916 г. в Минусинске, Красноярске и Енисейске половодье снова повторилось, в результате чего вода поднялась «без малого на 6 сажень» и были затоплены водой все пристани казенного и частного пароходства¹⁶. Но самое страшное было то, что в Минусинске в результате наводнения был снесен понтонный мост на стоявший ниже его Узуновский мост¹⁷.

Иркутская городская дума на заседании 23 июля 1915 г. приняла решение выделить 15 тыс. р. на исправление поврежденных, причиненных ливнями, прошедшими 4–6 июля 1915 г.¹⁸, на заседании 28 июля дума, рассматривая вопрос о помощи населению Киренского уезда, пострадавшему от наводнения, приняла решение ассигновать на эти цели 1 000 р.¹⁹, а 30 июля в Александровском сквере городской властью были устроены гулянья и лотерея-аллегри в пользу населения, пострадавшего от разлива р. Лены²⁰.

В ходе благоустроительных работ органы городского самоуправления в годы Первой мировой войны столкнулись с проблемой нехватки рабочей силы. Но с прибытием в сибирские города военнопленных эта проблема была частично решена. Например, Курганская городская дума 2 сентября 1914 г. решила воспользоваться трудом 300 военнопленных для приведения в порядок базарной площади и сточных канав, пролежавших по улицам города для ремонта дорог, находившихся на выгонных землях го-

рода и на других земельных работах²¹. Тюменская городская дума 5 сентября 1914 г. просила выделить 1 500 военнопленных для работ по благоустройству города: очистки водосточных канав, устройства и поправления дорог и улиц, устройства плотины на речке Боборынке для водопоя скота и др.²² Новониколаевская городская дума в сентябре 1914 г. запросила 5 тыс. военнопленных для работ по укреплению берегов р. Оби, противопожарному окапыванию лесов, устройству дорог и др.²³ Барнаульская и Иркутская городские думы также решили воспользоваться бесплатным трудом военнопленных по благоустройству города, приняв на себя их содержание, так как «труд принудительный будет на 50 % ниже труда свободного»²⁴. Читинская городская управа воспользовалась трудом 700 военнопленных «для исправления уличных дамб, заготовления камня для мостовых и устройства дороги на Песчаку и Антипиху»²⁵. В основном, как мы видим, военнопленные использовались как чернорабочие.

Таким образом, органы городского самоуправления в силу своих финансовых возможностей, несмотря на финансирование по «остаточному принципу», стремились поддерживать в должном состоянии благоустройство городов.

---

¹ ГИАОО (Казенное черждение Омской области «Исторический архив Омской области». Ф. 172. Оп. 1. Д. 277. Л. 111.

² Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1306. Л. 41.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 235.

⁴ Разгон И. М. Томск накануне Февральской революции 1917 г. // Томску – 375 лет. Сборник статей. – Томск, 1979. – С. 126.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 232. Л. 248.

⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 3. Д. 5493. Л. 33.

⁷ Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1915. – № 10–12. – С. 50.

⁸ Сибирская жизнь. – 1916. – 6 авг.

⁹ Сибирская жизнь. – 1916. – 7 сент.

¹⁰ Кочедамов В. И. Омск: Как рос и строился город. – Омск, 1960. – С. 50.

¹¹ Замула И. Ю. Верхнеудинское городское самоуправление // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. – Улан-Удэ, 1996. – С. 114.

¹² История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / Анкушева К. А., Бочанова Г. А. [и др.]. – Новосибирск, 2006. – С. 221.

¹³ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. – Новосибирск, 1994. – С. 94.

¹⁴ Сибирская мысль. – 1916. – 15 июня.

¹⁵ Там же. 1915. – 21 мая; Русское слово. – 1915. – 26 апр.

¹⁶ Иркутская жизнь. – 1916. – 27 мая.

¹⁷ Там же. – 3 июля.

¹⁸ Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1915. – № 7–9. – С. 59.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. – Иркутск, 1994. – С. 206.

²¹ ГУТОГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1166. Л. 561.

²² Там же. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1164. Л. 205.

²³ Вестник Иркутского городского общественного управления. – 1914. – № 9–10. – С. 36.

²⁴ ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 5484. Л. 169.

Г. М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

*Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук*

ОПЫТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В формировании социокультурной ситуации в России на рубеже XIX–XX вв. особую роль сыграла культурно-просветительная, образовательная и благотворительная деятельность кооперации, опыт которой является актуальным для современных модернизационных процессов. Догоняющий тип модели индустриального развития России в начале XX в. обусловил запаздывание ее качественных изменений по сравнению с Западной Европой. Степень благотворного воздействия кооперации на общественные процессы определялась не только ее вкладом в развитие системы розничной торговли и кооперативного производства, но и мощным социокультурным потенциалом. Кооператоры уделяли большое внимание культурному просвещению народа, его образованию, воспитанию в самом широком смысле, полагая, что «конечная цель народного хозяйства не может выражаться ни в рублях, ни в копейках, она заключается в человеке»¹.

Развитие культурно-просветительной миссии кооперации проистекало из самой природы кооперативных отношений, в которых вырабатывалась привычка к совместному труду, развивалось чувство солидарности. Эти ее черты были особенно необходимы в российской провинции, представленной в основном крестьянским населением. Огромные расстояния, неграмотное на 9/10 население, отсутствие земства оттесняли Сибирь на периферию культурных процессов. Единственным фактором, способствовавшим их развитию, являлась политическая ссылка. Существовавшие в начале XX в. городские культурно-просветительные общества частной инициативы, построенные по типу просветительно-благотворительных организаций, из-за отсутствия средств и специальных платных работников не справлялись с задачами, которые ставили им возраставшие культурные запросы городского населения. Вместо начал благотворительности, влекущей за собой всегда опеку и подачки, кооперативы стремились развивать самодеятельность в культурно-просветительной области.

Начавшись примерно в 1912 г., массовое развитие потребительской кооперации в Сибири протекало в условиях Первой мировой войны, влияние которой на культурную деятельность было неоднозначным. Продовольственная разруха выдвигала на первый план чисто хозяйственные задачи интенсификации торгово-закупочной деятельности. Однако, как говорили кооператоры, именно «кошмар войны заставил взглянуть на свою жизнь» и понять важность культурно-просветительной работы. Она была нужна как самой кооперации, поскольку создавала прочные повседневные связи между потребительным обществом и всеми сторонами бытовой и культурной жизни пайщиков, укрепляя кооперативную организацию, так и населению в целом. Жители Новоиколаевска писали: «Духовная пища трудовому люду также постоянно необходима, как свет, хлеб и вода. Бесплатная читальня с книгами и газетами по кооперации принесет большую пользу в борьбе с пьянством, которое существует в значительной степени потому, что для рабочего люда нет ни библиотек, ни вечерних и праздничных занятий и чтений, никаких других культурных учреждений².

Важность культурной миссии кооперации выглядела еще значительнее на фоне запретительного характера кооперативного

законодательства в этой области. Так как кооперация была тесно связана с деятельностью политических партий, то культурные начинания кооперативов неизбежно оказывались под подозрением. Открытие библиотеки, устройство кооперативных курсов, лекций, чтений или спектаклей и т. п. требовало особого разрешения губернатора с предъявлением ему списка участников с адресами и изложения подробного содержания предлагаемых речей³.

Культурно-просветительный фонд кооперативов формировался из разовых и процентных отчислений. Как правило, туда направлялась вся прибыль от продажи посторонним и отчисления от прибылей по решению годовых собраний пайщиков. Красноярская «Самодетельность» отчисляла на культурные цели, кроме этого, половину дивидендов пайщиков. Отчисления на культурно-просветительные могли быть довольно значительными и постоянно возрастали. Общество потребителей в Татарске Томской губернии в 1916 г. положило начало своей неторговой деятельности отчислением 38 % прибыли (1 137 р.)⁴. Кооператоры Нарыма из 2 967 р. прибыли 1915 г. более половины отчислили на культурные цели и Народный дом. «Это будет первый в Нарымском крае Народный дом, – писали они, – затеплится огонек культурной жизни»⁵. Рабочий кооператив на станции Тайга Томской железной дороги из прибыли 1916 г., равной 13 442 р., на культурные цели определил 5 280 р. – чуть меньше половины⁶. В Омском городском потребительном обществе, кроме целевых средств, в культурный фонд отчисляли 10 % от прибыли, а также 1 % в пользу Народного университета, что составляло 10–12 тыс. р. в год⁷. По данным Мариинского кооперативного объединения, отчисления на культурную работу в 1915–1917 гг. возросли с 9,6 до 15 % в год⁸. В кооперативе Ачинска они возросли за этот же период с 40 до 57 %⁹.

Средства шли на выписку газет и журналов кооперативного и общего характера, создание Народных домов, библиотек, устройство чтений, спектаклей, праздничных мероприятий, посылались в фонд кооперативного университета А. Л. Шаняевского в Москве, предполагаемого в Иркутске Восточно-Сибирского университета, на материальное обеспечение местных школ и училищ, стипендии, теплую одежду и завтраки учащимся. В период

Первой мировой войны обязательной статьей расходов являлись пожертвования в пользу семей запасных, раненых, беженцев.

В кооперативах Красноярска, Нижнеудинска, Тайги действовали драматические кружки и ставились спектакли в пользу Народных домов. Праздничные мероприятия кооперативов, которые в Новониколаевске и Омске сложились в систему клубных вечеров¹⁰, оставляли глубокие впечатления у участников атмосферой товарищеского единения. Благотворность подобных мероприятий, «вносящих светлый луч в повседневную обыденщину», была особенно очевидна для простых жителей. Рабочие-железнодорожники со станции Тайга отмечали, что до устройства подобных кооперативных мероприятий они коротали свой досуг и искали разнообразия в двух городских трактирах¹¹.

Одна из первоочередных задач состояла в содействии внешкольному образованию, особенно в сельской местности, что выражалось в создании воскресных школ для взрослых, курсов, бесплатных библиотек, читален, музеев, образовательного кинематографа. Отмечалось, что в школах Енисейской губернии обучается не более 25 из 100 детей школьного возраста, т. е. трое из каждых четырех детей остаются на всю жизнь неграмотными¹². Школы и курсы были организованы кооперативами Боготола, Енисейска, Красноярска, Новониколаевска, Тайги, и др. В 1915 г. занялись устройством школы для детей кооператоры Анжерских копей, так как на 10-тысячное население рабочего поселка приходилось всего две школы и 150 чел. остались к 1916 г. за бортом начального образования¹³. В 1916–1917 гг. была создана шестиклассная кооперативная школа в Мариинске¹⁴. Повсеместно кооперативами финансировались лекционные мероприятия обществ попечения о народном образовании, читались лекции по кооперации для пайщиков и служащих потребительных обществ в училищах, торговых школах, учительских семинариях, на высших женских курсах в Томске. Важной чертой культурной деятельности являлось то, что она носила агитационный характер и двери школьных аудиторий и празднично украшенных залов были открыты не только для пайщиков, но и всех желающих.

В целом, за исключением наиболее крупных обществ потребления в Иркутске, Красноярске, Новониколаевске, Омске,

Тайге, Тобольске, Чите – городские кооперативы Сибири только в 1916 г. робко приступили к планомерной работе в неторговой области. В деревне по свидетельству специалиста по кооперации Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства А. Шнейдера, культурные начинания вообще были редкостью. После поездки по Минусинскому и Канскому уездам Енисейской губ. В 1916 г. он, отметив собственные здания для библиотек и спектаклей в Картузе, Ермаковском, Абаканском, Больше-Угринском и Ирбейском селах, писал: «По большим селам (далеко не по всем) раза два-три в год устраиваются театральные представления, о музыкально-литературных вечерах не слышно, чтений очень мало, кинематограф пока еще в области пожеланий. Для взрослого населения ничего (или почти ничего) в смысле приобретения знаний не сделано»¹⁵.

В совокупности форм и особенностей культурно-просветительная деятельность кооперации Сибири начала XX в. представляла сложное и многогранное историческое явление, сочетавшее комплекс социально-культурных, просветительных и благотворительных мер, которые вносили вклад в гармонизацию, гуманизацию отношений между людьми, в формирование условий для самореализации личности и широких масс населения. Сотрудничество в культурной работе кооперации разных видов с местными общественными, научными организациями и обществами частной инициативы создавало одну из платформ формировавшегося гражданского общества. Вместе с тем культурно-просветительная деятельность кооперации Сибири отражала важные формационные проблемы российской истории, связанные с социокультурным расколом общества, патерналистским менталитетом и общинными традициями крестьянства, гипертрофированной ролью государства, дефицитом квалифицированных кадров и финансов. Разнообразие, активность и полнота культурно-просветительной работы кооперативов существовала только в планах. В действительности она развивалась медленно из-за отсутствия опыта, подготовленных кадров, правовых ограничений, слабости материальной базы. Рост отчислений на культурные цели не скрывал факта незначительности этих сумм в абсолютном

выражении, терявших свою ценность под воздействием инфляции военного периода. Выбранные в кооперативах культурно-просветительные комиссии не знали, как приступить к работе или проявляли равнодушие. Заслуга достижений в культурной работе принадлежала энтузиастам кооперативного актива, среди которых часто были политические ссыльные, эсеры, социал-демократы. Культурно-просветительная работа носила в основном субсидиарный характер и сводилась к пожертвованиям в пользу объектов социальной помощи. Развитие массовой и активной самодеятельности в культурной области только начиналось и оставалось одной из главных задач кооперации Сибири, особенно в деревне. А. Шнейдер писал о «поразительном по бессодержательности досуге деревенской интеллигенции, той обособленности, которая устанавливается между ними, изнывающими от скуки и одуряющего однообразия деревенской жизни, и деревенским населением». При этом он подчеркивал, что важно не только то, чтобы эти просвещенные и талантливые люди встали во главе кооперативного движения на селе, а чтобы с самого начала дело строилось на началах самодеятельности самих крестьян: «Только тогда здание будет построено на прочном фундаменте»¹⁶.

---

¹ Кооперативная жизнь. – 1914. – № 6. – С. 434.

² Голос Сибири. – 1916. – 14 сент.

³ Кекуатов К. В. Кооперация и право. – М., 1914. – С. 90

⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 40. Д. 2.

Л. 4 об.

⁵ ГАТО. Ф. 196, Оп. 7. Д. 99. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 87. Л. 7.

⁷ Омский телеграф. – 1916. – 25 мая.

⁸ Союз потребителей. – 1918. – № 21. – С. 8–9.

⁹ Народное дело. – 1918. – № 46. – С. 1–3.

¹⁰ Голос Сибири. – 1916. – 3, 21, 30 дек.

¹¹ Сибирская жизнь. – 1916. – 3 дек.

¹² Сибирская деревня. – 1915. – № 24. – С. 2.

¹³ Союз потребителей. – 1915. – № 32. – С. 1157

¹⁴ Сибирская деревня. – 1917. – № 1–2. – С. 42.

¹⁵ Там же. 1915. – № 6. – С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7.

М. И. САВРУШЕВА

Омск, государственная областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ (1884–1908) КАК ПРИМЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

История Омской библиотеки им. А. С. Пушкина начинается с того, что накануне 100-летнего юбилея Александра Сергеевича Пушкина Совет Общества попечения о начальном образовании (образовано 13 марта 1884 г.) обратился в городскую думу с предложением увековечить память великого поэта основанием библиотеки его имени. Дума в 1899 г. вынесла соответствующее постановление, по которому собрание книг Общества поступило в Пушкинскую библиотеку, а город взял на себя обязательство по постройке здания¹. Как указывает «Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской губернии за 1909 г.», 26 января 1907 г. начал работу читальный зал библиотеки, а 26 июня библиотека стала выдавать читателям (подписчикам) книги на дом². Инициатор создания Пушкинки – Общество попечения о начальном образовании – поделился с ней своими книжными фондами.

Деятельность Общества попечения о начальном образовании была примером того, как взаимодействие представителей власти, предпринимателей и педагогов способствовало формированию образовательной и культурной среды города и региона. Девиз Общества обозначал ориентиры его деятельности: «Да поставит себе каждый из нас в числе первых забот и заботу о школе»³. Общество попечения о начальном образовании получало деньги с частных пожертвований, продажи книг, штрафов за поддержание книг, ранее взятых из библиотеки, свыше установленных трех недель⁴. Устав общества гласил, что действительные члены и члены-соревнователи должны были вносить в кассу ежегодно 2 р.⁵ Ко всему прочему, сбор пожертвований производился по подписным листам. Часть денег вкладывалась в Государственный банк с целью получения высоких процентов. Полученные таким образом деньги шли на обустройство библиотеки, закупку

новых учебников, наглядных пособий, мела, чернил, а также теплой одежды и обуви для учащихся⁶.

Стоит отметить, что люди, которые руководили Советом, обладали особым чувством ответственности перед обществом. Председателями Совета являлись М. А. Водянников (1890–1892), А. К. Сененко (1892), А. П. Морозов (1899–1901), В. В. Барышевцев (1901–1902), А. П. Морозов (1902–1905)⁷.

Особенно кипучую деятельность Общество попечения о начальном образовании развернуло с 1889 г., когда его председателем стал известный в учебном округе педагог и общественный деятель Митрофан Алексеевич Водянников. Он являлся выпускником юридического факультета Московского университета, но всю жизнь посвятил педагогическому делу и «служению на благо Сибири»⁸. Водянников был директором гимназии почетных граждан Поповых, позднее возглавлял Омскую учительскую семинарию (1879–1897) – первое в Сибири педагогическое учебное заведение, где был открыт первый музей просвещения (1897). Он являлся также одним из первых председателей Общества взаимного вспомоществования учащим и учащимся Акмолинской области. С 1906 г. Водянников являлся директором Томского учительского института. Многие талантливые педагоги охотно соглашались работать под его началом⁹.

Второй председатель Общества – Андрей Константинович Сененко – вместе с женой на общественных началах заведовал библиотекой Общества попечения о начальном образовании с основания книжного собрания (26 сентября 1890 г.) до марта 1890 г.¹⁰ Наряду с руководством Обществом попечения о начальном образовании, лесовод Василий Васильевич Барышевцев (1855–1936) был занят руководством Омского отделения Московского сельскохозяйственного общества, Степного общества садоводства и древонасаждений, Общества художников и любителей искусств, являлся членом Западно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Тарского и Ялуторовского обществ помощи бедным учащимся начальных училищ. По инициативе Барышевцева в Омске были заложены скверы Казачий и около Успенского кафедрального собора¹¹. Юрист Александр Павлович Морозов (1864–1933) дважды избирался председателем Общества попечения о начальном образовании, возглав-

лял попечительские советы ряда учебных заведений: высших начальных училищ, женской гимназии, высшего коммерческого училища, торговой школы. Считался «честным и добрым человеком, трудолюбивым чиновником»¹².

Успешная работа Общества стала возможной благодаря широкой поддержке населения города. В первые годы число его членов доходило до 800 чел.¹³ Они своими взносами и пожертвованиями обеспечивали финансовую сторону деятельности организации. Стоит отметить активную деятельность педагогов А. И. Бекрева, К. В. Ельницкого, А. В. Попова, А. Н. Седельникова, представителей власти и предпринимательства: бывшего Степного генерал-губернатора, генерала от инфантерии Г. А. Колпаковского, бывшего губернатора Акмолинской области М. А. Ливенцова, павлодарского купца А. И. Дерова, купцов С. М. Колпакова, М. А. Шаниной, И. И. Игнатова, В. А. Поклевского-Козелл, Ф. И. Монасевича, И. Г. Сунгурова, В. П. Ерофеева¹⁴.

Так, павлодарский купец Артемий Иванович Деров (1856–1921) пожертвовал 1 000 р. на открытие Омского женского начального училища и 10 000 р. на строительство самой красивой церкви на станциях Великого Сибирского пути во имя Святой Троицы (1900) в Омске¹⁵. Иван Иванович Игнатов – купец первой гильдии, основатель одного из первых в Тюмени судостроительных заводов – помимо почетного членства в Обществе попечения о начальном образовании являлся также членом попечительского совета Владимирского сиропитательного заведения, Александровского реального училища, служил гласным городской думы, являлся директором Тюменского общественного банка и членом ученого комитета отделения Общественного банка в Ирбите. Он поддерживал теплые отношения с И. Я. Словцовым, Ф. С. Колмагоровым, городским головой А. И. Текутьевым. Его посещал, во время пребывания в Тюмени адмирал С. О. Макаров¹⁶.

Представители польского рода Поклевских-Козелл – Альфонс Фомич, его сыновья Викентий, Станислав, Иван – владели несколькими винокуренными заводами, железоделательными заводами, золотыми и асбестовыми приисками, лесными дачами на Урале, в Сибири и Башкирии. В то же время Викентий Альфонсович Поклевский занимался серьезной благотворительной деятельностью: жертвовал на больницы, школы, библиотеки г. Омска,

был попечителем мужской гимназии (ныне школа № 9), почетным членом библиотеки им. В. Г. Белинского, почетным членом Общества попечения о начальном образовании, принимал активное участие при организации Уральского горного института¹⁷.

В годы первой русской революции оживилась революционная деятельность части членов Общества, что привело в дальнейшем к его закрытию в 1908 г.¹⁸ Подводя итог, можно сказать, что сам факт появления в Омске во второй половине XIX в. благотворительных обществ, содействовавших развитию образования и культуры, свидетельствовал об усиливавшейся заинтересованности местного общества в росте таких учреждений и об осознании им необходимости поддержки данной сферы.

---

¹ Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1899 год. – Омск, 1900. – С. 5–6.

² Памятная книжка, адрес-календарь Акмолинской области на 1909 год. / сост. М. Домнин – Омск, 1909.

³ Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1890 год. – Омск, 1891; Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1891 года. – Омск, 1892; Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1899 год. Общество существует с 13 марта 1884 года. – Омск, 1900; Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1901–1902–1903 год. – Омск, 1905.

⁴ К 50-летию Омской 1-й женской гимназии почетных граждан Поповых. – Омск, 1914. – С. 9.

⁵ Там же.

⁶ Юрцовский И. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Ново-Николаевск, 1923. – С. 89.

⁷ Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1890 год. – С. 8; Отчет Совета... за 1891 год. – С. 7; Отчет Совета... за 1899 год. – С. 3; Отчет Совета... за 1901–1902–1903 год. – С. 2, 51.

⁸ Памяти М. А. Водяникова // Сибирская жизнь. – 1919. – 20 марта.

⁹ Омская учительская семинария // Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа за 1890 г. – Томск, 1890. – С. 102–104; Омская учительская семинария // Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа за 1916 г. – Томск, 1916. – С. 309–312; Палашенков А. Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. – Омск, 1967. – С. 211–215; Пугачева Н. М. Омская учительская семинария // Памятники истории и культуры г. Омска. – Омск, 1992. – С. 38–47.

¹⁰ Отчет Совета общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1890 г. – С. 26.

¹¹ ГИАОО (Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»). Ф. 2200. Оп. 2. Д. 146. Л. 9–50; ССЭ. – Т. 1. – Стб. 255.

¹² Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. – М., 2003.

¹³ ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. Л. 67

¹⁴ Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние Ин-та истории. – Новосибирск, 2012. – Т. 1 : А–Л. – 2012. – С. 334–335.

¹⁵ Лебедева Н. И. История омских храмов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omsktime.ru/projects/church/troick.html> (дата обращения 12.09.2013).

¹⁶ Иван Иванович Игнатов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vexi.papod.ru/im6.htm> (дата обращения: 03.07.2013)

¹⁷ Бирюков Евгений. Пивные короли Поклевские-Козелл // Вечерний Екатеринбург. – 1991. – 7 авг.

¹⁸ Воробьева Г. И. Благотворительные общества в сфере образования в Омске во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Ом. гос. ист.-краевед. музея. – № 11. [Электронный ресурс]. – URL: http://museum.omскеlecom.ru/OGIK/Izvestiya_11/vorobiova.htm (дата обращения 12.05.2013).

В. И. ТЕТЕРИН

Пермь, Пермская государственная сельскохозяйственная академия

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ КУНГУРСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Сразу после Февральской революции начался процесс демократизации органов местного самоуправления. Губернский комиссар Калугин рассылает по уездам телеграмму с призывом пополнить состав гласных уездного земства новыми демократическими элементами на 50 % и в два раза увеличить представительство в губернском земстве¹. Кунгурское городское самоуправление в ходе прений принимает решение расширить свой состав, введя в состав гласных демократические элементы.

В результате первого этапа демократизации, когда городские думы сами приняли решение ввести в состав гласных демократические элементы, значительно меняется состав органов местного самоуправления. В городах начинают преобладать мещане, впервые в состав попадают рабочие. Число старых гласных на их фоне было уже незаметным. В партийном отношении весной 1917 г. еще не было четкого разделения. Большинство считало себя беспартийными. Те, кто указывал принадлежность к партии, были в основном эсерами.

Временным правительством 5 апреля 1917 г. были приняты впрямь до издания нового закона об общественном управлении городов «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум...», ставшие основой для избрания демократических составов муниципалитетов. Эти поправки стали компромиссом между либералами и умеренными социалистами. А 3 мая был принят и «Наказ о применении временных правил», более детально описывавший выборную процедуру.

Согласно новому закону, городское самоуправление сохранялось во всех городах, имевших его по Городовому положению 1892 г. Избирательные права получили широкие слои населения: все российские граждане, без различия пола, национальности, вероисповедания, достигшие 20 лет, проживающие во время составления избирательных списков в данном городе или имеющие иные связанные с городом определенные занятия. Пассивное избирательное право получали даже те, кто никак не был связан с городом, но удовлетворял остальным цензам. Согласно закону от 15 апреля 1917 г., лица, состоявшие на военной службе, имели право принимать участие в выборах на общих основаниях. Это особенно важно было для Кунгура, так как здесь были расквартированы солдаты 153-го запасного пехотного полка.

В июле в уездных городах Пермской губернии прошли выборы в городские думы по новому закону. Лишь в наиболее крупных городах, где действовали комитеты партий, были расквартированы войска, выборы шли по партийным спискам. Так было, например, в Кунгуре. Здесь партии развернули такую же активную пропаганду своих идей, как и в Перми. Партии использовали стандартные листовки, которые применялись в разных городах. Например, эсеры распространили более десятка различных пропагандистских листовок². Отдельные воззвания были изданы для учителей, для солдат гарнизона и т. д. В них эсеры предлагали свое видение городского самоуправления – максимальное расширение прав, высокая степень самостоятельности. Свою агитацию провела и партия народной свободы³.

Сами программы представляли собой обычный набор популистских обещаний. Самая большая программа оказалась у эсеров – 31 лист, самая маленькая у меньшевиков – 12 листов. Партии предлагали решение основных вопросов (жилищный, продоволь-

ственный, вопросы здравоохранения и образования), причем во многом программы социалистических партий была похожа. Ряд обещаний носил утопический характер, многие из них встречаются до сих пор в программах современных политических партий.

В рамках подготовки к выборам составлялись и списки избирателей. Они подготавливались по округам. Помимо фамилии и имени избирателя, списки содержали адрес и возраст. В отдельной графе указывался срок проживания в городе. К выборам допускались граждане старше 21 года, проживавшие в городе не менее одного года. Уже после составления списка граждане могли опротестовать свое включение в тот или иной список, и тогда в него вносились коррективы. Например, список избирателей по 1-му округу Кунгура содержал изначально 3 841 фамилию, а после уточнения данных их стало 3 827⁴.

Большую роль в подготовке выборов сыграла местная периодическая печать. Здесь публиковались правила проведения выборов. Кроме того, в прессе всех направлений печатались призывы к населению принять участие в выборах. Подчеркивалось, что уклонение от участия в выборах в этот сложный период – «недостойное дезертирство».

Выборы в городскую думу состоялись 30 июля. Уже после проведения выборов выяснилось, что в Кунгуре эти списки составлялись с грубейшими нарушениями⁵. Многие граждане не смогли принять участия в выборах, потому что их просто не включили в список. Выяснилось, что не внесенными в список оказались граждане целых кварталов, а не только отдельных домов. В одних и тех же домах записывались одни семьи и игнорировались другие. Даже в рамках одной семьи могли записать не всех членов семьи. Особое возмущение вызвало лишение 18-летних солдат избирательного права. Те, кто пытался добиться включения себя в список (прежде всего это касалось политически активных рабочих), встречали сопротивление со стороны организаторов.

Несмотря на такие вопиющие нарушения, результаты выборов были признаны действительными. В Кунгурскую городскую думу были выбраны 34 гласных по четырем спискам и 65 кандидатов в гласные. Большинство получила партия социалистов-революционеров. При этом особенностью Кунгура стало то, что городским головой был выбран не представитель партии

большинства (эсеров), а владелец местной типографии, редактор газеты «Кунгурский листок», А. К. Сулов, член партии РСДРП(б). Он стал единственным большевиком среди всех городских голов Пермской губернии, выбранных в июле 1917 г.

Начало работы было ознаменовано поздравительными телеграммами из Петрограда. В них были обозначены основные принципы работы для обновленного самоуправления. Кунгурская городская дума 7 августа получила такое послание от председателя Петроградской думы: «Приветствуя в Вашем лице вновь избранную городскую думу, пред которой стоят ответственные задачи общегородского строительства в стране на началах политических свобод и широких социальных реформ, препровождаю вам для сведения Временный наказ Петроградской городской думы»⁶.

Таким образом, сразу после Февральской революции начинается процесс демократизации городского самоуправления в Кунгуре. Завершается он выборами в июле. В результате был значительно расширен состав городской думы, прежде всего за счет демократических, нецензовых элементов. Новая, демократическая дума имела большие перспективы. Однако им было не суждено реализоваться. После прихода к власти большевиков городское самоуправление было упразднено.

---

¹ Кунгурский городской архив (КГА). Ф. 588. Оп. 1. Д. 377. Л. 21.

² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 76. Л. 84–84 об., 86, 88–89, 96–105, 118–121.

³ Там же. Д. 78. Л. 27.

⁴ КГА Ф.585. Оп.1. Д. 321. Л. 177.

⁵ Кунгурский листок. – 1917. – 2 июля. – С. 3–4.

⁶ КГА. Ф. 586 Оп. 1. Д. 196. Л. 138.

Е. А. ХОРЗОВ

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА И ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ В ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД

Город является сложным социокультурным образованием, где культурная составляющая выступает одной из градообразующих. Городская культура складывается в течение длительного

времени и поэтому относительно устойчива к внешним вызовам, но иногда эти вызовы настолько сильны, что приводят к изменениям в социокультурной жизни города. Подобное произошло в период Гражданской войны 1918–1922 гг. В статье подробно остановимся на ситуации 1917–1918 гг., которая является важной для изучения последующей деятельности общества и практик взаимодействия с органами власти.

В целом, к 1917 г. в Западной Сибири сформировалась научная инфраструктура, которая могла на себя взять планомерное изучение региона. Она была представлена вузами (университет и технологический институт в Томске), музеями, библиотеками, научными обществами (как общего, так и специализированного характера), метеорологическими станциями и отчасти государственными статистическими комитетами. Экстраординарные условия негативно сказались на общем состоянии науки и на ее взаимодействии с органами власти в частности. Если интеллигенция в основном одобрительно встретила Февральскую революцию и возлагала надежды на обновления в жизни (это породило феномен «весна надежд»), то к Октябрьской революции-перевороту ее большая часть отнеслась весьма негативно.

Не стоит абсолютизировать отрицательное отношение к большевикам, так как это, на наш взгляд, легко объясняется особенностями человеческой психики: боязнь еще большего ухудшения положения в стране, сильное отличие от других партий, боязнь в некоторой степени неизвестного. Вместе с тем интеллигенция имела определенные основания для тактического альянса с большевиками в связи с рядом ограничительных факторов, которые действовали при царском правительстве. Так, приход к власти большевиков в конце 1917 г. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества (ЗСОРО) встретил относительно спокойно, в протоколах заседаний того времени нами не найдено негативных отзывов по поводу смены власти.

Сложность изучаемого периода заключается в том, что нарушается нормальный документооборот и разрываются прежние деловые контакты. Так, в указанный год вышло только 24 документа¹. Прекращается издательская деятельность Отдела. Эти факты, в первую очередь, негативно сказываются на изучении современными историками деятельности Отдела. Хотя на следую-

ший год объем документооборота пришел более или менее в норму, но он носил скорее схематический характер.

Одной из главных задач в этот переломный период являлось расширение площади для музея и библиотеки. Учитывая нестабильное финансовое положение и предыдущий неудачный опыт поиска средств на строительство, руководители отдела приняли решение требовать передачи в безвозмездное пользование здания бывшего генерал-губернаторского дворца, реквизированные после Февральской революции и названного «Домом Республики». По их мнению, это было достойным вознаграждением за многолетнюю деятельность в крае. В середине – второй половине 1917 г. завязывается оживленная переписка между руководством Отдела и органами власти по поводу передачи указанного здания в ведение ЗСОРГО. Можно заметить, что чем нестабильнее становилась ситуация в стране, тем настойчивее руководство Отдела обращалось с подобной просьбой. Она была удовлетворена лишь частично в следующем году. В деловой переписке руководство ЗСОРГО создало выгодный образ научного общества как старейшей подобной организации в регионе, сделавшей много полезного².

Второй задачей, стоявшей перед ЗСОРГО, был поиск финансовых средств. Отмеченная выше нестабильность и инфляция негативно сказывались на положении Отдела и поэтому наряду с просьбами о передаче музея руководство испрашивало некоторые суммы³. С середины 1918 г. между ЗСОРГО и Временным сибирским правительством П. Я. Дербера завязалась оживленная переписка. Причиной начала таковой явились финансовые затруднения Отдела. К этому моменту у сибирских интеллектуалов созрела идея о консолидации научных сил для изучения обширного региона и улучшения качества жизни в нем. ЗСОРГО не было исключением в подобных начинаниях. Так, А. Н. Седельников обращается в Министерство финансов Сибирского правительства с подобным заявлением-просьбой. Ухудшение экономических условий вынуждало ЗСОРГО постоянно обращаться в Минфин за оказанием субсидий. В начале колчаковского правления в Омске общество на подобные ходатайства получало удовлетворительные ответы⁴.

Изучаемые два года имели массу ярких событий, что явилось отражением бурной ситуации в городе. Так, первые полтора месяца протекали в необычной для Отдела обстановке. Февраль-

ская революция привела к падению монархии и старых форм взаимодействия между ним и властью. В отставку ушел генерал-губернатор Степного края – покровитель Отдела. ЗСОРГО продолжало находиться в ведении Министерства внутренних дел, хотя связи были уже не такие, как прежде. Отдел, как и общество в целом, подчинялся общему законодательству об общественных организациях. Вставал вопрос о государственных субсидиях, но продолжалось финансирование из бюджета. При нарастании темпов инфляции казна пыталась индексировать субсидии для Общества и для его отделов, но не поспевала.

Март – май 1917 г. можно охарактеризовать как «весну надежд». Достаточно быстро пройдя структурную перестройку и проведя новые, собственно демократические выборы руководящих органов, новое руководство Отдела во главе с А. Н. Седельниковым, ранее бывшим секретарем отдела, хранителем музея, осознало новые возможности и пыталось реализовать давно намеченные планы. Седельников рассматривал этот период как наиболее благоприятное время для упрочения собственных позиций в культурной жизни региона⁵. В связи с реорганизацией в самом ЗСОРГО и нестабильным его финансированием экспедиционная и научная деятельность в 1917 г. прекратились и на первый план выдвинулись административно-хозяйственные задачи.

Советская власть Омска периода начала 1918 г. весьма благосклонно относилась к Отделу и его деятельности. Большевики передали Отделу бывшее здание генерал-губернаторского дворца, что позволило решить насущный за последние пять лет вопрос о расширении площадей, занимаемых музеем и библиотекой. В середине 1918 г. ситуация в Омске резко изменилась. Власть большевиков пала. Перенесение центра политической жизни в Омск в конце указанного года привело к изменению институционального статуса ЗСОРГО. Превращение Омска на короткое время в столицу белого движения, переезд части членов РГО из Петрограда и образование нового Центрального совета на базе ЗСОРГО привело к тому, в течение года Отдел фактически стал во главе всего общества⁶. Повышение институционального статуса, однако, не привело к улучшению материального положения. Напротив, оно значительно ухудшилось. Новые власти вынудили ЗСОРГО покинуть генерал-губернаторский дворец. Многие

экспонаты музея пострадали или были уничтожены. Архивные документы были перенесены в подвальное помещение, где находились почти год и в неподобающих условиях, что сказалось на их сохранности⁷.

А 18 ноября 1918 г. в Омске произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришли правые. Была учреждена должность Верховного правителя России. Единоначалие позволило на некоторое время стабилизировать обстановку в городе и на короткое время нормализовать деятельность научного общества. Изначально сотрудничество между органами власти колчаковского режима и ЗСОРГО было взаимовыгодным. Для новых органов власти необходима была информация о регионе, а для Отдела – субсидии для нормальной научной деятельности. Возобновление сотрудничества связано не только с географической близостью, но и с наличием среди государственных деятелей членов РГО, которые в дореволюционный период помимо основных дел, занимались научными изысканиями. Это был сам А. В. Колчак, министры просвещения В. В. Сапожников и продовольствия И. И. Серебренников.

Подводя итог, можно сказать, что 1917–1918 гг. стали периодом кардинальных перемен в жизни изучаемого научного общества. События указанных лет имели как благоприятные, так и негативные последствия для деятельности Отдела.

Февральская революция дала возможность начать свою деятельность без опеки со стороны государства. Новое положение и активная гражданская позиция могли бы благотворно сказаться в будущем на положении и роли Отдела в регионе. Вскоре выяснилось, что государственная поддержка необходима, так как были нарушены старые практики взаимодействия с властью, а новые не были выработаны. Руководство Отдела начинает разочаровываться в достижениях революции и вынуждено изменять объемы своей деятельности. Нестабильность во всех сферах городской жизни негативно сказывается на его работе и вскоре важное место занимают чисто бытовые проблемы – отопление помещений и материальная поддержка. Следующий, 1918 г. втянул Западно-Сибирский отдел Русского географического общества в водоворот событий Гражданской войны, невольным участником которой он вскоре стал сам. Столичный статус Омска сказался и на институ-

циональном положении Отдела, хотя это принесло последнему как положительные, так и отрицательные моменты.

В изучаемый период руководство ЗСОРГО выработало собственную позицию взаимодействия с властью. Создав привлекательный образ Отдела, руководители отдела стали транслировать его через деловую переписку органам власти разных политических режимов. Созданный образ и настойчивость руководства Отдела принесли выгоды при решении насущных проблем. Нельзя обвинять руководство ЗСОРГО в конъюктуризме и потакании разным властям. Из деловой переписки видно, что руководители Отдела пытались четко обозначить свою позицию и точки соприкосновения с разными политическими режимами. Таковыми можно назвать сохранение научного и культурного потенциала города в сложных социально-политических и экономических условиях.

---

¹ Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГИАОО). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 17. Л. 4–5 об.

² Там же. Д. 20. Л. 12–13 об., 27–28 об.

³ Там же. Д. 20. Л. 24–24 об.

⁴ Там же. Д. 20^а. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 20. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 248. Л. 9.

⁷ Семенов В. Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности ЗСОРГО. – Омск, 1927. – С. 3.

И. Г. ДЕВЯТЬЯРОВА

Омск, областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля

СПОНСОР В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА (на примере книги «Третья столица»)

В январе 2012 г. в издательстве «Омскбланкиздат» вышло издание «Третья столица. Омск. 1918–1919 годы». Основанные на архивных документах, публикациях труднодоступной периодики и мемуарах, материалы книги впервые представили забытые драматичные страницы истории Омска – белой столицы России. В это время город наполнили беженцы и военные, среди которых было немало деятелей искусства. Благодаря им культурная жизнь

Омска оживилась, стала насыщенной разнообразными культурными событиями.

Замысел книги родился в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля и был реализован совместно с известными омскими специалистами и учеными. Ответственным редактором выступил автор настоящего доклада. Издание состоит из двух частей: первая – изобразительное искусство, литература; вторая – музыка, театр, историческая хроника. Первая часть посвящена жизни и деятельности художников, поэтов и писателей. Раздел «Художники в стане Колчака» (автор И. Г. Девятярова) включает материал о работе местного художественного общества и студии А. Клементьева, футуристических выступлениях Д. Бурлюка, а также о творчестве мастеров, прибывших из российских городов (М. Яковлев, Л. Бруни, А. Громов, В. Эттель, Г. Ильин и др.). В состав раздела «Омский Парнас» (автор С. Н. Поварцов) входят стихи А. Ачаира, Т. Баженовой, Н. Подгоричани, Г. Маслова, А. Воцакина, очерки Г. Вяткина, С. Ауслендера и др. Во второй части, рассказывающей о музыкантах и артистах, раздел «Музыка в белой столице» (автор М. А. Белокрыс) содержит обширные сведения о работе музыкального и филармонического обществ, а также о выступлениях замечательных исполнителей (М. Михайлов, С. Козолупов, Е. Доленга-Грабовская, М. Каринская). Раздел «Театральные сезоны 1918–1919 гг.» (автор Л. К. Богомолова) представляет имена выдающихся актеров и антрепренеров, чье исполнительское искусство в значительной мере обогатило культурную жизнь города. Раздел «Омск в 1918–1919 гг.: образ белой столицы в калейдоскопе событий» (автор П. П. Вибе) передает сложную общественно-политическую атмосферу «державного» Омска.

На страницах издания продемонстрирована плодотворность пребывания художников, поэтов, музыкантов и артистов в Омске, отмечена роль этого краткого отрезка омской истории для развития сибирской культуры последующих лет. В книге представлено более 150 иллюстраций, большая часть которых воспроизводится впервые.

В качестве спонсора издания выступил известный российский предприниматель, руководитель закрытого акционерного общества «Группа компаний “Титан”», депутат Государственной Ду-

мы Федерального Собрания РФ пятого созыва М. А. Сутягинский. Книга издана в рамках проекта «ПАРК: галерея искусств» – культурно-образовательной программы федерального проекта «ПАРК: промышленно-аграрные региональные кластеры». Группа компаний «Титан» и музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля в рамках проекта «ПАРК: галереи искусств» реализовали уже несколько проектов: серию фильмов о сокровищах музея, выставку-лабораторию «Химия и Искусство», выставку – художественно-экологический проект «Среда обитания».

Ответственным редактором книга задумывалась как единое целое – с вступительной статьей, тематическими разделами, именованным указателем. Предполагалось, что публикации газетных и журнальных материалов, впервые представляемых в книге, будут сопровождаться комментариями. Планировалось обсудить со спонсором необходимые в данном проекте вопросы и начать работу согласно принятым совместно с ним срокам. Авторы разделов ждали от ответственного редактора именно такого, традиционного в книгоиздательском деле решения и не приступали к работе над статьями и составлением иллюстративного ряда. По-видимому, их сдерживал предыдущий неудачный опыт, когда рукопись оставалась невостребованной.

Между тем, привлекая к издательскому проекту представителя коммерческо-предпринимательской среды, надо всегда принимать во внимание то обстоятельство, что многое будет зависеть именно от него, от его интересов – личных, общественных и производственных. Ценность финансовой поддержки М. А. Сутягинского состояла в том, что он понял актуальность темы будущей книги и необходимость ее издания. Дав согласие на участие в реализации проекта 30 августа 2011 г., он выразил пожелание, чтобы книга была издана к предвыборному съезду партии «Единая Россия» 23 сентября 2011 г. Таким образом, предтипografскую подготовку (составление текстов и иллюстративного ряда, дизайн и верстку, корректорскую работу) и процесс печатания в типографии надо было осуществить за 20 дней. Поскольку в наибольшей готовности находился материал по изобразительному искусству и литературе, было решено издать ее в качестве первого тома. Авторы уложились в сжатые сроки. К сожалению, при этом были допущены недочеты: нарушена запланированная

структура книги, отсутствуют комментарии и указатель, имеются опечатки. вторая часть («Музыка. Театр. Историческая хроника») вышла позже, через три месяца, уже не в такой спешке, но с издержками, заданными первой частью.

При существующих проблемах диалога бизнеса и гражданского общества в российском пространстве, надо отметить, что роль коммерческо-предпринимательского сектора в развитии культуры региона в настоящее время значительна. Выход в свет книги «Третья столица» стал заметным событием в городе и, безусловно, сыграл свою просветительскую роль в некогда запрещенной, а ныне и до сих пор малоизвестной теме русской культуры XX в. Опыт издания «Третьей столицы» показал, что автор, преодолевая сомнения, должен усердно трудиться над будущей книгой, полностью подготовить ее для сдачи в типографию, владеть при этом азами маркетинга и в поиске спонсора проявлять стойкость и настойчивость.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Н. Г. СМИРНОВА

Кемерово, Кемеровский областной колледж культуры и искусств

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА КАК ФАКТОР ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Под средой мы понимаем окружающий мир, в котором протекает жизнедеятельность человека. Социокультурная, природная среда так или иначе влияет на формирование ценностных ориентаций, поведения, установок личности, особенно в молодом возрасте. Однако индикатором влияния среды на молодое поколение является отношение, выступающее как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности¹. Отношение к объектам историко-культурного наследия характеризует тот конкретный смысл, который в большей степени имеет значение для молодого человека. По характеру проявления отношение может быть различным. И если сегодня речь идет о становлении гражданского общества, то необходима гражданская инициатива, активность личности, что является одной из составляющих общей культуры.

Историко-культурное наследие, на наш взгляд, – один из факторов формирования общей культуры личности обучающейся молодежи. Действительно, положительный опыт взаимоотношений человека с культурными ценностями в окружающей среде влияет на формирование его личностного отношения к самому себе. Человек, как известно, приобретает опыт в единстве сознания (понятия, суждения, убеждения), чувств (нравственные, эстетические, интеллектуальные, гуманистические) и поведения (мотивы, поступки, привычки).

Необходимо заметить, что высшим регулятором любого социального действия выступает культура, и именно она формирует и диктует акторам (действующим личностям) нормы, нравственные и эстетические идеалы, образцы поведения, которые мотивируют их действия. Важно научиться, по словам П. А. Флоренского, «охватывать целое культуры, как свою собственную жизнь». Не случайно, что одной из задач федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010)» является сохранение культурного наследия Российской Федерации.

Культурное наследие, по мнению Ю. А. Веденина, – это нечто целостное, обладающее информационным потенциалом, необходимым для развития и передачи будущим поколениям; это то, что представляет ценность и является частью национального богатства; это то, что может рассматриваться как один из важнейших ресурсов, влияющих на дальнейшее развитие общества»². В основах законодательства Российской Федерации о культуре дано определение «культурные ценности», к ним относятся и здания, сооружения, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты.

Кемерово – не только город угольной, химической промышленности, но и культурная столица Кузбасса. Историко-культурными объектами города являются профессиональные театры: драматический, музыкальный, кукольный, муниципальный театр для детей и молодежи; Дом музыки – филармония, Дворец циркового искусства – цирк. В музеях города проводится активная выставочная политика. В результате у молодежи имеется возможность познакомиться с лучшими образцами зарубежного и отечественного искусства из коллекций Эрмитажа, Третьяковской галереи, а также музеев других сибирских городов (Томск, Красноярск, Омск).

Архитектурный музей-заповедник «Красная Горка» создан для сохранения исторического центра города. История Кемерово неотделима от истории кемеровского рудника, который в 2007 г. отметил свое 100-летие. Американский писатель Джозеф Моррей написал книгу об автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК), созданной в Щегловске (в 1932 г. Щегловск переименован в Кемерово). Другой американец, Макс Мандель,

считает, что самый лучший этап его жизни связан с кемеровским рудником (был членом АИК), с нашим городом.

Уникальным не только в Кемерове, но в нашей стране в целом в плане историко-культурного наследия является музей-заповедник «Томская писаница». Изображения на каменных уступах берега р. Томи уводят почти к истокам зарождения искусства. Самые ранние из них относятся к каменному веку (неолиту). Более поздние изображения оставлены людьми, жившими на берегах реки в эпоху бронзы (во II тыс. до нашей эры), и в раннем железном веке (в первом тысячелетии до нашей эры). Многие рисунки отличаются высоким мастерством исполнения.

Дом Губкиных в центре города – это символ сибирского рода, он отличается уникальной архитектурой, компактностью, выполнен из дерева с резным орнаментом. В настоящее время этот дом реставрирован и в нем находится областной учебно-методический центр повышения квалификации работников культуры и искусства.

Современное искусство представлено рядом скульптур. Памятник первооткрывателю Кузнецкого угольного месторождения Михайло Волкову, который в 1921 г. обнаружил железную руду в Томском уезде, а на Горелой горе на территории современного Кемерова – залежи угля. Территория между научной библиотекой им. В. Д. Федорова и главным корпусом Кузбасского технического университета называется теперь «Площадь Волкова».

Обелиск, посвященный красногвардейцам, памятник «Воинам-кузбассовцам; монумент на правом берегу Томи, часовня, посвященные памяти погибших шахтеров, не могут оставить равнодушным человека. Монументальные скульптурные композиции Алексея Хмелевского в городе, выполненные в бронзе и металле, – это вечная тема гармонии человека и природы как источника, по словам самого скульптора, красоты и жизни.

Нельзя не упомянуть необыкновенную архитектуру Дворца труда. Первый камень этого здания был заложен в мае 1927 г. Дворец труда – памятник архитектуры федерального значения, которому в 2007 г. исполнилось 85 лет и 55 лет учебному заведению, которое сейчас носит статус «Кемеровский областной колледж культуры и искусств», отмечает в своей монографии один из ведущих преподавателей колледжа О. Л. Беспалова³.

Можно еще приводить примеры уникальных уголков Кемерово, имеющих историко-культурную значимость. Наша задача состоит в том, чтобы исследовать историко-культурное наследие города как культурную ценность и фактор формирования общей культуры личности обучающейся молодежи.

Отметим, что всякая ценность с точки зрения ее социокультурной функции, прежде всего, обеспечивает поддержание социальной консолидированности людей, преодоление агрессивных, эгоистических проявлений человека. С учетом того, что в настоящее время преобладает «префигуративная культура», характеризующаяся общностью опыта людей разных поколений, социокультурных систем и традиций⁴, актуальность исследования приобретает особую значимость, так как представляет собой некоторую квинтэссенцию нравственно-эстетического опыта личности, который способствует взаимопониманию между поколениями.

По нашему мнению, потенциал историко-культурного наследия города недостаточно используется в формировании общей культуры личности обучающейся молодежи. В связи с чем планируется активизация учебно-исследовательской работы по заявленной тематике среди старшеклассников гимназий, студентов вуза, колледжа культуры и искусств Кемерово.

Трудно не согласиться с мнением В. А. Барабанщикова, что «находясь в потоке разнообразных воздействий среды, индивид не только не теряется, но и строит свое поведение, соизмеряясь со свойствами окружающей его действительности..., в рамках социальной системы субъект восприятия открывается как познающая (воспринимающая) мир личность... восприятие мира опосредуется... культурой в целом»⁵.

Представляется, что трансляция социокультурного опыта более эффективна в индивидуализированном виде, формируя «каждого носителя персонально». Отечественный психолог Б. Г. Ананьев полагал, что к индивидуальности следует подходить как к интеграции всех свойств человека (индивида, субъекта деятельности и личности). По его словам, нужно представить человека не только как открытую систему, но и как систему «закрытую». Поэтому, наряду с массовой и групповой работой с молодежью столь необходимой становится работа индивидуальная в плане приобщения

личности к историко-культурному наследию города, как фактора формирования общей культуры, ее общекультурного развития.

---

¹ Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: для студентов высших и сред. пед. учеб. заведений. – М., 2003. – С.102.

² Веденин Ю. А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию России // Актуальные проблемы сохранения природного и культурного наследия. – М., 1995. – С. 5–20.

³ Беспалова О. Л. Дворец труда: страницы истории. – Кемерово, 2012.

⁴ Макарова Н. И. Особенности современного образовательного пространства // Философия образования. – 2008. – № 3 [24]. – С. 20.

⁵ Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, В. И. Воловиковой. – М., 2002. – С. 190–191.

С. Ф. ТАТАУРОВ

Омск, филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. ТАРЕ В 2012–2013 годах. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Вопрос о сохранении культурного достояния нашего государства в настоящее время становится одним из самых актуальных в Российской Федерации. В апреле 2011 г. в Казани состоялся масштабный международный форум, посвященный роли культурно-исторического наследия в развитии государства. Причем следует отметить, что на этом научном мероприятии особо подчеркивалось, что на первый план в привлечении исторического наследия к развитию регионов выходит использование малых городов Российской Федерации, которые сохранили свою историческую самобытность. Примером является деятельность Республики Татарстан по созданию историко-культурно-туристических центров Биляр и Свияжск. Республика планирует вложить в этот проект более 3,500

---

* Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» Проект «Культура русских в археологических исследованиях: адаптация, трансформация и развитие в условиях Западной Сибири в конце XVI–XVIII вв.».

млрд р. и привлечь инвестиций на вдвое большую сумму. Патронирует проект бывший президент республики М. Шаймиев.

На мой взгляд, создание подобных центров актуально и для Омской области. Одним из приоритетных факторов, влияющих на развитие нашего региона, является привлечение к нему внимания со стороны российского и мирового бизнеса. Это внимание, которое выражается в создании положительного инвестиционного фона, возможно только после формирования позитивного имиджа Омской области. В настоящее время на фоне периодических экономических и политических кризисов национальных и религиозных конфликтов положительный облик региона складывается на основе стабильных социально-экономических условий жизни населения, которые в свою очередь напрямую зависят от высокого уровня его благосостояния, здоровья и продолжительности жизни, возможности качественного образования и высокого уровня социальной защиты.

В настоящее время в глазах подавляющего количества населения Российской Федерации Омская область выглядит рядовым субъектом страны, не имеющим каких-то выделяющих ее на фоне других регионов уникальных природных или исторических объектов. Для других государств Омское Прииртышье идентифицируется с общим фоном Сибири. Отсутствие внимания к знакомым объектам региона заметно тормозит его социально-экономическое развитие, не способствует привлечению внимания со стороны российского и мирового бизнеса.

По этой причине не происходит поступательного движения в создании внутреннего туристического бизнеса, в формировании лечебно-оздоровительных и культурно-исторических туристических центров региона. Использование рекреационных ресурсов области остановилось на уровне 80-х гг. XX в., на уровне построенных почти полвека назад баз отдыха, профилакториев и т. д. И это при том, что в Омском Прииртышье есть все для создания историко-культурно-туристических центров федерального и международного уровней.

Малые города Сибири, основанные в XVI–XVII вв., являются перспективными объектами для изучения процессов русского освоения этого края. Не имея крупных промышленных зон, они в значительной степени сохранили свою первоначальную плани-

графию. Отсутствие больших технологических подземных коммуникаций способствовало сохранению культурного слоя. Как правило, исторические центры в таких городах мало застроены, значительная часть отведена под зеленые зоны, площади, что делает возможным, в отличие от крупных центров, проведение широкомасштабных археологических раскопок. Например, археологические изыскания в крупных городах, таких как Омск, Томск, Тюмень, осуществлялись на ограниченных площадях в связи с застройкой или реконструкцией отдельных зданий или промышленных объектов. По этой причине исторические центры малых городов привлекают внимание историков и археологов. Так, в конце XX в. археологические работы проводились на территории Верхотурья, Тобольска, Колпашева, Березова.

На территории Омской области наиболее актуальным является изучение исторического центра г. Тары. Этот один из старейших городов Западной Сибири в 2014 г отметит свое 420-летие. Он имеет свою богатую, пусть во многом трагичную историю. За годы существования Тара пережила и неоднократные разрушительные пожары, и мощные наводнения, и осады кочевников и бунт староверов, гражданскую войну и воскресники комсомольцев по уничтожению церкви и многое другое... И, как ни прискорбно отметить, долгое время оставалась в стороне от исторических и археологических исследований. По этой причине до последнего времени очень слабо изучена картина возникновения и развития этого исторического центра. Достаточно сказать, что в настоящий момент мы не знаем времени, когда были срыты укрепления тарской крепости. Письменные источники в лучшем случае дают приблизительную схему расположения кремля и городских построек в отдельно взятые моменты XVII – начала XX вв. В то же время, как показывает опыт исследования других городов Сибири, археологические раскопки позволяют с максимальной точностью фиксировать расположение легендарных ключевых строений (храмов, крепостных стен и ворот, башен и т. д.), улиц города и, что самое главное, – в целом представить процесс градостроения.

Проведенные в 2009–2011 гг. археологические изыскания показали состояние культурного слоя города. Его мощность на некоторых участках достигает 4,5 м, слой предельно насыщен артефактами. Благодаря суглинистому грунту и материалу (лист-

венница) деревянные конструкции XVI–XVIII вв. находятся в хорошем состоянии. Выявлен первый кремль города, это единственный в Сибири сохранившийся оборонительный комплекс города конца XVI – начала XVII вв.

В 2012 г. экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского и Томского государственного университета были проведены археологические изыскания на территории воеводской усадьбы составили 100 кв. м. На имеющихся у нас картографических материалах усадьба находилась в восточной части крепости и занимала площадь в разные периоды от 600 до 900 кв. м. К сожалению, до настоящего времени в государственных архивах нами не найдено ее описание, поэтому все наши умозаключения по планиграфии этого комплекса базируются только на материалах исторических раскопок и рисунка С. У. Ремезова, датирующегося началом XVIII в.

Культурный слой на данном участке крепости составил 4,5 м, что соответствовало описаниям тарского краеведа А. В. Ваганова, сделанного им при выборке котлована на месте памятника В.И. Ленину. Под метровым слоем строительных отходов, сформировавшихся за время строительства административных зданий по периметру площади, шел полутораметровый плотный слой конского навоза. Ниже этой органики в южной части раскопа нами зафиксирован небольшой сруб (четыре венца) размерами 3,2 x 3,2 м, судя по тому, что внутри сруба нами был найден венник, – это была баня. Внутри сруба зафиксированы остатки небольшой глинобитной печи. Судя по ее размерам и количеству глины баня топилась по-черному. Находок в срубке было мало, но одна из них весьма любопытна – в дальнем углу от входа был найден небольшой лапоть. Учитывая то, что за четыре года раскопок это первая плетеная обувь, то, что он имеет сравнительно небольшие размеры, и то, что на нем отсутствуют следы носки, можно сделать вывод, что этот лапоток был изготовлен специально для банника (аналога домового).

Севернее этого сруба на глубине 4,3 м через весь раскоп в направлении восток – запад зафиксирована бревенчатая мостовая. Ширина ее составляет 4 м, и состоит она из плотно подогнан-

ных лиственничных бревен диаметром около 0,2 м и длиной 4,7 м. Верхняя часть бревен стесана. Крайние бревна находились выше остальных на 0,05 м и выполняли колесоотбойную функцию. Очевидно, что мостовая является самым ранним сооружением и была уложена на непо потревоженную почву. Мостовая существовала достаточно долго, так как одно из бревен было сильно изношено и сверху было укреплено лиственничной дранью. Мостовая с северной части прорезана пристройкой из тщательно выстроганного бруса толщиной 0,2 и шириной 0,5 м, служившей сенями в дом. Сам дом представлен срубом из мощных, диаметром около 0,5 м лиственничных бревен длиной более 6 м. Судя по тщательности, с какой были выструган брус и для сеней, а также и подобраны бревна для дома, этот жилой комплекс был представительского уровня. Сохранилось два венца сруба, причем верхние бревна сильно пострадали от огня. Вероятно, дом был уничтожен одним из многочисленных тарских пожаров.

Отличная сохранность деревянных конструкций в раскопе этого года позволила детально реконструировать многие элементы этого комплекса. Но в то же время мы столкнулись с целым рядом трудностей в проблемах датировки культурных горизонтов и интерпретации всего исследованного комплекса в плане соотношения с имеющимися у нас планами крепости. Прежде всего, это отсутствие хороших датирующих материалов. В ходе раскопок 2011 г. в острожной части города каждый культурный горизонт у нас датировался хорошим монетным материалом. Другие находки – торговые пломбы, металлический инвентарь, украшения – хорошо укладывались в эти хронологические отрезки. В этом году не было найдено ни одной монеты, более того практически отсутствуют вещи, которые бы указывали на престижность владельцев или особую значимость исследуемого комплекса. В ходе раскопок прошлых лет в полученных коллекциях были мужские серебряные перстни, металлические торговые пломбы с фамилиями владельцев, китайский и русский фарфор. В раскопках подобных комплексов в других городах Сибири, например воеводской усадьбы Томского кремля, была найдена замечательная коллекция изразцов¹. В этом году мы ничего подобного не нашли, но, на наш взгляд, этому есть объяснение.

Подобная ситуация объясняется тем, что в этом году раскоп был заложен на периферийной (хозяйственной) части усадьбы. На имеющихся у нас картах XVII–XVIII вв. положение комплекса устойчиво привязано к этому району крепости, но она показана одним массивом, и разделения на отдельные строения нет. Исключение представляет рисунок С. У. Ремезова, где усадьба показана в виде четырех строений, связанных друг с другом и вытянутых перпендикулярно террасе Иртыша. Исходя из этого очевидно, что мы вышли в раскопе на самую южную часть усадьбы, вдоль которой и была проложена мостовая. В пользу этого говорит и то, что воеводская изба не могла быть расположена непосредственно рядом с мостовой, а, скорее всего, к мостовой могли выходить только ворота усадьбы. По материалам раскопок очевидно, что усадьба несколько раз меняла свою планиграфию и первоначально мостовая была центральной улицей крепости. Но впоследствии, после значительного расширения крепости, предположительно в конце XVII в. необходимость в мостовой исчезла, и она была завалена мусором, а затем погребена под огромными напластованиями навоза.

Тем не менее полученная в ходе раскопок 2012 г. коллекция оказалась достаточно представительной. В первую очередь следует отметить большое количество предметов из дерева, бересты, кожи, фрагментов тканей, которые сохранились благодаря значительной мощности культурного слоя и полутораметровому слою навоза. Во время раскопок предыдущих лет мы также находили достаточно много изделий из дерева и кожи², но в этом году добавились еще некоторые моменты.

Впервые за все годы раскопок мы нашли окрашенные вещи. Наиболее интересны несколько предметов. Это остатки верхней одежды красного цвета из тонкого войлока. Было найдено достаточно много фрагментов (17), но все они небольших размеров и, к сожалению, реконструировать одежду по ним невозможно. Мужские сапоги, у которых колодка была выкрашена краской на основе золотого порошка. Деревянная солонка в виде грибка, окрашенная голубой краской.

В этом году была найдена и первая надпись на деревянном предмете – это бирка с надписью «хмель» в виде прямоугольной

дощечки с двумя отверстиями, которую привязывали к мешкам с товаром. Надпись выполнена достаточно небрежно острым режущим предметом, скорее всего ножом. Судя по начертанию букв, она датируется началом XIX в. До этого года при раскопках Тары нами были встречены надписи в виде клейм на посуде и на торговых пломбах. Это первая бытовая надпись.

Еще одна категория находок – это детские игрушки и предметы досуга. Из игрушек к традиционным корабликам из сосновой и лиственничной коры и альчикам со свинцом для игры в бабки в этом году добавился лук с набором стрел из сосновой дранки. А к предметам досуга мы можем отнести две шахматные фигурки – коня и пешки. Находки шахматных фигурок поставили Тару в один ряд с «шахматными столицами» Западной Сибири – Мангазеей³ и Томском⁴.

Отдельно остановимся на обуви. В этом году коллекция Тарской обуви пополнилась еще на 200 образцов, из которых около 20 целых форм. Практически вся она найдена в нижних слоях культурного слоя и в целом соответствует выделенным нами типам обуви, которую мы датируем допетровским временем⁵. Но выделяется сапог, о котором мы уже писали, – у него колодка окрашена золотой краской. У этого сапога несколько особенностей – он имеет ажурные ботфорты, расшитые швы и наборный высокий каблук из 15 слоев толстой кожи. По всей вероятности эту обувь носил тарский щеголь. И это практически единственный предмет, который указывает на то, что хозяин усадьбы занимал высокий пост в городе.

Раскопки 2012 г. предопределили направление дальнейших исследований – это раскопки всего комплекса воеводской усадьбы. Сохранность деревянных конструкций позволяет предельно точно восстановить всю планиграфию усадьбы. Коллекции предметов существенно расширяют наши представления об облике тарчан, их занятиях, досуге и т. д. На наш взгляд, имеется хорошая возможность создать на основе этого объекта в Таре археолого-историко-архитектурный ансамбль.

Создание центра будет способствовать привлечению внимания к городу. Омский научный центр Сибирского отделения

РАН в лице Омского филиала Института археологии этнографии Сибирского РАН готов участвовать в разработке многоцелевой программы создания на базе природных эколого-рекреационных и культурно-исторических ресурсов Тарского Прииртышья современной туристическо-оздоровительной индустрии, предоставляющей широкие возможности для отдыха, оздоровления и изучения уникальных природных объектов и культурно-исторических достопримечательностей города и района. Реализация программы будет иметь ряд важнейших культурно-образовательных результатов, таких как развитие образования, патриотического воспитания молодежи, формирования гражданской позиции населения района в условиях развития демократического общества Российской Федерации.

---

¹ Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск, 2002. – С. 56–69.

² Татауров С. Ф. : 1) Археологические исследования исторического центра города Тара в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 года. – Новосибирск 2009. – Т. XV. – С. 396–400; 2) Археологические исследования г. Тары в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 312–315; 3) Археологические исследования города Тары в 2011 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск, 2011. – Т. XVII. – С. 239–242.

³ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург-Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург-Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург-Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.

⁴ Черная М. П. Азартные игры в досуге томичей: предварительные замечания к социально-психологическому анализу // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. – Томск, 2004. – С. 286–296.

⁵ Богомолов В. Б., Татауров С. Ф. Коллекция обуви из раскопок города Тары в 2009 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2010. – С. 91–96.

О. Н. ШЕЛЕГИНА,* М. М. КАЧАН

*Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН,
Ачинск, Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова*

АЧИНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ Д. С. КАРГАПОЛОВА: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В музейном мире Сибири ведущую социокультурную роль в жизни общества играли и играют краеведческие музеи республиканского, областного и городского уровня¹. Среди них Ачинский краеведческий музей – один из старейших музеев в Сибирском регионе и на территории Красноярского края, организованный по инициативе учителя трехклассного училища Дмитрия Семеновича Каргаполова, собиравшего для этой цели книги, журналы, газеты, коллекции горных пород, растений, предметы старины. Он обратился в городскую думу с просьбой организовать в городе общественную библиотеку и музей, и 8 сентября 1887 г. библиотека и музей в Ачинске были открыты «для образовательных целей преимущественно». С тех пор музей – своеобразная визитная карточка города, аккумулирующая и визуализирующая информацию по истории Ачинска и Ачинского района. А 11 июня 2002 г. Ачинскому краеведческому музею, изначально выполнявшему научные и образовательные функции, осуществляющему «полезную и благотворную деятельность», было присвоено имя его создателя – Д. С. Каргаполова.

К началу XXI в. фонды Ачинского музея насчитывали около 26 тыс. единиц хранения, включали уникальные музейные предметы: полифон, гобелены (ручной и машинной работы); нагрудные знаки должностных лиц. О жизни и быте горожан XVII в. рассказывают коллекции медных денег, имевших хождение в Сибири, старинных колокольцев и предметов быта крестьян и купечества. На экспозиции представлены фотографии, оружие, документы, наградные знаки времен Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Музей, наряду с традиционными, внедряет в городскую среду новационные формы работы: биеннале; «Каргаполовские чтения»; акции «Дар бесценный», направленные на пополнение

музейных фондов. В открытом после реставрации в 2008 г. втором здании музея (бывшем доме купца Мокроусова) устраиваются выставки по актуальной для горожан проблематике. Событием для культурного сообщества города и края стали масштабный проект «Голоса войны», выставка к 65-летию победы в Великой Отечественной войне в трех залах музея; «Лаборатория успеха», выставка к 40-летию со дня выпуска первого глинозема на глиноземном комбинате; «Японская традиционная кукла» – совместная выставка с Японским посольством в России. На краевом кинофестивале отечественных фильмов им. Марины Ладьиной по материалам из фондов музея были организованы передвижные выставки «Из истории кино г. Ачинска...», «Образ женщины в кинематографе», выставка «Ой, Таш...» к краевому фестивалю «Ай-дашинская лира». Эти мероприятия вызвали интерес и имели большой резонанс среди гостей фестиваля, жителей города.

На современном этапе развития основные направления работы муниципального бюджетного учреждения культуры (МБУК) «Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова» связаны с сохранением культурной памяти города и края, формированием городской идентичности, проектированием культурных событий города, продвижением позитивного имиджа Ачинска в региональном экономическом, социокультурном и музейном пространстве. Этот музей является методической площадкой для музеев Западной группы городов и районов Красноярского края и общественных музеев. Сотрудниками музея реализуется система образовательных семинаров для общественных музеев города и района, ведется активная консультативная работа по учету и хранению музейных предметов, музейному проектированию, комплектованию музейных коллекций (см. таблицу 1 на с. 269).

Значительный потенциал для интеграции музея в городское социокультурное пространство и российское музейное сообщество, для адаптации к условиям глобализации содержится в активной проектной политике музея. В период с 2010 по 2013 гг. это учреждение культуры участвовало и получало гранты в ряде престижных и значимых конкурсов, в том числе:

– «*Новые музеи для Сибири*». Фонд культурных инициатив Михаила Прохорова (со стажировкой сотрудников в музеях Москвы и Московской области) (2010); участие в музейном фо-

руме «Детские дни в Петербурге» (стажировка в музеях города Санкт-Петербурга (2011); стажировки в музеях Нидерландов и Германии (2011, 2013);

– *социокультурные проекты Министерства культуры Красноярского края*: «WEB-каталог старинных книг, карт и особо ценных предметов основного фонда» (2011); «Музей ONLINE» (2012); «Дыхание жизни» (2013);

– «*Территория РУСАЛа*» Фонд социальных программ. «History of art» – фотоклуб для молодежи с особенными возможностями (2011); «Причулымские гуляния», номинация «Малая родина» (2013);

– «*За личный вклад в сохранение и развитие культуры Красноярского края*» индивидуальный грант губернатора края получили Т. Н. Колтышева, заместитель директора по научной работе (2010), Т. И. Рябчевская – главный хранитель фондов (2011), М. М. Качан – директор музея (2012).

Премии главы города талантливой и одаренной молодежи получили в номинациях «Гуманитарные науки» А. С. Агапченко – заведующий сектором информатизации (2011); «За общественную деятельность в области реализации молодежной политики» И. А. Лозинская – хранитель фондов музея (2012).

Следует отметить, что проект «History of Art» направлен на социальную адаптацию людей с индивидуальными особенностями, их включение в музейную деятельность, активное участие в социуме. Участники фотоклуба получили диплом лауреата краевого фестиваля творчества инвалидов «Вера. Надежда. Любовь» с теплыми словами Министерства культуры Красноярского края: «С верой в себя, с надеждой на будущее, с любовью к людям», стали победителями итоговой краевой выставки авторов-инвалидов в номинации «Мой край – Красноярский – взгляд сквозь объектив». В 2012–2013 гг. проект получил дальнейшее развитие и привлечение новой целевой аудитории – слабослышащих детей.

В 2013 г. музей под руководством М. М. Качан впервые стал победителем краевого конкурса «Вдохновение» Министерства культуры Красноярского края в номинации «Лучший музей» по итогам работы за три года (с 2010-го по 2012 г.).

Таблица 1

Основные показатели деятельности
МБУК «Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова»
за 2011–2012 гг.

Показатель	2011	2012	Отклонения	Причина
Количество экспонатов	29 364	29 463	+99	Плановый прирост числа предметов музейных коллекций
В том числе: основного фонда	22 433	22 489	+56	
научно-вспомогательного фонда	6 931	6 974	+43	
Количество массовых мероприятий	234	224	-10	Укрупнение мероприятий по количеству
Количество выставок:	33	34	+1	
в музее	28	26	+2	
вне музея	5	8	+3	
Число экскурсий	825	1 187	+362	
лекций	71	80	+9	
посещений	31 530	32 620	+1090	
экспонировавшихся предметов	3 940	4 031	+91	
Количество музейных предметов основного фонда, внесенных в электронный каталог музея	3 200	3 393	+193	

В названный период и в настоящее время проводится расширение площадей музея и фондохранилища, повышение квалификации сотрудников, укрепление партнерских и спонсорских связей с различными учреждениями и предприятиями города, края в реализации совместных проектов, внедрение новых форм работы с горожанами.

Площадь музея увеличилась с 1 144,8 до 1 581,0 кв. м. Сегодня музей работает в трех зданиях с экспозиционными, выставочными и фондовыми площадями. Новое помещение фондохранилища с местом для работы посетителей и музейной библиотеки открыто 21 декабря 2012 г., в год празднования 125-летия музея. К этому юбилею был издан сборник статей «Каргаполовских музейно-образовательных чтений» (2007–2011).

Стажировка специалистов за рубежом и полученный опыт организации современного музейного дела положили начало разработке концепции музейного комплекса в историческом центре города Ачинска.

Созданный более ста лет назад, музей и сейчас является главным достоянием города, местом, куда может прийти человек любого возраста и познакомиться с культурным наследием сибирского города Ачинска.

В целом история и современные направления в работе муниципального бюджетного учреждения культуры «Ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова» свидетельствуют о его важной роли в социокультурной жизни городского сообщества. Она связана с развитием исторического сознания и городской идентичности, интеграцией культуры, образования, социальной сферы (адаптация молодежи со специфическими потребностями), расширением форм реализации досуговых предпочтений горожан, формированием и продвижением позитивного имиджа города и музея на региональном, российском и международном уровне.

---

¹ Шелегина О. Н. Музеи Сибири. Очерки создания, развития, адаптации. – Новосибирск, 2010.

В. Г. ЛЕБЕДЕВА

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
лесотехнический университет*

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ХРАНИТЕЛЕМ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ?

Среди мегаполисов мира Санкт-Петербург занимает особое место как уникальный по своим масштабам и целостности памятник истории и культуры, результат грандиозного градостроительного эксперимента.

Индустриальная эпоха второй половины XIX – начала XX вв. стала одной из сложнейших для сохранения неповторимого облика этого города. Столица России за несколько десятилетий превратилась в мегаполис с миллионным населением. В этот период архитекторы и строители одновременно решали задачи деликатного дополнения сложившегося исторического центра, формиро-

вания промышленного пояса Петербурга, современной застройки окраин, а также гармоничного включения вчерашних пригородов в единое городское пространство.

В истории развития города в пореформенный период документально зафиксировано 1 300 авторов. С учетом высочайших темпов роста Петербурга такая избыточность авторских программ, казалось бы, должна была привести к его хаотической застройке. Но этого не произошло из-за высокой архитектурной культуры и господства целостного подхода к градостроительной практике. Архитектура обладала высочайшим государственным и общественным статусом, определенным еще Петром I. Должность архитектора была обязательной во властных структурах всех уровней, на крупнейших предприятиях, в вузах.

Девятнадцатый век стал временем формирования новой для России системы отраслевых высших учебных заведений, совмещавших подготовку специалистов для стремительно развивавшейся экономики с масштабными научными исследованиями. Перед зодчими были поставлены качественно новые задачи создания многофункциональных научно-образовательных комплексов. Особые требования предъявлялись к создателям Лесного института, возводившегося вблизи Петербурга. Слабая заселенность местности, специфический природоведческий профиль учебного заведения, исходно «запрограммированная» автономность «Лесного Кембриджа» России учитывались в проектах его архитекторов: А. Д. Неллингера, К. А. Тона, К. И. Реймерса, И. Ф. Лукини, Р. Л. Першке, Э. И. Жибера, А. И. Дитриха. К началу XX в. в вошедшем к тому времени в черту города комплексе зданий Лесного института гармонично сочетались неоклассика, эклектика, северный модерн.

В правление Александра III поиски истоков русского искусства привели к изучению национальной архитектуры XI–XVII вв. и постановке задачи сохранения архитектурного наследия России. В конце XIX в. А. Бенуа и его соратниками был поставлен очень актуальный для эпохи молодого капитализма (с его экспансией копий и ретроподделок) вопрос о научном подходе к реставрации вообще и к восстановлению подлинников барокко и классицизма в частности. Для реализации системного подхода

к его решению была создана специальная комиссия по регистрации и оценке памятников архитектуры Петербурга¹.

Как и в современной России, особыми поводами для активизации реставрационной деятельности становились важные юбилейные даты истории страны, города, отдельных учреждений и организаций. Одним из таких стимулов явился 200-летний юбилей Петербурга, по счастливой случайности совпавший со столетием Лесного института. Созданный в мае 1803 г. по Указу Александра I институт получил к вековому юбилею звание «Императорского» и беспрецедентное финансирование для ремонта и реконструкции всех своих 18 зданий. Несмотря на катаклизмы XX в., большая их часть сохранилась до нашего времени.

По Указу Президента РФ от 20 февраля 1995 г. «Комплекс Лесного института» был включен в перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. Постановлением Правительства Санкт-Петербурга – Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников Санкт-Петербурга (КГИОП) от 28 мая 2003 г. были определены границы его территории и утвержден состав, включающий 25 объектов на территории его парка: шесть прудов с протоками, мемориальные зоны, учебные, жилые и вспомогательные корпуса. Парк Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета – памятник истории и культуры XIX – начала XX вв., особо охраняемая природная территория (более 67 га) с крупнейшей в мире коллекцией древесных растений, произрастающих в условиях высоких широт. Его территория является федеральной собственностью, представленной в бесспорное пользование вуза.

Статус хранителя объектов культурного наследия накладывает определенные обязательства по выполнению этой почетной миссии. Это весьма непросто в современных экономических условиях и в ситуации финансирования государственных вузов, где не предусмотрены затраты на реставрацию памятников истории и культуры. Представляемые руководством вуза сметы даже на капитальный ремонт учебных зданий сокращаются в разы при их утверждении Министерством образования и науки. Но реставрация – это не ремонт, она требует гораздо больших финансовых

вложений, дорогостоящих экспертных оценок, привлечения особых технологий и специалистов.

Ситуация с сохранением культурно-исторических объектов в отдельно взятом вузе отражает общую сложную картину. Культурное наследие Петербурга составляет около 10 % всех памятников истории и культуры России. Этот перечень постоянно растет: в 2004 г. в нем было 7 783 объектов, в 2010 г. – 8 051. Динамика роста списка памятников культурного наследия существенно опережает реставрационно-консервационные работы по их сохранению, а также решение ряда проблем ответственного пользования объектами для арендаторов. От них и отказаться нельзя, и выполнять достойно миссию хранителей не по силам. Неслучайно так медленно составляется охранная документация, ибо и КГИОП, и арендаторы исторической недвижимости понимают сложность проблемы².

Одна из острейших – проблема инвестиций в охрану памятников. Ежегодно Комитет финансов Правительства Санкт-Петербурга анализирует показатели 25 целевых статей, имеющих максимальный вес в структуре расходов бюджета города. Расходы на государственную охрану объектов культурного наследия, их реставрацию, консервацию и ремонт даже в таком городе, как Петербург, не каждый год попадают в данный «привилегированный» список, а если и попадают, то далеко не на первые позиции: обычно они стоят на местах от 19-го и до 25-го. Но, даже если в перечне целевых статей расходы на охрану этих объектов и значатся, остается болезненной проблема распределения выделяемых средств между многочисленными претендентами. Мощное «лобби» великих музейных комплексов – это тоже суровая реальность наших дней.

Одним из путей финансирования охраны памятников культуры являются частные инвестиции в это благое дело. Состоятельный человек смотрит на историческую недвижимость сквозь призму прибыли, и осуждать его за это – значит не понимать природы бизнеса. В современной литературе называются следующие основные критерии инвестиций: а) инженерно-технические: свойства объектов, историческая справка, состояние, конструктивные особенности, год постройки, перестройки, проценты физического и морального износа; б) экономические: историческая значимость объекта, структура затрат и расходов с точки зрения их окупаемо-

сти (способные к самокупаемости, способные при постоянном инвестировании, экономически невыгодные); в) юридические критерии: разрешена ли их приватизация, наличие смет, методик, паспортов зданий, срок оформления купли-продажи здания, срок оформления охранных обязательств; страхование гражданской ответственности.

Вузы живут в исторических интерьерах и не могут их перепрофилировать, так же как использовать их для коммерческой деятельности. Исключение – профориентационная работа со школьниками, в которой памятники истории и культуры – это важный фактор повышения имиджа учебного заведения. Парк Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета – музейное пространство особого рода со своей топографией, мифологией, информационными зонами, видовыми панорамами. В экскурсионной работе используется навигационная карта парка, издан презентационный буклет об объектах культурного наследия, проложены краеведческие маршруты.

Тяжким бременем для хранителей является обязательная «поддерживающая реставрация» после восстановления объекта. Каждый памятник независимо от его статуса должен иметь четко обоснованный и спланированный регламент реставрации и эксплуатации, состоящий из двух частей: 1) технологическая – когда, как, кем, с какой периодичностью и какие виды реставрационных и поддерживающих работ необходимо проводить на фасадах и интерьерах; 2) сметная – стоимость этих работ поэтапно и по годам. В Петербургской стратегии сохранения культурного наследия говорится: «Культурное наследие в эпоху глобализации наравне с природным богатством – это главное основание для национального самоуважения и признания мировым сообществом». Как непросто быть хранителем этого наследия...

---

¹ Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX – начала XX вв. – М., 2008.

² См. об этом подробнее: Гринцева Е. А. Поиск критериев для привлечения инвестиций с целью обновления исторических объектов // Реставрация. Ежегодник. – СПб., 2010. – С. 14; Проценко И. В. Исторический памятник как стимул экономического развития территории // Реставрация. Ежегодник. – СПб., 2011. – С. 7; Харьюзов Л. С., Соболева М. В. Эксплуатация памятников истории и культуры после реставрации // Реликвия. Реставрация. Консервация. Музей. – СПб., 2010. – № 23. – С. 34.

С. С. НАУМОВ

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ
В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА АКТИВИЗАЦИЮ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИЛ РЕГИОНА**

Рассматривая опыт возрождения и актуализации роли отечественного культурного наследия на примере деятельности в Омске общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК), можно сделать вывод о том, что эта организация стала одной из ключевых в деле консолидации отдельных групп интеллигенции в новых условиях и осуществлении их культуротворческой миссии – сохранении и возрождении историко-культурного наследия и исторической памяти общества.

Общим отличием Омского отделения ВООПИК от других общественных организаций было то, что к моменту начала перестройки оно имело почти 20-летний опыт деятельности по сохранению историко-культурного наследия региона и было самой значительной организацией в области, занимающейся вопросами трансляции исторической памяти.

В начале 1985 г., когда политика перестройки только начала разворачиваться, символическим событием стало проведение восьмой отчетно-выборной конференции Омского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Сохранение культурного наследия, эффективное использование памятников стали темой конференции. Из статьи ответственного секретаря Омского областного Совета ВООПИК В. Г. Титова, посвященной работе конференции, мы можем понять, что к началу 1985 г. усилиями членов Омского отделения общества было выявлено более 1 100 точек памяти – памятников и памятных мест, 361 памятник был поставлен на государственную охрану, 12 из них были взяты на охрану решением Совета министров РСФСР и имеют республиканское значение. «Среди

них – памятник Д. М. Карбышеву, здания Никольской казачьей церкви, Омский институт инженеров транспорта, общевоинского училища им. М. В. Фрунзе... и другие»¹. По инициативе областного совета ВООПИК в городе и области было установлено свыше ста памятных и мемориальных досок.

В статье В. Г. Титов также обратил внимание на то, что «на конференции выступил начальник областного управления культуры А. И. Ресненко, который отметил возрастающую роль памятников в воспитательной работе, указал на более тесное взаимодействие государственных органов с Обществом охраны памятников»². Тут можно отметить тот факт, что перестроечные процессы, связанные с модернизацией советского общества, привели к существенному изменению роли и функций»³, выполняемых провинциальной интеллигенцией в рамках региональных общественно-государственных структур.

Активизация деятельности Омского отделения общества с началом перестройки выразилась в подготовке к изданию полного свода памятников истории и культуры Омской области, включающего перечень всех существующих памятников истории и культуры и выявление и описание новых.

Наиболее активно включилось в работу в этот период отделение Куйбышевского района, на территории которого располагался центр города, и потому в нем сохранилось значительное количество недвижимых памятников истории. Характеризуя достижения этого периода, Л. С. Мельникова, пишет: «Была завершена реставрация здания Драматического театра, отреставрировано здание Дома природы Куйбышевского района (памятник деревянного зодчества на ул. Пушкина), установлена памятная доска в честь 150-летия Чокана Валиханова»⁴.

В связи с грядущим в 1987 г. 70-летием Октябрьской революции:

– был намечен план по художественно-монументальному оформлению города: мемориального сквера им. Борцов революции, площади у Речного вокзала (там была запланирована установка памятного знака в честь основания Омска);

– планировалось проведение праздников улиц, носящих имена борцов революции в Омске (улицы Масленникова, А. Нейбута, Пранова, Звездова и др.).

Всего отделением ВООПИК по Куйбышевскому району было взято на учет 62 памятника (пять – республиканского значения) и установлены 24 мемориальные доски.

В марте 1987 г. состоялась девятая областная отчетно-выборная конференция Омского отделения ВООПИК. На этой конференции был избран новый состав совета Омского отделения, председателем которого вновь был избран доктор исторических наук, профессор А. Д. Колесников, а заместителем председателя В. Г. Титов. Были выбраны делегаты на V съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, который должен был состояться в июле 1987 г. в г. Горьком. В докладе А. Д. Колесников отметил, что в условиях объявленной политики Перестройки и гласности необходимо подходить к проблемам сохранности историко-культурного наследия более критично и активнее проводить работу с молодежью, «принимать более деятельное участие в обсуждении новых произведений монументального искусства»⁵. С трибуны президиума Омского отделения прозвучала фраза о том, что недостаточно проведена работа по замене временных обелисков в честь павших на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн и что далеко не за всеми ними ведется должный уход. В докладе Колесникова прозвучала мысль о том, что в городе и области издается мало краеведческой литературы, что ограничивает возможности по формированию исторического сознания у молодого поколения.

Любопытно отметить и то, что на конференции прозвучало предложение, связанное с созданием маршрута памяти, который бы отразил преемственность восприятия событий героического прошлого Сибири. Так, Ф. И. Новиков (в то время заведующий отделом городского Дворца пионеров и школьников) высказал идею разработки туристического маршрута, который бы прошел по пути, пройденному дружиной Ермака. Также прозвучало пожелание по оказанию содействия музеям боевой и трудовой славы, которые чаще всего не имели материалов по истории родного края. Важно отметить и то, что на этой конференции был рассмотрен вопрос о коммуникации между городами в деле обмена опытом по трансляции исторической памяти: главный архитектор архитектурно-реставрационной мастерской Ю. И. Бардычев

рассказал о планах работы, о том, как в Томске поставлено реставрационное дело.

Определенные итоги работы Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников на страницах омской печати подводились летом 1987 г. в развернутом интервью с А. Д. Колесниковым⁶. Характерным штрихом, свидетельствующим о духе времени, являются слова, с которых начинается статья. В них говорится о том, что происходящие события переломные, решающие для судьбы народа. Таким образом, мы можем убедиться, что демократические послы перестройки к середине 1987 г. утвердились в идеологической составляющей реформ и оказали существенное влияние на возможность интеллигенции свободно высказывать свое мнение. Это во многом повлияло на небывалый рост интереса к культурной истории и истории страны в целом: «В час, когда требуется высочайшее напряжение сил, обретают реальную мощь славные традиции предков, и они как бы становятся в наш строй, укрепляя наш дух своим примером»⁷.

Анализируя деятельность Омского отделения Общества охраны памятников накануне его 20-летия, корреспондент «Омской правды» С. А. Алексеенко делает вывод о ряде проблем, «заслуга» в возникновении которых в равной степени принадлежит как членам общества, так и широкой общественности. Деятельность общества характеризуется как изолированная от широких слоев, проявляется недостаточное использование представителями научно-педагогической и художественной интеллигенции информационных ресурсов (печати, радио, телевидения). Состояние настроений в обществе характеризуется автором как равнодушное, отстраненное, ограниченное (в лучшем случае) выплатой взносов. По мнению журналиста, именно перестройка должна заключаться в обращении к могучему резерву людей, неравнодушных к своему прошлому, и к проблемам сохранения историко-культурного наследия.

Тем не менее резко возросшая активность самых различных кругов людей по отношению истории страны, связанная с идеологической переориентацией в условиях перестройки, давала свои результаты в области трансформации исторической памяти. Нами уже была замечена тенденция, общим моментом которой

стала привязка реализации программ по формированию «точек исторической памяти», складывания исторического сознания с событиями, посвященными 70-й годовщине Великого Октября. Так, в канун торжественных юбилейных событий прошло создание в Омске нового мемориального комплекса – мемориального сквера на ул. Красный Путь, рядом с остановкой «Судоремонтный завод» (ныне – остановка «Старозагородная роща»).

Таким образом, рассмотрев материалы открытых источников, мы можем утверждать, что к 1987 г. в Омске оформилось общество, консолидировавшее интеллектуальные силы региона. Составными частями этого сообщества служили ряд местных историко-просветительских организаций, важнейшей из которых являлось Омское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Такие факторы, как количественная и профессиональная структурированность групп интеллигенции (исторические, педагогические, краеведческие, музееведческие, творческие), будучи разобщенными в предыдущие годы, стали влиять на формирование культурной среды города. Вместе с тем сами характерные черты структуры являлись показателями активизации деятельности по проблемам сохранения и трансляции исторической памяти. Наличие сообщества интеллигенции свидетельствует об оживленном движении по сохранению историко-культурного наследия региона, исторической памяти его жителей на протяжении всего исследуемого периода.

---

¹ Титов В. Г. Истории застывшие мгновения // Вечерний Омск. – 1985. – 10 апр.

² Там же.

³ Абрамов В. Н. Интеллигенция в политической жизни анклавного региона России конца 80-х – середины 90-х гг. // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. Тезисы докладов научно-теоретической конференции (Иваново, 24–25 сентября 1996 г.) – Иваново, 1996. – С. 508–510.

⁴ Мельникова Л. С. Все, чем мы гордимся // Вечерний Омск. – 1986. – 27 дек.

⁵ Татин Г. Маршруты памяти // Вечерний Омск. – 1987. – 14 марта.

⁶ Колесников А. Д. Если дорог тебе твой дом // Омская правда. – 1987. – 22 июля.

⁷ Там же.

Д. В. ЕРОШЕВСКАЯ

Омск, Омский государственный историко-краеведческий музей

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В МУЗЕЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ТАРСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В 2000-х гг. в г. Таре появились постоянно действующие выставки при местных аптеке и библиотеке, а также был создан виртуальный «Музей просвещения» при Тарском филиале Омского государственного педагогического университета (далее ТФ ОмГПУ). До этого в Таре существовали историко-краеведческий музей, художественная галерея, а также ряд общественных музеев. Факт организации выставок свидетельствует о новых веяниях в музейном деле района, о том, что сама идея создания общественных музеев жива и есть энтузиасты, которые берутся за это дело, а музейные выставки по мере накопления экспонатов могут перерасти в дальнейшем в самостоятельные музеи.

Идея создания выставки в торговом зале Тарской центральной районной аптеки № 40 принадлежит заместителю заведующей аптеки Марии Ярославовне Хоздринь. В складских помещениях давно уже находились различные старинные предметы аптекарского дела. М. Я. Хоздринь рассказала по этому поводу следующее: «Мне захотелось представить их на обзор людям, приходящим в аптеку за лекарствами. Очень часто в аптеке бывают очереди, а так можно скоротать время, наблюдая эти предметы, которые рассказывают, как раньше делали лекарства люди. Идею поддержал сын, который также работает в медицинской сфере, и начали собирать экспонаты»¹.

Экспонаты собирали по всему Тарскому району начиная с 2007 г., а выставка открылась в январе 2009 г. Собранные предметы расположились в торговом зале аптеки в двух соединенных друг с другом небольших застекленных витринах, образующих, таким образом, одну большую. По верхней части витрин разместились надпись – «Аптекарское дело». На полках витрин расположились различные предметы: ступки (среди них особо выделяется ступка аптечная XVIII в.), пестики, с помощью которых измельчали и смешивали препараты для приготовления мазей, эмульсий и других лекарств; различные колбы; мензурки; воронки; баночки

с написанными на них названиями веществ, которые раньше в них находились; спиртометр 1922 г.; весы для взвешивания сухих, густых и жидких веществ; весы ручные для взвешивания сыпучих и вязких веществ; устройство для изготовления суппозиторий; пилюльная машинка, а также старинные книги по фармакологии.

В настоящее время выставку может посмотреть любой желающий посетитель аптеки. Сама идея организации постоянно действующей выставки в аптеке является новинкой для г. Тары, и олицетворена она только в местной аптеке № 40.

Постоянно действующая выставка «Музей редкой книги» была создана в январе 2010 г. в здании Центральной районной библиотеки. Идея ее создания принадлежит директору библиотеки – Людмиле Ивановне Аскаленко. Создателем стала Наталья Ивановна Пастухова – ведущий библиотекарь читального зала².

Создание выставки не заняло много времени, ведь Центральная районная библиотека обладает огромными запасами, которые ее работникам хотелось бы показать посетителям. Основной целью создания выставки «Музей книги» ее создатели определили следующую – на примере изданий, хранящихся в библиотеке, показать путь развития, который прошла книга от первых рукописей до современных образцов, раскрыть ценность книги как памятника культуры³.

Выставка разместилась в читальном зале «Интеллект», демонстрирует ценные и редкие книги библиотеки и представлена десятью разделами: издания XIX в.; издания конца XIX – начала XX вв.; учебная книга XIX–XX вв.; миниатюрные издания; коллекция переплетов; книги, изданные в 1941–1945 гг.; факсимильные издания; репринтные издания; книжная графика и иллюстрация; коллекция автографов⁴. В дополнение к выставке «Музей книги» библиотекой были выпущены каталоги: коллекция «Учебные книги»; энциклопедии конца XIX – начала XX вв.; коллекция книг, изданная в годы Великой Отечественной войны.

В феврале 2012 г. в здании Центральной районной библиотеки была открыта постоянно действующая выставка «Хранители времени: три века русского календаря», которую впоследствии стали называть «Музей часов» из-за большого наличия на ней часовых механизмов (на выставке помимо многочисленных

календарей представлено около 30 часовых механизмов разных времен без этикетаж, к сожалению).

Виртуальный музей в г. Таре появился в 2009 г. Свою историю он ведет с создания на кафедре истории и гуманитарных дисциплин Тарского филиала ОмГПУ культурно-просветительского центра «Малая родина», деятельность которого направлена на изучение и сохранение историко-культурного пространства Омского Прииртышья⁵.

Одним из результатов работы центра «Малая родина» по популяризации краеведческих знаний стало создание проекта «Музей просвещения». Инициаторами его создания в ТФ ОмГПУ выступили доцент кафедры истории и гуманитарных дисциплин кандидат исторических наук Евгения Валерьевна Соколова и студенты Александр Тихонов и Андрей Корпусев. В рамках презентации музея предполагалось позиционировать Музей просвещения как музей XXI в., который объединит историю, символику, культуру, приоритетные направления в образовании и т. д. Разработка проекта «Музей просвещения как одного из вариантов инновационной деятельности вуза» предполагала создание исторического наследия, сбор материалов по истории вуза. Авторы идеи старались при этом следовать современному техническому направлению⁶.

В 2009 г. на хостинге uCoz был создан сайт www.omgru-museum.ucoz.ru. В первую очередь его создание связано с тем, чтобы представить на всеобщее обозрение результаты работы по грантовому проекту. По мнению авторов проекта «такая работа не может быть мгновенно завершена. Она направлена на накопление материала, который постепенно становится историей... “Музей просвещения” рассчитан на долгосрочную перспективу и не ограничивается строгими рамками реализации... наличие музея при филиале позволит подчеркнуть его роль как одной из доминант культурного пространства г. Тары»⁷.

В настоящее время файловый каталог сайта постоянно пополняется. Здесь разместились отчет о проведении региональной ученической научно-практической конференции «Социально-экономическое и культурное развитие России» (2011), фотоотчеты о проведенных в университете конференциях, учебно-методическое пособие «Научно-исследовательская деятельность студента в вузе», различные книги в электронном варианте и др.⁸

Сайт предоставляет возможность доступа к материалам музея через сеть Интернет, тем самым расширяя число потенциальных посетителей музея. Материалы становятся репрезентативными, т. е. посредством внешних накопительных данных любая часть электронных материалов может быть перенесена на другой компьютер, а при наличии доступа в Интернет можно просматривать в режиме «online» сканированные книги в формате PDF, скачивать тексты сборников и смотреть фотографии. Рамки музея просвещения постоянно расширяются. Например, в ходе работы над проектом «История деревень и причины их исчезновения в советский период в Тарском районе» Е. В. Пыхтеевой было собрано большое количество архивных документов, фотоматериалов, что расширило видение историко-краеведческого пространства региона. Новый материал позволит интересующимся изучать не только историю не существующих в настоящее время деревень Тарского района, но и выявлять причины их исчезновения⁹.

Полученные материалы имеют огромную ценность для изучения истории и краеведения региона, поскольку свидетельств существования ныне исчезнувших населенных пунктов крайне мало, а число живых свидетелей с каждым годом сокращается. Размещение данных материалов на сайте позволит систематизировать и представить в электронном виде материалы по истории населенных пунктов района, которых уже нет на картах. Следовательно, Музей просвещения является базовой площадкой инновационной деятельности вуза и кафедры в частности. Выступая новой формой подачи исторического материала, он становится одним из средств формирования краеведческих знаний¹⁰.

Таким образом, стоит отметить, что постоянно действующие выставки при местной аптеке и библиотеке являются хорошим примером для создания подобных выставок при других организациях или учреждениях, повышая тем самым их авторитет и статус. Виртуальный музей за счет применения интернет-технологий решает такие традиционные музейные проблемы, как хранение, безопасность, обеспечение широкого, быстрого и самое главное – легкого доступа к источникам, что способствует его популяризации.

---

¹ Интервью с М. Я. Хоздринь // Материалы из архива автора.

² Интервью с Н. И. Пастуховой // Материалы из архива автора.

³ Музей редкой книги в библиотеке // Тарская центральная районная библиотека // Клубы по интересам. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tara-lib.ru/proekt_9.html (дата обращения: 21.05.2012).

⁴ Материалы из экспозиции Музея редкой книги.

⁵ Лабикова Р. Н. Культурно-просветительный центр «Малая родина» как звено в формировании краеведческих знаний студентов // Социально-экономическое и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья: материалы IV науч.-практ. конф., посвященной памяти А. В. Ваганова. – Тара, 2009. – С. 194.

⁶ Интервью с А. Тихоновым // Материалы из архива автора.

⁷ Лабикова Р. Н. Указ соч. – С. 193.

⁸ Музей просвещения. – URL: // <http://omgrpu-museum.ucoz.ru> (дата обращения: 21.05.2011).

⁹ Лабикова Р. Н. Указ соч. – С.193–194.

¹⁰ Там же. С. 194.

Т. М. НАЗАРЦЕВА

Омск, Омский государственный историко-краеведческий музей

О СОЗДАНИИ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ М. А. УЛЬЯНОВА В ТАРЕ

Музейная сеть Омской области на начало 2013 г. насчитывала около 200 музеев. Это государственные, муниципальные, ведомственные музеи разного профиля. Преобладают музеи историко-краеведческие. В ряде районных поселков работают художественные музеи, во многих муниципальных музеях имеются художественные отделы. К сожалению, мемориальных музеев практически нет в областной музейной сети. Музей поэта Аркадия Кутилова, созданный в с. Бражниково Колосовского района, пожалуй единственный, но его юридическая основа не проработана. Поэтому решение о создании мемориального музея М. А. Ульянова в г. Таре является важным этапом в развитии музейной сети Омской области.

Создание мемориального музея именно в этом городе вполне закономерно. Детство и юность в 1930–1940-х гг. М. А. Ульянов провел в Таре, здесь он впервые вышел на сцену, занимаясь в самодеятельном коллективе. Будучи уже известным артистом, часто бывал в родном городе, в родительском доме. Инициатива создания музея принадлежит жителям Тары. Несколько лет назад был создан Благотворительный фонд памяти М. А. Ульянова «Си-

бирская глубинка». Его возглавил бывший районной администрации П. Ю. Исаев. Активисты начали комплектование коллекции, провели сбор денежных средств для того, чтобы выкупить мемориальный дом.

В 2013 г. во время приезда в Омск, министра культуры России В. Р. Мединского были достигнуты договоренности о федеральной поддержке при реализации крупных культурных проектов в Омской области. В их числе – создание в г. Таре Дома-музея М. А. Ульянова. В мае 2013 г. губернатором Омской области В. И. Назаровым было дано поручение Министерству культуры Омской области о подготовке заявки в целевую программу Российской Федерации на создание музея М. А. Ульянова в качестве филиала Омского государственного историко-краеведческого музея. В то же время Благотворительным фондом памяти М. А. Ульянова «Сибирская глубинка» был выкуплен дом родителей Ульяновых. В середине октября 2013 г. было завершено юридическое оформление здания и прилегающей территории в областную собственность. Состоялась его передача в оперативное управление Омскому государственному историко-краеведческому музею (ОГИК).

Это традиционная изба-пятистенок, по данным районного бюро технической инвентаризации построена в 1917 г., в 1950–1960-е гг. была подвергнута перестройке. В настоящее время помещение включает кухню-прихожую и две комнаты.

Экспозиционная площадь составляет всего 40 кв. м; во дворе сохранился амбар, который был построен одновременно с избой, все поздние усадебные постройки подлежат сносу. Планируемый ремонт здания не предполагает больших реконструкций.

Еще до завершения юридических процедур началась подготовка к созданию первой экспозиции в мемориальном здании, которая будет создана в 2014 г., в год 420-летия Тары.

Исходя из сжатых сроков, для выполнения ремонтных работ и создания экспозиции предполагается создать экспозицию из двух разделов. В одной из комнат будет воссоздана обстановка 1930-х гг. Сведения о том, как выглядел дом, получены от сестры Михаила Александровича — Маргариты Александровны Козловой. По ее воспоминаниям, первоначально дом состоял только из кухни и большой светлой комнаты. На кухне стояла большая рус-

ская печь, справа от входа деревянная кровать, на которой, чередуясь, спали дети. Если одному доставалось спать на кровати, второй ночевал на печи. Вдоль стен были деревянные лавки, обеденный стол кустарной работы. В комнате была печка-голландка прямоугольной формы, оббитая железом и покрашенная черной краской. Напротив входной двери стоял комод, справа от него, между окнами, располагались две кадки с большими растениями — в одной рос фикус, во второй – китайская роза (гибискус). Слева от входа стоял буфет, за ним деревянная кровать. Центр комнаты занимал квадратный стол, покрытый скатертью. Сидели на табуретках, стулья появились уже в 1950-е гг. Вся мебель была простая, но добротная и крепкая. Именно эти сведения будут положены в основу мемориальной экспозиции.

Во второй комнате будет представлен тематический показ жизненного пути великого артиста: о семье Ульяновых, их жизни в Омском Прииртышье, первых сценических опытах М. А. Ульянова в Таре, его учебе в студии при Омском областном драматическом театре в годы Великой Отечественной войны. Предстоит также отразить учебу в московском Высшем театральном училище им. Б. В. Шукина, работу в театре им. Евгения Вахтангова, общественную деятельность, в том числе и на посту руководителя Союза театральных деятелей России. Предполагается представить разнообразный экспозиционный материал: архивные документы, книги, письма, фотографии, личные вещи, театральные костюмы Ульянова, макеты и эскизы оформления театральных постановок, государственные награды; источники о гастролях актера с театром им. Е. Вахтангова в Омске, о творческих встречах с омичами, об участии в создании Северного театра в Таре, книги, публикации о его творчестве и общественной деятельности и др. Особое место будет отведено фильмографии.

Летом 2013 г. группа научных сотрудников выезжала в Тару для комплектования фондов будущего музея. В процессе работы были изучены фотографии, книги, документы, которые находятся в районной библиотеке, музее, Северном драматическом театре. Много предметов для экспозиции будущего музея собрано в Музее истории культуры Тарского района, который работает при Тарской районной библиотеке. В театре хранятся мемориальные

предметы. Среди первых экспонатов книги, подаренные дочерью актера Еленой Ульяновой. Сестра актера передала из семейного архива редкие фотографии. Во время поездки состоялись встречи с одноклассниками М. А. Ульянова, соседями родителей, творческой интеллигенцией Тары, людьми, которые встречались с актерам, когда он приезжал в родные места.

В октября 2013 г. директор музея П. П. Вибе встретился в Москве с дочерью Михаила Александровича – Еленой Михайловной. Она передала в музей две книги: в одной из опубликованы дневники и записные книжки актера, вторая была издана незадолго до смерти артиста. В ней рассказы Ульянова о его работе художественным руководителем театра им. Е. Вахтангова, об актерах театра. Директор театра им. Е. Вахтангова К. И. Крок пообещал передать в Дом-музей сценические костюмы великого артиста.

Созданием экспозиции в мемориальном доме планы не ограничиваются. Сотрудники ОГИК музея выступили с предложением создать культурно-образовательный центр Михаила Ульянова. На прилегающей к мемориальному дому территории предлагается построить двухэтажное здание в стиле тарской традиционной архитектуры с кирпичным первым этажом и бревенчатым вторым. В нем разместить зал для кинопоказов и лекций на 40–50 зрителей, выставочный зал, хранилище для коллекций. При наличии площади может быть оборудовано помещение небольшой гостиницы, в которой размещались бы экскурсанты из других городов.

В октябре 2013 г. завершено оформление юридических документов, составлены проекты ремонтно-реставрационных работ. На правах заведующего отделом принят сотрудник для решения оперативных вопросов подготовки первой экспозиции. Им стал М. А. Авласович (полный тезка актера) – педагог по образованию.

В 2014 г. предстоит выполнить большой объем работ по подготовке нового музея. В здании провести ремонтные работы, скомплектовать коллекцию, выполнить научное и художественное проектирование будущей экспозиции. Появление этого музея на туристической карте Омской области сделает привлекательные Тару для российских туристов, обогатит культурную жизнь северной глубинки.

И. А. КОЛЬЦ

Омск, Омский государственный педагогический университет

**СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере музейной и выставочной
деятельности Ссибири)**

Более семи десятилетий, прошедших с начала Великой Отечественной войны, показали актуальность дальнейшего изучения этого величайшего бедствия XX в. Так, несмотря на появление в отечественной историографии целого ряда публикаций, раскрывающих некоторые проблемы сохранения и использования культурного наследия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), многие аспекты этой темы недостаточно изучены.

К числу этих вопросов относится в том числе музейная и выставочная деятельность в Сибири. Причины этого во многом заключаются в том, что, как справедливо отмечали в свое время В. Ш. Назимова и В. Г. Рыженко, «трудности изучения вопроса связаны с практическим отсутствием документальных материалов в государственных архивохранилищах. Хотя консервация многих музеев в годы войны не означала прекращения их деятельности, но документы оседали в самих учреждениях, лишь фрагментарно попадая в соответствующие фонды»¹. Это во многом усложняет задачу в полной мере отразить их деятельность.

Война оказала на состояние музеев тыловых регионов двойственное влияние. С одной стороны, условия военного времени привели к вынужденной консервации, сокращению штатов и прекращению экспозиционной деятельности в полном объеме. Основной целью оставшихся в штате работников являлось обеспечение сохранности фондов, организация тематических выставок и сбор материалов о войне, о боевых и трудовых подвигах земляков. С другой стороны, Сибирь стала базой для размещения эвакуированных из европейской части страны национальных культурных ценностей. Спасая культурные ценности, попавшие в зону боевых действий, государственная власть при поддержке общества и активном участии музейных работников предприняла широкомасштабные действия по их эвакуации в глубокий тыл, каким являлась Сибирь.

Только в одном Новосибирске были сосредоточены сокровища из Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Музея восточных культур, Музея нового западного искусства и часть фондов Музея музыкальной культуры, экспонаты ленинградских дворцов-музеев, Сумского и Смоленского музеев, коллекция инструментов Московской консерватории – всего 12 хранилищ. Часть размещенной в Новосибирске Третьяковской галереи получила статус филиала Государственной Третьяковской галереи². Этот филиал устраивал выставки из сокровищниц Третьяковки в Омске, приобщая омичей к ценностям отечественной культуры.

На площадях Омского краеведческого музея и верхнего этажа областной библиотеки им. А. С. Пушкина разместились ценности из Государственного исторического музея, Политехнического музея, Музея народов СССР, Музея им. В. В. Маяковского, Музея Революции, Литературного музея, Биологического музея им. Ч. Дарвина, а также ценнейшие исторические экспонаты из музеев Вологды, Воронежа, Новгорода³. Даже в условиях эвакуации без ущерба для хранения и консервации многие ценные экспонаты демонстрировались на тематических выставках, например, посвященной 130-летию Отечественной войны 1812 г., выставку трофейного оружия с Ленинградского фронта.

Кроме того, не прекращали выставочной и пропагандистской деятельности и местные музеи. В отчете о деятельности музеев Омской области за 1942 г. значилось девять музеев, из них семь краеведческих и два искусствоведческих. Однако сведения о проделанной работе подали лишь пять краеведческих. За год их посетило 99 295 экскурсантов. Было организовано 87 выставок, проведено 62 лекции. В пяти музеях работало 57 чел., в том числе 10 старших и младших научных работников⁴.

Деятельность Тюменского областного краеведческого музея после начала Великой Отечественной войны была свернута. Часть коллекций была утеряна, разграблена, погибла. Значительная часть коллекций драгоценных металлов взята в Фонд оборон⁵. Директор музея и часть сотрудников были взяты на фронт, а здание отдали под военный госпиталь. Уцелевшие экспонаты были перенесены в непригодный для их хранения склад.

Однако после неразберихи и массовой эвакуации 1941–1942 гг. в 1943 г. местные власти Тюмени решили воссоздать краеведческий музей. Этого требовала и политическая обстановка. Для многих тысяч эвакуированных Тюменская земля стала второй родиной, и они имели право знать ее историю, природные богатства. С марта 1943 г. начались подготовительные работы, а с мая деятельность музея была восстановлена. Ему вернули прежнее здание, а госпиталь был перевезен в другое место⁶. Был выделен штат в четыре единицы: директор, два научных сотрудника и сторож. Директором назначили В. В. Бобылеву, научным сотрудником – К. Ф. Бучельникову, а К. Т. Халтурина исполняла обязанности библиотекаря⁷. К середине июля 1943 г. были восстановлены экспозиции отдела природы и художественного отдела, а 15 июля музей открыли для посетителей. Через месяц были воссозданы экспозиции историко-революционного и антирелигиозного отделов, а к новому, 1944 г. открыта экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне⁸.

Большие сложности переживал Омский областной краеведческий музей. В 1941 г. решением облисполкома здание музея было передано воинской части, а ценности перемещены в помещение бывшей конюшни, находившейся во дворе⁹. Позднее второй этаж главного корпуса занимал Второй Московский медицинский институт¹⁰. Однако и в этих условиях в музее открывались новые выставки, необходимые жителям города и области для укрепления веры в победу нашей страны. Буквально через месяц после начала войны в музее была открыта выставка «Великая Отечественная война советского народа».

В 1942 г. делегация омичей, побывавшая у воинов Ленинградского фронта, привезла трофеи, которые были переданы музею и демонстрировались на выставке в марте 1942 г.¹¹ Позднее, в 1944 г., к 26-й годовщине Советской армии была организована выставка отечественного и трофейного оружия¹². В этом году впервые в истории музея число посетителей превысило 100 тыс. чел. Во многом это объяснялось успехом выставки оружия, которая размещалась на открытой площадке и привлекала внимание омичей.

Но жизнь некоторых экспонатов вне стен музея вплоть до июня 1945 г. не прошла бесследно. Как отмечалось в докладной записке о состоянии учреждений искусства от 23 сентября

1945 г. на имя первого секретаря Омского обкома партии С. Румянцева, «еще в 1942 г. было установлено в этом помещении (в конюшне при краеведческом музее. – *И. К.*) наличие грибка и наблюдалось разрушение полов, но никаких мер по борьбе с грибком и защите от заражения им музейных ценностей не принималось. В результате было повреждено и погибло много ценных экспонатов. 136 ценнейших картин были реставратором выбракованы. Среди них картины Айвазовского, голландской, итальянской, фламандской школ, оригиналы Рембрандта, Рубенса, Врубеля, Куинджи»¹³.

Таким образом, сибиряки, спасая фонды эвакуированных музеев, утратили определенную часть своих экспонатов, поистине бесценные по своему культурному значению. Война явилась бедствием и для глубокого тыла. Но, несмотря на это, следует отметить, что активная и целенаправленная деятельность государственных органов власти различных уровней способствовала сохранению большей части культурного наследия, попавшего в зону боевых действий. Однако это было бы невозможно осуществить без активной гражданской позиции широких слоев общественности и энтузиазма музейных работников.

---

¹ Назимова В. Ш., Рыженко В. Г. Художественные музеи в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сибирь: вклад в победу. – Омск, 1995. – С. 122.

² Там же. С. 123.

³ Казенное учреждение Омской области (ГИАОО). Ф. 437. Оп. 21. Д. 87. Л. 255; Томилов Н. А. Музеи Сибири в годы Великой Отечественной войны // Культурологические исследования в Сибири. – 2010. – № 1 (31). – С. 34.

⁴ ГИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1136. Л. 108.

⁵ Могилат Н. А. Формирование музейной сети Тюменской области // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень, 1992. – С. 231.

⁶ Томилов Н. А. Указ. соч. – С. 35.

⁷ Там же. С. 35.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4528. Л. 268.

¹⁰ Томилов Н. А. Указ. соч. – С. 34.

¹¹ Энциклопедия города Омска : в 3 т. – Омск, 2009. – Т. 1. Омск: от прошлого к настоящему (период от 1716 до 2008 года). – С. 407.

¹² Там же.

¹³ ГИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 4528. Л. 268.

М. Ф. ЕРШОВ

Ханты-Мансийск

«ТЕРРАКОТОВАЯ СТАРУХА»: МЕЖДУ ОБРАЗОМ ГОРОДА И МУЗЕЙНЫМ ЭКСПОНАТОМ

Новейшая художественная литература переполнена причудливым калейдоскопом постмодернистских изысков. В их непрерывном круговороте теряется не только «связь времен», но и те образы, по которым потомки смогут адекватно воспринимать наше сегодняшнее настоящее. Одним из счастливых исключений в прозе является роман Е. Чижовой «Терракотовая старуха». Это произведение не отнесешь к постмодернизму. Роман написан в реалистичном стиле. Однако, по нашему мнению, в нем есть нечто большее, чем привычное осуждение язв современного российского общества. Художественным языком автор говорит о проблемах и перспективах нашего российского города и цивилизации.

В этом произведении наблюдается классическое единство времени и места. События охватывают переломную эпоху в истории нашей страны: время слома советской государственности и мучительного формирования новых реалий, в которых нам приходится жить. Роман полностью попадает под расплывчатое определение: «городская проза». Место действия ограничено исключительно территорией одного города. Это наша Северная столица, Ленинград, Петербург.

Главная героиня – типичная в своей судьбе женщина-филолог с кандидатской ученой степенью. Она занята проблемой выживания себя и дочери в непростые времена становления дикого рынка и соответственно культурного одичания немалого числа жителей. Ей не на кого положиться. Особых надежды нет: родители умерли, муж сбежал, подруга изменила, и даже, в конечном итоге, чуждой оказалась дочь с ее циничными друзьями, мечтающими выбиться из презираемой ими толпы и «свалить» за границу... Тотальное одиночество городского индивида в окружении множества людей. Сюжет далеко не новый в художественной литературе.

Автор, однако, идет много далее простой фиксации невиданного расширения сферы отчуждения. Это произведение не столько факт осуждения (прошлого или нынешнего времени, себя,

властей, преступности), сколько кропотливый анализ причин и последствий реального отказа нашего общества от просветительских идеалов, характерных именно для городской культуры. Если они ничего не дают обычному городскому человеку, то и не нужны. Точно так же главная героиня, носительница этих идеалов, и ее ироничный музейный аналог – беременная терракотовая старуха из Эрмитажа – обычными людьми сегодня не востребованы.

Но тогда закономерен следующий вопрос: а жизнеспособен ли такой «непросвещенный» город вообще? Ведь отказ от просвещения означает приговор и российскому городу и постсоветской цивилизации в целом. Имеет ли она все же потенциальные возможности для существования? Увы, город, описанный в романе с дотошными этнографическими подробностями (Петербург, Петроград, Ленинград!), не имеет перспективы. Вспомним циничное: если так скисли сливки, то что уж говорить об остальном молоке? Но позиция литературного героя не всегда есть позиция самого автора произведения. Кроме того, в русской традиции к литературным персонажам Северной столицы их писатели-творцы всегда предъявляли завышенные требования.

В интервью, данном на «Радио Свобода» (3 сентября 2013 г.), Е. Чижова достаточно категорична: «жизнь моей героини довольно нелепа, и по сравнению с успешными красавицами и красавцами, которые достигли больших высот с течением этого времени, многое приобретаю, если говорить о материальной стороне жизни, но многое и потеряв, возникает впечатление, что элита именно они. Но на самом деле, и в это я абсолютно точно верю, если что-то и останется от нашего времени, то останутся какие-то воспоминания, мемуары или книги вот этих самых “терракотовых” людей». Итак, по мнению автора романа, подлинные носители культуры обречены на загробное существование через музеефикацию хранимых ими ценностей. И только.

В доказательство данного положения Чижова применяет своеобразный художественный прием тиражирования стереотипов. Главная героиня – Татьяна – мысленно проигрывает возможные судьбы и поступки тех людей, с которыми она вступает в контакты и (или) конфликты. Образ Татьяны отображается в очеловеченном пространстве и возвращается к ней самой. Так луч света играет в гранях драгоценного камня. Так мы смотрим

в зеркало или на витрину магазина, разыскивая себя. Недаром этот прием взят на вооружение музейными работниками при экспонировании выставок. Некоторая нарочитая шаблонность в реконструкции образов не отменяет главного – они типичны для нашего времени. Подобно своим предшественникам в XIX в., писательница препарирует питерское «чрево», изучая физиологию нашего самого западного города.

Вольно или невольно она использует методы, наработанные столетие назад отечественными городоведами, в первую очередь Н. П. Анциферовым. В творчестве современной писательницы город также предстает как место встречи различных культур. Главное отличие дня нынешнего от прошлого то, что городская культура, по сути, дематериализуется. Ее центр смещается от натужно восхваляемых музеефицированных архитектурных сооружений и предметов далекого прошлого в социальную память, во внутренний мир одинокой неприкаянной личности. Выходит, что великая культура, которой был так славен наш Петербург, не исчезает только потому, что пока еще живут ее носители. Она, культура, как и эти люди (вспомним циничное: «эта страна»), сегодня нужна постольку, поскольку востребована в рыночных отношениях.

Роман отличается образным дублированием живущих в нем персонажей. Главной героине Татьяне противостоит ее неверная подруга, ее усеченное второе «я» – Яна. Это на поверхности. Но есть и глубинные, скрытые смыслы. Образу Татьяны во многом соответствуют безымянные разведенная продавщица и работница на мебельной фабрике, перекладывающая бесплатный суп на работе в стеклянную банку, чтобы унести домой... Ей близка мать школьника Ивана. Они обе – филологи. Только одной из них повезло выйти замуж за богатого. В принципе, и у Татьяны такая возможность существовала. Можно было стать женой своего любовника, а пока, по совместительству, завкафедрой – Кролика, отбив его у законной супруги. Именно это и сделала Яна, когда Кролик, изменив науке, начал богатеть в бизнесе.

Есть еще один вариант – Фридрих. Это архитектор, с советских времен ушедший в криминальный бизнес. Автор романа не случайно акцентирует внимание на обезьяньих чертах в образе предпринимателя. При внешней открытости им движут отнюдь не гуманные – звериные побуждения. Он живет в мире, где правят

волчьих законы. Фридрих, несмотря на свой внешний демократизм, растлевают окружающих. И это растление абсолютно.

На некоторое время Татьяна становится его ближайшим помощником в мебельном производстве. Этот бизнес построен на постоянном нарушении закона, подкупе чиновников и соглашениях с криминальными «крышами». Иначе – не выжить. Последующее после разрыва исчезновение (или гибель?) Фридриха и служит завязкой сюжета романа. Героиня вспоминает прошлое, она не верит в то, что Фридрих – убийца, но проигрывает варианты собственного поведения в ситуации бандитского «наезда». И задается вопросом: а она смогла бы вместе с Фридрихом скрыть следы возможного убийства «кредитора» из бандитов?

Подделывая финансовые документы, Татьяна также оказывается «замарана» вместе с Фридрихом. Она ушла от босса только тогда, когда под угрозой расправы со стороны дельца оказалась жизнь подчиненного человека, хотя и вора. То культурное наследие, которое Татьяна присвоила, не дает ей возможности окончательно превратиться в волка. Героиня возвращается в нищету, прозрачно надеясь на будущую материальную помощь от взрослеющей дочери. Однако выбор профессии (дочь будет юристом) практически не оставляет матери шансов на спокойную достойную и честную старость.

Татьяна успешно помогает решать Фридриху его запутанные бизнес-проблемы. Но она беспомощна в обыденной жизни. Ее не использует только ленивый. Сильная в работе, но не прагматичная в быту, эта женщина не может годами подняться до ремонта мебели в собственной квартире. Она, в отличие от бывшего никчемного образованного мужа, не плывет по течению. Татьяна борется, но в мире волков она «излишне» человечна, и эта человечность ей вредит.

Жесткое противостояние: «волки и овцы» отсылает нас не столько к вопросам из давней комедии Н. А. Островского, сколько к проблематике из фантазийной повести Марины и Сергея Дяченко «Волчья сыть». Способны ли «овцы» с их рефлексией, страхами и пониженной энергетикой создать и сохранить цивилизацию? Или это прерогатива хищных «волков»? Придут ли им затем на смену богатыри, палачи и святые как подлинные город-

ские персонажи? Пессимизм Е. Чижовой несводим только к творческой ипохондрии автора. Совмещение созидательной энергетики, пассионарности с гуманитарными основаниями – насущная задача дня сегодняшнего.

Полагаю, что современный город немислим, невозможен только как средство наживы, ведь тогда он становится дискомфортен, негоден для проживания и превращается в бесчеловечные каменные джунгли. Такие однобокие города, лишенные сакральных качеств и зацикленные исключительно на прибыли, не имеют будущего. Их смерть (а умирание – это процесс длительный и особенно у городов) уже началась. Достаточно вспомнить Детройт в преуспевающей Америке. Моногород и одномерный человек – оба равно уязвимы в сложном информационном обществе. Это подсказывает не только опыт прошлого, но и реалии современной России.

Сегодняшняя профанация образования и назойливые попытки превратить культуру в средство наживы, конечно же, не приведут к гибели отечественных городов. Даже при негативных сценариях развития нашего Отечества российские города уцелеют. Может произойти иное. Отечественные города, смещаясь с магистральных путей развития мировой цивилизации, окажутся на отшибе ее экономической и культурной жизни. И тогда культура и рынок на их территории, наконец-то, обретут столь ожидаемую чиновниками гармонию.

Вероятная провинциализация городов по отношению к мировым центрам – это худший вариант развития их, их музеев и их туристических комплексов для развлечения приезжих. Судя по роману, наш самый культурный город – Петербург – стремительно движется к обочине. Он обретает провинциальные черты и, как всякая провинция, живет и гордится своими музеями, экспонатами, чудаками и юродивыми. Городится перед заезжими туристами, скрывая назойливое стремление большинства жителей уехать в настоящую столицу, где – якобы! – и есть подлинная жизнь. К сожалению, и такая точка зрения имеет право на существование. Но насколько права и прозорлива писательница Е. Чижова, мать «Терракотовой старухи», покажет будущее.

Т. П. МОРДКОВИЧ

*Омск, Омское отделение общероссийской общественной организации
«Российское историко-просветительское, благотворительное
и правозащитное общество «Мемориал»*

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ ПАМЯТНИКОВ РЕПРЕССИРОВАННЫМ В ОМСКОМ РЕГИОНЕ

Среда обитания человека невозможна без сохранения исторической памяти как части культуры, как системы знаний, информации о прошлом своего народа. На территории Омского Прииртышья сохранилось много достопримечательных мест. Воздвигнуты обелиски в память о погибших в Гражданскую, Великую Отечественную войны. Установлены мемориальные доски, дающие информацию о тех или иных важных исторических событиях, людях, чьи имена, дела остались в памяти народной. Реабилитация репрессированных началась с 1953 г. и особенно активизировалась после XX съезда КПСС (1956), осудившего культ личности И. В. Сталина и его последствия. Постановлением от 28 сентября 1987 г. была создана комиссия для обстоятельного изучения фактов и документов, связанных с репрессиями 1930–1950-х гг. XX в. В ее компетенцию входило «увековечение памяти жертв политических репрессий». Исполнительным комитетам на местах рекомендовано решать вопросы, связанные с изысканием необходимых средств для установления памятных знаков.

В 1988 г. на волне демократизации и гласности одним из первых в Омске возникло добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», члены которого проводили работу по выявлению репрессированных, делали запросы, записывали воспоминания узников ГУЛАГа. На одной из конференций приняли решение об организации сбора средств на памятники. В 1990 г. был объявлен конкурс, около трех лет велись дискуссии на разных уровнях власти и в СМИ. Пока проводились туры конкурса, один из омичей предложил «Мемориалу» камень-валун для использования в качестве памятного знака жертвам сталинских репрессий. В связи с отказом городских властей на установку камня в центре города, возле здания горисполкома (ул. Гагарина), репрессированные устроили пикет с единственным требованием

выделить в центральной части Омска место для установления этого камня. Председатель исполкома Г. А. Павлов был вынужден дать такое разрешение. В сквере у здания НКВД-КГБ, ныне УФСБ по ул. Спартаковская при большом стечении омичей 24 ноября 1991 г. был освящен и торжественно открыт первый на омской земле памятник, на котором установлена мемориальная доска с надписью «Жертвам сталинских репрессий». Первым выступили мэр города Ю. Я. Шойхет, депутат верховного Совета А. И. Казанник.

По воспоминаниям члена правления общества «Мемориал», открытие первого в Омской области памятника репрессированным было событием областного масштаба. На митинге присутствовали представители районов области. Из Азовского района приехали старцы-казахи. Владыка Феодосий, освящая, читал молитву. Шел снег, все старцы опустили на колени и молились... Все понимали, что они молятся за души убиенных, и первые ряды присутствующих последовали их примеру. Все стояли молча, плакали. Трогательная, пронзительная картина!

Скромный памятник, он уже зафиксирован в историческом сознании граждан. К нему подходят люди с детьми, рассказывая им печальную страницу истории своей семьи. Возлагают цветы, фотографируются.

С трудом добившись установки мемориального камня, представители общества «Мемориал» продолжали инициировать создание большого памятника. Главный архитектор области, заслуженный архитектор РФ М. М. Хахаев (1942-2005), пообщавшись с активистами общества (М. Н. Берманом, Л. М. Макаровой, С. С. Кучуковой, Э. П. Оттенем, А. И. Телятниковым, Т. Г. Зубаревой), услышал об ужасах тех лет и решил помочь в желании воплотить в молчаливой памяти камня воспоминания об их родных – создать памятник невинным жертвам. Он сделал немало вариантов, переделывал их, ошибался, менял места размещения памятника, следил за информацией, участвовал в местных конкурсах, публикациях проекта. Несколько раз пересматривал концепцию, отказываясь от ложной идеи «памяти по всем убиенным» и т. п. Наконец, после трехлетнего творческого поиска, споров в градостроительных структурах, по итогам конкурса 1993 г. предпочтение было отдано проекту М. М. Хахаева. Жюри, считаясь

с мнением членов правления общества «Мемориал», отметило его работу лучшей, учитывая идею памятника и месторасположение.

Открытие храма памяти состоялось 16 октября 1994 г. В основе мемориала репрессированным – философское понимание темы покаяния и памяти, выраженное в образе символического храма-часовни с признаками христианской и мусульманской архитектуры.

Вторая идея – условная могила с землей, взятой с территории ГУЛАГа. Место выбрано не случайно, именно в этом районе сходились главные пути, по которым свозились в омские лагеря политзаключенные. Здесь же «созвездие» внесудебных карательных органов Омска: областная прокуратура, здание бывшего обкома КПСС (ныне Законодательное Собрание Омской области), управление ФСБ, в которых «трудились» целые отделы, выполнявшие фальсифицированные решения.

В центре храма – разлом в плитах пола, из которого, как бы пробивая толщу бетона, камня, земли, через трещину произрастают лепестки дерева.

В этом «Месте памяти» слиты и политические, и этические, и психологические, и философские аспекты проблемы. Это памятник всем людям, которые в XX в. своей судьбой творили историю Отечества.

К. Ю. ГИЗИЕВА

*Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

НАМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА КЛАДБИЩАХ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ГОРОДАХ: ОМСК И ТАРА

В 2008 г. начался планомерный сбор данных по современному городскому погребальному обряду русских. В итоге удалось собрать сравнительный материал о намогильных сооружениях в крупных и малых городах, таких как Омск и Тара. Эти сведения главным образом представляют собой фотографии памятников со всех основных кладбищ этих городов.

На сегодняшний день в Омске 20 кладбищ, из них десять закрытых, девять на которых можно еще подхоранивать родственников, и одно действующее¹. То есть в таких городах-мегаполисах как Омск, особо остро ощущается проблема захоронения, отсюда такой большой процент кладбищ, закрытых для новых захоронений. Более того, для Омска характерен процесс переноса или вообще исчезновения старых кладбищ в связи с массовой застройкой в городе. Примером может служить старинное Казачье кладбище, после закрытия которого омичи могли перенести прах с родных могил на действующие кладбища того времени. Из-за этого на территории Старо-Восточного кладбища встречается немало старинных надгробий XIX в. Официальное же захоронение на этом кладбище массово начали проводить в 1950-е гг. Кроме того, видимо, существовал бизнес по вторичному использованию красивых надгробий со сносимых могил Казачьего кладбища. Поэтому большинство старинных памятников на Старо-Восточном кладбище со следами сбитых первоначальных надписей и крестов.

В Таре, как во втором по значению городе Омской области, дела с захоронениями обстоят иначе. Там существуют два действующих кладбища, причем достаточно больших по площади, и проблем с нехваткой места нет. Если взять численность населения Омска по переписи 2010 г. (1,154 млн чел.) и Тары (27,4 тыс. чел.) и сопоставить с количеством кладбищ в этих городах (20 и 2 соответственно), то нетрудно посчитать, что в Таре примерно в четыре раза выше уровень обеспеченности населения потенциальными местами на кладбище. Отсюда и вытекает проблема нехватки мест для захоронений в Омске, что приводит к сносу старых могил и возникновению новых на этих же самых местах. Все чаще можно услышать мнение, что если «раньше сносили дореволюционные погребения, то в последнее время принялись за 1920–1940-е гг. А там рядом 50-е, 60-е, 70-е, а это уже мои прабабушки и прадедушки. Глядишь, завтра заглянешь к родственникам, захороненным пару лет назад, а там новые постояльцы»².

Еще одним немаловажным отличием современной ситуации на кладбищах Омска и Тары является наличие групповых захоронений. В условиях острого дефицита свободной земли на омских кладбищах становится очень проблематично похоронить че-

ловека рядом с его родственниками. А если это и удастся, то только по знакомству либо за большие деньги. В Таре же с этим нет особых проблем, критерием выбора места захоронения может являться и близость к могилам родственников, и красота выбранного участка, и наличие свободного пространства рядом. Признак группового деления местного населения прослеживается на кладбищах малых городов, это, прежде всего, связано с традиционным выбором места захоронения. Результатом целенаправленного выбора места являлось формирование семейных участков на кладбище, где хоронили представителей трех-четырех родственных семей. Если места рядом с родственниками нет, то выбирают другое. Эти случаи редки, так как места выбирают заранее. На выбранном месте вкапывали рядом с могилами родственников столики и скамейки или же просто огораживали одной сплошной оградой.

В рамках исследования мы лишь косвенно затрагиваем проблемы соотношения больших и малых городов, рассматривая лишь культурную сферу, а именно различия в погребальной обрядности. Традиционно считается, что усвоение основных модных тенденций в малых городах происходит гораздо медленнее, чем в крупных. Применительно к нашей теме это можно рассмотреть на примере различных типов намогильных сооружений, устанавливаемых в Омске и Таре в разные годы.

Возьмем один из доступных для нашего исследования периодов, в котором эти различия наиболее отчетливы, – это 50–70-е гг. XX в. Судя по дошедшим до нас памятникам, для омских кладбищ этих годов характерна монументальность стиля намогильных сооружений. Основным материалом для изготовления памятников был камень, поэтому формы были очень разнообразны – от ступенчатых плит на массивном постаменте до прямоугольных стел, увенчанных вырезанным из камня изображением лица умершего. В Таре же подобные намогильные сооружения стали появляться не раньше 1980-х гг. А в середине XX в. здесь хоть и сохраняется господство крупных форм, но основой для изготовления памятников служит дерево и железо, как более доступные и распространенные материалы. Однако объяснением подобному запозданию может служить не просто отсталость малого города как таковая, а сложившаяся историческая ситуация, связанная с закрытием Тихвинского кладбища, на котором хоро-

нили вплоть до начала 1940-х гг., пока в Таре не было открыто кладбище, ныне уже именуемое старым.

Тихвинское кладбище появилось еще в XVIII в. Скорее всего, после указа Сената от 1771 г., запретившего всем городам захоронения при церквях и монастырях. Для кладбищ предписывалось отводить территории за городской чертой. Местный житель Юрий Анিকেев вспоминает, что «вдоль 2-й Линии шла широкая, метров восемь, аллея или дорога, по мостику через овраг, прямо к церкви. Могилы и фамильные склепы украшали всевозможные железные и каменные плиты, кресты и надгробья. А самые красивые памятники – из розового мрамора – стояли сразу у входа».

Тихвинскую рощу выпилили на дрова в годы войны, церковь снесли в начале 1950-х гг., а затем могилы сровняли с землей. По воспоминаниям старожилов, некоторые тарчане, видя, как трактор ворочает могильные холмики их родных, пытались спасти хоть что-то напомилавшее о близких людях. «Однако значительно больше находилось таких, кто тащил мраморные памятники и чугунные плиты в свой дом – в хозяйстве все сгодится». Добытый таким образом «стройматериал» успешно использовался для укрепления фундамента построек или в качестве тротуарной плитки³.

Таким образом, мы видим, что и в Таре тоже существовали массивные памятники из камня, но в связи с изменением обстановки эта традиция оказалась утерянной, да и делать на новом кладбище памятники из железа было намного выгоднее и проще.

В 1980–1990 гг. ситуация отставания Тары от Омска в усвоении модных тенденций в формах надгробных сооружений сохраняется. В Омске это время господства строгих каменных плит прямоугольной или трапециевидной формы из мрамора или мраморной крошки. В Таре хоть и встречаются подобные виды памятников, но они носят единичный характер, большинство же сооружений представляют собой пирамиды из железных прутьев.

На современном же этапе четко прослеживается линия нивелирования различий в надгробных сооружениях на омских и тарских кладбищах. Связано это с расширением спектра ритуальных услуг, предоставляемых тарскими агентствами. Теперь и там можно заказать памятник любой формы и материала.

Но в Таре, как и любом другом малом городе, сильны традиции, в том числе связанные с похоронной обрядностью. Поэтому

му здесь на протяжении всего изучаемого нами периода прослеживается немаловажная особенность – более широкое, чем на омских кладбищах, распространение такого типа надмогильного сооружения, как крест (см. табл. 1 на с. 304).

Таблица 1

Соотношение количества крестов и общего числа могил на кладбищах Омска и Тары*

Годы	Омск		Тара	
	Общее число памятников	Количество крестов	Общее число памятников	Количество крестов
1960–1970-е	178	12	46	9
1980–1990-е	184	16	74	15
2000-е	240	35	187	31

*Составлено по материалам этнографической экспедиции Омского государственного университета 2008 г.

Таблица основана на данных фотосъемки надмогильных сооружений на кладбищах Омска и Тары в 2008 г. Из нее видно, что действительно в Таре по сравнению с Омском на всех интересующих нас временных этапах процент количества могил с крестами. Связано это не только с силой христианской традиции, но и с простотой изготовления данного типа надмогильного сооружения. Зачастую кресты делали кустарным способом, не прибегая к услугам мастера. Большинство из них были деревянными и очень быстро приходили в негодность, о чем свидетельствует малое количество сохранившихся в наши дни памятников полувековой давности.

Также по данным таблицы видно, что для обоих городов в начале XXI в. характерно увеличение количества устанавливаемых крестов на могилах. Эта тенденция начала проявляться еще в 1990-х гг., и связана она с изменением общественно-политической ситуации в стране, вызвавшей усиление интереса к церковной традиции в городской среде, ибо в сельской она и так была традиционно сильна.

Таким образом, при анализе надмогильных сооружений в малых и больших городах было выявлено запоздалое усвоение основных модных тенденций малыми городами, однако в последнее время эти различия постепенно нивелируются. В малых горо-

дах сильнее сохраняется связь с сельской традицией, в том числе в погребальном обряде, что проявляется в первую очередь в гораздо большем количестве использования традиционных типов надмогильных сооружений (крест). Но из-за наметившегося в последнее время в культурной среде возврата к исконным традициям христианства в городском погребальном обряде все чаще используются кресты в качестве надмогильных сооружений. Также отличительной особенностью погребального обряда в малых городах является относительно крупная территория, отведенная под кладбище, с большими свободными площадями, вследствие чего проблема нехватки мест и вынужденного сноса старых могил здесь не актуальна, как в крупных мегаполисах.

---

¹ Обсуждение «Омские кладбища». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.laburus.ya.ru/replies> (дата обращения: 20.09.2013).

² Там же.

³ Обсуждение «Тихвинский некрополь» // Тарское Прииртышье. [Электронный ресурс]. –URL: <http://www.tp-tara.ru/default> (дата обращения: 20.09.2013).

Н. Ф. ХИЛЬКО

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ОМСКА

Появление фотографии в XX в. предопределило то обстоятельство, что «...фотографический аппарат стал спутником огромного количества людей, делая свежими воспоминания о любом путешествии, о любых событиях собственной жизни, делая каждого своеобразным художником, причая собирать интересные объекты, интересные точки зрения и интересные освещения для их фотографического увековечения»¹. Фотография стала своеобразным продолжением видения человека, искусством, в котором «играет не меньшую роль глаз и рука, чем в рисунке или живописи»². Наряду с отмеченными А. В. Луначарским чертами фотографии как потенциальной возможности отражения культурного наследия можно отметить также и ее социально-организу-

шую роль: «объединяющий язык есть язык реальности», своеобразие которого проявлялось благодаря «подчас изумительной жизненности, изумительной теплоты лирики или широты эпоса», все большего богатства и гибкости фотографической фактуры³.

Из анализа фотографии как искусства Луначарским следует выделить следующие черты фотографии относительно функционирования фотографии в системе культурного наследия: автономную образность, отслеживание современных событий и фактов, социально-организующую роль фотографии, широту и гибкость стилистики (лирика, романтика, реализм и пр.).

Исходя из вышесказанного, можно определить, что существует четыре фотографические формы сохранения культурного наследия: две с абсолютно автономным характером и две – с интегрированным. В первую группу форм входят документальные и художественные фотографии, отвечающие задачам сохранения как собственно культурного, так и историко-культурного наследия региона и исторической памяти в частности. При этом если материальное наследие больше всего отвечает задачам документального фотонаследия, то нематериальное максимально полно отражается в фотохудожественном наследии.

Нужно отметить, что в положениях основных концепций представления памятников культуры в фотографии говорится о том, что «фотография артефакта культуры не только восстанавливает утраченное прошлое – она сохраняет о нем память, и чем лучше она была сделана, чем полнее фотограф выявил красоту и судьбу объекта съемки, тем глубже были пласты исторической памяти и личных ассоциаций, вызываемые этой фотографией»⁴.

На основе приведенных посылов формулируются три основных концепции представления памятников культуры в фотографии: 1) «исследовательская фотография», направленная на физическое раскрытие временных пластов, заключенных в фотоснимке; 2) «фотографический музей» – фотография, сохраняющая внешний вид образа в его настоящем и способствующая его трансформации во времени и в пространстве; 3) концепция «ассоциативно-вдумчивого запечатления», позволяющая двигаться по вертикали времени не физически, а с помощью образов, вскрывая пласты личной и исторической ассоциативной памяти⁵.

Данные иконографические системы при соответствующем уточнении могут служить концептуальным обоснованием определенных фотографических форм сохранения культурного наследия: исследовательская фотография – документальное фото-наследие, концепция «фотографического музея» – фотохудожественное наследие, концепция ассоциативно-вдумчивого запечатления» – художественная публицистика. В результате подобного сравнения складывается следующая структура этих фотографических форм.

Так, в документальное фотонаследие органично входят монокадровые фотодокументы и/или поликадровые хроники, в которых запечатлеваются социально важные события региональной истории. В фотохудожественное наследие входят художественно ценные работы по одному из трех направлений: художественно оформленная фотопублицистика, народное фотоискусство и фотолюбительство, социальное фотоискусство. Их отличает различный взгляд на мир, радиус социальной значимости.

В художественной фотопублицистике явления культурного наследия отражаются через образные обобщения в типичных чертах, характерных для определенного времени, своей эпохи исключительно в документальных формах. В народном фотоискусстве и отчасти в фотолюбительстве налицо признаки этнокультурного наследия, национально-специфической образности, взаимодействующей в процессе интегрального развития с локальными традициями. Вместе с тем социальное фотоискусство обладает свойствами обобщенно-образной типизации, достигаемой в результате некоторой постановки, режиссуры, коррекции фотообразов при съемке или соединения фотографических ассоциаций в процессе фотомонтажа.

Во вторую форму фотографических форм сохранения культурного наследия входят интегрированные формы (в виде альбомов, открыток, каталогов, буклетов): фотолитературное и идентичное изофотографическое. В первом случае фотографии накладываются на текст, во втором они успешно сосуществуют в едином контексте с рисунками или графикой с соответствующим подбором тонального или колористического решения.

Нужно отметить, что процесс сохранения культурного наследия может быть как стихийным (в личном фондах, архивах,

на авторских электронных носителях), так и имеющим институциональный характер (см. табл. 1).

Таблица 1

Социально-культурные институты презентации, пропаганды и сохранения фотоискусства

Социально-культурные институты презентации и пропаганды фотоискусства	Социально-культурные институты сохранения фотоискусства
I. Фотоэкспозиционные формы	
Выставочные площади	Фотовыставки в художественных музеях (театральные, комплексные, изобразительного искусства; фотомузеи)
Экспозиции в фотогалереях	Фотоэкспозиции в литературных музеях (ЛМ)
Комплексные формы (Дом фотографии)	
	Оригинальные отпечатки: фотоархивы
II. Фотопубликационные	
Газетная фотоиллюстрация: редакция	Фотобуклеты и фотокаталоги: библиотека
Журнальная фотоиллюстрация: редакция	Фотокниги, печатные фотоальбомы: библиотека
	Фотооткрытки: музеи
	Электронные ресурсы: базы данных в медиатеках
	Сайты в сети Интернет: медиасообщество
	Оригинальные оформленные отпечатки: фотоархивы

Из таблицы видно, что различаются два вида социально-культурных институтов фотоискусства: социально-культурные институты презентации и пропаганды фотоискусства, цель которых – представление и показ фотопроизведений зрителю и социально-культурные институты сохранения фотоискусства, направленные на оценку, отбор и сохранение лучших фотографий, представляющих социально значимое культурное наследие.

Проблема развития современного фотоискусства во многих регионах России заключается главным образом в расширении

сферы институционализации фотографических форм культурного наследия, которые способствуют не только пропаганде, но и сохранению лучших образцов региональной фотографической культуры, для чего необходимо расширение совместных фотопубликационных и комплексных форм сохранения культурного наследия средствами фотоискусства с последующей музеефикацией наиболее выдающихся авторов и коллективов.

---

¹ Луначарский А. В. Фотография и искусство // Фотограф. – 1926. – № 1–2. – С. 56–58.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Основные концепции представления памятников культуры в фотографии на материале русской фотографической периодики (1859–1918 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oldrusphoto.ru/> (дата обращения: 09.09.2013).

М. В. ШУМОВ

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ЛЮБИТЕЛЬСКОЕ КИНОФЕСТИВАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ОМСКА КАК ВИЗУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Важнейшей чертой современной социально-культурной деятельности становится интенсификация досугового общения представителей различных социально-возрастных групп, их стремление к максимальной творческой самореализации. Наиболее ярко это проявляется в развитии любительского творчества, приобретающее характер мощного общественного движения, развитие которого должно поддерживаться на государственном уровне¹.

Особое значение имеет творческая фестивальная коммуникация в сфере киноискусства, направленная на утверждение ценности и значимости кинофильма как продукта культуры. Поэтому творческая фестивальная коммуникация в аудиовизуальной сфере обусловлена особой формой социально-культурной поддержки, выражающей эстетические идеалы эпохи. Вместе с тем общественное признание созданных в недавнее время премьерных про-

изведений киноискусства отвечает критериям актуальности и социально-художественной значимости в широкой социальной среде, что способствует эстетизации социально-культурных отношений².

Цель статьи – рассмотрение любительских фестивалей в социально-культурном пространстве города Омска, попытка их классификации.

Любительские кинофестивали ориентированы на показ достижений экранного творчества, для которых бывает достаточно одной функциональной направленности (познавательной, популяризаторской, пропагандистской, мемориальной или художественной и пр.), достижений, значимых для личности в ходе стремления к совершенству и для ее ближайшего социального окружения, а также – значимых для пропаганды общечеловеческих и национальных ценностей в пространстве региональной культуры³. Этот процесс объясняется усиливающейся в последнее время тенденцией возрастания личностного, авторского начала в кинематографе, вследствие которой творческий процесс создания фильма подчиняется единому авторскому замыслу в единстве рождения последнего, написания сценария и съемки.

Любительское кинофестивальное движение омского культурного пространства за последние пять лет представлено пятью крупными кинофестивалями: «Любительское кино + PROFI», «Маленькое кино большого города», «Дитя Вселенной», «Светлое кино» и «Мир вокруг нас». Нужно отметить, что мы будем рассматривать только кинофестивали, имеющие в своей структуре конкурсную программу, в данной работе нас не будут интересовать кинофестивали-смотри, которых в Омске насчитывается большое количество («Сибирь», «Киносозвездие России», «Движение» и др.).

Согласно типологии кинофестивалей *по признаку, связанному с видом киноискусства*, культурное пространство города представлено только *смешанным типом*. Но тем не менее в этом типе имеются все виды кинотворчества: игровое кино, документальное кино, анимационное кино и телевизионные программы. Это явление в свою очередь открывает большие творческие перспективы для создателей киноискусства. Так, документальное, игровое и анимационное кино представлено всеми указанными кинофестивалями. Телевизионные программы прописаны в номинациях фестивалей «Дитя Вселенной» и «Мир вокруг нас».

Показ социальных проблем, вызванных остротой уважения к правам человека, имел большой общественный резонанс у аудитории фестиваля-конкурса «Светлое кино» (проходит в Омске с 2010 г.), который являл собой *фестиваль тематической направленности*. Конкурс призван приобщить зрителя к духовно-нравственному наследию Отечества и состоит из нескольких блоков:

1. Лучший фильм о духовном подвиге святых первоучителей Кирилла и Мефодия.

2. Лучшее раскрытие темы «Слава вам братья, славян просветители!»

3. Лучшее раскрытие духовной сущности православной веры «Чудо веры».

4. Лучший философский фильм «В начале было Слово...».

К этому же типу (тип тематической направленности) относится фестиваль «Дитя Вселенной», который проводится в целях привлечения внимания общества к детям с особенностями развития, видению мира глазами детей с особенностями развития, духовно-нравственного оздоровления общества средствами кинематографа. Так, победителем прошлого, 2012 г. стал фильм «Клеймо» режиссера Ольги Арлаускас. Фильм рассказывает о людях, для которых в обычной жизни нашего общества не нашлось места. Люди с ментальной инвалидностью, как их называют, – это больные с диагнозом олигофрения, болезнью Дауна. Авторы фильма пытаются выяснить, где находятся грани человечности в нашем мире. Эти люди оказались на обочине жизни, все их существование – сплошные мучения. Им необходимо помогать. Но кто больше может помочь – мы им или они нам?

Новый тип фестиваля с показом фильмов, имеющих воспитательную и педагогическую направленность, появился в городе под названием «Маленькое кино большого города». Его можно обозначить как *фестиваль-педсовет*⁴, способствовавший привлечению внимания общественности к детскому кинематографу. В конкурсе принимают участие учащиеся общеобразовательных учреждений, воспитанники подростково-молодежных клубов по месту жительства, участники детских кино-, фотостудий в возрасте до 17 лет. Этот фестиваль мы отнесем к *первому типу* любительских кинофестивалей *возрастной направленности* – под-

ростковому. Второй тип представлен «Любительским кино + PROFi» – это *молодежный тип*. *Третий тип* – «Светлое кино», «Дитя Вселенной», «Мир вокруг нас» – *смешанный тип*.

Самый крупный омский фестиваль кино «Любительское кино + PROFi» является *комплексным по типологии*. К участию в фестивале приглашаются авторы документального, игрового и анимационного кино, студенты высших и средних специальных учебных заведений, участники любительских киноvideостудий, профессиональных кинокомпаний. Например в трех игровых фильмах кинолюбителей Омска: С. Шубина «Деревенский романс», «Образ осени» Л. Прибытковой, «Там чисты небеса» Е. Булучевской) – присутствует несколько неторопливое движение в пространстве эмоционально и душевно значимых картин природы, которые воспринимаются как акценты открытия личностного отношения к жизни. Эти визуальные открытия наполнены атмосферой малой Родины, колоритом и духом места, где творили М. А. Ульянов и Ф. М. Достоевский, и содержат поиск молодым поколением своего творческого лица. В этом отношении справедлива мысль К. Э. Разлогова о том, что данная стилистика любительских лент задается определенным типом культуры ⁵.

В настоящей работе автором было рассмотрено несколько типологий любительского кинодвижения на примере кинофестивалей Омска. В настоящее время в Омске фестивальное движение развивается, расширяется, приобретает новые формы и типы. Фестиваль становится частью жизни не только столиц, но и важным элементом провинциального городского пространства. Как одна из форм культурной деятельности, фестивали выявляют таланты и дают возможность творческого роста в условиях наиболее благоприятного профессионального общения, формируют культурный образ территории и делают ее «видимой», оказывают позитивное влияние на экономику и объединяют различные социальные группы для участия в культурной жизни местного сообщества. Организация фестивалей имеет огромное значение для сохранения единого культурного пространства не только города, но и страны. Для коллективов художественной самодеятельности, любительских студийных учреждений, учреждений дополнительного образования это в настоящее время едва ли не единственная возможность для творческого самовыражения и самовоспитания!

---

¹ Климов О. М. Организационно-педагогические условия развития любительского театрального творчества в процессе фестивального движения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2011. – С. 1.

² Хилько Н. Ф. Кинематограф Сибири: коммуникация, язык, творчество. – Омск, 2010. – С. 52.

³ Там же. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Разлогов К. Э. Коммуникация и искусство // Новые аудиовизуальные технологии : уч. пособие / отв. ред. К. Э. Разлогов. – М., 2005. – С. 182–183.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

А. Е. ЛЕВИНТОВ

Москва, Академия народного хозяйства и государственной службы

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ МАЛЫХ МОНОГОРОДОВ

Малые города потому и малые, что имеют неудачное экономико-географическое положение. В русском языке эта «неудача» выражается емким словом «захолустье», т. е. местом, расположенным дальше того, куда ссылали престарелых и уже негодных к службе холуев (крепостных слуг). В отличие от европейской и особенно американской традиции, российские малые города практически всегда имеют негативную коннотацию и характеристику: город Глупов – М. Е. Салтыкова-Щедрина, Скотопригоньевск Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых» (его прототипы – Козельск и Старая Русса), его же Мордасов («Дядюшкин сон»), Очумеловск и т. п.

Если российские малые города пугают своей затрапезностью, скукой, бесперспективностью, жизнью на виду у всех и отсутствием ниш индивидуального существования, то в Америке малые города – основная и вполне естественная форма расселения, никак не ущемляющая человеческого достоинства.

По большей части все эти российские городки монофункциональны: торговля и церкви, военно-административная функция, одно промышленное предприятие (Ивановская область, Подмосковье, Елабуга в Прикамье), хотя были и исключения, например, еврейские местечки в черте оседлости (в Кобрине при 13 тыс. жителей было 4 тыс. мелких бизнесов и ремесел). Брошенные по сути на произвол судьбы, забытые Богом, эти города поневоле приобретали черты самоуправления, правда, с изрядной долей самоуправства и самовластия.

Дореволюционные малые города России, уездные и заштатные, были скорее уменьшенной и оскорбительной пародией на жизнь губернских городов и столиц, жизненным тупиком, а не формой расселения.

Советский период истории малых городов еще печальнее. Урбанизация, начавшаяся в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в., сопровождалась возникновением россыпи поселков ГУЛАГа, многие из которых превратились в соцгорода (Жигулевск, Норильск, Каеркан, Воркута и т. д.) при одновременном уничтожении или лишении городского статуса старых поселений. Разжалованных и уничтоженных оказалось более 200 – всего в три раза меньше, чем вновь созданных.

Ажиотаж строительства новых городов в стране, длившийся несколько десятилетий, наконец, утих. Коллапс СССР породил демографический спад, города прекратили безудержный рост, и вслед за бесперспективными деревнями 60–70-х появилась реальная проблема бесперспективных городов (эта проблема была практически всегда, но тщательно замалчивалась), неудачно названных малыми моногородами, число которых приближается к 400. По данным Т. Нефедовой (Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 14–31), из 616 депрессивных городов России 538 имеют численность менее 50 тыс. жителей (87 %). Список моногородов, опубликованный и законодательно закрепленный Министерством регионального развития РФ, включает всего 27 городов, из которых только четыре – малые города (до 20 тыс. жителей).

Советские города, строившиеся государственной волей и во имя государственных интересов, заполнялись «одноразовым» населением, без учета необходимого социокультурного воспроизводства: в полумиллионном Брежневе – Набережных Челнах генпланом города не предусматривался театр, потому что районным центрам театр иметь «не положено по штату». Норильск оказался совершенно не приспособленным для пенсионеров, дети нефтяников Сибири вынуждены учиться в Москве – и т. д.

Государство, созданное и действующее из идеи самовласти, не порожденное людьми и городами, а порождающее людей и города, – не советское, но российское, более старое изобретение.

Это имеет и противоположный смысл: приученные к безволию люди до сих пор не проявляют никакой инициативы для улучшения своей ситуации и покорно ждут, когда государство обратит на них внимание и спасет их. Но оно, государство, не обращало на них внимания, когда строило их город, – почему же оно должно это делать на закате?

В советское время одним из немногих социальных лифтов, позволявших вырваться из липкой паутины и атмосферы малого города, было образование: наиболее успешные выпускники школ уезжали учиться в вузы областного центра, Москвы, Ленинграда или любого другого крупного города. Получение диплома о высшем образовании в СССР было гарантией невозвращения в свой родной, но одноразовый город. Собственно эта практика сохранилась и по сей день. Проблема заключается в том, чтобы превратить образование из социального лифта, позволяющего молодежи покинуть свой бесперспективный город, в нечто противоположное, а именно в средство закрепления молодых людей в родном городе и предоставлении им прав и возможностей строить здесь свое будущее, а следовательно, и будущее своей малой родины.

Процесс образования с неизбежностью представляет собой процесс самообразования, а следовательно, и самоуправления процессом образования, включая его проектирование. Образование для социальных преобразований призвано насыщать и уплотнять пространство, интенсифицировать его использование, урбанизировать, если понимать под урбанизацией многослойность и многосложность использования пространства, его многояркость и повышение индуктивной мощности.

Образование как средство социальных преобразований строится на использовании эффектов реципрокности как капитализации: каждый новый цикл или акт образования использует уже достигнутые образовательные результаты и одновременно продвигает и расширяет их, увеличивает общий потенциал образовательного реактора, превращая результаты в ресурсы следующих актов и деятельностей.

Проблема социальных преобразований, индуцируемых в этом образовательном реакторе, заключается в том, что необходимо введение жестких ограничений на внешние (естественные) воздействия, а именно действующее в стране законодательство,

фискальные и контролирующие системы и органы, коррупционные механизмы, партийно-политические воздействия и притязания хотя бы на период интенсивных стартапов и становления (один-три года). Это может быть достигнуто за счет как виртуальности существования, так и поддержания статуса образовательной позиции.

Школьное образование. Если в основе школьного образования будут заложены идеи самоуправления и самостоятельности, то проблему инициации социальных преобразований можно считать полностью решенной. И самостоятельность (способность находить самому себе занятие, в том числе и помимо всего прочего приносящее легальный доход) и самоуправление (например и прежде всего демократическое) сами по себе предполагают ответственность и за свои дела, и за свои слова.

При этом ориентация на трудовое воспитание должна быть сменена на освоение школьниками занятий вообще, занятий «для души»: пения, театра, рисования, компьютерного дизайна, моделирования одежды: занятие любимым делом – такой же верный путь к успеху, как занятие постылым – к неуспеху.

Детский/подростковый бизнес не является ни новацией, ни вычурной экзотикой, в будущем же это может и должно стать достаточно распространенной нормой.

Начальное профессиональное и специальное образование может идти в дополнение и параллельно школьному, при этом вовсе необязательно оно должно иметь институциональные формы (колледж, лицей, профессионально-техническое училище, техникум, курсы), особенно специальное. Под специальным образованием при этом понимается освоение жизненных компетенций на непрофессиональном уровне: домашнее приготовление пищи, домашнее виноделие и пивоварение, огородничество, уход за больными и немощными, уход за детьми, безопасный секс и семейное планирование, финансовая грамотность, экологическое поведение, самоконтроль и самоподдержание здоровья, туризм и путешествия, вождение автомобиля и т. п. Это, специальное, образование можно считать также юзерским, т. е. не обязательно дающим возможность зарабатывать. Оно может приобретаться в семье, у соседа, на краткосрочных курсах – любым способом, но должно непременно заканчиваться получением лицензии, серти-

фиката либо любого другого документа, легализующего право заниматься данной практикой.

Формы начального профессионального и специального образования могут быть самыми разнообразными:

- дистанционное образование и клубные интернет-сообщества малых городов для взаимообразования и взаимоконсалтинга;

- местные и сетевые adult schools, проектные мастерские и бизнес-инкубаторы для разных поколений и межпоколенческие;

- школы социокультурного (непроизводственного и не-сервисного) направления (театральные, художественные, поэтические, архитектурные, дизайнерские, агрокультурные и т. п.);

- школы местной привлекательности (местные музеи, места и организация рекреации, релаксации и туризма, общения с природой, краеведение и т. п.);

- школы ситуационного (событийного) развития и управления (преодоление недостатков экономико-географического положения города за счет привлечения к нему ситуативного внимания), эвент-студии.

Строго говоря, профессиональное образование, прежде всего начальное, должно быть ориентировано на то, что бы в результате этого образования человек смог зарабатывать на жизнь. В общем-то, оно не всегда четко отличается от специального. Непременным условием любого профессионального и специального образования является сосредоточенность исключительно на данном круге компетенций: ничего лишнего, общеобразовательного или мировоззренческого – для этого существует общее образование, способствующее быстрому включению и переключению между профессиональными этическими кодексами.

Наличие у человека двух-трех десятков юзерских и профессиональных дипломов, лицензий, сертификатов, удостоверений и т. п. должно стать обыденностью и даже непременным условием признания человека взрослым, дееспособным и вменяемым к самостоятельной жизни.

Высшее образование. Кризис перепроизводства людей, обладающих дипломами о высшем образовании, привел к девальвации и дипломов, и их обладателей. Основную массу рабочих мест

занимают люди *overqualified*, переобученные сверх всякой меры. Имея диплом, люди, естественно, впадают в иждивенческие ожидания получения работы соответственно уровню образования и полученной специальности. В обществе возникла опрокинутая пирамида, противоположная здоровой образовательной иерархии. Как ни странно, массовый характер высшего образования привел к тому, что столь же массовой стала и некомпетентность исполнителей и менеджеров. Это звучит почти кощунственно, но для оздоровления общества, для приобретения им черт самостоятельности и самоуправления, по-видимому, имеет смысл ограничить доступ к высшему образованию до необходимого при нынешнем избыточном доступе. Это, кстати, сможет поднять и уровень самого высшего образования – за счет более жесткого отбора и отсева.

А. В. СКОЧИН

Тюмень, Тюменский государственный университет

РОЛЬ «КУЛЬТУРНОЙ» СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЮМЕНИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН В СЕРЕДИНЕ 1950-х – СЕРЕДИНЕ 1960-х годов

В городах, выступающих традиционными центрами общественной и культурной жизни населения, происходит активное формирование так называемой «городской культуры». Сложность структуры, разнообразие форм, ориентация на создание искусственной среды обитания человека – вот основные черты, которыми исследователи наделяют ее, в отличие от культуры сельского, традиционного типа¹. Активное участие в процессе формирования городской культуры принимает как сам человек – носитель и «транслятор» различных культурных ценностей, так и жизненное пространство, которое его окружает. Заклучая в себе комплекс материальных объектов, несущих разнообразные культурные смыслы, оно не только предоставляет человеку возможность постоянного обращения к ним, но и позволяет трансформировать их для «потребления» следующими поколениями горожан. Важ-

ную роль в распространении «урбанистических» культурных ценностей играет комплекс культурных учреждений и знаковых для жителей мест городского пространства.

Интересным представляется изучение культурных компонентов городского пространства Тюмени и их роли в повседневной жизни горожан в середине 1950-х – середине 1960-х гг. Они представляли собой своеобразную систему, которая не только включала в себя количественное и качественное разнообразие культурных объектов, но и обозначила различную степень их доступности для населения, формируя культурное пространство города.

Данный процесс протекал в условиях быстрого развития областного центра. Территория города за счет включения в его административные границы ряда пригородных деревень существенно расширилась. В Тюмени начинается активное жилищное строительство – современные кварталы многоэтажных домов, все более удалявшиеся от центра, обеспечивали жильем новых горожан. В период с 1956 до 1965 гг. количество городского населения увеличилось на 87 600 чел., или на 69,8 % от общего числа проживавших в городе к началу исследуемого периода, и составило более 213 тыс. чел.² Однако по количеству жителей Тюмень по-прежнему отставала от целого ряда крупных сибирских и уральских городов. Так, в Свердловске к этому времени проживало около 919 тыс. чел., в Омске – 721 тыс., в Томске – 302 тыс., в Новосибирске – 1 029 тыс., в Барнауле – 395 тыс. чел. Лишь в Кургане число жителей было несколько меньшим, чем в Тюмени, составляя около 205 тыс. чел.³

Рост количественных показателей в развитии областного центра приводил к необходимости повышения и качественных характеристик городской среды. Одним из основных путей, которые могли повлечь за собой такие изменения, стало «наполнение» городского пространства разнообразными культурными компонентами. К их числу, прежде всего, относились учреждения культуры, доступность которых для горожан в исследуемый период существенно повысилась.

В середине 1950-х гг. тюменцы имели возможность посетить драматический и кукольный театры, концертно-эстрадное бюро (с 1958 г. – Областная филармония. – А. С.), картинную га-

лерею, четыре кинотеатра, городской цирк, краеведческий музей⁴. Кроме того, на территории города располагалось около 70 библиотек, восемь из которых были доступны для всего населения, остальные размещались при промышленных предприятиях и учебных заведениях областного центра⁵. Все культурные учреждения пользовались большой популярностью среди горожан, однако особенно часто тюменцы посещали кинотеатры. В то же время удовлетворение духовных потребностей населения затруднялось тем, что здания, в которых размещались учреждения культуры, имели низкое техническое состояние. Многие из них были созданы еще в довоенные годы и к началу исследуемого периода уже нуждались в реконструкции и ремонте.

Увеличение протяженности городского пространства в 1950–1960-е гг. создавало для населения дополнительные сложности с посещением учреждений культуры, которые были сосредоточены в основном в историческом центре города. В то же время в более отдаленных районах Тюмени культурные учреждения зачастую отсутствовали. Повысить их доступность могло быстрое перемещение жителей в пределах города, которое определялось, прежде всего, качественной работой городского транспорта. Вместе с тем нерегулярное движение автобусов, сравнительно высокая стоимость услуг городских такси и малочисленность личного транспорта не способствовали решению данного вопроса.

По этой причине основными местами отдыха большей части жителей оставались заводские клубы, которые восполняли нехватку учреждений культуры на окраинах областного центра. Они представляли собой небольшие деревянные, реже – кирпичные строения, в которых для собиравшихся вечерами жителей демонстрировались кинофильмы, организовывались кружки самодеятельности, устраивались танцы. Клубы при промышленных предприятиях Тюмени располагались практически в каждом городском районе. Они являлись своеобразными «очагами культуры», в которых горожане имели единственную возможность проводить свободное время за пределами собственного жилища. Однако разнообразие и качество мероприятий, предлагавшихся населению клубами, не позволяет отнести эти объекты к учреждениям городской культуры.

Культурное пространство Тюмени в исследуемый период включало также комплекс городских садов и парков, которые являлись наиболее часто посещавшимися местами отдыха горожан. Как отмечают исследователи, советский парк культуры и отдыха выступал в качестве места сосредоточия массовой культуры и идеологии, в пространстве которых выковывался советский человек⁶. К середине 1950-х гг. на территории Тюмени располагалось более десяти городских садов, концентрировавшихся также в основном в пределах городского центра. В них устраивались катания на аттракционах, спортивные игры, выступали коллективы художественной самодеятельности, организовывались выставки, демонстрировались кинофильмы и читались лекции. Характерной чертой практически каждого городского сада были танцевальные площадки, на которых вечерами под аккомпанемент духового оркестра устраивались танцы.

К середине 1960-х гг. в культурном пространстве Тюмени происходят определенные изменения. Во многом они были связаны с реализацией планов городских властей по созданию целого ряда новых учреждений культуры, волна строительства которых начинается со второй половины 1950-х гг. За исследуемый период в отдаленных от центра – восточной и южной частях Тюмени открылось два новых городских кинотеатра, была осуществлена реконструкция филармонии и драматического театра. Более чем в два раза, по отношению к началу исследуемого периода, выросло число городских библиотек⁷. Для отдыха горожан стало доступно и несколько новых парковых зон⁸, однако их количество по-прежнему оставалось небольшим и не привело к существенному увеличению числа «досуговых площадок». Основная часть тюменцев по-прежнему вынуждена была пользоваться старыми, традиционными местами отдыха. Медленное расширение сети культурных объектов приводило к сохранению на территории областного центра целого ряда сельских культурных черт.

Следует сказать, что, наряду с учреждениями культуры и местами отдыха, в процессе формирования городского культурного пространства Тюмени в анализируемый период принимали участие и другие элементы городской среды. Особое значение среди них имеют объекты, обладающие для горожан символиче-

скими смыслами, сквозь призму которых формируется восприятие городского пространства. К их числу, в частности, относятся произведения монументального искусства, несущие особую смысловую нагрузку. Они создают в пределах городского пространства так называемые «места памяти», которые формируют в сознании горожан особый историко-культурный смысл событий прошлого, наделяя им и различные объекты городской среды.

В середине 1950-х гг. территория Тюмени характеризовалась преобладанием парковой скульптуры, произведения которой были установлены в городском саду, на привокзальной площади и в других местах отдыха населения. Вместе с тем в областном центре было лишь три монумента, увековечивавших исторические события. Два из них были посвящены гражданской и один – Великой Отечественной войне⁹. Кроме того, в двух садах центральной части города располагались скульптуры В. И. Ленина. Других произведений монументального искусства, отличающих Тюмень от остальных городов страны, в областном центре не было. «Мемориальная составляющая» культурного пространства города в исследуемый период находилась лишь в стадии формирования. В Тюмени отсутствовали масштабные скульптурные композиции, обладавшие для жителей большой значимостью.

В целом, следует отметить, что в середине 1950-х – середине 1960-х гг. количество объектов, составлявших культурное пространство города, несколько возросло. Повысилась и их роль в структуре городской среды и повседневной жизни горожан. Жители областного центра все чаще обращались к услугам культурных учреждений, что привело к некоторому расширению культурного пространства Тюмени и вовлечению в него ряда новых городских районов. Вместе с тем расположение культурных объектов в рамках городского пространства на протяжении исследуемого периода оставалось неравномерным. Новые кварталы жилой застройки длительное время оставались «пустыми», без наполнения культурными объектами, предопределив частые перемещения жителей в пределах городского пространства с целью удовлетворения духовных потребностей.

---

⁹ Алисов Д. А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность. – Омск, 1997. – С. 3–15.

² Рассчитано по: ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. 698. Оп. 1. Д. 225. Л. 76а, 80; Д. 248. Л. 5, 76, 77; Д. 260. Л. 1, 31, 33, 52, 54, 86, 87, 131, 132; Д. 323. Л. 5; Д. 336. Л. 5, Л. 36; Д. 345. Л. 68, 70, 81, 82.

³ Народное хозяйство СССР в 1965 г. (статистический ежегодник). – М., 1965. – С. 30–39.

⁴ Тюмень. Справочник-путеводитель / под ред. П. И. Рощевского. – Свердловск, 1970. – С. 144–151.

⁵ ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 272. Л. 91.

⁶ Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920– 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики. – Омск, 2004. – С. 77.

⁷ ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 65. Л. 127; Ф. 5. Оп. 1. Д. 879. Л. 20.

⁸ Тюменская правда. – 1959. – 7 мая.

⁹ Тюмень. Справочник-путеводитель / под ред. П. И. Рощевского. – Свердловск, 1970. – С. 58–60.

Е. А. СМОЛЕНСКИЙ

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК ФОРМА ДОСУГА РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В России в конце XX – начале XXI вв. ведущей тенденцией развития становится глобализация. Ускоренное развитие интеграционных процессов по всем направлениям жизнедеятельности населения земного шара способствовало взаимному проникновению различных культур. С одной стороны, эти процессы дают возможность миллиону людей узнать то, что происходит в мире. Узнать о новейших достижениях в области искусства, науки, технологий. Познакомиться с уникальными традициями и культурой других народов. По словам К. Э. Разлогова, сегодня каждый человек имеет возможность включать или не включать телевизор, выбрать в Интернете интересующую его информацию, пойти в кино или театр, т. е. выбирать ту культуру, которая соответствует его индивидуальным потребностям¹. С другой стороны, Н. Е. Покровский утверждает, что происходит «магдонолизация» и гибридизация культуры, которую можно объяснить как процесс создания

гибридных форм искусства с «коротким периодом полураспада»².

И. В. Мазуренко отмечает, что российская культура сейчас находится в поиске своего места в процессе так называемого «российского европеизма»³. Мы наблюдаем активное приобщение к западным ценностям и стандартам. Но, к сожалению, приобщение к этим ценностям проходит далеко не в положительном русле.

Выступая 19 сентября 2013 г. перед участниками дискуссионного клуба «Валдай», В. В. Путин сказал: «Сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX в. ...». По словам президента, нельзя механически копировать и насаждать чужие взгляды. Особенно, по его мнению, это касается попыток принести в Россию современные западные ценности, которые зачастую несут в себе отказ от традиционных, вековых основ существования всего общества⁴.

Наиболее значимо эти изменения коснулись культурно-досуговой сферы. За последние годы досуговая культура россиян значительно трансформировалась. Появились новые, заимствованные виды досуга, видоизменились или были вытеснены некоторые традиционные.

Современное телевидение в результате процессов глобализации претерпело значительную трансформацию. Сегодня, согласно данным Института социологии РАН, самым распространенным видом досуга в России является просмотр телепередач и слушание радио – обычно свое свободное время посвящают этому 76 % опрошенных⁹⁵. Что же предлагают нашему вниманию? Телевизионная продукция на наших экранах целиком ориентирована на западные образцы, стандарты и ценности. Герои и действующие лица телевизионных фильмов не имеют ничего общего с национальными традициями и культурной идентичностью россиян. Кинопродукция, представленная на российском рынке, часто несет в себе проблемы конфликтогенности, деструктивные тенденции, различного рода угроз и рисков.

В настоящее время в российском кинематографе наметились серьезные проблемы, о которых на совещании по вопросам развития отечественной кинематографии 24 мая 2013 г. В. В. Путин сказал: «Люди рассчитывают на адекватную отдачу: на то, что

у нас с каждым годом будет все больше лент, отвечающих и стратегическим задачам развития страны, и запросам общества, несущих серьезную, созидательную и образовательную силу, образовательный и созидательный заряд, продвигающих ценности здорового образа жизни, патриотизма, духовности, милосердия и ответственности. Однако нужно признать, что мы пока все еще далеки от реализации всех этих целей. Зарубежные фильмы укрепляют свои позиции в нашем прокате, а доля зрительского интереса к российским лентам по кассовым сборам составляет сейчас всего 15,5 %»⁶.

На этом же совещании министр культуры РФ В. Мединский доложил, что министерство определило 12 приоритетных тем, по которым будет осуществляться поддержка отечественного кинематографа. Эти темы были определены на основе опросов общественного мнения. Среди тем, в частности, – 70-летие победы в Великой Отечественной войне, борьба с наркоманией, герои труда, 100-летие Первой мировой войны.

Особое беспокойство вызывает детский телевизионный досуг. Наметился интенсивный процесс приобщения детей к элементам западной культуры. Герои мультфильмов, кинофильмов, компьютерных игр не только заполняют досуговое пространство ребенка, но и отражаются в одежде, игрушках, предметах домашнего обихода и даже еде. Всевозможные сухие завтраки, чипсы, шоколадные батончики и жвачки выпускаются с изображением персонажей из американских мультфильмов, несут в себе не только скрытую рекламу американских товаров, но и западных социальных ценностей, стиля жизни. Таким образом, формируется поколение потребителей новых, заимствованных видов досуговой культуры, а посредством этого потенциальных сегментов рынка сбыта импортной продукции.

Современный детский брендинг формирует новый стиль жизни. Как отмечает Д. Л. Цыбаков, для современных «продвинутых» поколений, воспитанных на Гарри Поттере и Интернете, характерно сочетание космополитизма и идеологической индифферентности. Отсутствие осмысленных мировоззренческих ориентиров формирует потребность в обретении новых кумиров, образов для подражания и типичных поведенческих моделей⁷. Как

следствие – незнание корней своей национальной культуры, утрата морально-нравственной константы и чувства патриотизма.

Специалисты, разрабатывающие видеопroduкцию, нацеленную на детскую аудиторию, активно используют достижения поведенческой психологии. Мультфильм или телефильм полностью завладевают вниманием ребенка, и он с интересом досматривает его до конца. Коммерческие СМИ значительно изменили характер игр детей. Активные игры отходят на второй план, и все, что нужно, чтобы заполнить свой досуг, – это просто сесть у монитора и нажать кнопку. Такие игры не способствуют развитию творчества, критического мышления, умению находить нестандартные решения.

И. И. Дедов, Г. А. Мельниченко, С. А. Бут-рова приводят следующие цифры: на просмотр телевизора у российских подростков уходит в среднем $2,4 \pm 0,02$ часа в день. На компьютерные игры в среднем тратится до $2,2 \pm 0,02$ ч. в день. Если учесть, что занятия в школе длятся 5–7 ч. в день, а выполнение домашних заданий, чтение книг, просмотр телевизионных программ и занятия на компьютере – это еще не менее 6 ч., то можно сделать вывод, что подростки в России ведут малоподвижный образ жизни. Среди детей в возрасте 12–17 лет избыточную массу тела имеют 11,6 % чел., из них ожирением страдают 2,3 %⁸. Таким образом, формируется новое поколение физически нездоровых детей.

По мнению старшего научного сотрудника Института детской эндокринологии, О. Васюковой, одна из причин детского ожирения – это появление высококалорийного и дешевого фаст-фуда⁹. А он, как известно, активно эксплуатирует образы героев детских мультфильмов на пакетах и упаковках. Поэтому понятно желание ребенка съесть вместо полноценного завтрака гамбургер или чипсы, на этикетках которых изображены его любимые Человек-паук или Спаг-боб.

Ситуация приняла настолько серьезный характер, что одной из задач государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 г. была поставлена задача профилактики детского ожирения. В ожидаемых результатах планируется снизить заболеваемость среди детей

и подростков, связанных с питанием, до 10 %.

Подводя итог, следует сказать, что:

- в процессе глобализации, которая имеет отдельное направление – культурная глобализация, этническая идентичность России подвергается сильному влиянию западной культуры;
- приобщение к новым глобальным культурным ценностям сопровождается вытеснением или видоизменением традиционных («американизация», «вестернизация», «культурный колониализм» и т. д.);
- происходит трансформация культурного кода нации, социально значимых ценностей (видоизменение нравственных приоритетов, чувства патриотизма, социальной модели поведения, духовного и физического здоровья нации).

---

¹ Разлогов К. Э. Массовая культура – универсальная парадигма современности // Теоретическая культурология. – М., 2005. – С. 304–311.

² Покровский Н. Е. Конвергенция, глобализация и конфликт (по мотивам Сорокина П. А.). [Электронный ресурс]. – URL: http://politology.vuzlib.org/book_o236_page_19.html (дата обращения: 21.09.2013).

³ Мазуренко И. В. Карикатурная война: возможен ли диалог культур? // Неделя науки : материалы науч.-практ. конф. – Чита, 2006. – С. 168–172.

⁴ Первый канал. Новости. Перед участниками клуба «Валдай» выступил Президент. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.1tv.ru/news/social/242152> (дата обращения: 21.09.2013).

⁵ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки. Институт социологии Российской академии наук. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.isras.ru> (дата обращения: 21.09.2013).

⁶ Президент России. Новости. Совещание по вопросам развития отечественной кинематографии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/18182> (дата обращения: 21.09.2013).

⁷ Цыбаков Д. Л. Содержание исторической фэнтези как средства современной информационно-психологической войны (на примере творчества Ю. Никитина и М. Семеновы) // Образование и общество. Научный информационно-аналитический журнал. – 2008. – № 4. – С. 115.

⁸ Дедов И. И., Мельниченко Г. А., Бутрова С. А. Ожирение у подростков в России // Терапевтический архив, – 2007. – № 10. – С. 28–32.

⁹ Бабичева Е. Беда толстяка // АиФ. Здоровье. – 2012. – № 44. – С. 8.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2010 г. № 1873-р г. Москва // Российская газета. – 2010. – № 5328.

Н. Н. СОЛОДНИКОВА

Тайга Кемеровской области, Тайгинский институт железнодорожного транспорта – филиал Омского государственного университета путей сообщения

О РОЛИ МУЗЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Кемеровской области)

Патриотическое воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и его организаций, общества по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Подлинный патриотизм включает как общечеловеческие и национальные компоненты, так и исторически сложившиеся элементы: привязанность к родной земле, к языку своего народа, к его традициям, культуре.

О патриотизме довольно много пишут и социологи, и журналисты, и военные. Его рассматривают и как фактор национальной безопасности², и как фактор духовно-нравственного становления личности¹, и как системообразующую социокультурную ценность⁴. При этом авторы отмечают на современном этапе упадок патриотического воспитания.

В конце 80-х гг. XX в. смена политических и экономических ориентиров в нашей стране привела к тому, что воспитание молодежи на какое-то время было пущено на самотек. Пока старшее поколение боролось за «место под солнцем», создавало новые партии и новые должности в политической структуре страны, молодежь была предоставлена самой себе. Учреждения культуры – библиотеки, музеи – выживали, как могли. Ослабление влияния государства на процесс воспитания молодежи, разгул идейно-политического плюрализма, нахлынувшая западная поп-культура привели к тому, что старые нравственные ценности, в том числе и патриотизм, в значительной степени были утрачены. Не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что история нашей страны подверглась своеобразной «модернизации», в ходе которой ее стали пересматривать, переписывать, нередко делая это непрофессио-

нально. Такое «обновление» сопровождалось искажением объективной роли России и россиян в историческом процессе, что в значительной степени лишало отечественную историю вполне заслуженного героического ореола. На наш взгляд, недооценка патриотизма как важнейшей составляющей общественного самосознания привела к ослаблению духовных, культурных и социально-экономических основ государства.

В последние годы заметен интерес власти к проблемам молодежи, ибо стало ясно, что за ней – будущее страны. Создание единой системы патриотического воспитания было определено в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 годы». Ее дополняли региональные комплексные программы по историко-культурному, духовно-нравственному, героико-патриотическому и экологическому направлениям. В результате ситуация стала выправляться. В настоящее время действует государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2016 годы»⁶, направленная на дальнейшее формирование патриотического сознания российских граждан как важнейшей ценности, одной из основ духовно-нравственного единства общества, обеспечения стабильного и устойчивого социального развития, укрепления обороноспособности страны, поддержания мира и согласия в обществе.

Среди основных аспектов патриотического воспитания граждан России можно выделить следующие:

- возрождение национального самосознания граждан России;
- воспитание бережного отношения к историческому и духовно-культурному наследию страны;
- сохранение национальных культур и развитие народного творчества.

Важную роль в развитии этих направлений способны сыграть музеи. В Кемеровской области насчитывается 21 краеведческий музей, а также ряд музеев под открытым небом, созданных по инициативе В. М. Кимеева – советского и российского историка, этнографа, музейоведа, специалиста по истории и культуре тюркоязычного населения Кузнецкого Алатау и Притомья. Он является настоящим энтузиастом нового направления в рос-

сийском музееведении – экомuzeологии, цель которого – сохранение культуры аборигенов в естественной природной и социальной среде. Им были созданы первые экомuzeи в Сибири – экомuzeй «Тазгол» (пос. Усть-Анзас Таштагольского района), экомuzeй «Чолкой» (пос. Беково Беловского района), экомuzeй «Калмаки» (пос. Юрты Константиновы Яшкинского района), экомuzeй «Ишим» (пос. Ишим Яйского района), экомuzeй «Брюханово» (с. Красное Ленинск-Кузнецкого района) и экомuzeй «Тюльберский городок» (пос. Городок Кемеровского района).

Так же, как и вся Россия, Кузбасс является многонациональным регионом. Согласно статистике, в Кемеровской области проживают представители более ста национальностей. В таком ярком культурном пространстве возникает проблема сохранения культурных особенностей представителей каждой нации. Особенно актуальна, на наш взгляд, эта проблема для представителей коренных малых народов Сибири – калмаков, татар, телеутов, шорцев. И очень важно воспитывать в студентах, молодежи наравне с патриотизмом национальную толерантность. Необходимо знакомить их с традициями, бытом, обрядами сибирских «аборигенов» и народов, населивших Сибирь позднее. Для этого в Кемеровской области существуют необходимые условия.

Кемеровский областной краеведческий музей и музей Кемеровского государственного университета имеют экспозиции по истории и быту малых коренных народов Сибири. Широко известны жителям и гостям области музей под открытым небом «Томская писаница» (охраняется ЮНЕСКО). Более десяти лет успешно работает над проблемой воспитания молодого поколения и сохранения традиционной телеутской культуры экомuzeй под открытым небом «Чолкой» в с. Беково. Именно здесь проживает большинство представителей этого народа, которого, по статистике, осталось менее трех тысяч человек.

В трудные 90-е гг. XX в., благодаря энтузиазму местного учителя истории В. И. Челухоева и поддержке его идеи руководством Беловского района, в 1999 г. в Бекове открылась первая историко-этнографическая экспозиция первого телеутского музея. Музей строился постепенно: сначала обрядовый зал и зал природы. Прежде чем попасть в эти залы, посетители, проходя по лест-

нице, начинали знакомиться с преданиями. Музей же под открытым небом начал строиться, когда уже в полную силу начали работать залы с экспозициями. Под открытым небом первой была построена башня острога. Такие башни строились в древности по четырем углам острога, а сам острог обносился частоколом, вокруг копался ров, который наполнялся водой⁷.

Коллекции музея дают возможность в доступном и интересном виде проводить образовательную и воспитательную работу с посетителями – школьниками, студентами, туристами. Экскурсии практически всегда театрализованы, материал преподносится ярко, в запоминающейся форме.

С культурой другого народа из сибирских аборигенов – калмаков – можно познакомиться в экомузее с. Юрты-Константиновы. Осев в XVII в. на Кузнецкой земле, калмаки постепенно меняли образ жизни и религию. С XIX в. они исповедуют ислам, соблюдая его заповеди и праздники. В современной деревне функционирует национальный культурный центр. Фольклорный ансамбль «Калмаки» под руководством Ф. К. Покоевой существует уже более 15 лет. В его репертуаре песни на стихи татарских поэтов и народные калмыцкие песни. Чаще всего в песнях поется о любви и дружбе. Прожив «бок-о-бок» несколько веков в многонациональной среде, калмыки частично слились с татарами, частично с русскими. В последние годы старожилы жалуются, что молодежь стала забывать свой язык, старинные обычаи.

В Тайгинском институте железнодорожного транспорта – филиале Омского государственного университета путей сообщения (ОмГУПС) обучаются студенты разных национальностей, из разных районов Кузбасса, Алтая, Томской, Новосибирской и других областей. Все они любят те места, откуда они родом, поэтому с удовольствием участвуют в творческих конкурсах «Знаменитые люди моего города», «Моя родная улица», «Исторические памятники моей малой родины». Лучшие работы (рефераты, презентации, эссе, исследования) выставляются в музее института. Прививая любовь к своей малой Родине, к будущей профессии, институтский музей тесно сотрудничает с другими музеями города: музеем локомотивного депо «Тайга», городским музеем, музеем школы № 160, изучающим историю Тайгинского аэроклуба. Со-

трудники городского музея довольно часто устраивают тематические выставки в читальном зале библиотеки Тайгинского института железнодорожного транспорта. Студенты с удовольствием посещают экспозиции, встречаются с сотрудниками, задают вопросы, оставляют отзывы. Особенно важно это для ребят, приехавших из деревень, небольших станций и поселков. Такая работа, безусловно, влияет на формирование определенного культурного уровня молодых людей, укрепляет патриотические настроения, прививает гордость за свою страну.

В этой работе есть значительные пробелы, свои трудности. Не каждый музей так доступен, как хотелось бы. Входной билет в музей «Томская писаница» становится проблемным для студента, да и добраться до нее – нужны деньги. В музей локомотивного депо «Тайга» с интереснейшей экспозицией нет свободного доступа, ибо он располагается на производственной (охраняемой) территории депо и является собственностью предприятия. Работники музеев, как правило, работают за символические деньги, на энтузиазме, и их исследования не имеют спонсорской поддержки. Вот уже 20 лет в школе № 34 г. Тайги руководит школьным историческим музеем учитель истории М. А. Глухих. Не одно поколение школьников прошло через музейную группу поиска, некоторые стали историками, у всех из них осталось уважение к родной истории, людям, ее творившим.

Однако такие музеи держатся только на энтузиазме их руководителей. Процесс воспитания патриотов, достойных граждан, умеющих хранить и приумножать культуру своего народа, мог быть более плодотворным, если бы администрации городов и районов, имеющих на своей территории музеи, проявляли большую заинтересованность в формировании достойной смены старшим поколениям, поддерживая грантами поиски и исследования своего края, поощряли морально. Эти меры пусть не в полной мере, но все же будут решать проблему патриотизма, духовно-нравственного воспитания современной молодежи, будут способствовать формированию в молодежной среде гражданского самосознания, патриотического отношения к Родине, уважения к ее истории, культуре, лучшим традициям народов нашей многонациональной страны.

Комплексное решение этих вопросов позволит сформировать в молодежной среде высокое гражданское самосознание, патриотическое отношение к Родине, уважение к ее истории, культуре, традициям, укрепит духовное и физическое здоровье молодого поколения, что в свою очередь позволит эффективно решать задачи, стоящие перед обществом и государством.

---

¹ Акулич М., Дмитриева Н. Патриотизм в системе нравственных ценностей россиян // Безопасность Евразии. – 2004. – № 2. – С. 395–411.

² Беспятова Н. К., Яковле Д. Е. Военно-патриотическое воспитание детей и подростков как средство социализации. – М., 2006.

³ Буторина Т. С., Овчинникова Н. П. Воспитание патриотизма средствами образования. – СПб., 2004.

⁴ Гаврилюк В. В., Маленков В. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 44–50.

⁵ Гребенкина Л. К., Аджиева Е. М. Своеобразие национального и патриотического воспитания // Педагогическое образование и наука. – 2006. – № 3. – С. 49–54.

⁶ Постановление Правительства РФ № 795 от 5 октября 2010 г. «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 – 2016 годы”». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.referent.ru/1/188633>

⁷ Историко-этнографический музей «Чолкой» Беловского района. Телутская земляца. Село Беково : буклет / сост. В. В. Челухоев, Л. Г. Челухоева. – Беково, 2011.

⁸ Королев С. В. Воспитание у студентов ценностных основ патриотизма // Среднее профессиональное образование. – 2009. – № 2. – С. 34–37.

Р. Р. КОЖАКУЛОВ

Барнаул, Алтайская государственная академия культуры и искусства

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ (на примере музея истории православия на Алтае)

На протяжении всей истории человечества происходило становление и формирование воспитательной деятельности: ее форм, видов, систем, методов, целей и задач. В истории существует множество трактовок термина «воспитание». Например современное педагогическое знание трактует воспитание как специально

организованное, целенаправленное и контролируемое воздействие воспитателя на воспитуемого посредством интеллектуального, психологического и физического развития, а также его становления как личности для подготовки к производственной, общественной и культурной деятельности¹. Целью воспитания, является система решаемых воспитанием задач². Главной задачей на современном этапе является осуществление воспитательной деятельности посредством возрождения исконных и формирования новых духовно-нравственных ценностей. Данная формулировка несет в себе взаимодействие двух компонентов: духовности как свойства человека, которое выражает его ценностную характеристику сознания, состояние внутреннего мира, достижение определенных целей, а также как способы, формы и нормы поведения; и нравственности, как совокупности понятий: суждение, чувство, убеждение, а также навыки и привычки поведения, соответствующие нормам определенного общества³. Следовательно, духовно-нравственное воспитание – это педагогически правильно составленный процесс привития и передачи воспитанникам национально-культурных ценностей, соответствующих иерархической структуре семьи и духовности патриотизма к стране⁴.

По мнению большинства исследователей, главными проблемами, обуславливающими потребность в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения являются: усиление бездуховности, распространение чужих духовных ценностей и непреемственность своих, падение в обществе образовательного и культурного уровней, патриотизма, национальной самоидентичности, забвение национального самосознания, а также неуважение к отечественной истории, культуре, традициям⁵.

Анализ при помощи научно-педагогической литературы тенденции развития и становления индивида, соответствующего выдвинутым требованиям, позволил сделать вывод, что решением перечисленных выше проблем является духовно-нравственное воспитание в семье и школе как первых сменяющихся одна другой форм воспитательной деятельности.

На современном этапе существуют различные методики духовно-нравственного воспитания. В качестве примера осуществления светского духовно-нравственного воспитания можно привести опыт вальдорфских школ. Основатель школ, Рудольф

Штайнер, опираясь на антропософское учение, создал систему воспитания, в которой становление личности ребенка заключалось бы в гармонии физического и психического развития, в гармонии с природой и окружающим миром. Он утверждал, что воспитание должно осуществляться на собственном примере учителя (воспитателя), осуществляемом путем «одноуровневого» познания. Каждый ученик должен научиться чувствовать, познавать культуру разных народов, прежде всего своего, а также взаимодействовать с землей, т. е. посадить зернышко и вырастить. Категорически запрещается передача обработанной, готовой информации – знаний, чтобы дать ребенку возможность сделать свое или коллективное открытие. Таким образом, Штайнер заменил религиозное понятие «дух» на научный термин – «интеллект», а оставляя суть неизменной, понятие «нравственность», он привел в сравнение с понятием «душа»⁶. Опыт, подобный вальфдорфской методике, применяется в музейной практике – в ходе музейно-педагогических занятий.

Музей как социальный институт, осуществляющий документирование и трансляцию материального и нематериального наследия, имеющий образовательный, учебный и культурный потенциал, является и центром духовно-нравственного воспитания. В качестве примера осуществления духовно-нравственного воспитания музейными средствами можно привести опыт работы Музея истории Православия на Алтае.

Музей действует с 2004 г., целью его является эффективное использование потенциала музейной экспозиции в образовании и воспитании аудитории. В процессе музейной коммуникации делается акцент не только на передаче духовно-нравственных ценностей посредством знакомства с культурным наследием православия в Алтайском регионе, но и на формировании чувства сопричастности к его духовной значимости. В работе музея используются такие формы воспитательной деятельности, как познавательные беседы, экскурсии, лекции, предпраздничные посиделки, чтение летописей. В рамках осуществления духовно-нравственного воспитания особое внимание уделяется изучению православной иконографии. Икона является как ценностью православного мировоззрения, так ценностью и светского. «В ней отражаются исторические вехи и миропонимание ее авторов». В рамках

занятий аудитория учится читать икону – т. е. знакомится с сюжетами и символикой православной иконографии, с житиями и духовными подвигами избранных святых. Особо сильный духовно-нравственный потенциал несет комплекс посвященный иконам-мученикам, которые «являются молчаливыми свидетелями истории гонения на Церковь в XX в.». Здесь представлены иконы в различной степени сохранности – «как составные части сундука, частично облитые масляной краской с налипшими клочками газеты»; «со следами топора на месте лика Богоматери»; «бумажные образочки, выполненные гуашью и акварелью» – «такие непрофессиональные, доморощенные они были необходимы православным в годы лихолетья»⁷.

Специфичной чертой Музея истории Православия на Алтае в контексте духовно-нравственного воспитания является привлечение аудитории к творческо-продуктивной и научно-исследовательской деятельности. Последние четыре года в музее проходят производственную практику студенты Алтайской государственной академии культуры и искусства АГАКИ (факультет информационных ресурсов и дизайна), Алтайской педагогической академии (филологический факультет), Алтайского государственного университета – АлГУ (факультет искусств), Алтайского краевого колледжа культуры⁸. Студенты знакомятся с фондами и экспозицией музея, овладевают методикой сохранения, реставрации и передачи культурных ценностей музейными средствами. Практика предусматривает изучение разделов экспозиции и выявлении ее духовно-нравственной ценности. Так, в 2010 г. студенткой АГАКИ К. А. Энгель после прохождения преддипломной практики был составлен проект выставки «Духовный подвиг в молчаливом камне». Работа заключалась в изучении духовно-нравственного потенциала епархиального музея в целом с точки зрения потребностей современного общества. В 2011 г. при участии студентов АГАКИ под руководством доцента кафедры музееологии и охраны культурного и природного наследия Е. А. Поляковой был разработан проект для епархиального музея, содержащий ряд циклов музейных уроков по православной культуре: «Иконы Богоматери», «Облачение православного духовенства», «Дванадцатые праздники», «Богослужебные книги». В проекте

затрагиваются проблемы духовно-нравственного воспитания. Данная разработка направлена на знакомство учащихся младшего и среднего школьного возраста с православной культурой⁹.

Студентами филологического факультета Педагогической академии были написаны рефераты, посвященные истории православной культуры, интерес к которой был вызван духовным смыслом музейных предметов: «Иконы Пресвятой Богородицы Казанской», «Дванадцатые праздники», «Духовная поэзия православных праздников», «Православные посты», «Святыни Алтая и Крестные ходы», «Иконография святых». В рамках изучения собрания музея студентами была сформирована выставка, посвященная выходу первой печатной книги России – «Апостол» и Дню славянской письменности и культуры.

Для студентов факультета искусств АлтГУ с благословления епископа было организовано посещение епархиальной иконописной мастерской. В рамках музейных занятий студенты знакомятся с реставрацией иконописных изображений.

На протяжении четырех лет, студенты Алтайского краевого колледжа культуры под руководством М. Н. Сигаревой преподавателя традиционной народной культуры, оказывают помощь в организации ежегодной выставки детского декоративно-прикладного творчества «Пасхальный сувенир». Выставляемые работы относятся к самым разным видам техник исполнения (лепка из глины, вышивка, конструирование и коллаж, изделия из ткани, плетение и аппликация из соломки, квиллинг). Такой метод работы способствует приобщению детей к сохранению и передаче видов традиционного ремесла, а также к узнаванию ими культурных традиций.

Таким образом, воспитание является совокупностью форм педагогической системы и способствует решению социальных проблем общества. Музеи выступают одними из важных центров духовно-нравственного воспитания, поскольку в основе их коммуникативной деятельности лежит идея популяризации традиционных ценностей, материального и нематериального культурного наследия. Музей истории Православия на Алтае, как и музеи других профилей, осуществляет духовно-нравственное воспитание

посредством творческо-продуктивной и научно-исследовательской деятельности.

---

¹ Психология / Педагогика / Воспитание/ – URL: <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/vospitanie.html/> www.Grandars.ru /.

² Подласый И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учеб. пособие для вузов. — М., 2004.

³ Психология / Педагогика / Воспитание.

⁴ Гагарина К. Е. Роль учителя в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения // Молодой ученый. – 2011. – № 3, т. 2. – С. 110–115.

⁵ On-line библиотека / О выработке российской идеологии воспитания молодежи. – URL: <http://www.xserver.ru/user/vrosi/>

⁶ Слостенин В. А. Педагогика : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Слостенина. – 6-е изд., стер. – М., 2007.

⁷ Музей истории Православия на Алтае / Иконы в экспозиции Музея истории Православия на Алтае. – URL: <http://altai.eparhia.ru/museum/stati/icons/>

⁸ Музей истории православия на Алтае / Н. П. Железнякова. – URL: <http://altai.eparhia.ru/museum/>

⁹ Полякова Е. А. Реализация социальной миссии музейно-педагогическими средствами (на примере деятельности церковных музеев) / Е. А. Полякова // ученые записки / Алт. гос. акад. культуры и искусств ; ред. кол. А. С. Кондыков [и др.]. – Барнаул, 2011. – Вып. 7. – С. 88–90.

Я. О. МАКСИМЕНКО

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕАТРА КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Анализируя состояние театральной деятельности в России и региона, мы должны четко представлять себе, что за вид искусства театр и в какой социокультурной и экономической ситуации ему приходится существовать. Театр, как искусство синтетическое, объединяющее средства воздействия на человека литературы, пластики, живописи, музыки и т. д., является одним из самых эффективных средств формирования личности. Театральные постановки обретают свое подлинное бытие лишь в качестве спектаклей, показанных перед зрительской аудиторией и существуют только «здесь и сейчас». Именно многократное воспроизведение творческого акта перед конкретными и всегда различными ауди-

ториями, в процессе которого устанавливаются каждый раз особые – прямые и обратные – связи между сценой и зрительским залом, обуславливают неповторимость, уникальность театрального спектакля и обеспечивают театру особое место среди других видов искусства.

Все эти особенности имеют как свои сильные, так и менее защищенные стороны. Театр – искусство синтетическое, значит включающее в себя многие виды искусства. И у всего этого есть свои создатели, авторы, а значит, за редким исключением в виде классики, это все авторские гонорары и разрешение на использование и далее.

Следующая особенность – это неискоренимая «элитарность» аудитории. Для многих людей сегодня, особенно молодых, посещение театра не является нормой, здесь нельзя поставить знак равенства, например, с походом в кино или на концерт. Я не приравниваю эти события по направленности, силе воздействия и прочему, но ведь и пропастью эти акты творчества не разделены. Это вопрос воспитания общества, на мой взгляд, здесь есть над чем поработать с точки зрения как маркетинга, так педагогики и культурологии. Процент людей, посещающих театр, пусть даже иногда не так высок.

Активность зрителя выражается в выборе театра, в отношении к спектаклям и частоте посещения. По итогам опроса зрителя прослеживается тенденция, в соответствии с которой чем старше респондент, тем больше вероятность того, что он окажется регулярным посетителем театра. Самые активные зрители (посетившие театр месяц или три месяца назад) – зрители в возрасте от 35 до 44 лет (28 %) и пенсионеры. Основная доля зрителей, посетивших театр впервые, приходится на молодежь (16–24 года). Для тех, кто посетил свой первый спектакль в старшем возрасте, мотивацией скорее всего стали друзья и личные пристрастия. Степень посещаемости представлений, относящихся к высокому искусству, почти одинакова во всех развитых странах. Постоянные посетители составляют всего лишь малую часть общего населения, что подтверждается данными, собранными Советом Европы¹.

Сегодня театр существует в условиях рыночной экономики, а инструменты управления используются зачастую «дорыночные» или основанные на них. Говоря о коммерческом успехе те-

атра как явления, имеется в виду самоокупаемость производства и получение прибыли путем предоставления услуги, но позитивных примеров этому не так много. Здесь уверенно можно сказать лишь о антрепризных проектах или, например, всем известных Бродвейских театральных постановках.

Принцип работы и устройства схож: отсутствие постоянной труппы и штата и приглашение на контрактной основе необходимых профессионалов для осуществления конкретных проектов. Проект работает – показывается зрителю до тех пор, пока на него есть спрос, а затем закрывается и начинается новый. В основном же, особенно в России, все театры являются «репертуарными». Такой театр играет постоянный репертуар из некоторого количества спектаклей, сменяющих друг друга. Параллельно идет работа по созданию новых спектаклей, есть постоянная труппа, режиссер и штат сотрудников получающих заработную плату. То есть две модели просто зеркальны друг другу.

Реализация маркетинговой программы театра должна осуществляться наряду с основной (сформулированной в Уставе театра) и предпринимательской деятельностью. Результаты анализа динамики структуры общих доходов театров, включая доходы от спонсоров, за период 1999–2002 гг. показывают, что, несмотря на постоянное увеличение суммарных доходов театров, их структура остается практически без изменений. Так, порядка 60–65 % доходов составляют поступления от учредителей, на долю доходов от основных видов деятельности приходится 30–34 %, а суммарные доходы от предпринимательской деятельности и от спонсоров стабильно не превышают 5–6 %. Для активизации предпринимательской деятельности очень важны действия руководства по разъяснению персоналу выгод, которые предпринимательская деятельность может принести всему коллективу.

Сейчас большинство деятелей театра согласны с тем, что механизмы современного рынка в театре нужно внедрять и использовать. Вот несколько успешных примеров. В Москве, рядом с театром К. А. Райкина «Сатирикон», в новом комплексе «Райкин Плаза», появилась Театральная школа Константина Райкина – частный вуз, где с этой осени начнут учиться актеры, а позже подтянутся художники по свету, звукорежиссеры и менеджеры. В бизнес-центре – театральная школа². Или, например, Государ-

ственный Театр Наций под руководством Евгения Миронова – уникальное образование в системе российской театральной культуры. Характер его деятельности столь широк и многолик, что не имеет аналогов в практике современного отечественного театра. Созданный в 1987 г. как Театр Дружбы Народов, он с 1991 г. носит современное название – Государственный Театр Наций. Театр разрабатывает и реализует проекты различных театральных программ, организует и проводит международные и российские фестивали, представляет лучшие отечественные и зарубежные спектакли всех жанров и театральных направлений, продюсирует собственные постановки и делает все, чтобы стать центром, где воспитывается новое поколение театра³.

Функционирование театра как социокультурного института в современной России имеет свои особенности. Произведения культуры становятся товаром, используется гибкая система цен на билеты, театр получил право решать вопросы репертуарной и эксплуатационной политики, организации режима работы. Творческие коллективы приобрели гораздо больше прав и в области финансовой деятельности, ценообразования, распоряжения своими доходами, формирования профессионального состава работников, оплаты и стимулирования их труда, развития творческо-производственной и социальной сферы. Театры получили возможность привлекать внебюджетные источники финансирования. Появились новые муниципальные и частные театры, антрепризы, что свидетельствует о децентрализации и демократизации театрального дела. Но в то же время театр столкнулся с рядом серьезных проблем:

- изначальная убыточность деятельности учреждений искусства при отсутствии достаточного финансирования может привести к закрытию многих театров;

- постоянное изменение правового поля, отсутствие закона о театре ставят это учреждение культуры в условия неопределенности и нестабильности;

- не существует четко проработанной системы найма актеров на контрактной основе; при очень низкой заработной плате работники театра лишены элементарных социальных гарантий;

- театры имеют слабую материально-техническую базу, здания многих театров нуждаются в капитальном ремонте;

– уменьшается общее количество спектаклей, уменьшаются границы деятельности театров, значительно суживается география их гастролей;

– отсутствует четко выработанная государственная политика в отношении театра⁴.

В деятельности театров сегодня имеется еще немало вопросов, которые требуют своего разрешения, но тот факт, что эти проблемы осознаются как государством, так и самими театрами, что в эту сторону делаются уже даже не робкие шаги, а принимаются конкретные решения и осуществляются смелые эксперименты, не может не радовать. Под влиянием противоречивого времени деятельность театров как учреждений культуры претерпевает логичные изменения, оптимизируется и совершенствуется в выполнении возложенной на него функции.

---

¹ Мошенский А. А. Театральный процесс и его организационные проблемы в современной России : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2004.

² Театральная школа Константина Райкина. – URL: <http://raikin-school.com/>

³ Официальный сайт Театра Наций. – URL: <http://www.theatreofnations.ru>

⁴ Копалова О. С. Театр и зритель: институциональные аспекты взаимодействия : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2001.

Ю. А. МАРКИНА

Омск, Омский государственный историко-краеведческий музей

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИГРА КАК ФОРМА КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКОГО МУЗЕЙНОГО ЦЕНТРА ОМСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Современное общество – это информационное общество с большим, постоянно меняющимся потоком информации. Для того чтобы соответствовать этому обществу, быть деятельными и активными, сегодняшним школьникам необходимы умения и способности, позволяющие легко и быстро воспринимать и анализировать информацию, находить решения в различных ситуациях.

Интеллектуальная игра способствует формированию этих качеств, а также способствует формированию умения нестандартно мыслить, быстро и кратко излагать свои мысли.

Миллионы людей проходили в игре школу жизни, познавали окружающий мир, учились человеческим отношениям. И это доказывает, что игра – прекрасное средство развития. Она не только дает дополнительные знания, но и развивает целый спектр разнообразных способностей, является полигоном общественного и творческого самовыражения каждого.

«Большой энциклопедический словарь» определяет игру как «...вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в ее результатах, а в самом процессе». Отмечается, что «в истории человеческого общества игра переплетается с магией, культовым поведением и пр. Имеет важное значение в воспитании, обучении, развитии детей как средство психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям...»¹.

Углубляя понятие игры, культурологический словарь сообщает, что «...игра присутствует во всех сферах материальной культуры», а также «...позволяет возвыситься человеку над природой и создать мир культуры»².

Заметно, что в последнее десятилетие в нашей культуре сформировалось вполне самостоятельное явление, получившее название «интеллектуальных игр». Они дают возможность раскрыться наиболее талантливым, эрудированным ребятам, тем, для кого знания, наука, творчество имеют первостепенное значение. Причем в отличие от предметных олимпиад, научных конференций, разнообразных факультативов эти игры позволяют превратить серьезную интеллектуальную деятельность в яркое зрелище, в увлекательное состязание, в праздник. Именно поэтому в интеллектуальные игры с интересом играют не только младшие школьники, но и подростки, старшекласники, студенты.

Интеллектуальные игры – это не только источник знаний, но и радости, удовольствия от интеллектуальных побед, от своего умения показать запас знаний, быть находчивым³.

Детский музейный центр (ДМЦ) Омского государственного историко-краеведческого (ОГИК) музея не стоит в стороне от современных веяний и тенденций и уже несколько лет проводит различные краеведческие интеллектуальные игры для ребят от 12

до 20 лет. Это такие игры, как областная детская интеллектуальная игра «Знатоки краеведения», областная детская интеллектуальная игра «Всезнайки».

В 2009 г. на сайте музея был запущен новый проект – областная молодежная виртуальная интеллектуальная игра «Люби и знай свой край». В век высоких компьютерных технологий способ виртуального участия в каких-либо мероприятиях, не только развлекательных, но и интеллектуальных, является очень популярным. Наша задача – приобщить школьников к культуре, истории, а это возможно, если идти в ногу со временем. Тогда краеведческие викторины перестанут казаться подросткам чем-то скучным. Но нужно помнить, что в то же время ничто не заменит похода по залам музея, возможности погрузиться в прошлое наяву, познавательного рассказа экскурсовода, что было предусмотрено при проведении виртуальной игры, ведь некоторые задания связаны с музейной экспозицией.

Цель игры – развитие познавательного интереса учащихся к истории и культуре родного края, распространение и популяризация краеведческих знаний; приобщение учащихся к музейной культуре, формирование уважительного отношения к музейному предмету, как к источнику исторических знаний, развитие творческого потенциала подростков.

В отличие от областной детской интеллектуальной игры «Знатоки краеведения», где принимают командное участие ученики 7–9-х классов, первая виртуальная игра давала возможность показать свои способности в области краеведения каждому ученику. Для участия в игре нужно было прислать заявку и заполнить анкету участника. В первой игре приняли участие 10 чел. Игра проходила и проходит в два этапа: отборочный и основной, на каждом из них вниманию участников были представлены несколько блоков заданий, на вопросы которых необходимо было ответить и отправить их по электронной почте. При этом у игроков была возможность вооружиться специальной литературой, а также лишней раз посетить музей, чтобы убедиться в правильности ответа. Такая подготовка, как показывает практика, приводит к высоким результатам.

Вторая виртуальная игра проходила в 2010 г. Она уже имела определенную тему – «Омск в годы Великой Отечествен-

ной войны» и была приурочена к 65-летию со Дня победы в Великой Отечественной войне. К участию приглашались только ученики 6–9-х классов. Для участия необходимо было заполнить анкету и прислать ее на электронную почту Детского музейного центра. Затем можно было приступать к вопросам отборочного этапа, которые состояли из трех блоков. Первый блок был посвящен памятным местам Омска, связанным с Великой Отечественной войной; второй – представлял описания знаменитых людей, омичей, каждый из которых внес свой вклад в победу над фашистами; третий – «назови экспонат»: ребятам необходимо было к фотографиям предметов военного времени, представленных на экспозиции в ОГИК музее, сделать подписи. Посетив музей, ребята с легкостью смогли назвать каждый из них.

В основном этапе нужно было ответить на вопросы кроссворда и теста и вновь отправить свои ответы на электронную почту ДМЦ. Кроссворд состояли из вопросов о личности Д. М. Карбышева, а тест – «Омск в годы Великой Отечественной войны» охватывал самый широкий круг вопросов, от первой стрелковой дивизии, отправленной на фронт, до улиц Омска, которые были названы в память об омичах – участниках Великой Отечественной войны.

В 2011 г. сотрудники ДМЦ продолжили работу с ребятами в виртуальной форме, прошла третья игра. На этот раз она была приурочена к 125-летию со дня рождения выдающегося сибирского краеведа А. Ф. Палашенкова. Игра претерпела некоторые изменения. Во-первых, она стала командной – для участия в игре необходимо было подать заявку с данными пятью участников. Во-вторых, к игре приглашались не только школы. В игре участвовали команды учащихся 10–11-х классов школ, гимназий, лицеев и учреждений дополнительного образования, студенты 1–2-х курсов среднеспециальных и высших учебных заведений.

Игра состояла, как и раньше из двух этапов – отборочного и основного. Отборочный назывался «Визитная карточка Омского государственного историко-краеведческого музея», основной этап – «А. Ф. Палашенков – археолог, музеолог, краевед». Участники команд приготовили электронные презентации о Палашенкове, которые необходимо было отправить на электронную почту ДМЦ.

В 2012 г. была проведена IV виртуальная игра «Люби и знай свой край». Правила игры остались без изменений. Отборочный этап «Из истории нашего края» предполагал выполнение заданий «Архитектура и градостроительство», «Топонимика на карте Омска», «Узнай экспонат» и хронологическую игру. Основной этап «Занимательная география Омской области» включал задания по теме «Из истории географических открытий», викторину «Верю – не верю» и др. Команды, занявшие призовые места, были награждены призами. Все руководители и участники остальных команд получили сертификаты об участии в виртуальной игре. В текущем году сотрудниками ДМЦ проведена уже V виртуальная игра.

Таким образом, проведение виртуальной игры «Люби и знай свой край» стало доброй традицией, которая способствует тому, что учащимся прививается познавательный интерес к истории и культуре родного края.

Диапазон интеллектуальных игр необычайно широк, но суть их одна: при решении поставленных в них задач происходит акт развития и творчества, находится новый путь или создается что-то новое, требуются особые качества ума, такие как наблюдательность, умение сопоставлять и анализировать, комбинировать, находить связи и зависимости, закономерности и т. д. – все, что в совокупности составляет творческие и интеллектуальные способности человека⁴.

Интеллектуальные игры помогают скрасить досуг, развить умственные способности, расширить словарный запас, улучшить память, стать более внимательным, сообразительным, учат любить и чувствовать слово, пробуждают способность к сочинительству, развивают фантазию. А это в жизни очень пригодится! Ведь не только руки, ноги, тело, но и мозг человека требует постоянной тренировки, упражнений. В результате упражнений ум человека становится острее, а сам он – находчивее, сообразительнее.

---

¹ Большой энциклопедический словарь. – М. ; СПб., 2001. – С. 434.

² Энциклопедический словарь по культурологии. – М., 1997. – С. 139.

³ Берн Э. Игры, в которые играют люди / пер с англ. – М., 2003.

⁴ Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. – М.,

Л. В. СЕКРЕТОВА

Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ДОСУГА В РАКУРСЕ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА

Известно, что города представляют собой основные социально-демографические, экономические и культурные точки роста, при этом конкуренция между городами нарастает. Важным инструментом, обеспечивающим конкурентоспособность городов, становятся креативные индустрии, а также весьма тесно смыкающиеся с ними досуговые, расширяющие спектр товаров и услуг, производимых в городе и способные транслировать оригинальную локальную идентичность глобальному миру. Поэтому неудивительно, что, например, в Красноярске, в соответствии с утвержденными Правительством Красноярского края Постановлением № 24-П от 20 января 2009 г. «Основные направления стратегии культурной политики Красноярского края на 2009–2020 гг.», приоритетным направлением реализации культурной политики в крае являются креативные индустрии¹. Благодаря этому, в крае стало возможным проведение прикладных научно-исследовательских проектов, связанных с проблематикой креативных индустрий. Данные проекты актуализируют возможности, которые стоят перед сектором креативных индустрий, позволяют оценить долю креативных индустрий в экономике и социокультурной сфере города. Такого рода оценка чрезвычайно важна для формирования взвешенной программы поддержки креативных индустрий как в части развития малых и средних творческих бизнесов, так и в части создания специализированных бизнес-инкубаторов, формирования системы льгот и преференций, проведения презентационных мероприятий и запуска туристических программ. Правомерно, что в качестве авторов и исполнителей проектов в Красноярском крае используется научный потенциал преподавателей Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

В Омске реализация подобных масштабных исследований еще ждет своего часа. Процесс исследования креативных досуговых индустрий все же начался. В мае 2013 г. состоялся первый

Всероссийский с международным участием научно-практический семинар «Развитие досуговых индустрий в Западно-Сибирском регионе». Его проведение было инициировано и организовано кафедрой социально-культурной деятельности факультета культуры и искусств Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Учредителями семинара выступили также Сибирский филиал Российского института культурологии, Министерство культуры Омской области, Департамент культуры Администрации Омска. В работе семинара приняли участие преподаватели и руководители учреждений высшего и среднего профессионального образования, студенты, магистранты, аспиранты и соискатели, научные работники, специалисты органов управления и учреждений в сфере культуры, искусства, образования, слушатели Центра повышения квалификации работников культуры Омского областного колледжа культуры и искусства.

Тема семинара оказалась привлекательной не только для специалистов Западно-Сибирского региона; к заочному участию в семинаре присоединились ученые из европейской части России, коллеги из Германии, Португалии, Таджикистана. География участников впечатляет: Баден-Баден, Барнаул, Душанбе, Иркутск, Исилюль, Казань, Кемерово, Лиссабон, Москва, Омск, Санкт-Петербург, Сургут, Томск, Тюмень, Чебоксары, Челябинск.

Цель проведения семинара – изучение опыта, выявление проблем и перспектив, систематизация теоретических знаний и практического опыта по применению социально-культурных технологий в индустрии досуга на территории Западно-Сибирского региона. Действительно, процессы индустриализации досуга в последние десятилетия XX – начале XXI вв. все более влияют на характер проведения свободного времени горожан, структуру и иерархию их духовных и материальных ценностей, на тенденции развития бизнеса и частного предпринимательства, на внешний вид городских улиц, освещаемых теперь не только уличными фонарями и окнами жилых домов, но все больше и больше рекламой вечерних и ночных развлечений. Тенденции, впервые отмеченные на Западе, стали распространяться и в Сибири. Это показывают результаты исследований ученых, зафиксированные в опубликованных материалах семинара². В них, в частности, нашли отражение следующие аспекты:

- научно-теоретические и методологические основы развития индустрии досуга и социально-культурной деятельности;
- ценностно-смысловые аспекты развития индустрии досуга;
- воспитательный, развивающий и социализирующий потенциал досуга и социально-культурной деятельности;
- многообразие культурных практик в индустрии досуга.

Значительное место в обсуждении на семинаре занимали проблемы отражения массовой, народной и элитарной культур в динамике индустрии досуга, ее влияния на формирование культуры личности и общества в целом. С одной стороны, традиционно внимание было обращено на роль давно привычных социально-культурных институтов и учреждений (музеев, театров, библиотек и др.); были рассмотрены музыкальный и хореографический аспекты индустрии досуга, а также кино-, фото-, видеотворчество. С другой стороны, участники семинара смогли обозначить и проанализировать новые тенденции в развитии индустрии досуга в России. К ним, по нашему мнению, можно отнести создание творческих и арт-кластеров, интернет-досуг, появление комедийных клубов и клубов игры в гольф, разработка и создание в городском пространстве специализированных досуговых площадок со сценическим оборудованием и др.

Безусловно, для ученых важно было исследовать различные теоретико-методологические аспекты развития досуговых индустрий в современном культурном пространстве, влияние культурной политики на инфраструктуру индустрии досуга в регионе. Так, В. В. Попов выступил с идеей осуществить кадастровый анализ пространства социально-культурной деятельности³. Е. В. Щетина обозначила маркеры этнической идентичности и этнические стереотипы в индустрии досуга современной массовой культуры России⁴. Технологизацию феномена юмора как ведущего компонента развития индустрии досуга обосновал С. Р. Демьяненко⁵. Функции корпоративного досуга в условиях перехода к креативно-информационному обществу описала М. Э. Вильчинская-Бутенко⁶. Противоречия, связанные с использованием потенциала информационных технологий, проанализировала А. А. Гришина⁷. В. Е. Новаторов, обобщив обширный теоретический материал, выдвинул концепцию интегрированных марке-

тинговых коммуникаций в индустрии досуга⁸. Т. В. Катюхина обратила внимание на феномен молчания в антропологии индустрии досуга: «Разнообразие форм культуры досуга не дает человеку возможность остановок и осмысления происходящего, ибо создается ситуация постоянной спешки и желание успеть быть причастным ко всему, быть в центре событий, в центре внимания, быть на виду. Поэтому в современной культуре создается парадоксальная ситуация: с одной стороны, это многообразие форм деятельности дает возможность человеку ощущать свободу выбора, с другой стороны, это создает ситуацию бесконечного движения в поисках и обретении себя и смысла своего существования. А для того, чтобы этот смысл все-таки был найден и обнаружен, здесь нам и важно понимание ценности феномена молчания в современной культуре досуга»⁹.

Рамки статьи не позволяют перечислить темы всех выступлений и присланных материалов. Однако приведенные примеры в достаточной мере позволяют судить о многообразии научных подходов и исследовательских ракурсов. Участники признали работу семинара интересной, плодотворной и перспективной. На заключительном заседании были подведены итоги работы семинара, уточнены предложения и рекомендации участников в адрес ученых, практиков, руководителей органов управления культурой и образованием, лидеров общественных организаций:

- изучение и творческое освоение традиционного отечественного и зарубежного опыта организации досуга в спектре досуговых индустрий;
- интеграция социально-культурных технологий в индустрию досуга;
- насыщение рекреационных программ ценностями и смыслами культуры;
- развитие интеллектуальной и идейно-эмоциональной выразительности досуговых программ;
- включение индустрии досуга в поле нормативно-правового регулирования, государственной и региональной культурной политики;
- обеспечение предприятий индустрии досуга квалифицированными кадрами с высшим образованием по соответствующему профилю подготовки;

– повышение качества услуг в индустрии досуга.

Таким образом, семинар позволил сформировать научное сообщество ученых и практиков; генерировать идеи, заложить основы для подготовки и написания современных учебных пособий по дисциплинам «Технологии социально-культурной деятельности в индустрии досуга», «Проектная деятельность в индустрии досуга», необходимых для повышения эффективности учебного процесса; укрепить взаимодействие кафедры, факультета и вуза с городской властью по вопросам бакалаврской подготовки по новому (не имевшему ранее аналогов в специалитете) профилю подготовки «социально-культурные технологии в индустрии досуга», востребованному в учреждениях культуры и на предприятиях индустрии досуга в городе, регионе и России.

---

¹ Креативные индустрии как сектор инновационной экономики города Красноярска. – URL: <http://hi.sfu-kras.ru/node/1021>.

² Развитие досуговых индустрий : материалы Всероссийского научно-практического семинара с международным участием (Омск, 14 мая 2013 г.) / науч. ред., ред.-сост. Л. В. Секретова. – Омск, 2013.

³ Попов В. В. Кадастровый анализ пространства социально-культурной деятельности // Развитие досуговых индустрий : материалы Всерос. науч.-практ. семинара с междунар. участием. – С. 37–44.

⁴ Щетинина Е. В. Маркеры этнической идентичности и этнические стереотипы в индустрии досуга современной массовой культуры России // Развитие досуговых индустрий : материалы Всерос. науч.-практ. семинара с междунар. участием. – С. 110–115.

⁵ Демьяненко С. Р. Технологизация феномена юмора как ведущий компонент развития индустрии досуга // Развитие досуговых индустрий : материалы Всерос. науч.-практ. семинара с междунар. участием. – С. 92–98.

⁶ Вильчинская-Бутенко М. Э. Функции корпоративного досуга в условиях перехода к креативно-информационному обществу // Развитие досуговых индустрий : материалы Всерос. науч.-практ. семинара с междунар. участием. – С. 98–103.

⁷ Гришина А. А. Досуг OFFLINE – миф XXI века // Развитие досуговых индустрий : материалы Всерос. науч.-практ. семинара с междунар. участием. – С. 104–109.

⁸ Новаторов В. Е. Интегрированные маркетинговые коммуникации в индустрии досуга // Развитие досуговых индустрий : материалы Всерос. науч.-практ. семинара с междунар. участием. – С. 64–75.

⁹ Катюхина Т. В. Феномен молчания в антропологии индустрии досуга // Развитие досуговых индустрий : материалы Всерос. науч.-практ. семинара с междунар. участием. – С. 87–92.

Т. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

Омск, Омский государственный педагогический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Личностное развитие студента в вузе – это развитие не только интеллекта, но и готовности к автономности, самостоятельности, становление позитивного отношения к миру и принятию окружающих, формирование уверенности в себе, мотивации самоактуализации, самореализации и самосовершенствования. В течение студенческой жизни человек накапливает в себе собственный, личностный «фонд культуры», который находит непосредственное выражение в культурных потребностях, в расширении их сферы, в формировании новых запросов, обогащающих личность.

Важной составляющей этого процесса является культурная среда. Именно культурное пространство города формирует личность, способствует духовно-нравственному освоению мира. Важнейшая составляющая этого процесса – социокультурная деятельность самого человека. И это не механическая сумма различных желаний и культурных потребностей человека. Социально-культурную деятельность исследователи (М. А. Ариарский, Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, В. В. Туев и др.) рассматривают как исторически обусловленный, педагогически направленный и социально востребованный процесс преобразования культуры и культурных ценностей. Термин «культурно-досуговая деятельность» правомерно рассматривается авторами как обозначение «досуговой» части общей «социально-досуговой деятельности». Когда человек стремится приобщиться к духовным ценностям посредством социокультурной деятельности, процесс этот придает человеческой жизни осознанный и творческий характер.

«Досуг – это время, – пишет М. А. Ариарский, – которое каждый вправе использовать по своему выбору и усмотрению. Но вместе с тем это время, от характера заполнения которого непосредственно зависят и готовность человека к общественно-полезному труду, и его нравственный облик. Поэтому оно не может быть свободным ни от социального влияния, ни от моральной ответственности перед обществом»¹. Общество нуждается в том,

чтобы каждый человек владел высокой, естественной культурой души. Душа человека – это его внутреннее духовное состояние, которое может чувствовать только тот, кто им обладает. Э. В. Ильенков утверждал: «Нравственность нельзя “отделить от индивида” даже в абстракции. Ведь она и есть не что иное, как социальный аспект личности, индивидуальности, – живого реального индивида. Поэтому ее и нельзя передать другому человеку. Акт такой передачи убивает сам предмет передачи, превращает его в полную противоположность тому, что мечтали “передать”. Ибо нравственность означает умение индивида самостоятельно осознавать социальный смысл своих поступков и решений и действовать в соответствии с последними»². Действительно, человек несет ответственность за результаты саморазвития и самовоспитания, за свои собственные – развитые или загубленные – способности, за свои достоинства и пороки. Личность несет ответственность за духовно-нравственный застой.

Весьма показательны, на наш взгляд, ответы студентов второго курса Омского педагогического университета (ОмГПУ) на вопросы анкеты «Я и мой город». Данное анкетирование проводилось на протяжении нескольких лет среди студентов разных факультетов ОмГПУ. На вопросы: «какие музеи города знаете» и «расскажите о тех, в которых бывали» 26,5 % опрошенной студенческой аудитории не смогли назвать ни одного музея в городе. При этом 39,8 % в своей жизни ни в одном музее города не были вообще; 25,3 % посетили один музей, 12 % – два, 8,4 % – три, 6 % были в четырех музеях, только 1 % – в пяти. Зато на вопрос о том, почему музей называют хранилищем культуры, отвечали очень обстоятельно, даже те, кто там не был. Что это? Обученность писать сочинения, цинизм или духовный инфантилизм? Думаем, что именно так постепенно вызревает интеллектуальная и духовная дистрофия.

Цифры, которые вызывают серьезную тревогу, можно продолжить: 14,4 % студенческой аудитории к своим девятнадцати годам никогда не были ни в одном театре города, 26,5 % – побывали в одном театре, 24 % – в двух, 16,9 % – в трех, 3,6 % – в четырех, и лишь 1,3 % хорошо знакомы с театральной жизнью Омска. Поэтому закономерными были ответы про то, чем театр отличается от кино. Из ответов: «кино более приближено к реальности», «вообще-то у меня так мало времени, что в театр не хо-

жу», «в театре не был, сравнить не с чем»... Свидетельствует ли это в пользу духовно-нравственного здоровья личности? Скорее в пользу духовного инфантилизма. Слишком частыми стали явления «эмоциональной и духовной спячки», утилитарного отношения к культурным ценностям. Стали привычными поверхностные оценки и полное отсутствие потребности в контакте с культурной средой города.

В целом картина довольно печальная. Анализируя данные опроса студентов педуниверситета, следует отметить, что почти две трети опрошенной студенческой аудитории живет в условиях дефицита культуры, ими не осознаваемого. Закономерен вопрос: чем же заполняется интеллектуальный и духовный вакуум?

Понимаем, что нельзя отождествлять духовность, нравственное здоровье личности с посещением музеев, театров, выставочных залов, концертов. Это лишь часть культуры досуга, понимаемой нами как интегральное качество личности, отражающее потребность и умение конструктивно использовать свое свободное время, которое реализуется в активном отдыхе, удовлетворении и постоянном возвышении духовных потребностей посредством репродуктивной и творческой деятельности по освоению культурного наследия человечества, созданию культурных ценностей и развитию своих сущностных сил.

И все-таки, что наполняет нашу жизнь, когда мы слушаем музыку, всматриваемся в произведения живописи, смеемся, плачем, сострадаем вместе с артистом на сцене? Мы проживаем определенные отношения, которые наполняют нашу душу. И личность растет, когда обогащается отношениями. Она развивается, когда осознает свои связи с разнообразными сферами окружающего мира и себя как носителя этих осознаваемых, переживаемых и выявляемых в действиях связей. Вот почему при желании узнать человека (что за личность?) мы приглядываемся к его отношениям (к природе, искусству, работе, самому себе, обществу...), квалифицируя их как содержание личности.

Результаты проведенного опроса заставляют выделить проблемные аспекты, связанные с социокультурными параметрами студентов, а именно размытость ценностей, культурный вакуум, высокий уровень отчуждения от культурной среды города. В связи с этим вопрос формирования культуры досуга студенчества в сегодняшних условиях требует, на наш взгляд, особого внимания.

А это требует новых идей, концепций, технологий. Воспитательное пространство вуза может стать условием формирования гуманистических ценностных ориентаций молодежи, успешного развития созидательной активности студентов, активного стремления духовно насыщать и интенсивно строить свой досуг.

Учитывая, что ценностные ориентации динамичны, можно предполагать, что изменения социально-экономической и духовной обстановки в стране повлекут за собой и изменения в концепции жизни личности, смещение акцентов в ее ориентациях. Ведь исходный пункт формирования культуры – и логически, и исторически – человек. «Исходным пунктом и конечной опорой является человек и его нравственное призвание. ... Личность, непреклонная в своем нравственном стремлении, почерпающая свою силу из веры в абсолютный идеал добра и неизменно сохраняющая эту веру при всех поворотах истории», – считал П. И. Новгородцев³, и его мысли не потеряли своей актуальности и сегодня.

В контексте сегодняшнего быстро изменяющегося бытия, плюрализма мнений, относительности всех параметров и ценностей единственной несомненной константой остается истинная человеческая природа в безграничной перспективе ее развития. Она может раскрываться новыми гранями, развиваться, выступать в новых своих проявлениях, но она остается для человека исходной и актуальной точкой отсчета, пока существует он сам.

Работе над собой, над своей личностью не может быть конца. По словам Э. Фромма, в жизни существует модус бытия и модус обладания⁴. Именно творческое восприятие развивает и меняет человека, делает его иным в человеческих взаимоотношениях, помогает найти путь к самому себе и овладеть культурой действия. Значительную роль в том, чтобы модус бытия преобладал над модусом обладания, играет «вхождение» личности в культурную среду города, умение сформировать собственное культурное пространство.

---

¹ Ариарский М. А. Культура досуга как предмет педагогики и прикладной культурологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://dedovkqu.narod.ru/bib/ariarskij.htm>

² Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. – М., 1968. – С. 382.

³ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 44.

⁴ Фромм Э. Иметь или быть. Ради любви к жизни / пер. с англ. – М., 2004.

20 ЛЕТ СИБИРСКОМУ ФИЛИАЛУ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

Д. А. АЛИСОВ, Н. А. ТОМИЛОВ

*Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии,
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1993–2013)

В феврале 2013 г. исполнилось 20 лет со дня создания Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры (МК) Российской Федерации. Сибирский филиал как научно-исследовательское учреждение был образован приказом № 7 по Российскому институту культурологии от 22 февраля 1993 г.

Российский институт культурологии (РИК) МК РФ был создан в 1932 г. как Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы Наркомпроса РСФСР и имел за всю свою историю разные названия – Научно-исследовательский институт (НИИ) краеведческой и музейной работы (с 1937 г.), НИИ музееведения МК РСФСР (с 1955 г.), НИИ музееведения и охраны памятников истории культуры МК РСФСР (с 1966 г.), НИИ культуры МК РСФСР (с 1969 г.). Современное название институту было дано в 1992 г. В 2012 г. РИКу исполнилось 80 лет². Руководил им на протяжении многих лет широко известный в России и за рубежом видный ученый, профессор, доктор искусствоведения К. Э. Разлогов, фактически возглавляющий культурологическую научную школу в нашей стране.

Из омских ученых наиболее активное участие в создании Сибирского филиала приняли участие Н. А. Томилов, Д. А. Алисов, В. Г. Рыженко, П. П. Вибе, Б. А. Коников, которые разработа-

ли общую концепцию создания и деятельности филиала. Директором Сибирского филиала РИК был назначен профессор, доктор исторических наук Н. А. Томилов, заместителем директора стала доцент Н. М. Генова, ученым секретарем – доцент кандидат исторических наук Д. А. Алисов.

В образовании и становлении Сибирского филиала РИК на первом этапе значительную роль сыграли академик-секретарь бюро Отделения литературы и языка Российской академии наук академик Е. П. Чельшев, директор РИК профессор К. Э. Разлогов, его заместители профессора Э. А. Орлова и Э. А. Шулепова, ученый секретарь РИК В. И. Ломакин, а с омской стороны – глава Администрации (губернатор) Омской области Л. К. Полежаев, председатель Комитета по культуре и искусству Администрации Омской области Н. М. Генова.

Сибирский филиал РИК был изначально создан как научно-исследовательское учреждение сферы культуры Российской Федерации. В его составе первоначально было образовано пять секторов (региональной культурной политики, локальных культурно-исторических процессов, национальных культур и межнациональных культурных отношений, сохранения и использования культурного наследия, научной информации. Шестой сектор социально-культурных аспектов урбанизации Сибири был создан по инициативе Д. А. Алисова в мае этого же года.

Эта организационная структура продолжала сохраняться на протяжении 20 лет существования и деятельности филиала. Сибирский филиал РИК в начале 2013 г., как и прежде, организационно состоял из шести секторов: региональной культурной политики (заведующая – доктор исторических наук Т. Б. Смирнова), социально-культурных аспектов урбанизации Сибири (заведующий – доктор исторических наук Д. А. Алисов), локальных культурно-исторических процессов (заведующая – доктор исторических наук В. Г. Рьженко), национальных культур и межнациональных культурных отношений (заведующая – кандидат исторических наук И. А. Селезнева), сохранения и использования культурного наследия (заведующий – доктор исторических наук П. П. Вибе), научной информации (заведующая – кандидат исторических наук М. Л. Бережнова).

Только в конце лета – начале осени 2013 г. эта структура была перестроена в связи с новыми задачами, поставленными руководством Министерства культуры РФ. В настоящее время филиал состоит из двух отделов – изучения культуры городской среды и населения в условиях модернизационных переходов (начальник отдела Д. А. Алисов) и национальных культур и историко-культурного наследия (И. А. Селезнева).

Общая численность сотрудников филиала на 1 января 2013 г. составляла (включая административно-управленческий персонал) 28 чел. В том числе: 13 основных, 15 совместителей. Среди них 25 ученых, в том числе штатных научных работников; семь штатных молодых научных сотрудников (до 35 лет), четыре пенсионера. В филиале работало семь докторов, 12 кандидатов наук и шесть сотрудников без ученой степени. С целью «оптимизации» деятельности филиала в середине года численность сотрудников была сильно сокращена: с 28 до 15. (в том числе всего осталось 12 ученых).

Материалы о первых 15 годах деятельности филиала ранее были опубликованы в журнале «Культурологические исследования в Сибири»¹. Данная статья является продолжением рассказа о деятельности филиала 2008–2012 гг.

Сектор региональной культурной политики (заведующий сектором доктор культурологии Г. Г. Волощенко, с 2011 г. – доктор исторических наук Т. Б. Смирнова) в 2008–2009 гг. разрабатывал тему «Досуг как явление культуры: генезис и развитие». В рамках темы были определены три приоритетных подтемы. Первая – исследование досуга как явления культуры (Г. Г. Волощенко). Второе направление – исследование аудиовизуальной культуры в сфере досуга (Н. Ф. Хилько). Третья подтема – элитарная культура (Л. В. Секретова).

За два года, т. е. в 2008–2009 гг., были опубликованы монография Н. Ф. Хилько «Педагогика аудиовизуального творчества в социально-культурной сфере» и 47 статей и тезисов докладов (24,6 п. л.). Кроме того, сотрудники сектора приняли активное участие в подготовке и издании сборника «Пространство культуры и искусства страны и региона»².

В ноябре 2008 г. Л. В. Секретова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических

наук по теме «Организационно-педагогические условия интеграции элитарных клубов в социально-культурную среду региона».

В 2008–2009 гг. сектор подготовил и успешно провел три конференции и один симпозиум³. Первая Омская региональная научно-практическая конференция «Современное состояние и тенденции развития культуры и искусства России и региона» состоялась 30 мая 2008 г. По ее результатам был издан сборник материалов и тезисов докладов. Всероссийская научно-практическая конференция «Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество» была проведена 23–24 октября 2008 г. Кроме того, сектор принял участие в подготовке и проведении Второй Омской региональной научно-практической конференции «Современное состояние и тенденции развития культуры и искусства региона» (28 мая 2009 г.).

Вне плана была подготовлена и проведена межрегиональная научно-практическая конференция «Антикризисная культурная политика и социально-культурное взаимодействие в Сибири: межрегиональный диалог» (Омск, 19–20 ноября 2009 г.), в рамках которой прошел традиционный VII Всероссийский научно-практический симпозиум «Досуг. Творчество. Культура», который был посвящен 35-летию Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. (Омск, 19-20 ноября 2009 г.).

Начиная с 2010 г. основной проблемой исследования, за которую отвечал сектор, становится тема «Современная региональная культурная политика в контексте модернизации и глобализации». Сотрудники сектора участвовали в написании одной коллективной монографии (Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.) и в издании двух сборников: «Кризис и культура: диалог регионов», «Региональная культурная политика: теория и технологии». А также в 2011–2012 гг. по теме было опубликовано 25 статей и тезисов докладов (7,95 п. л.).

Кроме того, Н. Ф. Хилько участвовал в исследовании по теме «Формирование аудиовизуального языка современных творческих коммуникаций: социокультурный анализ». В рамках данной темы он подготовил и издал два учебных пособия: «Фотомастерство» и «Педагогика и методика кино-, фото-, видеотворчества» и две монографии: «Кинематограф Сибири: коммуникация,

язык, творчество» и «Развитие современного языка кино и телевидения в культуре зрительской коммуникации». В рамках темы опубликовал 11 статей (4,9 п. л.).

По результатам работы Н. Ф. Хилько был награжден Почетной грамотой Правительства Омской области. Л. В. Секретова была награждена Почетной грамотой ректора Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского за безупречный добросовестный труд и в связи с 10-летием факультета культуры и искусств ОмГУ и получила Благодарственное письмо министра культуры Омской области за активное участие в работе региональной выставки «Омская культура: время созидания» (20–25 марта 2009 г.).

В 2009 г. *сектор социально-культурных аспектов урбанизации Сибири* (заведующий сектором Д. А. Алисов) завершил работу по теме «Культура сибирского провинциального города в условиях модернизации» (велась с 2004 г.). Цель разработки данной темы – выявление динамики социально-культурных процессов в городской среде в условиях раннеиндустриальной модернизации России второй половины XIX – начала XX вв. Исследование велось на стыке культурологии, истории и социологии. В рамках исследования сотрудники сектора подготовили и выиграли три гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): «История и культура городов Азиатской России в лицах: биобиблиографическая информационная база» (руководитель Д. А. Алисов); «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография» (руководитель Д. А. Алисов); «Культурное пространство Омска: облик и образ города в панораме веков (XVIII–XXI вв.)» (руководитель Ю. Р. Горелова).

В рамках научной деятельности были подготовлены и опубликованы серии научных статей по следующим темам: «Теория, методология и историография культуры городов Азиатской России в условиях модернизационных переходов» (Д. А. Алисов – 18 статей, 6,95 п. л.), «Культурное пространство города: концептуально-методологические модели и практики исследования» (Ю. Р. Горелова – 17 статей и тезисов, 8,66 п. л.), «Армия и общество в России в эпоху модернизации конца XIX – начала XX вв.: проблемы культурного диалога» (О. В. Гефнер и В. Л. Кожевин – 25 статей и тезисов, 9,5 п. л.).

Кроме того, по внеплановой теме «Образ исторической науки второй половины XX в.» Н. А. Кныш было опубликовано четыре статьи общим объемом 1,4 п. л. В 2010 г. Н. А. Томиловым опубликована монография «Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований» (10,25 п. л.).

Был подготовлен и размещен в Интернете сайт «История и культура городов Азиатской России в лицах: биобиблиографическая информационная база» (www.aziagos.narod.ru). Размещено на сайте более 180 статей о деятелях культуры сибирского региона. Осуществлялось пополнение и развитие созданного ранее информационного сайта «Культура городов Азиатской России» (www.kulgor.narod.ru).

С 2010 г., согласно плану, сектор начал разрабатывать две новые темы: «Культурное пространство и социум городов Азиатской России в условиях модернизационных переходов: теория, методология, историография, концептуально-методологические модели и практики исследования» и «Роль военных в формировании культурного пространства городов Западной Сибири».

В рамках темы «Культурное пространство и социум городов Азиатской России в условиях модернизационных переходов: теория, методология, историография, концептуально-методологические модели и практики исследования» сотрудники филиала завершили подготовку к изданию нескольких глав «Энциклопедии города Омска» в трех томах. В состав научно-редакционного совета и редакционной коллегии энциклопедии входили: Д. А. Алисов (редколлегия), А. П. Сорокин, Н. А. Томилов (члены научно-редакционного совета). Кроме того, в 2011–2012 гг. сотрудниками было опубликовано 38 статей общим объемом 16, 9 п. л.

Сектор выступил в качестве основного организатора нескольких всероссийских мероприятий. Перечислим только традиционные. Это Всероссийский научно-практический семинар, который был преобразован в симпозиум «Проблемы культуры городов России». При финансовой поддержке РГНФ были подготовлены и проведены три всероссийских научных симпозиума «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография»: в Омске 23–24 октября 2008 г., в Новосибирске 21–22 октября 2010 г. и в Барнауле 27–30 сентября 2012 г. В каждом

отдельном случае были изданы программы и сборники материалов симпозиумов. Кроме того, совместно с Омским кадетским корпусом регулярно проводятся Всероссийские научно-практические конференции «Катанаевские чтения». Последняя, шестая состоялась в мае 2008 г.

В рамках темы «Роль военных в формировании культурного пространства городов Западной Сибири» В. Л. Кожевин подготовил и издал монографию «Российское офицерство и февральский революционный взрыв». Кроме того, сотрудниками сектора по данной теме было опубликовано в 2011–2012 гг. 14 статей и тезисов докладов общим объемом 4,6 п. л. При активном участии сектора были проведены две всероссийские научные конференции, посвященные вкладу Сибири в победу в Великой Отечественной войне – 6–7 мая 2010 г. и 5–6 мая 2011 г.

Сектор динамики локальных культурно-исторических процессов (заведующая сектором – доктор исторических наук В. Г. Рыженко) в 2008–2009 гг. исследовал тему «Личности, сообщества, институты в динамике реалий “местной” культуры». Сектор практикует экспериментальные способы отслеживания историко-культурных процессов, отражающихся в деятельности личностей и сообществ, – с помощью научно-практических акций (семинары, круглые столы, конференции), сопровождающих выставочные и театральные проекты (осуществляется сотрудничество с Омским областным музеем изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Областным художественным музеем «Либеров-центр», городским музеем «Искусство Омска», такими театрами Омска, как театр-студия Любви Ермолаевой, Лицейский театр.

В 2008 г. сектор выступил одним из соорганизаторов нескольких научно-практических мероприятий: круглый стол «Литературный музей – лаборатория творчества» (11 марта 2008 г., Омск); Международная научно-практическая конференция «Музейные ресурсы в современном мире», посвященная 130-летию Омского государственного историко-краеведческого музея (15–16 мая 2008 г., Омск). Был проведен круглый стол «Академическая традиция в художественном творчестве и образовании: формы востребования», который был реализован в рамках межрегионального научно-художественного проекта «Сибирь: собирательный образ» (6–21 ноября 2008 г.). В 2009 г. подготовлена и прове-

дена VII Всероссийская научная конференция с международным участием в рамках программы подготовки к 300-летию Омска «Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан» (20–22 октября 2009 г., Омск). Сотрудники сектора приняли участие в выполнении научных тем по грантам РГНФ: «Трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.)», РГНФ №07-01-00301а (В. П. Корзун, В. Г. Рыженко); «История музеев Западной Сибири последней четверти XIX – начала XXI вв.: периодизация, характеристика и роль музеев в культурной, социальной и политической жизни регионов», РГНФ №07-01-00317а (В. Г. Рыженко).

В течение 2008–2009 гг. сотрудниками сектора были подготовлена и опубликована 71 научная статья общим объемом 32,4 п. л., в том числе в зарубежных изданиях – четыре (2,4 п. л.), в центральных – пять (1,9 п. л.) и одно учебное пособие – Е. В. Мельниковой «Культура и традиции народов мира: этнопсихологический аспект» (38,0 п. л.).

С 2010 г. сектор исследует тему «Творческая личность и культурные институты в динамике модернизационных процессов в контексте проблем формирования региональной и локальной идентичности (от века XX к XXI веку)». В 2011–2012 гг. по данной теме было издано 55 статей общим объемом – 22,35 п. л. Кроме того, в 2011 г. был издан сборник научных трудов «Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций».

В эти годы с участием сектора были проведены две всероссийские конференции: 3–4 декабря 2011 г. в Новокузнецке II Всероссийская научно-практическая конференция «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период»; 16–18 октября 2012 г. в Омске. VIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций» в рамках программы подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории.

Кроме того, в рамках сектора, согласно плану, разрабатывалась тема «Ученые-культурологи и центры культурологических исследований в Сибири» (В. П. Корзун, В. Г. Рыженко и др.). Только в 2011–2012 гг. были подготовлены и изданы коллективная монография «Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.» (под редакцией В. П. Корзун), четыре статьи в зарубежных изданиях (1,8 п. л.), две статьи в ВАКовских изданиях (1,2 п. л.) и 28 статей и тезисов докладов (15,2 п. л.) в других изданиях.

В 2011 г. состоялась защита кандидатской диссертации О. В. Петренко «История становления личности и деятельность советских режиссеров-новаторов в 1930-е гг. (Н. П. Охлопков и В. Ф. Торский)».

Сектор национальных культур и межнациональных культурных отношений (заведующая сектором – кандидат исторических наук И. А. Селезнева) в 2008–2009 гг. исследовал две темы: «Национальные культуры: тенденции динамики и современное состояние» и «Национально-культурные процессы и пути достижения устойчивого развития в современном мире». Материалы, полученные в ходе исследования, были предоставлены работникам Министерства культуры Правительства Омской области по их просьбе для использования при разработке вопросов национально-культурной политики в регионе.

В рамках плана данный сектор в течение ряда лет участвовал в подготовке и проведении нескольких конференций. В частности, в эти годы в Омске состоялось три Международных научно-практических конференций «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (27–28 марта 2008 г., 21–25 апреля 2010 г., 17–20 апреля 2012 г.). В качестве примера: VII Международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» была поддержана грантом РГНФ (проект № 08-01-14044г). В работе конференции приняли участие около 200 чел. из 21 города России, Польши и Казакстана. На конференции было заслушано и обсуждено 140 докладов, касавшихся различных ас-

пектов сельской жизни Сибири (в том числе и социокультурных процессов, проблем культуры и образования). На круглом столе, собравшем представителей академической науки Сибири и Польши, обсуждались перспективы сотрудничества ученых из Академий наук Российской Федерации и Польши. Издан трехтомный сборник материалов конференции.

Сектор регулярно готовит и издает большое количество монографий и сборников научных работ. Общее количество публикаций сотрудников сектора национальных культур и межнациональных отношений по двум научным темам в 2008–2009 гг. составляет четыре монографии (13,2 п. л.), 58 статей (26,1 п. л.) и 11 тезисов докладов (1,52 п. л.).

22 декабря 2009 г. Т. Б. Смирнова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы». Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 января 2009 г. она была награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

В 2010–2012 гг. сектор начал работы по четырем основным темам: «Региональные народные традиции и универсальные формы культуры в современном обществе», «Праздники и обряды календарного цикла восточнославянского населения Западной Сибири», «Этнокультурное развитие немцев Сибири», «Формирование и развитие народного ислама татар Западной Сибири и его социальные функции».

В 2010–2012 г. сотрудниками сектора было опубликовано несколько две монографии (Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального; Казанник А. И., Татауров С. Ф., Тихомиров К. Н., Томилев Н. А. Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии); ставшие уже традиционными сборники статей «Интеграция археологических и этнографических исследований», «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума»,

«Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», а также одно учебное пособие И. А. Селезневой – «Информационно-аналитическая работа»).

Сотрудники сектора ежегодно принимают участие в этнографических экспедициях и осуществляют руководство ими. Только за 2009–2010 гг. под руководством Т. Н. Золотовой, И. А. Селезневой, Т. Б. Смирновой, Э. Р. Ахуновой, М. Л. Бережновой было проведено семь экспедиций. Кроме того, было проведено несколько археологических раскопок – Черталы 1 (поселение) и Черталы 2–3 (курганно-грунтовой могильник) в Муромцевском районе Омской области.

Сектор сохранения и использования культурного наследия (заведующий сектором доктор исторических наук П. П. Вибе) в 2008–2009 гг. вел исследования по теме «Изучение памятников истории и культуры Омской области», представленной двумя подтемами – «Археология Омского Прииртышья эпохи Средневековья» и «Памятниковедение и музеология Омского Прииртышья». Эти две подтемы разрабатываются в рамках общей темы с 2001 г. Проблема «Сохранения и изучения историко-культурного наследия Западной Сибири» продолжает оставаться актуальной для сибирской культурологической науки, ее решение позволяет устранить белые пятна в истории региона, стимулировать развитие краеведческого направления в культурологии. Практическая направленность темы – способствовать выявлению, сохранению, пристальному изучению и привлечению внимания органов власти и общественности к специфическому виду историко-культурных источников – недвижимых памятников, культурной среды.

Сектор традиционно принимает активное участие в подготовке и проведении научных мероприятий. При участие его сотрудников состоялись (как правило, совместно с сотрудниками Омского государственного историко-краеведческого музея – (ОГИК музея) Международная научная конференция «Музейные ресурсы в современном обществе», посвященная 130-летию Омского государственного историко-краеведческого музея (14–16 мая 2008 г. VI открытые Музейные краеведческие чтения (18 февраля 2008 г.), Всероссийская научная конференция «Декабрьские

диалоги – XII», посвященная памяти Ф. В. Мелехина (совместно с Омским областным музеем изобразительных искусств (ООМИИ) им. М. А. Врубеля, 18–19 декабря 2008 г.), круглый стол «Проблемы сохранения памятников истории и культуры Прииртышья» в рамках региональной отраслевой выставки «Омская культура: время созидания» (Омск, 24 марта 2009 г.); региональный научный семинар «Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур: от века XX к веку XXI» (при участии ООМИИ им. М. А. Врубеля, 30 июня 2009 г.), «Декабрьские Диалоги – 13» (Омск, 16–18 декабря 2009 г. совместно с ООМИИ им. М. А. Врубеля).

Заведующим сектором П. П. Вибе завершена работа над докторской диссертацией (специальность 07.00.02) по теме: «Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX века», которую он в октябре 2009 г. успешно защитил.

Сотрудником сектора А. П. Сорокиным (руководитель проекта) с участием А. М. Лосунова (ответственный исполнитель) в 2009 г. была завершена работа по региональному гранту РГНФ № 08-01-67111а/Т «Политическая жизнь и социально-культурное развитие Омска как столицы антибольшевистских правительств в 1918–1919 гг.», подготовлена рукопись «Белый Омск: хроника событий 1918–1919 гг.» (2,5 п. л.).

Сотрудники сектора принимали участие в подготовке и издании трех коллективных изданий (История и этнография немцев в Сибири : коллективная монография; 1000 знаменательных событий из истории Омска, 1716–2008; Каталог. Этнографические коллекции районных музеев Омской области / сост. П. П. Вибе, Т. М. Назарцева, О. Н. Артемьева, Ю. В. Трофимов). Всего сотрудники сектора в 2008–2009 гг. по данной теме опубликовали три монографии (78,0 п. л.), 66 статей и тезисов докладов (46,3 п. л.).

Начиная с 2010 г. сектор вел исследования по теме «Проблемы сохранения и изучения культурного наследия Западной Сибири», которая состояла из четырех подтем:

1) археологическое наследие Среднего Прииртышья эпохи Средневековья и нового времени,

2) археологические памятники в районе д. Алексеевка (Муромцевского района Омской области): комплексы Средневековья,

3) этнографо-археологические комплексы Омского Прииртышья,

4) региональные проблемы музееведения и сохранения культурного наследия Западной Сибири.

Продолжая большую научно-организационную деятельность, в 2010–2012 гг. сотрудники сектора приняли участие в проведении Всероссийской научной конференции «Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)» (совместно с ОГИК музеем, 11–14 октября 2010 г.), круглого стола «Как спасти деревянный Омск» (22 октября 2010 г.) на выставке «Омск деревянный», региональной конференции «IX Музейно-краеведческие чтения» (совместно с ОГИК музеем, 21–22 февраля 2011 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971) (Омск, 27–29 октября 2011 г.), XV Всероссийской научно-практической конференции «Декабрьские диалоги», посвященной памяти первого директора музея Ф. В. Мелехина (Омск, 20–21 декабря 2011 г.) и «Первые Ядринцевские чтения», Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) (Омск, совместно с ОГИК музеем, 30–31 октября 2012)

За последние три года в рамках данной темы были подготовлены и изданы две монографии (Вибе П. П. Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв.; Научное обоснование создания национального парка в Омской области), пять сборников. Активное участие сотрудники сектора приняли участие в подготовке к изданию «Энциклопедии Омской области» в двух томах и «Энциклопедии города Омска» в трех томах. При прямой поддержке сектора издается газета «Вестник культуры». По тематике сектора Н. А. Томиловым в 2012 г. было опубликовано учебное пособие «Музеология как отрасль знаний».

По теме исследования было напечатано большое количество научных статей и тезисов докладов. Только в 2012 г. сотрудники сектора опубликовали 67 статей и тезисов общим объемом 21,7 п. л., в том числе четыре в зарубежных изданиях.

Сектор научной информации (заведующий сектором с 2005 г. доктор исторических наук Н. А. Томилов, с 2009 г. – кандидат исторических наук М. Л. Бережнова) занимается темой «Информационная инфраструктура сферы культуры сибирского региона». Одной из основных задач сектора, как и в предшествующие годы, была подготовка и издание журнала «Культурологические исследования в Сибири». Этот журнал является единственным в Сибири журналом по культурологии. Он был основан в 1999 г. совместно с Омским государственным университетом и Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН. Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77-9358 от 17 июля 2001 г.). Журнал распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ⁴.

Несомненной заслугой сотрудников сектора научной информации является создание официального сайта Сибирского филиала Российского института культурологии, на котором размещены многочисленные информационные статьи и заметки о его многогранной деятельности.

Кроме того, сотрудники сектора научной информации активно участвовали в подготовке и издании ряда научных работ, в том числе монографий. Только в 2012 г. они приняли участие в издании одной монографии (37,2 п. л.), опубликовали 15 научных статей и тезисов докладов (4,6 п. л.). У М. Л. Бережновой в 2012 г. вышло второе издание монографии «Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири» (первое издание – 2007 г.).

Общие итоги. За время существования Сибирского филиала РИК его сотрудниками были подготовлены и изданы 123 монографии, 202 сборника, брошюры, учебных пособия, журнала и автореферата диссертаций. За 20 лет существования Сибирский филиал принял участие в организации и проведении 155 научных и научно-практических конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров, в том числе: 37 международных, 85 всероссийских, 33 региональных (см. табл. 1).

Таблица 1

Печатная продукция и конференции Сибирского филиала
Российского института культурологии в 1993–2012 гг.

Год	Общий объем публи- каций, (п. л.)	Моно- графии, учебные пособия	Сборни- ки, брошю- ры	Конференции и семинары			
				Между- народ- ные	Всерос- сийские	Регио- нальные	Все- го
1993	73,5	2	4	нет	5	1	6
1994	99,1	4	7	1	2	1	4
1995	209,2	2	16	нет	6	1	7
1996	102,2	3	5	1	4	1	6
1997	152,2	2	7	1	3	нет	4
1998	188,0	2	8	2	5	нет	7
1999	215,3	6	5	3	7	1	11
2000	231,2	6	9	нет	5	нет	5
2001	178,1	6	13	1	нет	2	3
2002	317,5	6	10	5	2	3	10
2003	521,8	11	16	2	6	2	10
2004	445,8	8	13	3	5	2	10
2005	221,3	8	8	1	4	–	5
2006	251,0	7	10	4	5	3	12
2007	330,5	7	9	2	2	5	9
2008	443,1	7	15	3	4	2	9
2009	383,2	9	14	1	4	3	8
2010	292,3	6	11	5	5	2	12
2011	402,2	11	13	1	6	3	10
2012	331,2	10	15	1	5	1	7
<i>Ито- го 1993– 2012</i>	15 458,7	123	202	37	85	33	155

Большим достижением филиала является подготовка и издание многотомных научных серий «Культура народов мира

в этнографических собраниях российских музеев», «Культура народов России», «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума», журнала «Культурологические исследования в Сибири», газеты «Вестник культуры», целых серий монографических исследований, посвященных различным субъектам и процессам культурно-исторического развития России и отдельных ее регионов.

---

¹ Томилов Н. А. Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации: первое десятилетие // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 5–22; Алисов Д. А., Томилов Н. А. Они же. Научные издания Сибирского филиала Российского института культурологии и его сотрудников (1993–2003 гг.) // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 23–32; Томилов Н. А., Клейменова Н. В., Родионова С. С. Научные конгрессы, конференции и семинары Сибирского филиала Российского института культурологии 1993–2003 // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 33–44, Алисов Д. А., Томилов Н. А. 1) Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии за 15 лет // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 11–26; 2). Научные издания Сибирского филиала Российского института культурологии и его сотрудников в 2003–2008 годах // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 27–33; 3) Сибирский филиал Российского института культурологии и его вклад в науку: к 15-летию филиала // Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество. – Омск, 2008. – С. 7–11; и др.

² Об изданных Сибирским филиалом Российского института культурологии МК РФ и его сотрудниками монографиях, сборниках научных трудов и материалов научных и научно-практических конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров см. статью Д. А. Алисова, И. В. Межевикина, Н. А. Томилова «Научные издания Сибирского филиала Российского института культурологии и его сотрудников 2008–2012 годов». – Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 27–33.

³ О проведенных Сибирским филиалом Российского института культурологии МК РФ научных и научно-практических мероприятиях см. статью Н. А. Томилова, И. В. Межевикина «Научные конгрессы, конференции, симпозиумы и семинары Сибирского филиала Российского института культурологии 2008–2012 годов». – Там же. С. 17–26.

⁴ Подробно о журнале «Культурологические исследования в Сибири» см. статью Н. А. Томилова, К. Ю. Гизиевой, В. С. Томиловой «Журнал “Культурологические исследования в Сибири” и его вклад в изучение истории и культуры (к 15-летию издания журнала)». – Там же. С. 34–40.

Э. Р. АХУНОВА, И. В. МЕЖЕВИКИН, Н. А. ТОМИЛОВ

*Омск, Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского
отделения РАН, Сибирский филиал Российского института культурологии,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омская гуманитарная академия*

КНИГИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ: ИЗДАНИЯ ОМСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В последние два десятилетия в России наблюдается в ряде случаев отсутствие информации по ряду изданий научной сферы. Это связано в том числе и с тем, что многие издания научной литературы не попадают в библиотеки вузов и научно-исследовательских учреждений, а некоторые отсутствуют и в ведущих библиотеках страны. Поэтому повышается значение информационных статей об изданиях отдельных учреждений и научных сообществ (общественных академий, научных ассоциаций и др.). В данном сообщении приводятся сведения об изданных книгах и кратком содержании некоторых монографий, которые опубликовали в 2008–2013 гг. ученые Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры РФ как в самом Омске, так и в других городах.

Сначала о серийных изданиях. Оба вышеназванных учреждения совместно с Омским государственным университетом им. Ф. М. Достоевского издают журнал «Культурологические исследования в Сибири» (с 1999 г.), многотомные научные серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» (с 1996 г.) и «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (серия издается с 1986 г.). В последней серии имеются тома монографического характера – это каталоги с описаниями музейных предметов¹.

К этому блоку примыкают издания фактически серийного облика материалов регулярно проводимых научных конференций – тома международных конференций «Немцы Сибири: история и культура» (с 1993 г.) и «Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития» (с 1996 г.), международного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований» (с 1993 г.), всероссийских конференций «Археоло-

гические микрорайоны Западной Сибири (с 1994 г.), «Исторические чтения памяти М. П. Грязнова» (с 1987 г.), «Катанаевские чтения» (с 1997 г.), «Культура и интеллигенция России» (с 1993 г.), «Культура русских в археологических исследованиях» (с 2002 г.), «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» (с 1995 г.), «Декабрьские диалоги» (с 1998 г.), всероссийского симпозиума «Проблемы культуры городов России» (с 1995 г.). С 1992 г. Сибирский региональный вузовский центр по фольклору, действующий на базе Омского государственного педагогического университета, ежегодно выпускает сборники с материалами научно-практического семинара «Народная культура Сибири».

А теперь о монографиях. Часть их посвящена вопросам истории, в том числе этнической истории Сибири. К этой группе относится книга А. В. Матвеева и С. Ф. Татаурова, посвященная военным страницам истории тюркского государственного образования в Западной Сибири второй половины XVI в. – Сибирского ханства². Монография рассматривает преимущественно военные аспекты его истории – состав, численность армии, вооружение и способы ведения боевых действий, фортификационное искусство. Кроме того, сделано описание территориальных границ государства, его городов и военно-административных центров. Отдельные параграфы посвящены численности населения и структуре управления ханством.

История татар в западносибирском регионе отражена в публикациях Н. А. Томилова и С. Н. Корусенко. Исследование Н. А. Томилова основано на сведениях, опубликованных в трудах путешественников и ученых, частично на архивных и полевых материалах, о средствах передвижения, поселениях и жилищах сибирских татар (барабинских, тоболо-иртышских и томских) XVIII–XIX вв. В этих областях материальной культуры выявляются основные направления этнокультурных процессов – распространение общих черт в культуре сибирских татар, возрастание объема общих явлений в культуре сибирских татар и русских в связи с включением вместе с другими этносами Российской империи в процесс формирования исторической общности россиян³.

Монография С. Н. Корусенко посвящена сибирским бухарцам⁴. В первой части монографии представлена история формирования и развития сибирских бухарцев как этносословной

группы на протяжении всего периода ее существования с указанием численности бухарцев в разные периоды, рассматривается образ бухарцев, сложившийся у центральной и местной власти, а также даются сведения о первых поселениях и землях бухарцев на территории Тарского уезда. Вторая часть – публикация первоисточника – Тарской дозорной книги 1701 г., которая хранится в Российском государственном архиве древних актов (Москва). Текст воспроизведен в оригинальном и адаптированном виде.

Монография М. Л. Бережновой посвящена всестороннему изучению феномена челдонов – группы русских старожилов Сибири⁵. Феномен челдонов исследован в разных аспектах: историческом (история сложения группы, ее связь с категорией «крестьян старинных», упоминаемых в документах XVIII в.), этнографическом (состав группы и процесс сложения идентичности), культурологическом (специфика «челдонской» культуры).

Монография А. А. Крих посвящена этнической истории русского старожильского и переселенческого населения Среднего Прииртышья⁶. В ней подробно рассматривается история формирования и трансформации таких групп русских сибиряков, как казаки, чалдоны, кержаки, двоеданы, российские, хохлы и др. Эта первая книга по этнической истории русских Среднего Прииртышья, в которой охарактеризован столь значительный хронологический период.

Труды П. П. Вибе и Ю. И. Подопригоры посвящены этнической истории немцев, проживающих в Сибири. В монографии Вибе рассматриваются немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв.⁷ Монография Подопригоры посвящена этнической истории немцев Павлодарского Прииртышья в XX – начале XXI вв. В монографии впервые в полном объеме представлен процесс формирования немецких компактных поселений в регионе, дана характеристика расселения немцев, проанализированы миграционные процессы, выполнен анализ этнического и конфессионального состава немцев⁸.

Второй блок монографий охватывает результаты культурологического, этнографического или археологического изучения прежде всего культуры и социальной сферы жизнедеятельности разных социальных общностей и разных народов.

В книге В. Л. Кожевина рассматриваются ключевые аспекты истории российского офицерства кануна и начального периода революции 1917 г.⁹ Анализируется проблема взаимодействия политического сознания и ментальности офицерства, а также различные жизненные стратегии представителей этой социальной группы, существовавшие в дореволюционной русской армии и возникшие после падения самодержавия. Главным объектом исследования является система ценностей офицерства в контексте его общественно-политической активности, фронтового и тылового быта, важнейшим результатом выступает реконструкция интегральной картины поведения русского офицерского корпуса накануне и в условиях Февральского революционного взрыва.

В монографии В. Г. Рыженко представлены теоретико-методологические аспекты изучения архитектурного и культурного пространства советского города, рассмотрен уникальный тип градостроительной системы в условиях советской государственности, проанализированы образы и символы советского города. Данное исследование проводилось на конкретном материале одного из крупнейших регионов России – Западной Сибири. Была учтена региональная сибирская специфика; раскрыта эволюция городских поселений в Сибири, осмыслены все слои в культурном пространстве города, которые появились в результате деятельности советских архитекторов¹⁰.

В трудах Ю. Р. Гореловой отражены проблемы историографии и методологии исследования образных характеристик архитектурно-пространственной среды города, изложены основные теоретические позиции у-средового, ландшафтного и семиотического подходов к исследованию образных характеристик пространства города¹¹. Автор рассматривает сущность, структуру, функции, стратегии формирования пространственных образов и, в частности, образа города. В работах излагаются основные факты, раскрывающие формирование архитектурно-планировочной среды Омска, а также проблемы озеленения, благоустройства и эстетического оформления городского пространства от момента его основания до настоящего времени. Автор рассматривает отражение реалий визуальной среды в творческих практиках городской интеллигенции, намечает подходы к исследованию отраже-

ния образа города в изобразительном искусстве и литературном художественном творчестве.

Учебная часть труда Н. А. Томилова, посвященного музеологии, включает в себя первые две вводные лекции по музеологии (музееведению) и охватывает темы об актуальности музеологических знаний, понятию, объекту, предмету и месту музеологии в системе наук, а также учебные программы по дисциплинам «Общая музеология» и «Музееведение и музеи мира». Научная часть содержит сведения об исследованиях омских музееведов (приведены в «Предисловии») и список трудов по музееведению Н. А. Томилова¹².

Работы Н. Ф. Хилько посвящены различным аспектам аудиовизуальной культуры¹³. В монографии, посвященной развитию современного языка кино и телевидения в культуре зрительской коммуникации, Хилько представляет анализ форм развития современного языка и семантики кинопроизведений в культуре зрительской коммуникации на примере социальных фильмов фестивалей игрового кино «Киносозвездие России» и документального кино «Встречи в Сибири»¹⁴. Рассматриваются также композиционные особенности в семантике на материале отечественных экранизаций книг сибирских писателей Александра Вампилова и Виктора Астафьева. Особое внимание в работе уделяется сравнению изобразительного языка современного кино и телевидения в контексте функционально-типологических групп различных телепередач.

В работе Хилько, посвященной культурной политике в отношении культурного наследия, представлены новые разработки в области модернизации государственной культурной политики и формирования вариативных моделей ее реализации. Вместе с тем в работе дается модель нравственных приоритетов развития многообразных форм культурного наследия России, в частности его региональные аспекты. Развернут анализ тенденций в исследовании инициативных форм государственной культурной политики. Показана роль управления культурой в совершенствовании организационной инфраструктуры культуры и обновлении форм культурного развития региона. Особое внимание в работе уделяется влиянию духовно-нравственного контекста и общечеловеческих ценностей на сохранение культурного наследия в регионе,

а также – развитию народной культуры Сибири на примере украинцев Омского Прииртышья¹⁵.

В работе Г. Г. Волощенко, посвященной генезису такого явления, как досуг, дается первое упорядоченное концептуальное изложение трехсферного развития досуга в греко-римской культуре, в средневековой Западной Европе и у восточных славян, а также Сибирского региона¹⁶.

Стоит упомянуть о книге «информационно-аналитическая работа» И. А. Селезневой¹⁷.

Работа Е. В. Мельниковой представляет научно-популярное страноведение¹⁸. Цель данного издания – дать развернутое представление об отдельных народах, охарактеризовав тип общества, в котором они живут, их историю и язык, географическую среду обитания, доминирующую религию, а также, что особенно важно, психофизиологическую природу нации. Кроме того, Мельникова имеет публикации и по тематике сервиса и домоведения¹⁹.

Книга Т. Б. Смирновой посвящена народной культуре российских немцев, этнографическое изучение которой наиболее интенсивно проводилось в 1920-е гг. и в последние два десятилетия. Дается описание традиционных хозяйственных занятий, материальной культуры, обычаев и обрядов, семейных отношений и декоративно-прикладного творчества. Основным источником стали материалы этнографических экспедиций, которые проходили в разных регионах нашей страны, воспоминания людей о прошлой жизни, о традициях, которые передавались немцами из поколения в поколение²⁰.

Коллективный труд А. И. Казанника, С. Ф. Татаурова, К. Н. Тихомирова и Н. А. Томилова посвящен традиционно-бытовой и природно-средовой культуре народов Сибири, ее месту в этнологии и этнической экологии²¹. Данная книга является первой в российской научной литературе монографической работой, посвященной традиционно-бытовой, природно-средовой культуре народов Сибири. В этой работе охвачены многие области взаимоотношения человека и его сообществ с природой, начиная с появления на территории Сибири первых групп пеших охотников и рыболовов и заканчивая государственными актами Российской империи, регламентировавшими местное природопользование.

В монографии рассматриваются методологические аспекты этнической экологии, природно-средовой культуры и интегрированных хозяйственно-культурных типов. Значительное место в работе уделяется влиянию природных условий на миграцию населения и адаптацию переселенцев к природным условиям, а также к изменениям в культуре, которые происходили в процессе адаптационной динамики. В книге освещаются также проблемы формирования природно-средовой культуры на примере древнего и средневекового населения Среднего Прииртышья и истории народной охраны природы Сибири.

Работа Д. А. Мягкова посвящена этнографическому изучению присваивающего хозяйства барабинских татар во второй половине XIX – первой половине XX вв. Выявлены и проанализированы компоненты комплекса присваивающего хозяйства: приемы, орудия, социальная организация рыболовства, охоты, собирательства, средства передвижения, промысловые жилища, промысловый культ, а также локальные особенности в функционировании хозяйственного комплекса барабинцев. В научный оборот вводится полевой этнографический материал²².

Работа Н. А. Томилова по народной культуре городского населения Сибири представляет собой очерки изучения российскими учеными народной культуры разноэтничных групп городского населения в основном Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI в. Первая часть посвящена актуальности изучения этнографии города в России, периодизацию истории изучения городской народной культуры Сибири, методологическим разработкам проблемы городской (в том числе и народной) культуры в работах Д. А. Алисова, В. А. Дмитриева, М. А. Жигуновой, М. В. Зубачевского, В. Г. Рыженко, Л. И. Рыженко, О. Г. Севан, Г. В. Старовойтовой, С. А. Токарева, Н. А. Томилова, М. П. Черной и других ученых. Вторая и третья части посвящены разбору результатов монографических исследований духовной и материальной культуры городских групп населения Западной Сибири в работах Ш. К. Ахметовой, И. В. Лоткина, А. А. Люцидарской, А. Ю. Майничевой, А. В. Малхасьяна, Г. М. Патрушевой, А. Г. Селезнева, Н. А. Томилова, М. П. Черной²³.

В работе И. И. Назарова рассматриваются традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев²⁴.

Труд Ш. К. Ахметовой и Н. А. Томилова посвящен традициям и культуре казахов Западной Сибири²⁵. Исследование основано, главным образом, на материалах, собранных экспедициями Омского государственного университета и Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Монография включает публикацию материалов экспедиции 1976 г., а также разделы, повествующие об исследованиях этнографии казахов Сибири в последней четверти XX – начале XXI вв., об этнических процессах у сибирских казахов конца XVI – начала XX вв., об этнической истории населения аула Каскат, о традициях и инновациях в культуре казахов Западной Сибири.

Монография А. Н. Блиновой и И. Н. Черновой посвящена этнографии семьи и детства немцев, проживающих на территории Западной Сибири²⁶. Это первое комплексное исследование, включающее широкий круг вопросов, связанных с соционормативной практикой, семейно-брачным поведением, семейной структурой и отношениями между членами семьи, социализацией ребенка и его субкультурой у российских немцев. В научный оборот вводится значительный полевой этнографический материал.

В монографии А. В. Матвеева впервые представлена традиционная культура путешествия русских, казахов и сибирских татар Среднего Прииртышья XIX – первой трети XX вв. На основе многочисленных этнографических и фольклорных материалов рассмотрены этапы путешествия: выбор времени отправления в дорогу, подготовка к путешествию, путешествие. Путешествие последовательно представлено в сюжетах проводов из дома, движения по территории населенного пункта, движения за территорией населенного пункта, остановок, ночлегов, случайных встреч с попутчиками, опасностей в пути, возвращения. Важное место занимает реконструкция структур мифологического пространства русских, казахов и сибирских татар²⁷.

Книга Ф. М. Бурековой посвящена изучению орнаментального искусства тарских татар, проживающих на территории Омской области, и выявлению некоторых этапов этнокультурной истории субэтноса. Автором на основе анализа прикладного и изобразительного аспектов орнаментов, привлечения аналогий среди этнографического и археологического материалов обозначена динамика развития «искусства украшения» тарских татар²⁸.

В коллективном труде А. Г. Селезнева, И. А. Селезневой и И. В. Белич как объект этнологического изучения рассматривается культ святых в сибирском исламе, прежде всего у тоболоиртышских татар²⁹. Проанализированы основные составляющие данного культа: почитание святых исламских подвижников, институт мусульманских святынь, представления об общеисламских персонажах, органично включенных в локальную религиозную традицию. Выявляются общие и особенные черты в функционировании культа, диалектическое взаимодействие универсальных и регионально-специфических его элементов. Прослеживается влияние суфизма на формирование религиозного комплекса сибирских мусульман. В научный оборот вводится полевой этнографический и фольклорный материал.

В монографии Л. В. Татаурова представлены результаты комплексного исследования погребального обряда русского населения Среднего Прииртышья по данным археологии, антропологии и этнографии³⁰. Объектом стал изученный автором в Среднем Прииртышье сельский комплекс – поселение и могильник – Изюк-1, датированный XVII–XIX вв. На сегодняшний день это первый и пока единственный планомерно исследованный поселенческий памятник русских поселенцев Прииртышья и первый опыт обобщения полученных материалов. В работе предложены археологические критерии определения этнической принадлежности русских комплексов, дана этнокультурная интерпретация обряда, показана важность и информативность русских погребальных комплексов. В Сибири изучение такого культурного элемента, как погребальный обряд, особенно важно, так как он демонстрирует процессы адаптации пришлого населения к новой природной и культурной среде. По погребальным памятникам можно проследить, как сохранялся или изменялся антропологический облик русских переселенцев, какие традиции погребального обряда остались неизменными и сопоставимы с обрядом русских Европейской России, а какие появились уже в Сибири.

Монография А. А. Ярзуткиной посвящена этнографическому описанию комплекса ритуальных и магических действий, обрядов, верований, сопровождающих традиционную хозяйственную деятельность сибирских татар. Земледельческие, скотоводче-

ские и промысловые культы представлены как часть традиционного мировоззрения и пример религиозного (исламского) синкретизма отдельных групп сибирских татар³¹. Основным источником монографии стали полевые этнографические материалы, собранные в ходе экспедиций по селам Омской, Тюменской, Новосибирской областей.

Коллективный труд М. А. Корусенко, Ю. И. Ожередова, А. А. Ярзуткиной является первым монографическим опытом систематизации материалов по традиционному мировоззрению сибирских татар XX–XXI вв. Работа состоит из двух частей. Первая часть посвящена духовной культуре изучаемой этнической общности; вторая – словарные статьи по тем или иным мифологическим образам, явлениям или предметам, имеющим отношение к традиционному мировоззрению тюркоязычного населения Западной Сибири³².

Труд Ш. К. Ахметовой и И. В. Толпенко посвящен методике этноархеологического изучения погребального обряда казахов Западной Сибири³³.

---

¹ Блинова А. Н., Корусенко М. А., Тихомирова М. Н. Культура народов и национальных групп Сибири и Казахстана в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского: новые поступления (далее: МАЭ ОмГУ). – Омск, 2008; Жигунова М. А., Захарова И. В. Культура восточных славян в коллекциях МАЭ ОмГУ. – Омск, 2009; Смирнова Е. Ю. Одежда татар Западной Сибири в коллекциях МАЭ ОмГУ. – Омск, 2009; Герасимов Ю. В. Археологические памятники Степного и Южного лесостепного Прииртышья в коллекциях МАЭ ОмГУ. – Омск, 2010; Блинова А. Н., Смирнова Т. Б. Культура немцев, латышей, эстонцев Западной Сибири в коллекциях МАЭ ОмГУ. – Омск, 2012.

² Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории / науч. ред. Н. А. Томилов. – Казань, 2012.

³ История татар с древнейших времен : в 7 т. – Казань, 2013. – Т. VI : Формирование татарской нации. XIX – начало XX вв. – (раздел Корусенко С. и Томилова Н. Татары в регионах. Западная Сибирь. – С. 90–97); Томилов Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках / отв. ред. В. И. Молодин. – Омск, 2011.

⁴ Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века / отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск, 2011.

⁵ Бережнова М. Л. Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – 2-е изд. – М., 2012.

- ⁶ Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века) / отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск, 2012.
- ⁷ Вибе П. П. Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. – Омск, 2011.
- ⁸ Подопригора Ю. И. Немцы Павлодарского Прииртышья / ред. Т. Б. Смирнова, Н. А. Томилов. – Алматы, 2010.
- ⁹ Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск, 2011.
- ¹⁰ Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). – Омск, 2010.
- ¹¹ Горелова Ю. Р. 1) Облик и образ Омска: теория и практика культурологического анализа : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – Омск, 2011. – Ч. 1.; Ч. 2.; 2) Архитектурная среда города: образные характеристики, генезис и динамика (на материалах г. Омска). – Омск, 2013.
- ¹² Томилов Н. А. Музеология как отрасль знаний: избранные лекции для студентов высших учебных заведений / отв. ред. В. Г. Рыженко. – Омск, 2012.
- ¹³ Кириллова Н. Б., Хилько Н. Ф. Аудиовизуальная культура. Словарь терминов и понятий. – Екатеринбург, 2011; Хилько Н. Ф. 1) Педагогика аудиовизуального творчества в социально-культурной сфере. – Омск, 2008; 2) Кинематограф Сибири: коммуникация, язык, творчество. – Омск, 2010; 3) Духовно-нравственный потенциал детского кино и телевидения в России: теория, история и современность. – Омск, 2011; 4) Педагогика и методика кино-, фото-, видеотворчество : учеб. пособие. – Омск, 2012.
- ¹⁴ Хилько Н. Ф. Развитие современного языка кино и телевидения в культуре зрительской коммуникации. – Омск, 2012.
- ¹⁵ Хилько Н. Ф. Культурная политика в контексте культурного наследия Омского региона. – Омск, 2013.
- ¹⁶ Волощенко Г. Г. Досуг: генезис и развитие / науч. ред. Л. В. Секретова, В. В. Туев. – Омск, 2012.
- ¹⁷ Селезнева И. А. Информационно-аналитическая работа. – Омск, 2010.
- ¹⁸ Мельникова Е. В. Культура и традиции народов мира: этнопсихологический аспект. – 2-е изд. – М., 2009.
- ¹⁹ Мельникова Е. В. Сервис в домоведении : учеб. пособие. – Омск, 2011.
- ²⁰ Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. – М., 2012.
- ²¹ Казанник А. И., Тагауров С. Ф., Тихомиров К. Н., Томилов Н. А. Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии / отв. ред. Д. А. Алисов, С. С. Тихонов. – Омск, 2008.
- ²² Мягков Д. А. Очерки истории присваивающего хозяйства барабинских татар / отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск, 2008.
- ²³ Томилов Н. А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований / отв. ред. В. П. Корзун. – Омск, 2010.
- ²⁴ Назаров И. И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура : монография / отв. ред. Н. А. Томилов. – Барнаул, 2013.

²⁵ Томилов Н. А., Ахметова Ш. К. Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири: монография / отв. ред В. И. Молодин. – Омск, 2013.

²⁶ Блинова А. Н., Чернова И. Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века / отв. ред. Т. Б. Смирнова, Н. А. Томилов. – Омск, 2009.

²⁷ Матвеев А. В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX – первая треть XX века) / отв. ред. С. С. Тихонов, Н. А. Томилов. – Омск, 2012.

²⁸ Буреева Ф. М. Орнамент тарских татар конца XIX – XX веков: К проблеме этнокультурной истории / отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск, 2011.

²⁹ Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич. И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М., 2009.

³⁰ Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1 / отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск, 2010.

³¹ Ярзуткина А. А. Ритуалы достатка: Традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар / отв. ред. А. Г. Селезнев. – СПб., 2012.

³² Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). – СПб., 2013. – (Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета; т. V).

³³ Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Методика этноархеологического изучения погребального обряда казахов Западной Сибири / отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск, 2011.

Н. А. ТОМИЛОВ, К. Ю. ГИЗИЕВА, В. С. ТОМИЛОВА

Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии

КУЛЬТУРА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ»

Первым периодическим изданием по культурологии в сибирском научном сообществе стал журнал «Культурологические исследования в Сибири». Решение о его создании было принято в 1998 г. Ученым советом Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры РФ, а выходить он стал с 1999 г. – сначала по два номера, с 2003 г. – по три номера, и с 2008 г. – по четыре номера в год. Его издание осуществляют Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омский филиал Института археологии и этнографии Сибир-

ского отделения РАН (до 2006 г. – это Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии) и Сибирский филиал Российского института культурологии. О выпусках этого журнала, его тематике не раз сообщалось как в научной печати, так и в средствах массовой информации. Задачей данной статьи является подведение итогов 15-летней деятельности редакционной коллегии журнала и вклада этого издания в развитие научных исследований культуры в культурологической и смежных с нею областях знаний (прежде всего истории, этнографии, философии, филологии, педагогики, искусствознания и т. д.).

Первый номер альманаха в 1999 г. открывался вступительным приветствием по поводу начала нового периодического культурологического издания директора Российского института культурологии и доктора искусствоведения К. Э. Разлогова¹.

Журнал в 2001 г. был зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Территорией его распространения определены Российская Федерация и все остальные страны СНГ. Официальным учредителем журнала является Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

В 1999 г. это был альманах, а затем журнал. В первом номере журнала за 2000 г. было помещено обращение к читателям и авторам статей этого издания, подписанное главным редактором Н. А. Томиловым².

Редакционную коллегию журнала сегодня возглавляют омские ученые Н. А. Томилов (главный редактор), Д. А. Алисов и Н. М. Генова (заместители главного редактора), Д. А. Алисов, М. Л. Бережнова и Т. Н. Золотова (ответственные редакторы), К. Ю. Гизиева (ответственный секретарь), И. В. Межевикин (секретарь). В ее состав входят известные российские ученые: А. В. Бауло (Новосибирск), С. В. Березницкий (Санкт-Петербург), П. П. Вибе, Г. Г. Волощенко (Омск), С. С. Загребин (Челябинск), А. Г. Козлов, Б. А. Коников, В. П. Корзун, С. Н. Корусенко (Омск), В. А. Ламин (Новосибирск), В. И. Марков (Кемерово), Г. В. Оглезнева (Иркутск), В. И. Полищук (Нижевартовск), К. Э. Разлогов (Москва), В. Г. Рыженко, И. А. Селезнева (Омск), В. Л. Соскин (Новосибирск), Т. М. Степанская (Барнаул), В. И. Струнин, А. В. Якуб (Омск). Самое активное участие в подготовке

и издании журнала принимают директор Издательского дома «Наука» И. А. Кольц (Омск) и редактор этого издательства Л. В. Новоселова. Способствовали развитию журнала и те члены редколлегии, которые, и нам это очень горько, ушли из жизни, – Михаил Ефимович Бударин, Николай Владимирович Кочешков, Анатолий Викторович Ремнев, Виктор Владимирович Туев.

Тематика журнала охватывает следующие научные проблемы: общая теория культуры и историография культурологии, методология и методы культурологических исследований, история культуры, культурная политика, социокультурное пространство и культурные субъекты в условиях модернизации, музееведение, теория и практика музейного дела, охрана и использование памятников истории и культуры, культурное пространство сибирского города, современная молодежная субкультура, культура досуга, народная культура, межнациональные этнокультурные отношения, этнокультурология, проблемы образования в культурологической области.

К настоящему времени вышли в свет 40 номеров журнала. Всего за годы существования этого периодического издания в нем опубликовали свои работы ученые и практические работники сферы культуры из 36 городов России, а именно из Абакана, Анадыря, Архангельска, Астрахани, Барнаула, Бийска, Биробиджана, Владивостока, Горно-Алтайска, Дудинки, Екатеринбурга, Иркутска, Казани, Кемерово, Краснодара, Красноярска, Кызыла, Ленинск-Кузнецкого, Махачкалы, Москвы, Нерчинска, Нижневартовска, Новосибирска, Омска, Самары, Санкт-Петербурга, Северска, Тары, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Хабаровска, Ханты-Мансийска, Челябинска, Читы, Якутска, а также из Азербайджана, Германии, Израиля, Казахстана, Китая, Монголии, Украины, Швеции и Японии.

Прежде всего отметим, что в нашем журнале почти впервые были изложены в разных статьях новые методологические разработки – по определениям, объектно-предметным областям и понятийному аппарату ряда субдисциплин и направлений культурологии, культурной антропологии, этнологии, археологии, музееведения. Во многом впервые были охарактеризованы новые творческие положения о феномене досуга в социокультурных процессах; о социально-культурной и пространственной органи-

зации города как феномена общественной жизни; о междисциплинарной исследовательской модели – конструкции на стыке истории, культурологии, урбанистики; о педагогических парадигмах аудиовизуального творчества в социально-культурной сфере, о сферах традиционно-бытовой культуры и отдельно о природно-средовой культуре; об интегрированных хозяйственно-культурных типах; о культурологии традиционных сообществ; об этнографо-археологических социокультурных комплексах и др.

Безусловно, значительный вклад в гуманитарные сферы науки внесли статьи по результатам исторических исследований разных проблем, соответствующих названным выше разделам журнала. Мы не раз писали об отражении на страницах журнала материалов об исследовании интеллигентоведения, сельской культуре, о русской культуре и православии, музееведении и музейном деле, культуре городов, народах Сибири, военной истории.

Что касается изучения *культуры городов и в целом социокультурного городского пространства*, то основная литература по этой теме размещается в разделе «Культурологические исследования города и городского пространства». Этот раздел формирует и курирует ответственный редактор журнала Д. А. Алисов, который является крупным исследователем в сфере культурологии города. Приведем данные о некоторых статьях, помещенных в данном разделе. Это статьи Д. А. Алисова «Городские и областные эмблемы и гербы Омского Прииртышья» (2004), «Культурное пространство Омска времен Ф. М. Достоевского («Миры» Ф. М. Достоевского: 1850–1854 и 1859 годы)» (2007), «Столица Степного края: социально-культурный облик населения города Омска в конце XIX – начале XX вв.» (2003), «Теория и методология исследования культуры города во второй половине XIX – начале XX вв.» (2003), «Университетский город в Западной Сибири: Томск во второй половине XIX – начале XX вв.» (2001), «Население Томска во второй половине XIX – начале XX вв. (социально-культурный облик в условиях раннеиндустриальной модернизации России)» (2004); Ю. Р. Гореловой «Благотворительная деятельность интеллигенции городов Западной Сибири как социокультурный феномен» (2006), «Культура провинциального города как область научного интереса сообщества сибирских историков» (2003), «Культурное пространство города: социологический,

ландшафтный и антропологический подходы к исследованию» (2007), «Образовательное пространство провинциальных столиц Западной Сибири: проблемы историографии и методологии» (2004), «Общность идеалов томской профессуры» (2004); Е. А. Дегальцевой «Культурная миссия ссыльных поляков во второй половине XIX в.» (2000), «Участие женщин в социокультурной жизни городов дореволюционной Сибири» (2002); А. В. Кошелева «Городские гербы городов Новосибирской области XVIII–XX вв.: создание, символика, эмблематика» (2001); Н. И. Лебедевой «Пространство Омска в середине XIX в.» (2003); А. В. Литягиной «Просветительская культура городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.» (2005); В. Ш. Назимовой, Г. Г. Дудкиной «О русских и русской культуре в социокультурном пространстве Баден-Бадена» (2013); Д. Я. Резуна «Исторические корни менталитета российского предпринимателя» (2001) и «Сибирский город XVII – первой половины XIX вв. как явление русской культуры» (2005); В. Г. Рыженко «Образ столицы Сибири в представлениях интеллигенции (1920-е гг.)» (2003); Л. Г. Скульмовской «Культурные запросы и потребности населения монопрофильного северного города (на примере Нижневартовска)» (2000); А. П. Сорокина «Научные и культурно-просветительские общества Омска в социокультурной инфраструктуре сибирского города в начале XX вв.» (2003); Н. А. Томилова «Традиционно-бытовая культура и социум горожан Сибири в российской науке второй половины XX – начале XXI в.» (2003), О. А. Тяпкиной «Внешний облик и благоустройство малых городов Западной Сибири во второй половине XIX в.» (2001), А. В. Циркина «Культура и культурность сибирского купечества в XIX веке» (2006), В. Ф. Чиркова «Концептуальная выставка. Определение, разработка, осуществление» (1999) и др.

Кроме того, некоторые статьи по историко-культурологической проблематике помещены в разделе журнала, который называется «Историко-культурные исследования». Это статьи А. Г. Быковой «Хроника культурной жизни Омска (1882–1916)» (1999); Н. М. Геновой «История зарубежных связей Омского академического театра драмы (1990-е гг.)» (2001); О. В. Гефнер «Военные библиотеки в культурной инфраструктуре Западной Сиби-

ри во второй половине XIX–XX вв.» (2003), «Праздничные традиции военных в культурной жизни городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX века)» (2009); Н. И. Лебедевой «Храмы г. Тары» (1999); И. Г. Малковой «Скульптура как символический элемент культурного пространства уральского города» (2012); Е. В. Мельниковой «Молодые театры города Омска: к постановке проблемы исследования» (2005), «Рождение светского театра в Сибири (1760-е годы – начало XIX в.)» (2003), «Социально-профессиональный портрет провинциального актера во второй половине XIX – начале XX вв.» (2002); С. Ф. Татаурова «Археология города – новое направление работы сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН» (2011), «Тара – “Окно в Сибирь”» (по материалам археологических исследований 2009 г.) (2011).

Немало работ, связанных с проблемой культуры городов, опубликованы в разделе «Рецензии, обзоры и библиография». И, наконец, в разделе «Хроника научной жизни» помещены статьи о конференциях, на которых обсуждались проблемы культуры городов России – это статьи:

- о Всероссийских научных конференциях:
«Урбанизация и культурная жизнь Сибири»,
«Культура. Социум. Творчество»,
«Русский вопрос: история и современность» и др.
- о Всероссийских и Международных конференциях:
«Культура и интеллигенция России»;
- о Всероссийской научно-практической конференции:
«Катанаевские чтения»;
- о Всероссийских научно-практических семинарах:
«Проблемы культуры городов России»,
«Досуг. Творчество. Культура»;
- об омских научно-практических семинарах:
«Народная культура в Сибири»,
«Омская крепость: историко-культурное наследие».

Редакционная коллегия приглашает отечественных ученых, практических работников, краеведов, журналистов, писателей присылать статьи, сообщения и рецензии, а также небольшие

литературные и публицистические произведения в журнал «Культурологические исследования в Сибири».

---

¹ Разлогов К. Э. Приветственное слово доктора искусствоведения Кириллы Эмильевича Разлогова // Культурологические исследования в Сибири. – 1999. – №1. – С. 3.

² Томилов Н. А. Обращение к читателям и авторам журнала «Культурологические исследования в Сибири» // Культурологические исследования в Сибири. – 2000. – № 1. – С. 5–6.

Н. Ф. ХИЛЬКО

*Омск, Сибирский филиал Российского института культурологии,
государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

О РАБОТЕ БИБЛИОТЕКИ СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассказывается о более чем 15-летнем пути формирования и развития библиотеки Сибирского филиала Российского института культурологии (РИК) – информационно-просветительного и научного центра института. Проведен анализ работы по комплектованию книжных фондов, дается характеристика основных коллекции библиотеки. Особое внимание уделено выявлению социальной значимости фондов, их содержания, авторам – ученым, работающим и работавшим в институте, дарителям библиотеки.

Библиотека Сибирского филиала РИК была открыта в феврале 1995 г. из небольшого фонда подсобной литературы в количества 65 экземпляров. За 18 лет существования библиотека Сибирского филиала Российского института культурологии сформировалась как крупный информационно-просветительный и научный центр, концентрирующий в себе свыше четырех тысяч единиц хранения (монографии, учебные пособия, научные сборники и научная периодика, авторефераты диссертаций, диски и электронные издания).

Библиотека на сегодняшний день располагает уникальными коллекциями изданий головного института – Российского института культурологии, переданных филиалу в 90-е гг. XX в., в которые входят библиографические указатели, монографии,

ученые записки, издания ведущих ученых-культурологов – многие эксклюзивные издания, часть из которых отсутствует в других омских информационно-библиографических центрах.

Важное место в фонде занимает собрание трудов ученых – научных сотрудников Сибирского филиала РИК за все годы его существования, насчитывающее порядка 1 500 единиц хранения, в котором сосредоточены с разбивкой по секторам монографии, учебные пособия, сборники научных трудов, статей и материалов конференции, проводимых институтом. Здесь можно увидеть труды всех сотрудников, работавших в филиале с момента его создания (1993), в том числе труды корифеев омской культурологии, стоявших у истоков основания филиала: Д. А. Алисова, М. Е. Бударина, П. П. Вибе, Г. Г. Волощенко, Н. М. Геновой, Б. А. Конилова, М. А. Корусенко, Е. В. Мельниковой, Т. М. Назарцевой, А. В. Ремизова, В. Г. Рыженко, Л. В. Секретовой, И. А. Селезневой, Т. Б. Смирновой, С. С. Тихонова, Н. А. Томилова, С. М. Хвошнянской и др. Кроме того, здесь есть научные произведения молодых и зрелых ученых современного филиала – надежды омских культурологов: М. Л. Бережновой, О. В. Гефнер, Ю. Р. Горелова, В. Л. Кожевина, А. П. Сорокин. Особое внимание уделяется сбору электронной библиографической информации по трудам сотрудникам сибирского филиала.

Особую ценность представляет собой собрание из 36 номеров *печатных версий научного журнала «Культурологические исследования в Сибири»* (главный редактор Н. А. Томилов), с 1999 г. по 2012 гг. – основное поле для публикации научных достижений сотрудников института и его партнеров, прообразом которого был журнал «Культура Сибири», издававшийся в 1995 г. (редактор В. Р. Плюхин).

Немалое значение для аспирантов имеют коллекции печатных версий *авторефератов диссертаций* по специальностям 24.00.01, 24.00.03 и другим, которые служат серьезным подспорьем для начинающих и молодых ученых.

Интересно собрание книг по *этнографии и народной культуре* Сибири, отражающее результаты фольклорно-этнографических и этнокультурологических исследований сотрудников института и его смежников, выполненные совместно с Ом-

ским филиалом Института этнографии и археологии Сибирского отделения РАН (директор Н. А. Томилов).

Непреходящий интерес у книг по *краеведению* Омского и других регионов Сибири. В него включен обширный пласт источников, отражающий труды не только ученых-краеведов Омского Прииртышья, но и других регионов Сибири: Тюмени, Новосибирска, Тобольска, Тары, Красноярска, Кемерово, Алтайского края. Достаточно интересны блоки источников по теоретической, социальной, исторической и прикладной культурологии, эстетике и искусствознанию, психологии и педагогике, медиакультуре. Необходимо отметить наличие в фонде библиотеки *региональных научных и публицистических периодических изданий* Омского и других регионов Сибири, в том числе из списка ВАК РФ: журналы «Вестник Омского университета», «Омский научный вестник», «Мир науки, культуры, образования» (Горно-Алтайск), «Вестник КемГУКИ» (Кемерово); «Музейный вестник», «Вестник культуры», «Омский университет», «Омская муза», «Омское наследие», «Театральный вестник».

Библиотека комплектовалась и постоянно пополняется без всякого финансирования на основе безвозмездной передачи книг такими организациями, как библиотеки Российского института культурологии (Москва), завод «Полет», завода им. П. И. Баранова, Централизованной библиотечной системы Департамента культуры и искусств, Омской государственной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Омского государственного историко-краеведческого музея и др.

Следует отметить почетных дарителей библиотеки – ученых, омской интеллигенции: Д. А. Алисова, М. Л. Бережновой, М. Е. Бударина, П. П. Вибе, Г. Г. Волощенко, О. В. Гефнер, Ю. Р. Гореловой, В. Л. Кожевина, Б. А. Коникина, Т. П. Мордкович, Н. А. Томилова, Т. Б. Смирновой и других.

Особо следует отметить драгоценный подарок эксклюзивной литературы книгоиздателя из Тобольска Аркадия Григорьевича Елфимова – президента фонда «Возрождение Тобольска» - «Тобольск и вся Сибирь» стоимостью несколько тысяч рублей.

Библиотека за годы своего существования наладила творческие контакты со многими научно-информационными центрами

страны: Российской государственной библиотекой (Москва), Омской государственной областной научной библиотекой им. А. С. Пушкина, Омской городской центральной библиотекой, библиотекой Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омского аграрного университета им. П. А. Столыпина по линии книгообмена и взаимного информирования.

Фонды научной библиотеки Сибирского филиала РИК всегда востребованы не только среди сотрудников института, но и среди соискателей, аспирантов, студентов ОмГУ (факультета культуры и искусств – декан профессор Н. М. Генова). Немало курсовых и дипломных работ студентов, диссертаций молодых ученых по специальности 13.00.05 написано с помощью библиотечного фонда института.

Большую популярность у посетителей библиотеки последнее время приобрели книжные выставки. За год проходит порядка 40 книжных выставок новинок и тематических подборок литературы. Так, в предъюбилейный год в библиотеке прошли следующие книжные выставки: «Труды секторов института», «Проблемы омского краеведения», «Народная культура глазами омских и сибирских ученых».

В канун юбилея хочется пожелать библиотеке расширения помещения, а также усиления ее компьютерной базы и объема электронных информационных ресурсов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

<i>Алисов Д. А.</i> Городская цивилизация: этапы становления и развития).....	3
<i>Скубневский В. А.</i> Камень: от села к городу.....	10
<i>Рыженко В. Г.</i> Комплексная общественная экспертиза «Омск-90» и культурное пространство города в конце XX – начале XXI века.....	16
<i>Малкова И. Г.</i> Культурное пространство уральского города (1990–2010 годы).....	22
<i>Рыженко Л. И.</i> Социокультурная дифференциация в сибирских городах 1990–2013 годов.....	27
<i>Горнова Г. В.</i> Модусы прошлого и будущего в экзистенциальной парадигме города.....	31
<i>Скульмовская Л. Г.</i> Уровень сформированности культурной среды как индикатор социально-экономического развития региона.....	36
<i>Томилов Н. А.</i> Потенциал омского научного сообщества в изучении культуры.....	40
<i>Петренко О. В.</i> Проблемы города в исследовательской практике сектора динамики локальных культурно-исторических исследований Сибирского филиала Российского института культурологии.....	43
<i>Кузнецова Т. А.</i> Сибирские города в описании сатирических еженедельных журналов конца XIX – начала XX века....	51
<i>Озерова О. А.</i> «Омское дело» 1929 года (по материалам газеты «Рабочий путь»).....	55
<i>Бережнова М. Л.</i> Городской транспорт в воспоминаниях омичей.....	57

АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНАЯ СРЕДА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ. ОБЛИК И ОБРАЗ ГОРОДА

<i>Каримов А. М.</i> Передающая архитектура как необходимое условие формирования городского пространства, основанного на приумножении культурных традиций (по материалам Всемирных конгрессов Международного Союза архитекторов в Турине и Токио).....	64
--	----

<i>Горелова Ю. Р.</i> Образ современного Омска в восприятии омичей (по материалам социологических исследований).....	68
<i>Богданова О. В.</i> Проектно-строительные и инженерно-технические фирмы в благоустройстве западно-сибирского города конца XIX – начала XX века.....	81
<i>Позднякова Е. Ю.</i> Городская топонимия и мифология в лингвокультурологическом аспекте (к вопросу о городском хронотопе).....	87
<i>Прищепа А. И.</i> Благоустройство и озеленение Сургута в годы строительства «нового города».....	91
<i>Сеидова Г. Н.</i> Древний Дербент в преддверии юбилея.....	95
<i>Стась И. Н.</i> Архитектурно-планировочное пространство городов нефтяников Ханты-Мансийского округа (1980-е годы)..	99
<i>Витюк Е. Ю.</i> Современные представления об идеальном городском пространстве.....	104
<i>Панов С. В., Ивашкин С. Н.</i> Ж.-Ф. Лиотар: событие дома и технопредставление мегаполиса.....	108
<i>Шипилина Е. В.</i> Исторический контекст колористической архитектуры XIX – начала XX века.....	113
<i>Пойдина Т. В.</i> Проектно-художественный синтез в городской среде: современные тенденции.....	121
<i>Соколова Е. В.</i> Основные тенденции застройки и планировки малых городов Среднего Прииртышья в советский период.....	126
<i>Головнева Е. В.</i> Феномен сакрального места в современном городском пространстве.....	131
<i>Кискидосова Т. А.</i> Город Енисейск во второй половине XIX – начале XX века.....	135
<i>Акелькина Е. А.</i> История частного дома в Омске.....	140
<i>Дегтярев Д. С.</i> Частные градостроительные планы в городах Сибири начала XX века (на примере Барнаула).....	144
<i>Кузеванов В. С.</i> Представления архитекторов о советском Омске 1950-х годов.....	148

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ: ОБЛИК, СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Зайцев Н. С.</i> Офицерство как субъект городской культуры в XVIII – начале XX века.....	154
<i>Гейфнер О. В.</i> Благотворительная деятельность военных в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века.....	156

<i>Бурматов А. А.</i> Городское население Западной Сибири после окончания Гражданской войны.....	160
<i>Шишигин А. В.</i> Этническая идентичность жителей Перми в структуре территориальных идентичностей.....	165
<i>Ильина А. А.</i> Сохранение этнической культуры в условиях современного мегаполиса.....	169
<i>Вайман Д. И.</i> Этническая культура российских немцев в условиях города (на примере Пермского края).....	174
<i>Жигунова М. А.</i> Этнокультурная история городского населения Западной Сибири как туристический потенциал.....	178
<i>Крот И. И.</i> Стратегии адаптации немецких предпринимателей в сибирском переселенческом сообществе в конце XIX – начале XX века.....	183
<i>Мардоса Й.</i> Религиозные процессии и шествия в праздничной культуре Вильнюса: вопросы истории и современности...	190
<i>Самаркин С. В.</i> Праздничная культура первых лет советской власти в Кустанае.....	195
<i>Золотова Т. Н.</i> День города в праздничном пространстве омской культуры.....	200
<i>Москвина В. А.</i> Специфика бытования заговорно-заклинательной традиции в пространстве города.....	205
<i>Уваровская А. В.</i> Славянский оберег в контексте современной городской культуры.....	209

ВЛАСТЬ, БИЗНЕС И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА

<i>Севан О. Г.</i> Организация партнерства – важный фактор сохранения и развития городских и сельских территорий: европейский и российский опыт.....	214
<i>Конигов Б. А.</i> Партнерство бизнеса и культуры – одна из составляющих обновления российского общества (на примере деятельности радиозавода им. А. С. Попова)....	219
<i>Дегальцева Е. А.</i> Гражданское общество как эмоциональный ресурс в сибирском городе XIX века.....	223
<i>Чудаков О. В.</i> Политика местного самоуправления в Сибири в деле благоустройства городов в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 годы).....	228
<i>Запорожченко Г. М.</i> Городские потребительские кооперативы Сибири как субъекты культурно-просветительной, образовательной и благотворительной деятельности в начале XX веке.....	232

<i>Саврушева М. И.</i> Деятельность общества попечения о начальном образовании (1884–1908) как пример взаимодействия власти, предпринимательства и интеллигенции.....	238
<i>Тетерин В. И.</i> Демократизация Кунгурского городского самоуправления.....	242
<i>Хорзов Е. А.</i> Взаимодействие научного общества и органов власти в провинциальном городе в переломный период...	245
<i>Девятъярова И. Г.</i> Спонсор в издательском проекте: особенности реализации авторского замысла (на примере книги «Третья столица». Омск, 2012).....	250

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

<i>Смирнова Н. Г.</i> Историко-культурное наследие в современной среде индустриального города как фактор общекультурного развития молодежи: постановка проблемы.....	254
<i>Татауров С. Ф.</i> Археологические исследования в г. Таре в 2012–2013 годах итоги и перспективы.....	258
<i>Шелегина О. Н., Качан М. М.</i> «Ачинский краеведческий музей имени Д. С. Каргаполова»: социокультурная роль в жизни города.....	266
<i>Лебедева В. Г.</i> Легко ли быть хранителем памятников истории и культуры?.....	270
<i>Наумов С. С.</i> Деятельность Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в первые годы перестройки в сфере сохранения исторической памяти и его влияния на активизацию интеллектуальных сил региона.....	275
<i>Ерошевская Д. В.</i> Новые веяния в музейном строительстве в Тарском районе Омской области.....	280
<i>Назарцева Т. М.</i> О создании мемориального музея М. А. Ульянова в г. Таре.....	284
<i>Кольц И. А.</i> Сохранение и использование культурного наследия в годы Великой Отечественной войны (на примере музейной и выставочной деятельности Сибири).....	288
<i>Ершов М. Ф.</i> «Терракотная старуха»: между образом города и музейным экспонатом.....	292

<i>Мордкович Т. П.</i> Из истории создания первых памятников репрессированным в Омском регионе.....	297
<i>Гизиева К. Ю.</i> Намогильные сооружения на кладбищах в больших и малых городах: Омск и Тара.....	299
<i>Хилько Н. Ф.</i> Фотографические формы сохранения культурного наследия в городской среде Омска.....	304
<i>Шумов М. В.</i> Любительское кинодвижение Омска как визуальная характеристика городского пространства.....	308

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

<i>Левинтов А. Е.</i> Роль образования в решении проблем малых моногородов.....	313
<i>Скочин А. В.</i> Роль «культурной» составляющей городского пространства Тюмени в середине 1950-х – середине 1960-х годов.....	318
<i>Смоленский Е. А.</i> Телевидение как форма досуга россиян в контексте процессов глобализации традиционной культуры.....	323
<i>Солодникова Н. Н.</i> О роли музеев в формировании патриотизма молодежи в конце XX – начале XXI века (на примере Кемеровской области).....	328
<i>Кожаскулов Р. Р.</i> Духовно-нравственное воспитание музейными средствами (на примере Музея истории Православия на Алтае).....	333
<i>Максименко Я. О.</i> Деятельность театра как части культуры городского пространства.....	338
<i>Маркина Ю. А.</i> Интеллектуальная игра как форма культурно-образовательной деятельности Детского музейного центра Омского историко-краеведческого музея.....	342
<i>Секретова Л. В.</i> Социально-культурные аспекты развития индустрии досуга в ракурсе научно-практического семинара.....	347
<i>Василевская Т. А.</i> Социокультурные параметры современного студента.....	352

20 ЛЕТ СИБИРСКОМУ ФИЛИАЛУ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

Томилов Н. А., Алисов Д. А. Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ:

два десятилетия научной и научно-организационной деятельности.....	356
<i>Ахунова Э. Р., Межевикин И. В., Томилов Н. И.</i> Книги по истории и культурологии: издания омских научно-исследовательских учреждений.....	372
<i>Томилов Н. А., Гизиева К. Ю., Томилова В. С.</i> Культура городского пространства в журнале «Культурологические исследования в Сибири».....	383
<i>Хилько Н. Ф.</i> О работе библиотеки Сибирского филиала Российского института культурологии.....	389

Научное издание

**КУЛЬТУРА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ВЛАСТЬ, БИЗНЕС И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СОХРАНЕНИИ И ПРИУМНОЖЕНИИ
КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(Омск, 12–13 ноября 2013 года)*

Редактор *Л. В. Новоселова*
Технический редактор *А. И. Шестаков*

Подписано в печать 07.11.2013 Формат 60 × 84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 20,3.

Тираж 200 экз. Заказ К-50.

Издательство ООО «Издательский дом “Наука”».
Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом “Наука”»,
Омск, пр. Комарова, 15, офис 1, тел./факс: +7(3812) 700-502